

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт Лингвистических Исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS OF INSTITUTE FOR
LINGUISTIC STUDIES

Vol. II, part 2.

Edited by
N. N. Kazansky

Saint-Petersburg
«NAUKA»
2006

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ ИНСТИТУТА
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Том II, часть 2.

Ответственный редактор
Н. Н. Казанский

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2006

УДК 81
ББК 81.2
А 38

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований / Отв. ред. Н. Н. Казанский. — СПб.: Наука, 2006.

Том II, часть 2. — 2006. — 452 с. — ISBN 5-02-026444-х.

Вторая часть II тома Трудов ИЛИ РАН посвящена проблемам изучения языков группы манде, распространенных в Западной Африке. Статьи основаны на материалах ряда экспедиций, осуществленных в 2001–2006 гг., и представляют значительный интерес для сравнительно-исторического и типологического языкознания.

*Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН.*

Редакционная коллегия:

*Н. Н. Казанский (председатель), А. В. Бондарко,
С. Ю. Дмитренко (секретарь), А. Н. Жукова,
С. А. Кузнецов, Р. П. Рогожникова, Ф. П. Сороколетов,
А. П. Сытов, В. С. Храковский, С. Л. Чариков, А. М. Щербак.*

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда:
грант № 06-04-00471а
«Модели описания диахронических процессов и проблемы
индоевропейского сравнительного языкознания»
и гранта Президента Российской Федерации № НШ-4517.2006.6
«Школа индоевропейского сравнительно-исторического языкознания»
(рук. Л. Г. Герценберг, Н. Н. Казанский)
и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН
«Адаптация народов и культур к изменениям природной среды,
социальным и техногенным трансформациям».*

ISBN 5-02-026444-х

© Коллектив авторов, 2006.
© ИЛИ РАН, 2006.
© Оформление, «Наука».

MANDEICA
PETROPOLITANA

Предисловие

Семья манде, насчитывающая немногим более шестидесяти языков, может считаться, по африканским меркам, небольшой. Ведь в группе банту языков — более пятисот, а общее число языков Африки переваливает за две тысячи. Но если сравнивать с хорошо освоенными российской лингвистикой Европой и Северной Азией, то эта семья выглядит значительно более внушительно: и количественно — по числу языков семья манде существенно превосходит тюркскую, финно-угорскую или тунгусо-манчжурскую; и по глубине родства, которое может быть сопоставлено с индоевропейским. С этой точки зрения идея посвятить языкам манде целый том «Трудов ИЛИ» уже не выглядит такой экстравагантной, как это могло бы показаться на первый взгляд.

История изучения языков манде в Петербурге насчитывает более четырёх десятилетий. Инициатором и здесь оказался член-корреспондент РАН Дмитрий Алексеевич Ольдерогге, благодаря усилиям которого в начале 60-х годов XX века на Восточный факультет СПбГУ (тогда ЛГУ) были приглашены преподаватели языков манинка (Фамори Курума из Гвинеи) и бамана (Минабе Джара из Мали). Под его руководством работали Виктория Лабзина (Токарская) и Борис Лемешко. Но настоящим основателем лингвистической мандеистики стала Светлана Ивановна Томчина, которая за свою недолгую жизнь (1942–1984) успела наметить все основные направления исследований, развиваемые её учениками (и учениками её учеников) и по сей день.

С начала 90-х годов, и особенно — с началом нового тысячелетия в работе петербургских мандеистов произошло серьёзное изменение: стали возможны поездки в Африку. Прошли те времена, когда им приходилось довольствоваться вылавливанием информации по крупицам из чужих публикаций или бесконечными (и часто — бесплодными) поисками информантов по студенческим общежитиям — теперь и за самым малочисленным языком можно поехать туда, где на нём говорят все подряд, «даже дети малые».

Начиная с 2001 года петербургская лингвистическая экспедиция регулярно выезжает в Кот д'Ивуар. Состав экспедиции переменный, в ней участвуют сотрудники петербургских академических институтов — МАЭ, ИЛИ, а также студенты и аспиранты Санкт-Петербургского и Московского государственных университетов. Объектом изучения являются языки южной группы манде, большинство из которых до сих пор входило в число самых «заброшенных» в семье манде. Целью является создание интегральных описаний всех языков группы — такое описание должно состоять из грамматики (в широком понимании) и полноценного словаря, при этом словарь должен включать в себя не только чисто лингвистическую информацию, но и культурологический компонент. Сведения по отдельным языкам становятся материалом для праязыковой реконструкции.

Первый этап осмысления механизмов функционирования этих языков отражён в вышедшей в 2002 году под редакцией В. Ф. Выдрины и А. Ю. Желтова книге *Южные манде: Лингвистика в африканских ритмах. Материалы петербургской экспедиции в Кот д'Ивуар (К 50-летию Константина Позднякова)* (СПб: Европейский Дом). Настоящая публикация отражает новый этап анализа и тот уровень, на который вышли участники экспедиции после нескольких лет работы, а также содержит материалы по южным языкам манде, записанные во время последних экспедиций в Кот д'Ивуар.

Особняком стоит большая сравнительно-историческая статья В. Ф. Выдрины. Она написана в основном на материале западных языков манде, благодаря чему эта семья оказывается представленной в томе более сбалансированно.

В . Ф . В ы д р и н

К реконструкции фонологического типа и именной морфологии пра-манде¹

*Светлой памяти
Севира Борисовича Чернецова
посвящается*

1. Состав семьи манде и её внутренняя классификация	13
1.1. Состав семьи манде и источники сведений по конкретным языкам	13
1.1.1. Западная ветвь	13
1.1.1.1. Группа манден	13
1.1.1.2. Моколе	22
1.1.1.3. Вай-коно	24
1.1.1.4. Джого-джерри	25
1.1.1.5. Сусу-дьялонке	25
1.1.1.6. Юго-западные манде	26
1.1.1.7. Сонинке-бозо	29

¹Особенности применяемой орфографии:

В работе применяется стандартная система орфографии для африканских языков. Её главные отличия от международной фонетической транскрипции следующие:

- с обозначает глухую палатальную аффрикату, [ç];
- ʝ — парную ему звонкую аффрикату, [ʝ] ([ʝ̃]);
- у — палатальный сонант, [j].

При обозначении тонов в языках манден и в кпелле, отсутствие значка тона указывает на то, что тон данного слога идентичен тону предшествующего слога. Ср. в бамана: *súruku* = [sírúku] 'гиена', *jàkúma* = [jàkúma] 'кошка'; в кпелле: *lélé* = [lélé] 'расти', *l̄̄úú* = [l̄̄úú] 'земля, страна'.

1.1.1.8. Самого	30
1.1.1.9. Бобо	31
1.1.2. Восточная ветвь	32
1.1.2.1. Южная группа	32
1.1.2.2. Собственно восточная группа	34
1.2. Внутренняя классификация семьи манде	35
2. Фонологический тип пра-манде	37
2.1. Моносиллабизм vs. бисиллабизм	38
2.2. Вокалические системы	47
2.3. Сорезонантность (консонантная гармония)	59
3. Морфологический тип: праманде — язык с именными классами?	70
3.1. Начальная преназализация в языках манден	72
3.1.1. Бамана	72
3.1.2. Интерпретация материала бамана	74
3.1.2.1. Кагоро	74
3.1.2.2. Мандинка	76
3.1.2.3. Какабе	77
3.1.4. Реконструкция назального префикса	90
3.1.5.1. Назальный префикс и диминутивное значение ..	95
3.1.5.2. Чередование начального согласного в гуро, гбан, уан	96
3.2. Префигированный низкий тон и отсутствие артикля в языках манден	97
3.3. Сбои в чередовании начальных согласных в юго-западных манде (ЮЗМ)	99
3.3.1. Чередования начальных согласных в ЮЗМ	99
3.3.1.1. Инвентарь чередований	100
3.3.1.2. Контексты чередований	102
3.3.1.2.1. Либерийские диалекты кпелле	102
3.3.1.2.2. Гвинейские диалекты кпелле	105

3.3.1.2.3. Лоома, локо, банди.....	105
3.3.1.2.4. Конечный назальный элемент основы.....	108
3.3.1.2.5. Менде.....	113
3.3.2. Реконструкция системы начальных согласных пра- юго-западного манде.....	114
3.3.2.1. Реконструкции предшественников.....	114
3.3.2.2. Частные расхождения между различными рекон- струкциями.....	116
3.3.2.3. Системные расхождения между различными ре- конструкциями.....	126
3.3.2.3.1. Характер «тяжёлых» согласных в пра-ЮЗМ	126
3.3.2.3.2. Чередования начальных согласных в пра- ЮЗМ.....	133
3.3.2.4. Начальные согласные пра-ЮЗМ (результат об- суждения).....	134
3.3.3. «Сбои» в чередованиях.....	136
3.3.3.1. Названия старших родственников.....	137
3.3.3.2. Слова с неизменяемым начальным звонким....	139
3.4. Образование множественного числа в юго-западных манде.....	156
3.4.1. Кпелле.....	156
3.4.2. Лоома.....	159
3.4.3. Банди.....	162
3.4.4. Менде.....	165
3.4.5. Локо.....	166
3.4.6. Реконструкция плюральных показателей пра-ЮЗМ	168
3.5. Сингулярные и плюральные морфемы в сонинке.....	171
3.5.1. Сингулярные морфемы.....	172
3.5.2. Нулевая сингулярная морфема.....	179
3.5.3. Именные основы с исходом на носовой.....	183
3.5.4. Показатели множественного числа.....	195
3.5.4.1. Восточные диалекты.....	195

3.5.4.2. Сингулярная и плюральная морфемы: субституция или наложение?	199
3.5.4.3. Западные диалекты.....	199
3.5.5. Итоги рассмотрения морфологии числа в сонинке .	202
3.6. Сингулярная именная морфема в центральных манде .	204
3.6.1. Коно, ваи, коранко, леле, могофин, сусу	204
3.6.2. Коранко.....	205
3.6.3. Сусу	206
3.6.4. Интерпретация нерегулярностей в присоединении морфемы.....	208
3.6.5. Гипотеза Ганса Мукаровского	208
3.6.6. Этимология сингулярного показателя в западных манде	209
3.7. Показатели множественного числа в языках манден... ..	210
3.7.1. Определённое и неопределённое множественное в марка Заба.....	210
3.7.2. Показатель <i>-u</i>	211
3.7.3. Показатель <i>-lu</i>	212
3.7.4. Показатель <i>-i ~ -yi</i>	213
3.7.5. Показатель <i>-lɔgɔ</i>	213
3.7.6. Дьула Одьенне: показатель <i>-lúgú</i>	214
3.8. Образование множественного числа в бобо	215
3.9. Показатель локатива в лоома	217
3.10. Есть ли в современных языках манде именные классы?	219
3.11. Интерпретация реконструируемых именных морфем в пра-западном манде	222
Заключение	231
Цитируемая литература.....	232

1. Состав семьи манде и её внутренняя классификация

1.1. Состав семьи манде и источники сведений по конкретным языкам

Семья манде, одна из ветвей нигеро-конголезской макросемьи, насчитывает более шестидесяти языков.² Основной массив этих языков тяготеет к западному сегменту Западного Судана и прилегающей зоне экваториальных лесов (Мали — Гвинея — Кот-д’Ивуар — Сьерра-Леоне — Либерия — Буркина Фасо — Гамбия — Сенегал), занимая континентальную часть региона и кое-где выходя к побережью Атлантического Океана. Лишь некоторые, сравнительно малочисленные, языки (биса, кьенга, шанга, буса, боко, бокобару — Буркина Фасо, Гана, Западная Нигерия и соседние районы Бенина и Нигера) оказываются отделены от остальных большими расстояниями, образуя восточные анклавы.

Генетическая классификация семьи манде представлена на схеме.³ Далее будет предложен краткий обзор групп и языков семьи, с краткими сведениями об имеющихся данных по ним.

1.1.1. Западная ветвь

1.1.1.1. Группа манден

С генетической точки зрения, манден представляет собой небольшую подгруппу в рамках западной группы языковой семьи манде. Это — языковой / диалектный континуум, языковая дистанция между крайними точками которого превосходит, хотя и не очень значительно, предел взаимопонимания, каковым считается (с различными оговорками) 90 общих слов

²Указать более точную цифру трудно из-за отсутствия чёткой грани между языками и диалектами. Подготовленные мною подробные карты языков манде см. на сайте: www.sil.org/silesr (Contents → 2000 → 2000-003).

³Об истории классификации манде см., в частности, [Kastenholz 1996, 22-31]. Представленная на схеме классификация носит предварительный характер; она видоизменена по сравнению с предшествующими (классификации Кастенхольца, Грегуар-де Айо, Позднякова), особенно в части внутренней классификации южных манде и позиции языков самого.

100-словного списка Мориса Сводеша.⁴ Но с точки зрения социолингвистической (численность говорящих, роль в истории Западного Судана), манден можно считать центром всей языковой семьи. Поэтому в дальнейшем изложении эта подгруппа будет принята за некую «точку отсчёта».

Какие-то отчётливые границы внутри этого континуума отсутствуют, так что традиционно выделяемые языки (или диалекты), «бамбара, малинке, дьюла и т.д.» представляют собой на самом деле субконтинуумы, плавно перетекающие друг в друга. В переходных зонах между этими субконтинуумами названия языков и этнических групп часто неустойчивы, а иногда и взаимозаменяемы. Рассмотрим, не вникая во все детали, пять субконтинуумов манден.

1.1.1.1.1. Бамана

Бамана (также бамбара; об этимологии этих этнонимов см. словарную статью *bámànáń* в [Выдрин, Томчина 1999]). Справочник «Ethnologue-14» [Grimes 2000] оценивает число тех, для кого бамана является первым языком, в 2,8 миллиона, в основном в Мали. Число говорящих на нём как на втором языке мо-

⁴В диссертациях К. Бимсона [1978] и Р. Лонга [1971], на которые чаще всего ссылаются при обсуждении лексикостатистики языков манде, даётся цифра в 80 слов для манден («мандекан»). Следует, однако, иметь в виду, что все их цифры по лексикостатистике сильно занижены. Так, для пары языков «бамана-ваи» Лонг даёт 57 общих слов из 100-словного списка, Бимсон — 75 слов (мои предварительные результаты — 78–79 слов); для пары «бамана-манинка» Лонг обнаружил 94 совпадения (у Бимсона эта пара не рассматривается; мои подсчёты для пары «манинка-мори — бамана Бамако» дали 98 совпадений), и т.д. Такая недооценка близости между языками манде имеет своей причиной, с одной стороны, ненадёжность данных, используемых этими авторами, с другой — известные недостатки самого лексикостатистического метода Мориса Сводеша, из которых один из наиболее существенных — неопределённость в подходе к синонимам. Что же касается более совершенных лексикостатистических методов (в первую очередь, речь идёт о методике Сергея Старостина), то их применение к материалам языков манде станет возможно после завершения работы над этимологическим словарём семьи манде.

жет быть приблизительно оценено в 4 миллиона человек.⁵ Этот язык описан лучше всего: число посвящённых ему работ идёт на сотни, имеется много словарей, из которых наиболее значительные — [Bailleul 2000] и [Dumestre 1981–92]. Вышел первый том большого Словаря манден, в котором бамана представлен наряду с манинка [Выдрин, Томчина 1999; Vydrine 1999a]. Имеются хорошие описания не только нормативного варианта («стандартного бамана») — обзоры диалектов представлены работами [Galtier 1980; Bird 1992; MAPE 1983], по целому ряду диалектов есть монографические описания [Конате 1989; Diarra 1992, и др.].

1.1.1.1.2. Манинка Мали (р-н Манден, Сиби и др.) и Гвинеи-Конакри

В реальности диалект манинка р-на Манден во многих отношениях ближе к «стандартному бамана», чем к гвинейскому «манинка-мори» (маненка): Бамако находится на границе между зонами бамана и манинка, и его диалект, ставший основой для «стандартного бамана», подвергся сильному влиянию соседних диалектов манинка. Языковая и этнокультурная близость является причиной того, что многие малийские манинка склонны идентифицировать себя с бамана и ориентироваться на баманскую языковую норму. В Гвинее же в качестве «стандартного манинка» утверждается диалект района Бате с центром в г. Канкан, «манинка-мори». Его наиболее заметные отличия от бамана таковы: утрата велярных (*-g- или *-k-) в позиции между (любыми) гласными; наличие фонемы *gb*; интервокальный *-d-* (свободно варьирующий с *-r-*), которому соответствует *-t-* в мандинка и *-r-* в бамана; очень значительны расхожде-

⁵Бамана является доминирующим языком в Мали; на нём говорит до 80% населения страны. К сожалению, публикуемые в официальных изданиях данные переписей населения ненадёжны: есть основания считать, что, по крайней мере, в некоторых районах страны они систематически на 25–50% ниже реальных цифр. Поэтому, если перепись населения страны 1998 года дала цифру 9 790 492 человек (оценка ООН того же года: 10 694 000 человек), то реальная численность может достигать 12 миллионов и выше (см. на эту тему: [Vydrine 1994b]). Соответствующим образом следует оценивать и число говорящих на бамана.

ния в системе видовременных глагольных показателей. Суммарную численность говорящих на манинка «Ethnologue-14» оценивает в 3,15 миллиона, из них 2 миллиона живут в Гвинее, остальные — в Мали и Сенегале. Манинка широко распространён в Гвинее и как второй язык, однако численную оценку этого феномена дать трудно. Присутствие манинка очень заметно в Сьерра-Леоне и Либерии, но здесь отделить носителей гвинейских диалектов от местного идиома манден, манья, затруднительно.

Из-за изоляционистской политики гвинейского руководства в 1958–1984 годах манинка оказался несколько в стороне от магистральной линии европейской и американской мандеистики, последствия чего сказываются до сих пор: работы по манинка, выполненные самими гвинейцами, весьма многочисленны, однако в большинстве из них ощущается отрыв от достижений лингвистики последних десятилетий. Надо отметить, в то же время, что все эти годы манинка преподаётся на кафедре африканистики ЛГУ/СПбГУ, ведётся работа над упомянутым выше Словарём манден [Выдрин, Томчина 1999], вышла монография [Томчина 1978]. Из работ западных авторов наиболее важной является монография [Gregoire 1986], а также миссионерский словарь [Ellenberger et al., ms.] — достаточно полный, но без указания тонов. Особого упоминания заслуживают работы Сулеймана Канте, создателя оригинальной письменности Нко и литературного языка манинка, среди многочисленных трудов которого имеется и большой одноязычный словарь манинка [Kantè 1962/1992], важнейший источник по лексикографии этого языка (см. об этом словаре [Vydrine 1996]).

1.1.1.1.3. Северо-западный субконтинуум включает в себя мандинка в Гамбии, Сенегале и Гвинее-Бисау (также мандинко, мандинго. NB: термин «мандинго» используется в несколько отличном значении в Сьерра-Леоне и Либерии!), кагоро и хасонка в Мали, манинка Восточного Сенегала и Мали к северо-западу от города Кита, дьяханка на С.-З. Гвинее, на Ю.-В. Сенегала и на С.-З. Мали. Самой заметной особенностью этой ветви является наличие пяти гласных фонем (отсутствует противопоставление открытых и закрытых *e* и *o*), в то время как в

большинстве остальных языков и диалектов манден их семь. Именно сходство фонетических систем является главным критерием объединения этих языков в особую группу, лексически же хасонка или кагоро ближе к бамана, чем к мандинка. Число говорящих на мандинка, по данным «Ethnologue-14», 1 148 тысяч человек, из них 402 тыс. живут в Гамбии, 539 тыс. — в Сенегале, 137 тыс. — в Гвинее-Бисау. Численность хасонкафонов этот же справочник определяет в 127 тыс. (ср. мою оценку: между 150 и 200 тыс. для Первой Провинции Мали и Бамако [Vydrine 1994b]). Кагоро насчитывается всего порядка 30 тыс., из них едва ли половина сохраняет свой язык [Vydrine 2001]. Численность говорящих на «5-гласных» диалектах манинка установить трудно, поскольку при статистических оценках их всегда учитывают вместе с теми, которые говорят на «7-гласных» диалектах.

Мандинка был первым языком манде, с которым столкнулись европейцы, поэтому число посвящённых ему работ очень велико. Однако большинство из них — старые миссионерские грамматики и словари, научный уровень которых невысок. Лучший словарь из этой категории — [W.E.C. 1995], весьма полный, главным недостатком которого является отсутствие тоновой нотации.⁶ Единственный словарь, в котором тоны указаны — [Creissels et al. 1982]; следует отметить и многочисленные другие работы Дени Кресельса и его учеников по этому языку, выполненные на высоком научном уровне. Мандинка — единственный из языков манден, на котором развилась сильная арабграфичная традиция (см. [Выдрин 1991; Добронравин 1999, 103–106; Vydrine 1998]). Из остальных языков субконтинента лучше всего описан хасонка, которому посвящено много работ. Среди последних, дающих надёжную фонематическую фиксацию материала — [Koité-Herschel 1981; Tveit 1997; Tveit, Dansoko 1993]. Фундаментально описан и манинка района Кита, с которым много работал Дени Кресельс и его ученики (см., в част-

⁶Надо признать, что объективной трудностью при обозначении тонов в словаре мандинка является большие диалектные различия в реализации тонов. См. об этом [Creissels 1982b].

ности, [Keïta 1983; Keïta 1985; Creissels, Grégoire 1993]). Кагоро посвящена моя недавняя монография [Vydrine 2001].

1.1.1.1.4. За термином «дьюла» (диула) скрывается несколько разных явлений.

1.1.1.1.4.1. Во-первых, это «межэтнический дьюла» (*tagbusikan*) Кот-д'Ивуара и Буркины Фасо, мало отличающийся от стандартного бамана и абсолютно взаимопонимаемый с последним. Фактически «межэтнический дьюла» можно рассматривать как региональный вариант бамана.

1.1.1.1.4.2. Существует около 25 местных идиомов манден в Кот-д'Ивуаре (дьюла Конга, мау, нигби, вородугу, койага, коро...), представляющих собой диалектный континуум и также обозначаемых в этой стране как «дьюла». Им посвящено фундаментальное диалектологическое исследование [M.-J. Derive 1990], а некоторые из них снабжены более или менее подробными словарями и грамматиками: дьюла р-на Одьенне [Bracconnier 1983a; Bracconnier 1989], дьюла р-на Конг [Sangaré 1984], мау [Creissels 1982a], койага [Creissels 1988b]. Этот континуум выходит за государственные границы и продолжается в Гвинею (конья⁷) и Либерии (манья).

Число говорящих на том или ином варианте дьюла как на родном языке оценивается «Ethnologue-14» в один миллион в Буркина Фасо и примерно в полтора миллиона в Кот-д'Ивуаре. В качестве второго языка дьюла владеют 3–4 миллиона человек только в Буркине. Для Кот-д'Ивуара аналогичная цифра не

⁷ До недавнего времени, по причине слабой лингвистической обследованности Гвинеи, в научных и справочных работах конья обычно попросту включался в состав манинка. В то же время сами коньянка считают свой идиом идентичным дьюла р-на Одьенне (Кот-д'Ивуар). Впрочем, мои окказиональные наблюдения свидетельствуют о том, что такие оценки игнорируют некоторые реально существующие расхождения между конья и дьюла Одьенне и базируются, по-видимому, на характерном для обоих этих идиомов феномене «инвертированных тонов», противопоставляющем их манинка-мори, бамана и межэтническому дьюла. Какие-либо описания конья отсутствуют. Примечателен в то же время тот факт, что с конца 2000 — начала 2001 гг. на этом идиоме в Гвинею ведутся регулярные телепередачи, что отражает некоторое усиление партикуляристских устремлений коньянка по отношению к манинка, происходящее на фоне высокой степени этнизации политической жизни страны в целом.

приводится, но, по-видимому, цифра в 5 миллионов будет скорее заниженной, чем завышенной: по различным оценкам, примерно половина населения этой страны (17,3 млн. человек на 2005 г.) владеет дьюла в большей или меньшей степени. Таким образом, число говорящих на дьюла в этих двух странах достигает как минимум 10 миллионов, из которых для 2,5 миллионов язык дьюла (в одном из своих вариантов) является родным.

1.1.1.1.4.3. В этих же двух странах носителя любого языка манден называют «дьюла»; это слово здесь является как бы местным синонимом термина «манден».

1.1.1.1.5. Марка-дафин — группа идиомов в районе буркинийско-малийского пограничья. В числе этих идиомов — бон / болон, марка, дафин, меека, а также манинка (NB: не путать с манинка Гвинеи или р-на Манден!). Совокупная численность говорящих оценивается в 200 тыс. для Буркины Фасо и 25 тыс. для Мали. В настоящее время можно считать марка-дафин довольно хорошо описанными. Правда, это касается не всех говоров, довольно существенно различающихся между собой; при этом даже те варианты, которые авторы описаний обозначают одним и тем же термином, в реальности могут проявлять существенные различия — например, марка Заба, описанный в [Prost 1977] и в [Diallo, M. 1988]. Помимо этих двух работ, можно упомянуть также диссертацию и словарь Карима Траоре [Traore 1978; Traore 1983].

Всего же на языках манден говорит более 20 миллионов человек, для половины из них эти языки являются родными.

1.1.1.1.6. Имея дело с языками манден, следует обращать особое внимание на корректное использование их названий: пренебрежение этим нередко приводит к путанице. Причём путаница имеет две основные причины.

Во-первых, в этой группе особенно много совпадающих или созвучных этнонимов и лингвонимов, относящихся к разным реальностям. Некоторые из таких совпадений уже упомянуты: разные значения слов «дьюла», «манинка» (включая манинка, входящий в группу марка-дафин) и «бамана/бамбара». Следует упомянуть и другие случаи.

Термин «мандинго» используется в Либерии и Сьерра-Леоне точно так же, как «дьюла» в Кот-д'Ивуаре и Буркине, т.е. он может быть применён по отношению к любому языку манден и его носителю. Его легко спутать с «мандинка» (с определённым артиклем — «мандинко», в диалектах «мандинго»), названием крупнейшего языка северо-западной ветви манден, распространённым в Гамбии, Сенегале и Гвинее-Бисау.⁸

Словом «марка» народы манден называют язык и народ сонинке; в зоне к востоку от Сегу им же обозначают бозо. Если прибавить сюда марка, входящих в группу марка-дафин, мы получаем три омонимичных этнонима.

Во - в т о р ы х , путаницу нередко создают исследователи. В этой связи есть смысл кратко остановиться на истории самих терминов «манден» и «манде» и их нынешнем употреблении.

В настоящее время в научной практике сложились две традиции использования этих терминов, европейская и американская.

В «европейской» традиции термин «манден» (во французском написании *manding*, *mandingue*) используется для рассмотренного выше диалектного континуума (бамана-манинка-мандинка-дьюла-дафин), а «манде» — для всей семьи (т.е. «манде» = «манден» + остальные группы: юго-западная, сонинке-бозо, сусу-дьялонке, восточные манде...). Такое употребление отражает историю этих терминов. В изначальном значении слово «Манден» — название района, который является центром культурной ориентации для всех этнических групп, говорящих на взаимопонимаемых (или почти взаимопонимаемых) языках и ведущих своё происхождение от Древнего Мали. «Манде» — это искусственный термин, созданный европейскими учёными; возник он, по-видимому, в результате того, что Сигизмунд Кёлле в своей *Polyglotta Africana* в 1854 году неправильно вычленил суффикс имени обитателя из слова *Mandenka* (-*nka* вместо правильного -*ka*). Этот искусственный термин был

⁸По всей вероятности, термин «мандинго» был занесён в Сьерра-Леоне и Либерию англичанами из Гамбии (или ещё раньше — португальцами из Сенегамбии), так что в обоих своих употреблениях он восходит к одному источнику.

повторён в 1867 году в известной работе Штейнталя, а в нынешнем «европейском» значении закреплён в работах Мориса Деляфоса.⁹ Надо сказать, что в некоторых диалектах бамана и дьюла конечный носовой основы действительно может быть утрачен (но только не в составе сложных слов!). Фактически такая терминология отражает «моноцентрическое» (с социолингвистической точки зрения) видение всей языковой семьи: группа манден рассматривается как «центральная» в семье, а все остальные языки — как «периферийные», «зависимые», «не вполне манден, но уже манде». При всей уязвимости этого подхода, такое использование терминов позволяет, по крайней мере, достаточно чётко различать две общности, если только не забывать о «н» на конце слова.

В «американской» традиции «ядерную группу» языковой семьи манде (бамана-манинка-мандинка-дьюла-дафин) принято называть «мандекан». Этот термин, введённый Чарлзом Бёрдом, неудачен в силу своей неестественности: в любом языке этой группы носовой не должен исчезать в середине сложного слова, так что перед *-kan* основа должна сохраняться в форме *Màndén*. «Мандекан» сочетает реально существующую морфему *-kan* «язык» с полуискусственным словом «манде».

Эти терминологические тонкости не заслуживали бы особого внимания (мало ли в Африке искусственных этнонимов и лингвонимов?), если бы опущение конечного носового основы не вело к невероятной неразберихе. Теперь в американских работах, особенно нелингвистических, *-kan* нередко опускается (поскольку авторы знают, что это слово означает «язык»), так что группа манинка-бамана-дьюла-мандинка-дафин часто обозначается словом «манде». Когда же авторам нужно как-то обозначить другие языки семьи (или народы, говорящие на этих языках), им приходится искать что-то другое. И часто они находят именно «манден». В результате стихийно складывается словоупотребление, иногда прямо противоположное давно установившейся в Европе практике. Бывают случаи, что терминами «манде» или «мандекан» обозначают языки, а «манден» —

⁹Я благодарю Джозефа Лауэра, библиотекаря Университета штата Мичиган (Michigan State University), за справку по истории этого термина.

их носителей, так что может создаться иллюзия, будто бы конечный *-n* — нечто вроде показателя именного класса, подобно *ba-* или *wa-* в языках банту.¹⁰

В данной работе терминология приводится в соответствии с «европейской» традицией.

1.1.1.2. Моколе

Ближе всего к манден стоит группа *моколе*, включающая в себя языки могофин (микифоре), какабе (фуладжон, джонкуле),¹¹ коранко (куранко) и леле (из начальных слогов названий трёх из этих языков и составлено название группы). Коранко (305 000 говорящих, по данным «Этнолога-14») и леле (13 000 говорящих [Childs 2000, X]¹²) распространены на границе Лесной Гвинеи и Сьерра-Леоне. На какабе говорят в полутора десятках деревень в центре Фута-Джаллона, в основном к востоку и к северу от Тимбо, а также южнее — в крупной деревне Вуре-Каба на дороге Маму-Фарана. На могофин говорит небольшая (около 10 000 человек) этническая группа в районе к Ю.-З. от Боке, на крайнем С.-З. Гвинеи. По историческим преданиям, предки могофин пришли в этот район в XIX в. с юга Фута-Джаллона [N'Daou, 1999], в пользу чего неоспоримо свидетельствуют и лингвистические данные: могофин и какабе, несмотря на большую географическую дистанцию, взаимопонимаемы и являются фактически диалектами одного языка (не имеющего общего названия). Различия между ними во многом объясняются различными источниками заимствования: преимущественно из сусу — в могофин, преимущественно из пулар — в какабе.

¹⁰Надо сказать, что смешение терминов характерно не только для американских работ; ср. причисление сонинке к «мандингам» (= манден) В. Р. Арсеньевым в книге «Бамбара: люди в переходной экономике» (СПб., 1997. С. 42).

¹¹Эти названия означают «рабы» («язык рабов») соответственно на пулар, манинка и на какабе и отражают историческую реальность: действительно, предки нынешних какабе были подчинены фульбе в XVII веке и находились на полурабском положении.

¹²Я слышал от леле, живущих в Конакри, и другую цифру: 70 000 говорящих. Впрочем, я склонен подозревать их в преувеличении.

Впрочем, если верить данным лексикостатистики, могофин-какабе, коранко и леле лишь немногим ближе друг к другу, чем каждый из них — к языкам манден, ср. таблицу 1 (подсчёт вёлся по 100-словному списку Сводеша, причём список коранко содержал лишь 97 слов; для каждой пары языков указаны две цифры — «строгая» и «расширительная», в последнюю включены и не вполне надёжные сближения).

Таб. 1.

	Манинка-мори	Коранко	Леле	Могофин
Манинка-мори	X			
Коранко	81–83 (из 97)	X		
Леле	77–80	82–87 (из 97)	X	
Могофин	76–80	81–86 (из 97)	80–85	X

Таким образом, можно предполагать достаточно раннее их разделение, последовавшее почти сразу после разделения языков моколе и манден. При этом следует учитывать тот факт, что восточные варианты коранко (в Гвинее) подверглись сильному влиянию манинка. Что же касается леле, то следует отметить их этнокультурную близость к киси (народу, говорящему на языке атлантической группы), что сочетается также с широко распространённым билингвизмом. Этим и объясняется то, что леле нередко считают подгруппой киси (такие мнения я слышал, в частности, во Фритауне, а также от гвинейских киси).

Только коранко описан сравнительно хорошо: имеется грамматика и небольшой словарь [Kastenholz 1987a; Kastenholz 1987b]. По леле и какабе я располагаю только собственными полевыми материалами. По могофин имеются две небольшие миссионерские грамматики, не учитывающие тонов [Janse 1998, Janse 1999], а также мои полевые материалы.

1.1.1.3. Ваи-коно

Группа в а и - к о н о занимает следующую позицию на шкале дистанционности от манден. Эти два языка, несмотря на их позднее разделение,¹³ невзаимопонимаемы из-за сравнительно недавних процессов фонологических изменений, произошедших в каждом из них в разных направлениях. Язык ваи распространён на побережье, по обе стороны границы между Либерией и Сьерра-Леоне, на нём говорит 105 000 человек («Этнолог-14», оценка 1991 г.). Ваи широко известен благодаря оригинальному слоговому письму, созданному в 1820 годах, сведения о котором вошли во все справочные пособия по языкознанию и истории письма. Этот язык неплохо документирован: уже в 1854 году вышла грамматика и словарь Кёлле, на очень высоком по тем временам научном уровне [Koelle 1954]. Уже в последние десятилетия появились тонированные словарь и грамматика [Welmers, Kandakai 1974; Welmers 1976] — небольшие, но выполненные на современном уровне.¹⁴ В 1920–1930 годы над этим языком работал видный африканист Клингенхен, от которого, по сообщению Р. Кастенхольца, осталась картотека в 10 000 словарных статей (с которой мне, к сожалению, не удалось ознакомиться). Языку и письму ваи посвящено значительное число статей разных авторов. До начала гражданской войны в Либерии ваи, наряду с кпелле, преподавался в Университете Монровии.

Коно, на котором говорит в два раза больше человек (более 200 000), распространён на востоке Сьерра-Леоне, в районах, удалённых от побережья. Поэтому исследователи уделяют ему значительно меньше внимания, чем ваи. Имеется лишь несколько небольших словников (самый значительный из них — [Lessau, Kastenholtz 1989]); из доступных мне источников по грамматике

¹³По утверждению Дэвида Дэлби, на территории, разделяющей ныне зоны распространения этих двух языков, ещё в начале XX века можно было встретить носителей ныне вымершего языка *дама*, который, судя по немногим известным этому автору словам, был ближайшим родственником ваи и коно [Dalby 1963].

¹⁴В течение трёх последних лет работу по созданию словаря ваи, на основании имеющихся материалов, ведёт Ольга Васильевна Кузнецова.

можно упомянуть только небольшой учебник Кайзера [Kaiser 1988].

1.1.1.4. Джого-джерри

Ещё один «сателлит манде» — группа д ж о г о - д ж е р р и. Она включает в себя два диалектных пучка: джерри-джерри (около 2 000 говорящих) — на С.-В. Кот-д’Ивуара, и джого (всего, по данным «Этнолога-14», около 4 000 говорящих; отдельные говоры известны под различными названиями: нуму, лигби, хвеля и др.) — на западе Ганы и в соседних районах Кот-д’Ивуара. Эти языки относятся к числу дисперсных, их носители обычно образуют особые кварталы в деревнях и городах. Имеется грамматическое описание языка дьери-джерри [Tröbs 1998], а также сравнительный словарь по диалектам дьери [Kastenholz 1992]. По джого имеется краткая грамматика [Persson, Persson 1980] и небольшой неопубликованный словарь [Braconnier ms.]. Можно упомянуть также содержательную статью [Kastenholz 1996b].

Кроме того, к этой же группе относится и язык дьялкуна, на котором говорят только в деревне Бледугу на крайнем Ю.-З. Буркина Фасо (также *бле* — по названию деревни). Он известен, главным образом, по статье [Prost 1968].

1.1.1.5. Сусу-дьялонке

Ещё дальше отстоят от манден языки с у с у (сосо) и дьялонке (ялунка). Разделение этих языков датируется, по видимому, совсем недавним временем — XVIII веком, когда, в результате долгих религиозных войн, фульбе вытеснили с Фута-Джаллона предков их носителей. Те, которые ушли на юго-запад, к побережью Гвинейского залива, стали сусу (по данным «Этнолога-14», 923 500 говорящих, в том числе 800 000 в Гвинее, 120 000 в Сьерра-Леоне, остальные в Гвинее-Бисау); отступившие на север, северо-восток и юго-восток называются дьялонке-ялунка (183 000, главным образом в Гвинее; небольшие группы — в Сенегале, Мали, Сьерра-Леоне). Поэтому сусу и дьялонке нередко считают диалектами одного языка. Впрочем, по устным свидетельствам Фредерике Люпке и Грегора Пруэта, эти

языки невзаимопонимаемы, а в исследованных Ф. Люпке дисперсных диалектах дьялонке на севере Фута-Джаллона произошло исчезновение тонов — исключительное для всей семьи манде явление, причиной которого, по-видимому, является влияние фульбского окружения (как известно, в языке пулар тоны отсутствуют).

Сусу, как и все прибрежные языки, привлек внимание исследователей рано: первая грамматика датируется 1801 годом. В 1963 году вышла подробная научная грамматика Мориса Уиса [Houis 1963], многие положения которой скорректированы и уточнены в работе Абубакара Туре, ученика Дени Кресельса [Touré 1989, 1994]. К сожалению, среди опубликованных словарей сусу ни в одном не отмечены тоны, да и сами эти словари относятся к числу кратких.¹⁵ Что касается, дьялонке, то тут нужно отметить неопубликованный словник Д. Креселя [Creissels 1988a] и несколько его статей по малийскому диалекту этого языка. По северным гвинейским диалектам дьялонке недавно была защищена обстоятельная диссертация Фредерике Люпке [Lürke 2005]; по южным диалектам (ялунка) работает Грегор Пруэт.

1.1.1.6. Юго-западные манде (ЮЗМ)

Юго-западные манде (ЮЗМ) являют собой компактную группу языков, известных своими чередованиями начальных согласных (о чём пойдёт речь в разделе 3). Впрочем, генетическая близость между ними недостаточна для того, чтобы обеспечить взаимопонимание.

На к п е л л е говорят в Либерии (487 300 человек в 1991 году, по данным «Этнолога-14» — самый значительный язык страны) и в Лесной Гвинее (308 000 человек по оценке 1991 г.). Обычно выделяют гвинейский и либерийский диалекты, однако это верно лишь отчасти: так, в Гвинее выделяются три крупных

¹⁵В настоящее время над тонированными словарями сусу, независимо друг от друга, работают Абубакар Туре и Брайан Вилитс, причём оба словаря находятся на достаточно продвинутой стадии. Небольшой тонированный словарь включён Абубакаром Туре в учебник этого языка [Touré 2004].

диалекта, *гбали-воо*, *хеге-воо* и *коно* (NB: не путать с коно из группы коно-ваи!), причём приграничные либерийский диалекты близки к *хеге-воо*. Расхождения между диалектами достаточно велики, при этом резкой границы между ними нет: языковая зона кпелле представляет собой языковой континуум с плавными переходами. Литература по кпелле весьма обильна. Среди публикаций по гвинейским диалектам следует упомянуть словарь и грамматику Кастелена, грамматику Ласора, и особенно — менее известный в научных кругах, но значительно более подробный и точный, чем у Кастелена, словарь Лежера [Casthelain 1952; Lassort 1952; Leger 1975]; к сожалению, все эти работы не фиксируют тоны. Над либерийскими диалектами много работал Уильям Уельмерс [Welmers 1950; Welmers 1961; Welmers 1962; Welmers 1969], есть два небольших тонированных словаря [Leidenfrost, McKay 1973; Winkler 1997]. Из старых работ следует отметить книги Дидриха Вестермана [Westermann 1921; Westermann 1924; Westermann, Melzian 1930/1974], которые сохраняют своё значение как важный источник по лексике, несмотря на то, что тоновая нотация в них нефонематична.

Л о о м а (тома — название, преобладающее в Гвинее, бузи — пренебрежительное название в Либерии) распространён в зоне, непосредственно прилегающей к области кпелле с запада и северо-запада. На нём говорят около 290 000 человек (оценка 1991 г.), примерно поровну в Либерии и Гвинее. Различия между диалектами довольно значительны, особенно сильно отличаются от остальных крайне-северные диалекты нинибу и колюма (р-н Бофосо). Даже в пределах одного «клана» расхождения могут быть весьма существенны — так, либерийский диалект гизима, представленный в работе [Sadler 1951; Salder 1949/2006], отличается от гвинейского гизима, с носителями которого работал я [Выдрин 1987]. Публикации по этому языку многочисленны; из основных работ, помимо уже указанных, стоит упомянуть описание северного диалекта колюма [Prost 1967] и учебник [Dwyer 1981], а также работу [Heydorn 1971]. Интересный языковой материал содержится в этнологической диссертации [Leopold 1991]. Нельзя не упомянуть и работ, выполненных гвинейскими авторами [Guilavogui 1975; Koly 1970].

К сожалению, лексикографическое описание этого языка оставляет желать лучшего: кроме весьма несовершенного словарика в моей книге 1987 года, имеются только списки слов (менее 1000 в каждом) в некоторых из упомянутых работ. Ни в одном из них (даже в учебнике Двайра) не указаны базовые тоны слов (определение тонов затруднено тем обстоятельством, что в изолированном употреблении почти каждое существительное лоома имеет высокий тон, сообщаемый ему референтным артиклем, и выявление лексического тона возможно только путём помещения слова в особый диагностический контекст [Dwyer 1973, 136–171; Vydrine 1989a]).

М е н д е — самый крупный из языков группы по числу носителей. «Этнолог-14» даёт цифру в 1 480 000 человек (по оценке 1987 года), из которых 20 000 живут в Либерии, остальные — в Сьерра-Леоне, где менде является самым значительным языком (если не считать крио) и однозначно доминирует в юго-восточной половине страны. Кроме того, 600 000 человек пользуется им для межнационального общения, так что общее число говорящих превышает 2 миллиона. Будучи языком прибрежной зоны, менде не был обойдён вниманием исследователей. Существует несколько грамматик, из которых наиболее авторитетная — [Innes 1971]. Имеется и достаточно полный словарь менде [Innes 1969], с указанием тонов.¹⁶ Надо отметить, что почти все доступные материалы относятся к наиболее крупному диалекту — *ко*, тогда как остальные диалекты (*кпа*, *сеуа*, *воинджама*) остаются фактически неописанными. В то же время, мои фрагментарные полевые материалы свидетельствуют о том, что их данные могут представлять немалый интерес для компаративистики.

На б а н д и, по данным «Этнолога-14», в 1991 году говорило 70 800 человек на крайнем севере Либерии; в результате гражданской войны большинство из них бежало в начале

¹⁶К сожалению, в этом словаре (как и почти во всех других известных мне словарях ЮЗМ) не помечается систематически отсутствие или наличие альтернантов с начальным слабым согласным. Кроме того, как отмечали другие авторы (в частности, [Dwyer 1971; Dwyer 1978]), в этом словаре не проводится различие между двумя реально существующими в языке тоновыми классами (всего таких классов 6).

1990 годов в Гвинею; после окончания войны они постепенно возвращаются на родину, но многие, возможно, в Гвинею и останутся. Диалектные различия сравнительно невелики. Этот язык неплохо описан благодаря активной деятельности учёных и миссионеров из Института либерийских языков (Монровия) — можно упомянуть описания грамматики [Bandi Grammar, ms.], фонологии [Ковас 1978] и дискурса [Grossmann 1992]. Имеется и словарь, известный мне в предварительной версии [Grossmann et al., 1991], а также большое количество полевых материалов разного характера, которые оказались доступны мне благодаря любезности сотрудников Института. Сохраняет своё значение и грамматика Р. Хейдорна [Heydorn 1940–41].

Наименее изученным языком группы остаётся л о к о (около 120 000 говорящих в начале 1990 годов), распространённый на севере Сьерра-Леоне, на удалении от побережья, в окружении лимба и темне (народов, говорящих на языках атлантической семьи). Имеющиеся два небольших описания, [Inness 1964] и [Kimball 1983], противоречат друг другу в некоторых важных деталях; словари локо отсутствуют. При этом материал локо имеет ключевое значение для решения некоторых вопросов языковой реконструкции.

1.1.1.7. Сонике-бобо

Единство группы с о н и н к е - б о з о признано лингвистами уже давно.

С о н и н к е населяют широкую полосу, вытянутую вдоль малийско-мавританской границы с востока на запад, заходящую в Сенегал и загибающуюся на север вдоль течения р. Сенегал. Отдельные анклавные сонинке разбросаны и далеко на юге, от окрестностей Сегу (Мали) до Восточной Гамбии и Казаманса; по неуточнённым данным, отдельные деревни сонинке имеются и на севере Фута-Джаллона (Гвинея). По-видимому, сонинке были этническим ядром древнего раннеполитического образования Гана (Вагаду), и их язык оказал в своё время большое влияние на соседей. Между восточными и западными диалектами обнаруживаются некоторые важные раз-

личия, которые, однако, не препятствуют взаимопониманию. Язык описан хорошо; следует упомянуть, в частности, грамматики [O. Diaghana 1984; Ya. Diaghana 1994], словари [Galtier, Dantioko, Dramé 1979; Smeltzer & Smeltzer 2001]. К сожалению, на настоящий момент нет ни одного тонированного словаря.¹⁷

Б о з о, поначалу рассматривавшийся лингвистами как единый язык, на проверку оказался совокупностью четырёх близкородственных, но невзаимопонимаемых языков: хаиньяхо, тиеяхо, тиема-чиеве и сорогама. Их носители, живущие в основном в районе Внутренней Дельты Нигера, образуют некое этнокультурное единство и отличаются от соседей по профессиональному признаку: бозо занимаются преимущественно рыболовством. Всего бозо в Мали, по данным переписи 1987 года, было около 120 000 человек.

Самый крупный из языков бозо — с о р о г а м а, распространённый в основном к югу от озера Дебо. Внутри него выделяется четыре основных диалекта: дебо, корондугу, котья, пондори. К юго-западу от района сорогама расположены анклавные т и е я х о, который считается среди всех бозо наиболее престижным и может стать основой для «нормативного бозо». Имеется грамматика [Blecke 1996] и небольшой словарь [Guide bozo 1982] этого языка. На х а и н ь а х о говорят дальше к западу, он подвергся сильному влиянию бамана. На т и е м а - ч и е в е, лингвистически близком к тиеяхо, говорят в трёх-четырёх деревнях на крайнем севере зоны бозо, к северу от озера Дебо. Имеются обзорные работы по диалектам бозо — [Smeltzer & Smeltzer 1995; Creissels, Grégoire, Vouka 1992]. Из старых работ нужно упомянуть фундаментальный труд [Dajet, Konipo, Sanankoua 1953], который остаётся важным источником лексических и прочих данных.

1.1.1.8. Самого

Группа с а м о г о включает в себя пять языков, носители которых живут по обе стороны от границы между Мали и Бур-

¹⁷Насколько мне известно, Брэд и Сюзан Смелтцеры готовят новое издание своего словаря, в котором тоны будут указаны.

кина Фасо в южном её секторе. Самый крупный по числу носителей язык (около 70 000, оценка 1991 г.) — дуун (дуунго), к югу от Сикасо (Мали). По этому языку, а также по банка (см. ниже), в настоящее время ведут исследование лингвисты из Майнца, Р. Кастенхольц и Х. Трёбс, но их данные в основном не опубликованы. Близок к нему (но не взаимопонимаем) дзуун (12 000 говорящих — по переписи 1985 года), с двумя диалектами — кпан (самого-гуан, северный) и собственно дзуун (самого-ири, южный) к северу и югу от Ородара (Буркина Фасо). Имеется небольшой словарь, рассчитанный прежде всего на тех, для кого дзуун является родным языком [Traoré 1998]. На сеен (сембла) говорят 17 000 человек (оценка Летнего Лингвистического Института 1995 года) в районе между Ородара и Бобо-Дьюласо, к востоку от зоны дзуун; этому языку посвящена работа Андре Проста [Prost 1971]. На чуть большей лингвистической дистанции находится банка (около 5 000 говорящих в 4 деревнях к северу от Сикасо, Мали). Значительно дальше, в лингвистическом отношении, стоит джо (джо-вулу, дон — от 5 до 10 тыс. говорящих по обе стороны границы между Мали и Буркина Фасо к юго-востоку от Лулуни). Джо кратко описан в двух работах, [Prost 1958] и [Carlson 1993]. Заслуживают упоминания и обзорные работы — [Morse 1967], в которой сеен, дуун и дзуун рассматриваются в сравнении с сан-само, и [Hochstetler 1996], где сравниваются дуун, дзуун и банка.

1.1.1.9. Бобо

Бобо (бобо-фин, около 200 000 говорящих) занимает широкую полосу, вытянутую от Бобо-Дьюласо в меридиональном направлении к малийской границе. Наблюдается значительная диалектная дробность; отсутствие взаимопонимания между различными диалектами позволяет поставить вопрос о том, что бобо следует считать скорее группой языков, чем диалектов [D. Sanou 1993]. Северному бобо посвящён грамматический очерк Андре Проста [Prost 1983]. Имеется несколько грамматических описаний южных диалектов [Morse 1976; D. Sanou 1978;

V. Sapou 1983, и др.] и один словарь, выполненный на хорошем научном уровне [le Bris, Prost 1981].

1.1.2. Восточная ветвь

1.1.2.1. Южная группа

Языки южной группы распространены в лесной зоне, в основном на центро-западе Кот-д'Ивуара и в Либерии, лишь слегка заходя на территорию Гвинеи (см. обзоры в: [Prost 1953; Nalaoui, Tega, Trabi 1983]). Их единство не вызывает особых сомнений у лингвистов,¹⁸ в то время как внутренняя структурация данной группы порождает большие разногласия. Мои предложения по внутренней классификации южных манде отражены на схеме (см. форзатц). В настоящее время ведётся интенсивное изучение этой группы, некоторые результаты которого отражены в публикуемых в данном томе статьях (там же дана более подробная библиография; ср. также сборник «Южные манде: Лингвистика в африканских ритмах», 2002).

Самый значительный, по числу говорящих, язык этой группы — дан (якуба, гио): по данным «Этнолога-14», на нём в начале 1990 г. говорило от 1 000 000 до 1 200 000 человек, из которых две трети жили в Кот-д'Ивуаре, остальные — в Либерии.¹⁹ В Кот-д'Ивуаре выделяют две больших группы диалектов — восточную и западную, для которых формируются две

¹⁸Впрочем, Хенинг Шрайбер высказал (устное сообщение) предположение о том, что бен следует отнести скорее к восточной группе, чем к южной.

¹⁹Данные переписи 1998 г. в Кот-д'Ивуаре дают несколько меньшую численность якуба: 630 тыс. «Этнолог-14» упоминает и 70 600 дан в Гвинее, однако это не соответствует действительности (если говорить о постоянном населении): в результате тщательной проверки, проведённой Пери Лоджерстедтом (Perry Logerstedt), была обнаружена только одна деревня дан в Гвинее, Гвешлё, с населением в 700 человек. Кроме того, в феврале 2001 мне удалось установить существование ещё трёх гвинейских деревень дан (диалект кла) в более северном секторе границы. Следует, впрочем, упомянуть и тот факт, что многие тысячи дан (гио) бежали в Гвинею и Кот-д'Ивуар в ходе гражданской войны в Либерии, лишь в последнее время началось их возвращение. С началом в 2002 г. вооружённого конфликта в Кот-д'Ивуаре, по-видимому, заметное число дан переместилось из этой страны в Гвинею.

различные литературные нормы на основании диалектов *бло* (западный) и *гуэта* (восточный). Особняком стоят *дан-кла*, деревни которых образуют два изолированных анклава к северу от основного массива дан-якуба, в префектуре Туба. Их диалект существенно отличается от остальных, сохраняя некоторые архаичные черты (в частности, интервокальные согласные в некоторых словах) — возможно, тут следует говорить об отдельном языке. Фактически же число диалектов дан близко к 40. Имеется одна грамматика дан [Doneux 1968] и несколько работ по фонетике и фонологии [Bearth, Zemp 1967; Bolli 1973; Bolli 1976; Bolli, Flik 1973; Flik 1977]. Описания либерийских диалектов дан (гио) представлены только учебниками для «Корпуса Мира». Не опубликован ни один словарь дан, однако работа над такими словарями ведётся в настоящее время А. В. Эрман (дан-бло), Н. Макеевой (кла-дан) и мною (дан-гуэта).

По соседству с дан живут *тура* (вен). На языке тура говорят примерно 40 000 человек к востоку от Бианкума (Кот-д'Ивуар, к С.-В. от зоны дан). Тура посвящено тщательное описание Томаса Беарта, выполненное на высоком научном уровне [Bearth 1971], существует небольшой французско-тура словарь. Над большим словарём тура работает Д. И. Идиатов.

К западу и юго-западу от дан, в Либерии и Гвинее, живут *mano*. Их языку посвящено одно грамматическое описание, включающее небольшой словарь [Becker-Donner 1965], а также два американских учебника [Neal et al. 1946; deZeeuw, Kruah 1981].

гуро (квени) живут в самом центре Кот-д'Ивуара, по данным переписи 1998 года их число достигало 383 824 чел. Ближе всего к гуро в языковом отношении стоит *яуре*, с которыми гуро непосредственно соседствуют. Яуре насчитывается всего около 25 000 человек, причём многие из тех, кто считает себя яуре, на самом деле говорят на языке бауле. Имеется несколько значительных работ по гуро: [Benoist 1969; Benoist 1977; Grégoire H. 1976; Le Saout 1979], в том числе два гуро-французских словаря (к сожалению, оба содержат значитель-

ное количество неточностей записи).²⁰ Что касается яуре, то здесь следует упомянуть диссертацию Анри Гаду (к сожалению, пока оставшуюся для меня недоступной), фонологическое описание [Lautenschlager 1992] и несколько статей Хопкинсов [Hopkins B. 1982; Hopkins E. 1986; Hopkins B. 1987; Hopkins E. 1987b].

Муан (мона), уан (нван), гбан (гагу) и бен (нген) относятся к числу «малых» языков группы — на них говорят по 15–20 тысяч человек, лишь для гбан эта цифра приближается к 40 тыс. Это языки окружают с разных сторон зону гуру, а бен находится на значительном расстоянии к востоку от основного массива южных манде. Обзор литературы по этим языкам дан в других статьях настоящего сборника.

1.1.2.2. Собственно восточная группа

В данной работе я не буду обращаться к материалу языков собственно восточной группы, поэтому я только перечислю их:

- сан и сане часто рассматривают как один язык, но в реальности языковые различия между ними достаточно велики, чтобы воспрепятствовать взаимопониманию;
- то же самое относится к барка и лебир, которые часто объединяют под общим названием биса. Эти языки (диалекты?) локализируются у центрального сектора границы Ганы и Буркина Фасо;
- буса, бoko и бокобару, распространённые по обе стороны нигерийско-бенинской границы в её северном секторе, также часто рассматривали как диалекты одного языка, но крупнейший специалист в этой области Росс Джоунз считает необходимым рассматривать их как разные, хотя и близкородственные языки [Jones 1998];
- кьенга и шанга, два вымирающих языка на стыке границ Нигерии, Нигера и Бенина, также нередко рассматривали как

²⁰В настоящее время над словарём и грамматикой гуру работают Ольга и Наталья Кузнецовы.

диалекты буса-боко, однако сравнение списков лексики [Jones 1998] однозначно свидетельствует о том, что речь идёт об особых языках, причём родство их с буса-боко оказывается весьма отдалённым. К сожалению, оба эти языка плохо описаны.

1.2. Внутренняя классификация семьи манде

Внутренняя классификация семьи манде является предметом давней научной дискуссии, история которой изложена в [Kastenholtz 1996] и других недавних работах этого автора. В настоящее время именно классификация Кастенхольца считается базовой для западной ветви манде. Что касается восточной ветви, то здесь чаще всего исходят из результатов исследования [Grégoire, de Halleux 1994], основанных на стандартной лексико-статистической методике — впрочем, результаты работы петербургской лингвистической экспедиции по южным манде (2001–2004) позволяют внести изменения во внутреннюю классификацию этой группы (см. схему на форзаце).

Следует отметить также классификацию языков манде, разработанную Константином Игоревичем Поздняковым [1978], имеющую значительные отличия от кастенхольцевской. Главные точки расхождения таковы:

1. По Позднякову, первым от праманде отделился бобо. Затем ответвилась юго-западная группа, и лишь после этого произошло деление праязыка на восточную (соответствующую восточным манде у Кастенхольца) и северную группы (соответствует кастенхольцевской группе «западные манде» за вычетом бобо и юго-западных манде).
2. В рамках своей северной группы Поздняков объединяет сусу, сонинке и бозо в одну подгруппу.

Классификация Константина Позднякова базируется на разработанной им оригинальной статистической методике, которая позволяет оценить генетическую дистанцию между языками на основании подсчёта этимологического словаря языковой семьи. Однако в данном конкретном случае именно качество этимологического словаря является самым слабым местом гипотезы.

Этот словарь составлялся четверть века назад на основании доступных в то время скудных источников, чаще всего нетонированных и не всегда различающих важные фонологические противопоставления.

Как бы то ни было, гипотезы Позднякова заслуживают пристального внимания. Например, я не исключаю, что подтвердится объединение в одну подгруппу сусу и сонинке-бобо — в пользу этого свидетельствует заметное количество изоглоссов, объединяющих сусу с сонинке, в то же время не представленных в языках манден. Следует сказать, что классификация Кастенхольца базируется на малоубедительной методике «общих лексических инноваций»; не подкреплённая более строгой методологией, она имеет весьма слабую эвристическую силу.²¹ Я уверен, что разработанные К. И. Поздняковым статистические методы, применённые к богатым материалам по языкам манде, появившимся за последние десятилетия, дадут интересные результаты.

Можно ожидать и других существенных поправок к классификации Кастенхольца. Так, группу самого этого автор включает в число западных манде, однако базовая лексика языков самого обнаруживает весьма высокий процент общих слов с южными и восточными языками манде, а также с бобо. Возможно, самого (вместе с бобо?) придётся выделить в особую ветвь, равноудалённую от западных и от восточных манде (что в какой-то мере перекликается с предложением К. И. Позднякова об особом положении языка бобо).

В данной работе задача пересмотра или усовершенствования внутренней классификации семьи манде не является главной. Это станет актуальным после завершения работы над этимологическим словарём семьи манде, которая находится сейчас на промежуточной стадии. Здесь же я обращаю внимание на некоторые особенности фонологии и именной морфологии языков манде,²² осмысление которых позволит решить некоторые про-

²¹ Пользуясь этой «методикой», я мог бы без труда доказать, например, что бобо или сонинке входит в юго-западную группу.

²² Здесь не затрагиваются специально и вопросы семантической реконструкции, поэтому значения слов в рядах соответствий обычно обозначены

блемы фонетической и лексической реконструкции и лучше понять место семьи манде среди других языков Африки.

2. Фонологический тип праманде

Единство семьи манде, как правило, не вызывает сомнений у исследователей. Однако различные её подгруппы проявляют разительные расхождения в том, что касается их фонологической структуры. В языках южной группы сильна тенденция к моносиллабизму, типичны вокалические системы из 9 и более гласных, во всех языках отмечено расхождение в числе носовых и неносовых гласных, встречается вокалическая гармония, почти везде противопоставляются эксплозивные и имплозивные согласные, отсутствуют носовые согласные фонемы, действует механизм сорезонантности начального и срединного согласного в слове, тональные системы насчитывают до пяти уровней тонов (в восточных диалектах языка дан) — всё это напоминает скорее фонологические системы языков ква, кру, бенуэ-конголезских, чем западных манде с их 7- или 5-гласными вокалическими системами, равным числом носовых и неносовых гласных (или отсутствием носовых гласных), отсутствием вокалической гармонии, обычно противопоставления сильных и слабых согласных и сорезонантности, наличием носовых согласных фонем, бинарными тональными системами (подробнее о тональных системах в языках манде см. [Выдрин 2003а]). Неудивительно, что Лё Саут, в заключении к своей блестящей книге о фонологии гуру [Le Saout 1979, 59–60], поднимает вопрос о возможности допущения единой пра-системы для южных языков манде, кру и ква.

Встаёт вопрос: если всё же исходить из тезиса единства семьи манде, следует ли считать характерные особенности южных манде исконными или заимствованными? Иначе говоря, являются ли они инновациями, сформировавшимися под влиянием контактов с соседними языками, или архаическими чертами, удержавшимися в лесах Кот-д'Ивуара и Либерии и стёршимися

схематически, без углублённой разработки. Этому аспекту особое внимание уделяется в «Этимологическом словаре семьи манде».

в саваннах Севера? Или же, следуя осторожному предположению Лё Саута, это противоречие надо истолковывать в пользу выведения южных манде за пределы семьи манде и включения их в большую вольта-конголезскую ветвь нигеро-конголезской макросемьи?

Рассмотрим более подробно расхождения между фонологическими типами обеих групп и попытаемся дать хотя бы предварительный ответ на этот вопрос.

2.1. Моносиллабизм vs. бисиллабизм

2.1.1. Метрическая стопа в языках манде

Основной ритмической единицей в южных языках манде является стопа, которая состоит из одного или двух (реже — трёх) слогов и обладает повышенной степенью внутреннего единства, что проявляется и в тоноритмике, и в наборе допустимых сочетаний гласных, и в инвентаре согласных в начальной и срединной позициях (подробнее о стопе в языках манде см.: [Выдрин 2001]). Слово может состоять из одной или нескольких стоп. Наиболее частый тип стопы в южных манде — односложный. Самые характерные силлабические структуры — CV и CLV. Последний тип реализуется как CLV или как CvLV, где первый гласный, «v», всегда идентичен по качеству второму, реализуется чаще всего как сверхкраткий и легко подвергается элизии, что даёт основания авторам описаний этих языков не рассматривать его как вершину слога [Bearth 1971]. Впрочем, возможна и иная интерпретация стопы CvLV — как двусложной, с ударением на второй слог (более подробно см. [Выдрин 2002]). Латеральный срединный согласный, -L-, реализуется как -l-, -r- или -n-, в зависимости от типа начального согласного (см. ниже, раздел о сорезонантности). Двусложные стопы в этих языках имеют чаще всего структуру CVV, причём каждый из гласных несёт свою тонему. Стопы типа CVCV сравнительно немногочисленны, причём и в них интервокальный согласный часто находится в свободном варьировании с нулём согласного

го. Другой тип стопы в большинстве из этих языков²³ — CVŋ; конечный назальный элемент имеет свой тон и может рассматриваться как «гласный нулевой ступени открытости» [Bearth 1971, 36; Bolli, Flik 1978, 68–69]. Фонологически долгие гласные отсутствуют; фонетически долгие гласные интерпретируются как последовательности идентичных по качеству гласных с одинаковыми тонами. Таким образом, по типу слога и словоформы южные манде очень близки к соседним языкам кру и ква.

2.1.2. В языках западной ветви манде два абсолютно преобладающих типа слога — CV и CVN. -N являет собой неслогообразующий носовой, который в одних языках (мандинка, хасонка) реализуется перед паузой как -ŋ, в других (большинство языков группы) — как назализация гласного, ср.: мандинка *bàŋ*, бамана, манинка *bã* ‘отказывать’. В других позициях он реализуется как носовой согласный, уподобленный последующему согласному по месту образования: мандинка *bámbee* ‘грядка’, манинка *bámbe* ‘земляная насыпь’; мандинка *dìŋkíraa*, манинка *dìŋkíra* ‘место’.

В этих языках, как и в южных, метрическая стопа также является важной ритмической единицей. Односложные стопы, хотя и присутствуют во всех языках, значительно уступают по численности стопам двусложным. Двусложные стопы представлены всеми возможными комбинациями двух вышеупомянутых типов слогов: CVCV, CVNCV, CVCVN, CVNCVN (при этом какие-то из этих моделей могут отсутствовать в некоторых языках или диалектах группы). Как правило, сегментной базой тонемы является целое слово или стопа;²⁴ исключением является, по-видимому, язык ваи, где каждый слог несёт свой тон [Welmers 1976]. Инвентарь срединных фонем стопы в большинстве языков редуцирован по сравнению с подсистемой на-

²³За исключением гуру, яурэ и гбан, в которых исчезновение конечного -ŋ, по-видимому, следует считать поздней инновацией.

²⁴Точнее, это правило распространяется на основную часть словаря, в то время как 5–10% всех слов (по крайней мере, в языках манден, тональные системы которых хорошо описаны) имеют «нерегулярные» тональные схемы. Попытка объяснения, по крайней мере частичного, таких аномалий в языках манден будет сделана в следующей главе.

чальных согласных, исключением являются только такие языки северного пояса, как сонинке и хасонка.

Многие языки группы имеют долгие гласные фонемы, однако, за исключением мандинка и сусу, противопоставление долгих и кратких нехарактерно для конечного слога. В мандинка долгота конечного гласного в некоторых словах может быть компенсаторной, появившейся на месте исчезнувшего конечного назального элемента, ср.:

мандинка *kòojee* ‘шимпанзе’ — манинка *kòjǒ*, дьюла *ngòjǒ*;

мандинка *bùutee* ‘бить, хлестать’ — манинка, бамана *bùnté*, коранко *bòndē* ‘толочь’, и др.

Однако есть немало примеров, когда данные других языков не дают свидетельств присутствия носового; в таких случаях долгота конечной гласной мандинка может быть исконной, ср.:

мандинка *bénbaa* ‘предок’ — манинка, хасонка *bénba*, бамана *bénba*, сусу *bénbá* ‘дед’, менде *mbémbá* ‘семья, линидж’;

мандинка *biiree* ‘навес, под которым проводится инициация’ — хасонка *bìre* ‘навес’, манинка *bìré*, *bùré* ‘место, где живут новоиницированные’, сонинке *biiri/e* ‘навес; убежище; навес, под которым живут новоиницированные’, и т.д.

Носовой может выступать в западных манде как слогиноситель (и, соответственно, являть собой отдельный слог), но только в изолированной позиции. В большинстве случаев речь идёт только о неэмфатическом местоимении 1 лица единственного числа *í* (которое уподобляется последующему согласному по месту образования), в некоторых языках (мандинка, манинка-мори) также о местоимении 1 лица множественного числа *ì*. Особо следует упомянуть начальный носовой в словах «с преназализацией» в бамана, кагоро, мандинка, некоторых говорах дьюла, о которых пойдёт речь в следующей главе: этот носовой несёт низкий тон — по крайней мере, в бамана и в кагоро [Vydrine 2001, 39–42].

2.1.3. Таким образом, налицо целый ряд важных расхождений, которые требуют объяснения с точки зрения лингвистической компаративистики.

2.1.3.1. Несводимость структур слога и словоформы в двух группах языков к единому праязыковому прототипу, при ближайшем рассмотрении, оказывается не такой абсолютной, как это может показаться на первый взгляд. На самом деле, двусложная стопа западных манде, несущая один тон, имеет много общего со стопой типа CLV в языках южной группы (типа гуро). Это структурное и функциональное сходство становится ещё более заметным, если вспомнить, что во многих диалектах бамана происходит выпадение первого гласного в словах структуры CVLV (CVIV, CVrV, CVnV), в результате чего образуется новый тип слога, CLV (описание этого процесса дано в статье [Konatè, Vydrine 1989]). Этот процесс отмечен также в диалектах марка-дафин [Diallo 1988] и во многих говорах манден Республики Кот-д'Ивуар [Derive 1990], географически близких к зонам распространения южных манде.

Другое широко распространённое в западных манде явление, способствующее сдвигу от бисиллабизма к моносиллабизму — лениция и выпадение интервокальных согласных. Языков, не затронутых им, не так уж много (сонинке, сусу, дьялонке, хасонка). В бамана велярные согласные выпадают в рамке а-а; в манинка, мандинка и многих ивуарийских идиомах манден они исчезли во всех вокалических контекстах — иначе говоря, сохраняются они только тогда, когда им предшествует носовой элемент. В результате элизии велярного между двух одинаковых гласных образуются долгие гласные, но в южных диалектах манинка эта долгота также утрачивается. Ср.:

Таб. 2.

	хасонка	бамана	манинка	манинка р-на Фарана
человек	<i>mòxo</i>	<i>mògó</i> , диал. <i>măa</i>	<i>mǒ</i>	<i>mǒ</i>
давить	<i>dìgi</i>	<i>dìgí</i>	<i>dǐi</i>	<i>dǐ</i>

В других западных языках элизии подвержены переднеязычные сонанты. В числе таких языков — марка-дафин, леле, ваи, коно, менде, локо, лоома, некоторые ивуарийские идиомы манден (вокалические рамки, в которых происходит выпадение, могут различаться от языка к языку), ср.:

Таб. 3.

	бамана	марка-Янкасо	мау	ваи	менде
получать	sɔ́rɔ́	sóó	sòò	—	sòó
жертва (< Араб.)	sáɾaka	—	—	sáà, sála	sàá
плоская крыша	bíli	bii	bíí	—	—
труба, рог	búru	—	búú'	búú, búlú	búlú

Первым шагом к исчезновению интервокальных согласных можно считать утрату некоторых фонологических оппозиций и, соответственно, редукцию инвентаря согласных фонем в этой позиции. Так, в бамана в инлауте стопы не противопоставляются интервокальные *-k-* и *-g-*. В не-заимствованных и не-экспрессивных словах очень слабо противопоставлены также *-t-*, *-d-* и *-r-*. В то же время в хасонка и сонинке эти оппозиции сохраняются. В сосо, манинка р-на Фарана, манья, большинстве юго-западных языков и диалектов манде не сохранилось противопоставление интервокальных *-r-* и *-l-*.

Интересно отметить, что тенденция к моносиллабизму и/или утрате фонологических оппозиций в интервокальной позиции географически обусловлена: она усиливается к югу, в то время как языки, распространённые на севере, противостоят ей более успешно.

2.1.3.2. Учитывая вышесказанное, можно предполагать, что в праманде преобладали двусложные стопы, имелся полный набор консонантных оппозиций в интервокальной позиции (т.е. близкий к инвентарю начальных согласных — возможно, с единичными расхождениями; ср. ситуацию в современном сонин-

ке), существовало фонологическое противопоставление кратких и долгих гласных, в том числе и в конечной позиции в слове (по типу современного языка мандинка).

Картина же, наблюдаемая в южных манде, является следствием действия тенденций ареального характера (отмеченных также и в соседних языках манде западной ветви): ослабления и утраты интерконсонантных гласных и интервокальных согласных, а иногда и начальных согласных (в некоторых диалектах дан). В этой ситуации совершенно естественно и устранение фонологического противопоставления долгих и кратких гласных: эта оппозиция не выдержала такой радикальной перестройки всей языковой системы.

2.1.3.3. Отдельного разговора заслуживает статус назального элемента в конечной позиции в слове, который образует отдельный слог в южных манде и не образует такового в западных манде. Однако и здесь обнаруживается переходное звено между двумя группами языков. В соответствии с реконструкцией Дэвида Двайра [Dwyer 1973], в пра-юго-западном манде носовой элемент в конце слова имел собственный тон. В определённой мере он сохранил способность нести тон и в современном кпелле (надо отметить, что этот язык распространён по соседству с дан и мано). В других языках подгруппы он исчезает перед паузой, но сохраняется в сандхи, а также играет важную роль в консонантном чередовании. Можно предположить, в качестве предварительной гипотезы, что слогаобразующий носовой в южных манде и в кпелле отражает ситуацию, существовавшую в праманде, а то, что мы наблюдаем в остальных западных манде (конечный не-слоговой носовой согласный, реализующийся в некоторых языках перед паузой как назализация предшествующего гласного), является результатом более поздней эволюции.²⁵

²⁵Вполне возможно, что гипотетически реконструируемый здесь назальный слогаобразующий элемент в праманде, в свою очередь, появился в результате редукции слогового типа NV — процесс, реально зафиксированный в соседних с южными манде языках кру. Впрочем, этот вопрос выходит за рамки обсуждаемой здесь проблематики.

2.1.3.4.1. Для южных манде характерно наличие трёх-четырёх тоном:²⁶ в гуру — три регистровых тона; в тура — четыре регистровых, в дан — от трёх до пяти регистровых тоном, число и характер которых варьируют от одного диалекта к другому, а также два контурных (падающих) тона; в гбан — четыре регистровых тона и два контурных; в бен — три регистровых и четыре контурных; в яуре — четыре регистровых; в мван — три регистровых и один контурный; в уан — три регистровых. Даун-дрифт в этих языках не отмечен.

2.1.3.4.2. В подавляющем большинстве западных языков манде представлены только две тонемы, что может интерпретироваться и как противопоставление одной маркированной тонемы (обычно низкотоновой) её отсутствию (ср. убедительный анализ тональных систем манден с этих позиций в работе [Creissels, Grégoire 1993]). Исключения представлены языками кпелле и бобо (впрочем, отнесение последнего к западным манде не бесспорно). По всей видимости, трёхтоновая система в кпелле развилась сравнительно поздно из обычной для западных манде двухэлементной [Dwyer 1973]; возможно, то же относится и к бобо [Dwyer 1994]. На северной периферии наблюдается ослабление тоновых противопоставлений: их нейтрализация в некоторых позициях ведёт к повышению роли словесного ударения (что отмечено в языках мандинка [Creissels 1982b] и кагоро [Vydrine 2001], причём в обоих языках это развитие идёт в разных направлениях), а по крайней мере в одном случае (диалект дьялонке на севере Фута-Джаллона, Гвинейская Республика — [Lürke 2005, 84–87]) отмечена даже полная утрата тонов.

Сегментная база тона в большинстве языков группы — не слог, а стопа или слово: один и тот же тоновый рисунок распространяется на всю стопу или даже на всё слово, вне зависимости от его протяжённости. Соответственно, слова разделяются

²⁶Я не буду останавливаться на вопросе о статусе контурных тонов. Отмечу только, что в некоторых работах, особенно выполненных в рамках методики аутоsegmentной фонологии (и не только, ср. [Creissels 1989, 182]), такие тоны обычно рассматриваются как комбинации регистровых тонов. Однако этот вопрос не является принципиальным с точки зрения диахронического анализа.

на два тоновых класса²⁷ (краткое изложение на русском языке основных принципов и закономерностей функционирования тональных систем в манинка и бамана, вполне представительных для значительной части западной группы манде, дано в [Выдрин 1999, 18–23]). В наиболее известных языках манден этот принцип не распространяется лишь на небольшую группу слов (5–10% всего словаря). Их выпадение из общего правила отчасти объясняется, по-видимому, лексически обусловленным удержанием тонового артикля внутри составных слов и иными нерегулярностями при словосложении [Creissels, Grégoire 1993, 127–130], отчасти — влиянием тона архаичного показателя именного класса (см. 3.1.5.1.). Исключением является, по-видимому, язык ваи, где каждый слог имеет свой собственный тон.

2.1.3.4.3. Бросающееся в глаза различие между тональными системами двух групп языков, возможно, всё же не такое абсолютное, как это может показаться. Вполне допустимо, что наращивание количества тонов в южных манде — компенсаторное явление, реакция языковой системы (возможно, под воздействием субстрата кру) на утрату интервокальных согласных и моносиллабизацию — не случайно наибольшее число регистровых тонов отмечено в восточных диалектах дан, где эта тенденция достигает своей высшей точки. Для понимания механизма такого перехода очень показателен пример языка гуру.

В этом языке, как уже отмечалось, существуют три регистровых тонемы. Однако они в полной мере противопоставлены только в системе личных местоимений, в остальных же словах наблюдается дополнительное распределение, связанное с типом начального согласного. Это побудило Лё Саута интерпретировать тональную систему как двухуровневую (высокая и низкая тонема), в которой реализация тона зависит от типа начального согласного. Приведём таблицу начальных согласных языка гуру (по [Le Saout 1979, 13]):

²⁷ Там, где таких классов оказывается больше — например, в манинка р-на Кита, — подобная дробность имеет поздний характер и объясняется диахронически (например, исчезновение долготы гласного) [Creissels, Grégoire 1993].

Таб. 4. Начальные согласные языка гуру, по [Le Saout 1979, 13].

глухие (fortes)	p	f	t	s	c	k	kp	kw
звонкие (douces)	b	v	d	z	j	g	gb	gw
сонанты и имплозивные (résonantes)	ɓ	d̥ ~ l	y	w				

В соответствии с интерпретацией Лё Саута [1979, 15], если начальный согласный слова относится к числу глухих или сонантов, то высокий тон реализуется как восходящий в диапазоне²⁸ 190→240 Htz, низкий — в диапазоне 170→160 Htz. При звонком начальном высокий тон реализуется как ровный с частотой 155 Htz, низкий — как падающий, 140→100 Htz. Таким образом, при начальном звонком согласном «высокая» тонема реализуется ниже, чем «низкая» при начальном глухом или сонанте! Иначе говоря, звонкие согласные в этом языке являются «тонопонижающими» (depressor consonants) — явление, отмеченное и в некоторых других нигеро-конголезских языках побережья Гвинейского залива (а также хорошо известное в языках Юго-Восточной Азии).²⁹ Что же касается контурных тонов

²⁸Очевидно, повсюду речь идёт о произнесении информантом-мужчиной.

²⁹Это явление имеет чисто автоматические причины, свойственные, очевидно, всем языкам мира. Вот как объясняет его фонетист Петер Ладефогед: «... многие консонантные артикуляции вызывают варьирование силы тока воздуха через голосовую щель. Это приводит к варьированию высоты тона, поскольку амплитуда вибрации голосовых связок зависит отчасти от силы, с которой воздушный поток раздвигает и сдвигает их. Звонкие смычные и щелевые имеют тенденцию вызывать понижение силы тока воздуха через голосовую щель, и, следовательно, понижение высоты тона, поскольку, в соответствии с принципом экономии усилий, все информанты, которых я наблюдал, не заботятся о том, чтобы сделать небольшую поправку в том что касается степени напряжения голосовых связок, что могло бы компенсировать уменьшение силы тока воздуха. Напротив, на начальной части гласного, следующего за глухим смычным или щелевым, наблюдается сильный ток воздуха, что приводит к увеличению высоты тона, если только это не компенсируется изменением напряжения голосовых связок» [Ladefoged 1964/68, 42]. Таким образом, языки с «тонопонижающими согласными» лишь утрируют общенуниверсальную тенденцию.

(восходящего и нисходящего), то их реализация от согласных не зависит.

Анализ тонов гуро во фразе [Выдрин 2002] показал, что в современном языке уже сформировалась трёхуровневая система: во-первых, оппозиция трёх тонов вполне сложилась в системе личных местоимений; во-вторых, «восходящий» тон на стопах с начальными звонкими может быть интерпретирован как фонологически высокий, а «нисходящий» на стопах с начальными глухими, сонантами и имплозивными — как фонологически низкий. При этом нельзя сказать, что тональная система гуро в том виде, в каком её представляет Лё Саут, не отражает никакой реальности. Другое дело, что эта реальность — не сегодняшняя, она соответствует некоторому праязыковому состоянию и демонстрирует некоторую ситуацию, промежуточную между двух- и трёхуровневыми тональными системами.

В этой связи уместно процитировать мнение Кэй Вильямсон касательно общего направления эволюции тоновых систем в нигеро-конголезских языках [Williamson 1989, 28]: «В системах, имеющих более двух основных тонов, источником дополнительных тонов является, скорее всего, существование тонопонижающих согласных или плавающих тонов с последующей утратой фонетической обусловленности». Таким образом, предлагаемое здесь развитие политонических систем южных манде из типичной для западных манде двухэлементной системы не противоречит общей нигеро-конголезской закономерности.

2.2. Вокалические системы

2.2.1. Есть основания полагать, что прототипической для южных манде является вокалическая система современных гуру и яуре,³⁰ в которых имеется пять носовых и девять неносовых гласных, образующих три сингармонические серии по признаку назальности/неназальности и степени продвинутости корня языка ($\pm ATR$):

³⁰Это перекликается с мнением Лё Саута, который считал вокалическую систему гуру самой архаичной в южной группе.

Таб. 5.

серия +ATR		серия –ATR		назальная серия	
i		u	ɪ	ũ	ĩ
e	o	ɛ	ɔ	ẽ	ĩ̃
	a		a		ã

Лё Саут в своей работе 1979 года по гуру признак «продвинутости корня языка» не упоминает. Следует отметить, однако, что этот признак был открыт и описан в западноафриканских языках лишь в середине 1970 годов, в то время как авторы более ранних работ описывают противопоставление соответствующих гласных в совершенно других терминах или, чаще, не обнаруживают этого противопоставления вовсе. Более поздние исследования по яурэ [Lautenschlager 1992] выявили, что в этом языке задействован именно признак \pm ATR; его релевантность для гуру подтвердилась в ходе работы петербургской лингвистической экспедиции в 2001–2004 гг.³¹

Лё Саут считает вокалическую систему гуру самой архаичной в группе, а системы других языков — отошедшими от прототипа в большей или меньшей степени. Если встать на эту точку зрения (которая представляется вполне правдоподобной), то надо признать, что в тура вокалическая гармония подверглись эрозии: здесь *ɪ* и *u* уже не маркированы по признаку \pm ATR, они отличаются лишь по признаку подъёма и сохраняют фонемный статус только когда они долгие, тогда как краткие *ɪ* и *u* являются аллофонами /e/ и /o/ соответственно [Bearth 1971, 31]. В гбан, уан, бен и муан система неносовых гласных редуцировалась до 7 элементов; в дан, напротив, она разрослась до двенадцати чистых и девяти носовых гласных в диалекте бло

³¹Пока остаётся неясным, релевантен ли признак \pm ATR для самой открытой фонемы, а. Лё Саут считал, что она — общая для обеих неназальных серий. Но поскольку признак \pm ATR (как и назальность) является просодическим, то логично было бы ожидать, что в стопе все гласные должны быть маркированы по этому признаку — иначе говоря, в стопе типа CɪLA конечный гласный будет а после *i* и *ɔ* после *i*. Встаёт вопрос: возможно ли в гуру противопоставление стоп типа Caa : Caã? Пока что ответа на этот вопрос у меня нет.

(западно-ивуарийском) и до пятнадцати чистых и девяти носовых в диалекте гуэта (северо-восточном):

Таб. 6.

дан бло						дан гуэта					
не-носовые			носовые			не-носовые			носовые		
i	ш	u	ĩ	ũ	ũ	i	ш	u	ĩ	ũ	ũ
e	ɥ	o				ɪ	ɸ	ʊ	ĩ	ũ	ũ
ɛ	ɬ	ɔ	ẽ	ã	õ	e	ɣ	o			
æ	a	ɑ	æ̃	ã	ã	ɛ	ɬ	ɔ	ẽ	ã	õ
						æ	a	ɑ	æ̃	ã	ã

Ряд задних неогубленных гласных является несомненной ареальной инновацией: полный ряд центральных гласных присутствует и в соседних с дан языках бете и годие, относящихся к группе кру [Marchese 1989, 128]. Следует отметить также присутствие в лоома и кпелле — двух языках юго-западной подгруппы манде, распространённых по соседству с ареалом дан — централизованных аллофонов передних гласных, которые стоят на грани выделения в особые фонемы (особенно в кпелле). С другой стороны, вокалическая гармония в дан не отмечена.

Южные манде принадлежат к числу «языков без носовых согласных фонем»: сонанты имплозивные имеют здесь по два основных аллофона — *b*, *l/d*, *y*, *w* перед неносовыми гласными, и соответственно *m*, *n*, *ɲ*, *ɲʷ* перед носовыми гласными.

2.2.2. Для западных манде типична «классическая» семи-гласная система (*i*, *e*, *ɛ*, *a*, *ɔ*, *o*, *u*), причём система ни одного из этих языков не содержит более семи неносовых фонем. Характерное направление эволюции такой системы — в систему из пяти гласных (*i*, *e*, *a*, *o*, *u*); такая трансформация произошла, очевидно, независимо в языках западной ветви манден (мандинка, хасонка, манинка р-на Кениеба и Восточного Сенегала, кагоро), с одной стороны, и в сонинке, с другой.³² Манинка

³²Возможно, впрочем, что это изменение в западных манден произошло

района Кита, по некоторым сведениям [Keita 1984], имеет промежуточную систему из шести гласных (*i, e, ε, a, o, u*), но *ε* в этом говоре является, по-видимому, результатом поздней рестиитуции и не восходит к пра-мандингскому **ε* [Vydrine 2001, 23]. В тех западных манде, которые имеют носовые гласные, последние представлены полным набором (соответственно $\tilde{i}, \tilde{e}, \tilde{\varepsilon}, \tilde{a}, \tilde{o}, \tilde{u}$ или $\tilde{i}, \tilde{e}, \tilde{a}, \tilde{o}, \tilde{u}$). В других языках (хасонка, мандинка, ваи, кпелле) им соответствуют комбинации соответствующих чистых гласных с конечным неслоговым согласным *-ŋ*, причём именно эту ситуацию обычно считают более архаичной, т.е. **-Vŋ* > *-Ṽ* [Creissels 1989, 95–99; Bole-Richard 1985].³³

не вполне независимо от сонинке — в том смысле, что система из пяти гласных может рассматриваться как ареальный феномен: все этнические группы, говорящие на западных языках и диалектах манден, живут в тесном контакте с сонинке, а соседние атлантические языки (в первую очередь, пулар) также часто имеют 5-гласные системы.

³³Если включать бобо в число западных манде, он тоже оказывается исключением: согласно [Le Bris, Prost 1981], он насчитывает 8 гласных фонем (*i, e, ε, a, o, u, ə*), но фонологический статус *ə* не вполне ясен. Даже если речь и идёт об особой фонеме, она может представлять собой в этом языке позднюю инновацию. По другому описанию [D. Sanou 1993, 140], в южных диалектах бобо (*bĕgĕ, vɔgɛ, sĭa*) имеется 7 гласных, а в северном (*sɔgɔkire*) — 9, причём «эта система представляется более древней, поскольку помогает объяснить один вариант показателя множественного числа вокалической гармонией». К сожалению, Дафраси Сану не приводит инвентаря гласных этого диалекта.

Исключением является бобо и в отношении соотношения носовых и неносовых гласных: семи или восьми чистым гласным этого языка соответствует серия из пяти носовых, $\tilde{i}, \tilde{\varepsilon}, \tilde{a}, \tilde{o}, \tilde{u}$. Подобная ситуация очень типична для западноафриканских языков с «перекрёстной гармонией по подъёму гласного» (ПГПГ), что позволяет выдвинуть два альтернативных предположения:

- а) вокалическая система бобо является результатом упрощения более архаичной девяти- или десятигласной системы с ПГПГ;
- б) в нынешней вокалической системе бобо, возможно, существует противопоставление гласных верхнего подъёма по признаку продвинутости вперёд корня языка (+ATR : -ATR), то есть *i : ɪ, u : ʊ*, не зафиксированное авторами имеющихся описаний. Как известно, эта оппозиция осталась незамеченной во многих описаниях языков гур и ква, созданных до обнаружения феномена гармонии по продвинутости корня языка [Casali 1995].

В некоторых ивуарийских идиомах манден отмечены два или даже три типа назальности в слогe. В дьюла р-на Одьенне [Brasonnier 1986] речь идёт о типах CVN, CṼN и CṼ (-N проявляется в сандхи как носовой согласный и назализует последующие сонанты: $r \rightarrow n$, $y \rightarrow \eta$; \tilde{V} на последующие согласные не влияет). В мау [Creissels 1982a, VI–VII] ситуация аналогична. Различие между типом CṼ и двумя другими имеет убедительное диахроническое объяснение: «сандхиальный» носовой мау соответствует назализации гласного в стандартном бамана и конечному велярному в западных манден, а назализация гласного в мау и дьюла Одьенне появляется на месте исчезнувшего интервокального носового согласного:

Таб. 7.

	мау	дьюла Одьенне	бамана	мандинка
прятать	<i>lòò(n)</i>	<i>dógó(n)</i>	<i>dògó</i>	<i>nùŋ, nùkuŋ</i>
входить	<i>lò(n)</i>	<i>dó(n)</i>	<i>dǒ</i>	<i>dùŋ</i>
выпрямлять	<i>téé(n)</i>	<i>tèlè(n)</i>	<i>tílē</i>	<i>tíliŋ</i>
запрет	<i>tââ</i>	<i>táná</i>	<i>táná</i>	<i>tàna</i>
стрела	<i>byě</i>	<i>byě</i>	<i>bìjé, byě</i>	<i>bèpe</i> ‘жалo’

Менее ясно на данном этапе, как следует интерпретировать, в диахроническом плане, различие между CVN и CṼN.

Близкая к вышеописанной и ситуация в языке джели (джерри) [Tröbs 1998, 66–71], где также представлены три типа назальности в слогe — CV, CVŋ и CV(n).

Повторюсь, что отнесение бобо к западным манде пока что нельзя считать бесспорно установленным фактом: в большинстве классификаций, как известно, он или включался в число восточных манде, или представлял собой самостоятельную ветвь, наряду с западными и восточными манде. Недавнее включение его Кастенхольцем в северозападную ветвь западных манде основано на небесспорной методике «общих лексических инноваций». При этом Кастенхольц отмечает близость бобо к языкам самого, а эта группа, по моим наблюдениям, может оказаться на примерно одинаковой дистанции от западных и восточных манде.

Юго-западные манде демонстрируют различные стадии исчезновения конечного носового согласного (в порядке убывания: кпелле > банди > локо > лоома > менде), оставившего после себя след в виде знаменитого чередования начального согласного (более подробно об этом см. в следующей главе). Назализация же гласных отмечена в менде в соседстве с начальными или серединными носовыми согласными (и, следовательно, не является фонологически релевантным признаком), в то время как в кпелле и в лоома назализация, по-видимому, появилась на месте выпавшего интервокального носового согласного и, очевидно, имеет фонологический статус.

В сонинке нет ни назальных гласных, ни носовых согласных в конце слога, но это отсутствие может быть объяснено морфологическими причинами, о чём будет сказано более подробно в следующей главе. Замечу только, что материал сонинке может быть истолкован в пользу реконструкции в праманде (пра-западном манде?) нескольких конечных носовых (*-m, *-n, *-ŋ, *-ɲ).

2.2.3. Всё вышесказанное создаёт впечатление, что внутренняя логика вокалических систем в южных манде, с одной стороны, и в западных манде, с другой, подчиняется совершенно разным закономерностям. Исходя из преобладания моносиллабизма в южных манде, Дени Кресельс высказал предположение [Creissels 1989, 107], что «языки без носовых согласных» развили свою назальную гармонию в результате стяжения двусложных основ типа CVNV и NVNV. Другими словами, этот автор постулирует прото-систему, близкую к типу мандинка и хасонка. Примерно в это же время Дэвид Двайр [Dwyer 1989, 54] писал: «Типичный язык манде имеет семь гласных; их число падает до пяти на севере и увеличивается до девяти, приобретая вокалическую гармонию, в южных районах. Это придаёт им структурное сходство с соседними языками ква и кру».

Имеется, однако, одно обстоятельство (насколько мне известно, оставшееся без внимания лингвистов), которое может оказаться ключевым при определении направления эволюции вокалической системы праманде.

Если проанализировать комбинации начальных носовых со-

гласных с гласными второй и третьей ступеней открытости в языках западной ветви манде с 7-гласными системами, то обнаруживается интересная особенность: *n-, m-, l-* хорошо сочетаются с *e* и *ɛ*, в то время как сочетания *me, mo, pe, po, le, lo* в некоторых из них (менде, ваи) не отмечены, а в других (бамана, манинка, сусу, дьялонке...) достаточно редки. И те немногочисленные слова, в которых такие сочетания представлены, относятся чаще всего к числу заимствований или к идеофонической лексике, так что их реконструкция на уровне праязыка маловероятна.

С точки зрения синхронии такая ситуация кажется необъяснимой: наличие немногочисленных сочетаний *me, mo, pe, po, le* в бамана, манинка или сусу³⁴ свидетельствует о том, что этот запрет на сочетаемость в настоящее время не действует. Очевидно, однако, что сочетание носовых согласных с гласными *e*, *o* было запретным в пра-западном манде.

Но если мы зададимся вопросом, в языках какого типа такой запрет был бы естественен, то мы приходим именно к прототипической модели южных манде (которая широко представлена также в языках ква [Williamson 1973] и кру), с силлабическим носовым, который может выступать в различных позициях в слове, не назализуя соседние гласные, с вокалической гармонией и тремя сериями гласных, в которой носовые согласные являются не самостоятельными фонемами, а аллофонами соответствующих сонантов и импловзивных, появляясь только перед

³⁴Вот их исчерпывающий список в бамана, по словарю Байоля [Bailleul 1996]: *méléke* 'оборачивать', *mèré* 'мелкая порода коров', *mèrú* 'поправлять волосы', *méru* 'съежиться, притаиться', *mésékú* 'рубить на мелкие кусочки', *móbíí* 'автомобиль', *móro* 'налёт на зубах, на стенах, на деревьях и т.п.', *mórí* 'марабут (учёный мусульманин)', *nègé* 'желание', *nèpáa* 'поджелудочная железа', *nèní*, *nèní* 'оскорблять', *nèrí* 'незвезение, несчастье', *nègèrègé* 'держаться на одной ниточке', *nèrèkú*, *nèrèkú-nèrèkú* 'рубить на мелкие кусочки', *lógá* 'пропитываться влагой', *lògí-lògí* 'моросить', *lògò* 'испытывать тошноту; хныкать, плакать', *lògò* 'слегка смачивать'. Следует иметь в виду, что как «чистые» случаи (в диахроническом плане) следует рассматривать лишь слова, в которых оба гласных одинаковы (типа *nègé*, *mèré*), в словах же типа *nèrí* более высока вероятность недавнего изменения качества первого гласного, вызванного влиянием последующего, см. [Выдрин, Поздняков 1987, 344–351].

носовыми гласными. Иначе говоря, реконструируются системы гласных и сонантов, близкие к современной системе языков гу-ро и яурэ:

Таб. 8. Гласные.

серия +ATR		серия –ATR		назальная серия ³⁵	
*i	*u	*ɪ	*ʊ	*ĩ	*ũ
*e	*o	*ɛ	*ɔ	*ẽ	*õ
	*a		*a	*ã	*N

Таб. 9. Сонанты.

фонема	/*ɓ/	/*d/	/*y/	/*w/
аллофон перед не-носовым гласным (*i, *ɪ, *e, *ɛ, *a, *ɔ, *o, *u, *u)	/*ɓ/	/*d/	/*y/	/*w/
аллофон перед носовым гласным (*ĩ, *ẽ, *ã, *õ, *ũ)	/*m/	/*n/	/*ɲ/	/*ŋ/

Затем, с утратой гармонии по ATR, произошло слияние фонем *i : *ɪ и *u : *ʊ, а оппозиции e : ɛ, o : ɔ были переинтерпретированы как оппозиции по степени открытости, при этом носовые гласные были соотнесены с более открытыми членами этих оппозиций, в результате чего получилась 7-гласная система (точнее, система из 7 не-носовых и 5 носовых гласных). Вне прямой зависимости от этого, произошла и системная перестройка консонантной системы, в результате которой импловивные (не-носовые) согласные слились со взрывными, а носовые аллофоны сонантов и импловивных фонологизировались.³⁶

Представим эту модель диахронического изменения в более наглядном (и упрощённом) виде на примере слогов (стоп), со-

³⁵Носовые согласные в гу-ро и яурэ нейтральны к признаку ±ATR, т.е. при их произнесении корень языка занимает среднее положение (не-продвинутое и не-отодвинутое).

³⁶Ср. предположение Дюместра о том, что /ŋ/ в бамана является по происхождению аллофоном /w/ в назальном контексте [Dumestre 1981].

стоящих из лабиальных согласных и передних гласных среднего подъёма. Оговорюсь, что это — скорее модель, чем полноценная реконструкция:

Таб. 10.

праманде		язык типа бамана
*be	>	be
*be [b _ɛ]	>	bɛ
*bē	>	bē
*beŋ	>	bē
*beŋ [b _ɛ ŋ]	>	bē
*bēŋ	>	bē
*be	>	be
*be [b _ɛ]	>	bɛ
*mē	>	mē
*beŋ	>	bē
*beŋ [b _ɛ ŋ]	>	bē
*mēŋ	>	mē

2.2.4. Ограничения на сочетаемость средних гласных с носовыми — не единственный след реконструируемой вокалической гармонии пра-западного манде. Рассмотрим допустимые сочетания гласных в одноморфемных двусложных словах в одном из типичных 7-гласных идиомов манден, а именно, в бамана р-на Беледугу [Konatè, Vydrine 1989]. Здесь представлены следующие типы таких слов, различающиеся в отношении долготы и назализации гласных: CVCV, CV:CV, CVCṼ, C̃VCV, C̃VC̃V, C̃V:C̃Ṽ. Для каждого из этих типов получается особая картина:

Таб. 11. Тип CVCV (краткие неносовые гласные обоих слогов).

1-ый слог	Второй слог						
	i	e	ɛ	a	ɔ	o	u
i	CiCi		CiCɛ	CiCa		CiCo	
e		CeCe					CeCu
ɛ	CɛCi		CɛCɛ	CɛCa			CɛCu
a	CaCi	CaCe		CaCa		CaCo	CaCu
ɔ	CɔCi		CɔCɛ		CɔCɔ		
o	CoCi					CoCo	
u		CuCe	CuCɛ	CuCa			CuCu

Таб. 12. Тип CV:CV (неносовые гласные, первый долгий).

1-ый слог	Второй слог						
	i	e	ɛ	a	ɔ	o	u
i:	Ci:Ci						
e:		Ce:Ce					Ce:Cu
ɛ:	Cɛ:Ci		Cɛ:Cɛ	Cɛ:Ca			
a:	Ca:Ci	Ca:Ce	Ca:Cɛ	Ca:Ca	Ca:Cɔ	Ca:Co	Ca:Cu
ɔ:	Cɔ:Ci				Cɔ:Cɔ		
o:	Co:Ci					Co:Co	
u:	Cu:Ci						Cu:Cu

Таб. 13. Тип CVC \tilde{V} (краткие гласные, второй носовой).

1-ый слог	Второй слог						
	\tilde{i}	\tilde{e}	$\tilde{\varepsilon}$	\tilde{a}	$\tilde{\text{ɔ}}$	\tilde{o}	\tilde{u}
i	CiC \tilde{i}			CiC \tilde{a}			
e		CeC \tilde{e}					CeC \tilde{u}
ε	C ε C \tilde{i}		C ε C $\tilde{\varepsilon}$				C ε C \tilde{u}
a				CaC \tilde{a}		CaC \tilde{o}	
ɔ	C ɔ C \tilde{i}	C ɔ C \tilde{e}			C ɔ C $\tilde{\text{ɔ}}$		
o						CoC \tilde{o}	
u		CuC \tilde{e}		CuC \tilde{a}			CuC \tilde{u}

Таб. 14. Тип C \tilde{V} CV (краткие гласные, первый носовой).

1-ый слог	Второй слог						
	i	e	ε	a	ɔ	o	u
\tilde{i}				C \tilde{i} Ca	C \tilde{i} C ɔ		
\tilde{e}							
$\tilde{\varepsilon}$							
\tilde{a}		C \tilde{a} Ce					
$\tilde{\text{ɔ}}$	C $\tilde{\text{ɔ}}$ Ca				C $\tilde{\text{ɔ}}$ C ɔ		
\tilde{o}							
\tilde{u}		C \tilde{u} Ce		C \tilde{u} Ca			

Таб. 15. Тип $C\tilde{V}C\tilde{V}$ (краткие носовые гласные).

1-ый слог	Второй слог						
	\tilde{i}	\tilde{e}	$\tilde{\epsilon}$	\tilde{a}	\tilde{o}	\tilde{u}	
\tilde{i}	$C\tilde{i}C\tilde{i}$			$C\tilde{i}C\tilde{a}$			$C\tilde{e}C\tilde{u}$
\tilde{e}		$C\tilde{e}C\tilde{e}$					$C\tilde{\epsilon}C\tilde{u}$
$\tilde{\epsilon}$			$C\tilde{\epsilon}C\tilde{\epsilon}$				$C\tilde{a}C\tilde{u}$
\tilde{a}				$C\tilde{a}C\tilde{a}$			
\tilde{o}					$C\tilde{o}C\tilde{o}$		
\tilde{u}							$C\tilde{u}C\tilde{u}$

Таб. 16. Тип $C\tilde{V}:C\tilde{V}$ (носовые гласные, первый долгий).

1-ый слог	Второй слог						
	\tilde{i}	\tilde{e}	$\tilde{\epsilon}$	\tilde{a}	\tilde{o}	\tilde{u}	
$\tilde{i}:$							
$\tilde{e}:$							
$\tilde{\epsilon}:$							
$\tilde{a}:$							
$\tilde{o}:$					$C\tilde{o}:C\tilde{o}$		
$\tilde{u}:$							$C\tilde{u}:C\tilde{u}$

Не останавливаясь здесь на анализе закономерностей (он сделан в статье [Konatè, Vydrine 1989]), отметим только, что практически для всех типов двусложных слов бамана Беледугу являются запретными сочетания средних гласных, различающихся по подъёму (т.е. ϵ - e , ϵ - o , ϵ - u , e - e , e - o , и т.д.)³⁷ — закономерность, типичная для всей западной ветви манде. Очевидно,

³⁷Я нашёл в диалекте Беледугу лишь одно исключение из этого правила: *jòlé* 'трава *Imperata cylindrica*' (*dòlé*, *dòlé* в словарях бамана Байоля и Дю-

объяснение этого запрета следует искать в правилах сингармонизма, существовавших в праязыке. Запретов же на сочетания с *i*, *u* нет, поскольку эти гласные являются результатом слияния праязыковых *i*, *ɪ* и *u*, *ʊ* соответственно.

2.2.5. Все изложенные выше соображения позволяют выдвинуть гипотезу, что вокалическая система и система сонантов праманде принадлежала к типу, который можно реконструировать и для пра-южного манде, а также хорошо представленному в языках кру, бенуэ-конго, а возможно и гуро.³⁸

2.3. Сорезонантность (консонантная гармония)

2.3.1. Явление сорезонантности широко представлено в языках кру, ква и южных манде (см. его обзор и интерпретацию в [Bearth 1992]). Продемонстрируем его на примере языка гуро (см. [Le Saout 1979]).

В этом языке существуют две срединные переднеязычные согласные фонемы, /l/ и /L/. /l/ реализуется как [l], который в некоторых вокалических рамках находится в отношении свободного варьирования с нулём согласного, а в назальном контексте реализуется как [n]. /L/ представлен четырьмя аллофонами, распределение которых отражено в таблице 17.³⁹

мистра) — очевидно, результат позднего развития; соответствующее слово в манинка, *lɔli*, из общего правила не выпадает.

³⁸Моя гипотеза хорошо согласуется с теорией Боле-Ричарда [Bole-Richard 1985] о «супрасегментной назализации в нигер-конго» и «теорией отсутствия носовых согласных» Стюарта [Stewart 1983]. В то же время я не могу согласиться с некоторыми аргументами Боле-Ричарда. Во-первых, его возражения против интерпретации Стюарта носят несущественный характер: на мой взгляд, «языки без носовых согласных» и «языки с супрасегментной назальностью» — это два взаимодополняющих определения одного и того же фонологического типа. Во-вторых, вопреки предположению Боле-Ричарда, интерпретация назальности как супрасегментного явления не даёт никаких преимуществ при объяснении нерегулярности назальных и неназальных рефлексов в современных языках: даже если мы относим некую праязыковую реальность к супрасегментному уровню, всё равно следует ожидать, что отражение этого супрасегментного явления в современных языках подчиняется каким-то правилам.

³⁹Эта схема несколько упрощает реальную картину. Фактически аллофоны /L/ в гуро распределены гораздо менее строго: мне доводилось нередко

Таб. 17.

	не-назальный контекст	назальный контекст
Начальный губной или заднеязычный («грависный») согласный	[ɓ]	[ɓ̃]
Начальный передне- или среднеязычный («акутовый») согласный	[ɗ]	[ɗ̃]

2.3.2. В западных манде, на первый взгляд, не наблюдается ничего, что напоминало бы вышеописанное явление. Рассмотрим, тем не менее, некоторые факты языков манден, которые представляют определённый интерес в этой связи. Точнее, речь пойдёт о комплексе бама-манинка-хасонка-кагоромандинка (иначе говоря, о «западных манден» и «центральных / восточных манден»; за рамками рассмотрения остаются все говоры дьюла, варианты манден южной Гвинеи-Либерии-Сьерра-Леоне, а также диалектный континуум марка-дафин — в этих идиомах эволюция переднеязычных сонантов в инлауте подчинялась несколько иной логике). Эти языки распространены в районах, географически не смежных с зоной южных языков манде; они проявляют некоторые архаические черты, не сохранившиеся в других западных манде.

2.3.2.1. Сразу отметим, что здесь механизм «назальной сорезонантности» в настоящее время не действует, хотя и наблюдается некоторая статистическая корреляция между носовыми согласными в начале и середине слова. Что же касается неносовых инлаутных переднеязычных согласных, то здесь выде-

слышать от информантов-гуро [ɗ] после «грависного» согласного, а [ɓ] — после «акутового». В назальном контексте вместо [ɓ̃] может появляться [ɓ], более или менее назализованный, и т.д. Более подробный анализ сорезонантности в гуро представлен в статье [Выдрин 2002]. Впрочем, для понимания сущности этого механизма модель Лё Саута, отражающая основные его элементы, вполне подходит.

ляются три ряда регулярных соответствий, контекстно не обусловленных и не вызывающих вопросов:

- а) *-r-* во всех пяти языках (праманден **-r-*);
- б) *-l-* во всех пяти языках (праманден **-l-*);
- в) бамана *-r-* : кагоро *-d- ~ -t-* : манинка *-d- ~ -r-* : хасонка *-t-* : мандинка *-t-* (праманден **-T*⁴⁰).

Имеется, однако, довольно значительное число основ, которые образуют странные и противоречивые регулярные соответствия. С одной стороны, отмечено такое соответствие:

- г) бамана *-l-* : кагоро *-r-* или *-l-* : манинка, хасонка, мандинка *-r-*;

с другой стороны —

- д) бамана *-r-* : кагоро *-r-* или *-l-* : манинка, хасонка, мандинка *-l-*.

Учитывая тот факт, что «простые» соответствия (типы а, б, в) отмечены в тех же вокалических контекстах, что и «перепутанные» (типы г, д), последние вряд ли могут рассматриваться как позиционные варианты первых. Предложим, в качестве предварительного решения, прамандингский **l* для соответствия (г) и **r* для соответствия (д).

2.3.2.2. В качестве отступления, упомяну одну интересную взаимозависимость между инлаутными переднеязычными согласными, начальными лабиальными согласными и разделяющими их гласными в диахроническом развитии языков манден. Рассмотрим следующие соответствия:

⁴⁰На материале рассматриваемых языков невозможно установить, была ли эта пра-фонема глухой или звонкой. В то же время, по предположению Жерара Гальтье [Galtier 1979], провести различие между праязыковыми звонкой и глухой фонемами позволяет дыюла Конга, где: **-d-* > *-r-*, **-t-* > *-t-*. Поскольку этот вопрос не имеет прямого отношения к проблеме, обсуждаемой здесь, я не буду рассматривать его подробно.

Таб. 18.

	бамана	манинка	хасонка	мандинка
родственник через брак	búrã	bídã, bírã	bítaŋ	bítaŋ
лист (дерева)	fúra	fída, fíra	fíta	fíta
подметать	fúrã	fídã	fìta	fíta
красный	bìlé, blě	wùlé	wùleŋ	wùleŋ
класть	bìlá, blǎ	bìlá	bùla	bùla
два	fílá	fílá	fùla	fùla

И здесь мы наблюдаем «зеркальную» ситуацию в бамана и в западных манден (манинка представляет собой «компромиссный вариант»):

праманден **BUTA* > бамана *BurA*, западные манден *BitA*;

праманден **BULA* > бамана *BilA*, западные манден *BulA*.

Иными словами, при начальном губном согласном, от типа инлаутного переднеязычного согласного зависит качество стоящего перед ним гласного, причём бамана и западные манден приходят к прямо противоположным вариантам.

2.3.2.3. Встаёт вопрос: можно ли предполагать какое-то влияние, идущее и в противоположном направлении — иначе говоря, могут ли в рассматриваемых языках гласные и начальные согласные обуславливать тип интервокальных согласных? Рассмотрим представительный (близкий к исчерпывающему) список слов, иллюстрирующих соответствия (г) и (д), о которых шла речь в 2.3.2.1.

Таб. 19. г) бамана -l- : кагоро -r- или -l- : манинка, хасонка, мандинка (мдк)⁴¹ -r-.

	бамана	кагоро	манинка	хасонка
Acacia albida	bálansã	ñbálànsã́, bálànsã́	báransã	(мдк báransaŋ)
развилка	bàló, báló		bàró, bàrɔ́	(мдк bára, báruu)
кипеть	bàlabála	bàrabára	bàrabára	bàrabara
крылатый термит	ñbíli, bíli		bíri	
галька	bèlé		bèré	bère
замок, ключ	bàlabála 'закрывать'		bàrabara 'ключ'	
бежать	bòlí	bòrí	bòrí	bòri
заставать врасплох	bàlá		bàrá	(мдк bàra)
кузнечные клещи	bàlá	bàlá	bàrá	bàyaŋ (мдк bàayaŋ)
мотыжить	bùlukú	bùrukú	bùrukú	(мдк búruka)
гардения	búlé, búrě, ñbúrě	búrě	búrě	búreŋ
клубок нитей	ñdóla, dóla		dóra, dúra, dórɔ	dóoro
индиго	gàlá	gàrá, gàará	kàrá	gàra
сухой	jàlá	jàré	jàrá, yàrá	jàro

Продолжение на следующей странице.

⁴¹ Для экономии места, я привожу формы мандинка только в тех случаях, когда отсутствует форма хасонка, или когда форма мандинка отличается от формы хасонка в каком-то важном отношении.

В большинстве случаев я не привожу в этих таблицах сведений, относящихся к семантической эволюции слов в каждом конкретном языке (эта информация отражена во всех деталях в Этимологическом словаре манде, над которым я в настоящее время работаю).

К реконструкции пра-манде

	бамана	кагоро	манинка	хасонка
бамбуковая кровать	kálaka	kálaka	káraka	xáɣaxa
каури	kòlò	kùurú	kòrò	xùuruɲ
ложь	̀nkálò		kàrò	xàgo
луна	kálo	káru, qáru, kári	kágo	xágu
шить	kála	kára, xára	kára	xára
веселиться	ɲágali, ɲágani		ɲáalẽ, ɲáari	
белка	̀nkèlé	̀ngère-nó	kèrè	kèrɛɲ
юноша	kámalẽ	kámarẽ, qámarẽ	kánberẽ, kámarẽ	xámariɲ
ткацкий станок	kòlé	kòré	kòrè	xòre
семья	kóɛ	kóre	kóɛ	kóre
окружать	kòolí, kòorí	kòorí	kòorí	kòori
терпеть неудачу	kòlí		kòrí	kòri
наблюдать	kòlosí	kòrosí	kòɾɔsí	kòrosi
наковальня	kúlã, kólã		kúrã	(мдк kuraa)
орать, кричать	kúlo	kúle, kúre	kúlo, kúre, kúle	xúure, kúle
камень	kùlú, kùrú	kùrú	kùrú	kùru
группа; собирать	kúlu		kúru	(мдк kúru)
хозяйственная постройка	kúlukulu 'курятник'	kúrukúru амбар	kúrukuru 'конюшня'	kúrukuru 'амбар'
никчемный	kólò	kúrũ	kórõ	kúruɲ
парализовать	mùlukú	mùlukú, mùrukú	mùrukú	múruxu
черпать воду	sòlí	sòrí	sòrí	séru

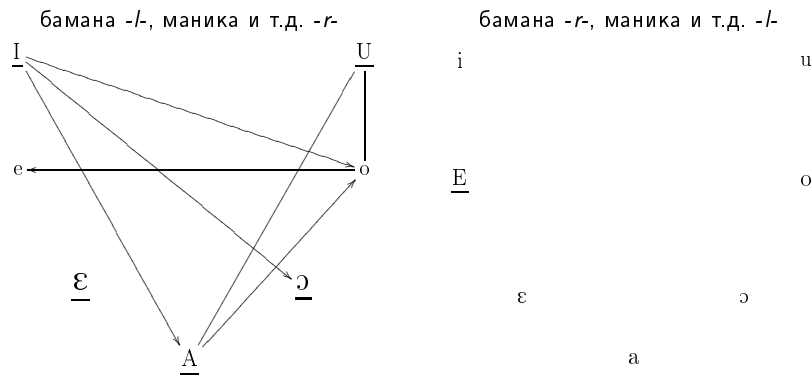
Продолжение на следующей странице.

	бамана	кагоро	манинка	хасонка
делать рано утром	sòlí	sòrí	sòrí	sòri
прошлый год	sálǒ	sérù, sérũ	sárǒ	sèruŋ
могила	sàlé, sèlé	sàaré	sàrí	(мдк sàareŋ, sàaree)
быстрый	téli	térĩ	téri, tári	tári
коса (на голове)	tùrú, tùlú, kùlú		tùrú	tùru
серп	wòlósó	wòrosó	wòròtó	wòroto
вечер	wúla		wúra	wùra
рай (ар. 'al-janna)	àlijána, àlijéne	àrijíne	àrijána	àrajanna
дьявол (ар. 'iblis)	bìlisí		bìrisí	
средство (ар. <i>dabbar</i>)	dàbáli	dàbarí	dàbári	dàbari
рубаха (ар. <i>dir'</i>)	dùlokí, dùlókí	dlòkí, dòrokí, dèreké	dìrikí	dòroke
верить (ар. <i>kallafa</i>)	kàlifá		kàrifá	xàrifa
читать (ар. <i>qara'a</i>)	kàlá	kàrá, qàrá	kàrá	xàraŋ
штаны (ар. <i>kalsa</i> 'чулки')	kùlusí	kùrusí	kùrusí	kùruti

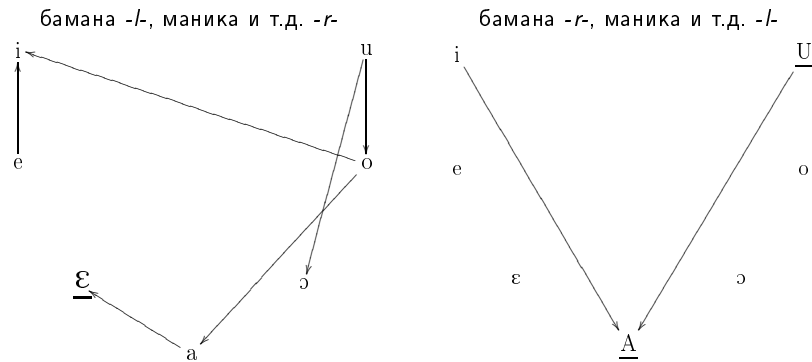
та), а среди примеров на соответствие (д), напротив, в предшествующем слоге преобладают переднеязычные и среднеязычные согласные (т.е. «акутовые согласные» — 10 из 14 случаев).

Другой фактор, который нужно принять во внимание — вокалическая рамка. Рассмотрим комбинации гласных, окружающих сонант в словах из рядов (г) и (д) соответственно, в языке бамана. В приводимых ниже схемах стрелки обозначают последовательность гласных в рамке (гласный предшествующего слога → гласный последующего слога). Если сонант окружён идентичными гласными, соответствующий гласный выделен жирным шрифтом и подчёркнут.

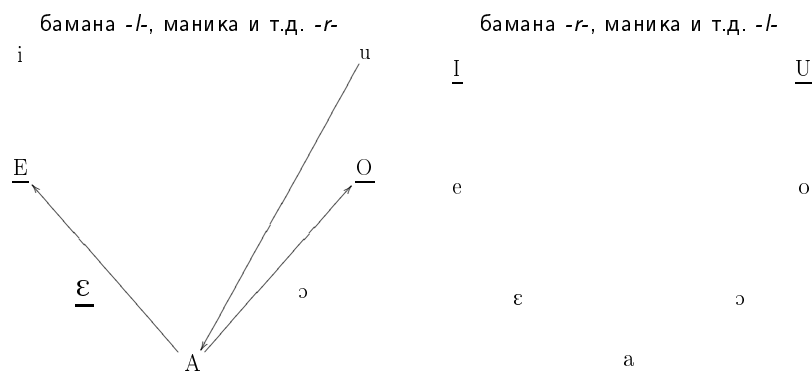
I. Тип CVCV: После «грависного» согласного

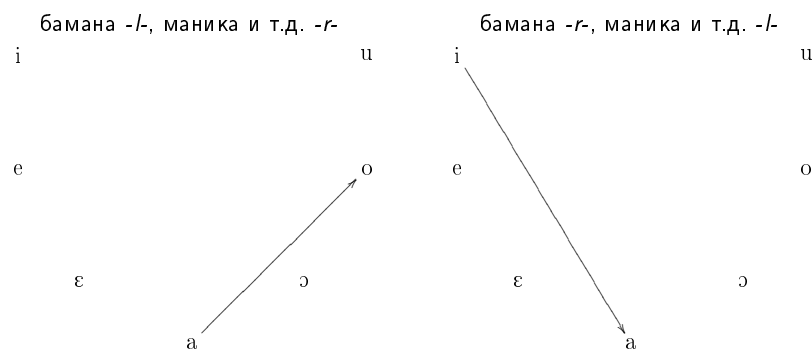
После «акутового» согласного

II. Тип CVCŶ: После «грависного» согласного

После «акутового» согласного

Если проанализировать эти схемы, то оказывается, что типы (г) и (д) обнаруживают идеальное дополнительное распределение, причём это распределение имеет системный характер.

Этой ситуации может быть дана следующая диахроническая интерпретация: в праманден, наряду с *-l-, *-r-, *-d- и, возможно, *-t-, в интервокальной позиции существовала также фонема *-l̥- или *-α- с аллофонами [l̥] и [r̥]. Распределение этих аллофонов регулировалось, в первую очередь, правилом сорезонантности (по модели гуро), с некоторыми ограничениями, обусловленными влиянием окружающих гласных. Это правило действовало ещё в сравнительно недавнее время, так что под его действие подпали и некоторые арабские заимствования

(к сожалению, их количество в нашем списке недостаточно для того, чтобы установить какие-то закономерности). Позднее, в бамана *[l] и *[r] (аллофоны фонемы *-l-) слились с «обычными» *-l- и *-r-. В манинка, хасонка и мандинка, по не вполне понятным причинам, слияние с «обычными» фонемами пошло в противоположном направлении: *[l] > -r-, [r] > -l-. Язык кагоро, находящийся под сильным влиянием бамана, являет собой промежуточное звено — -l- и -r-, восходящие к *-l-, находятся в отношениях свободного варьирования.

Существуют, впрочем, и «смешанные случаи», которые следуют общему правилу в одних языках, но отклоняются от него в других:

Таб. 21.

	бамана	кагоро	манинка	хасонка
четверг (ар. <i>'al-ḥami:s</i>)	àlamísa, àlakámisa	àlhámisa	àlamísa	àraxamisa
препятствовать	bàlí	bàlí	bàlí	bàli, bàri
привыкать	dèlí	dèlí, dàlí	dèrí, dàrí	dàli
делать, создавать	díla, dílà, dála	dlá		dára (мдк dádaa, dédaa)
развязывать	fóni, fálě, félě ?	hílí	fúlě, fúrě, fólí	fíriŋ
упрекать	jàlakí	jàrakí	jàrakí	jàlagi (мдк jàlayi)
зелёный попугай	sòló	còró	sòló	sòro
опора	ntúloma	túruma	tóloma	túluma
гулять	yáala	yáala, yáalã	yáala, yára	yáala

Я могу лишь предполагать, что эти отклонения могут быть вызваны особенностями индивидуальной истории каждого из этих слов: междиалектными заимствованиями и заимствованиями из соседних языков, реинтерпретацией основ в отдельных языках, и т.п.

3. Морфологический тип: праманде — язык с именными классами?

После Мориса Делафоса мнение об отсутствии в языках манде не только именных классов, но даже их следов, является общепринятым. Именно на этом основании Дж. Гринберг считал манде самым ранним ответвлением от праязыка нигер-конго. Сходного мнения придерживались и авторы коллективной монографии 1989 года, имевшей целью подвести итог развития нигеро-конголезской компаративистики на конец 1980 годов [Vendog-Samuel 1989].

Действительно, современные языки манде разительно отличаются в этом отношении от всех остальных нигеро-конголезских ветвей: морфологические классы именной лексики явным образом не выделяются, не говоря уж о каком бы то ни было согласовании по классу. Более того, в языках манден (к материалу которых чаще всего и обращаются, когда говорят о семье манде) формируется система именных классификаторов, которые «в основном ... свойственны тем языкам, в которых отсутствует как грамматическая категория числа, так и грамматическая категория класса существительных» [Плунгян 2000, 160]. Ср. в бамана: *šɛfã dɛ̀ sàba* ‘три куриных яйца’, дословно: «три плода/ребёнка куриных яйца» (при неестественности **šɛfã sàba*); *nsìra jú sàba* ‘три баобаба’, дословно: «три ствола баобаба» (при неестественности **nsìra sàba*), и т.д.⁴³

Судя по всему, впервые положение об исходном отсутствии именных классов в манде было поставлено под сомнение Ричардом Спирсом [Spears 1972].⁴⁴ Он выдвинул предположение

⁴³Конечно, считать баманскую систему именных классификаторов полноценной было бы преждевременно: они являются обязательными далеко не во всех количественных конструкциях, и не всякое существительное, по-видимому, может быть употреблено со счётным словом. В целом, надо признать, классификаторы в языках манден на настоящий момент остаются фактически неизученной областью. Первой серьёзной работой на эту тему является статья А. В. Эрман в данном сборнике.

⁴⁴Если быть ещё точнее, мнение о наличии именной классификации в биса-барка (собственно восточные манде) было высказано Андре Простом в его монографии по этому языку [Prost 1950]. Его идея не получила дальнейшего развития и прошла мимо внимания компаративистов. Она, несо-

о том, что префиксный низкий тон в двух терминах родства манинка, `lá` 'мать' и `má` 'бабка', может «являться отражением некоего остаточного префикса именного класса в языках манде». Уильям Уельмерс писал в 1975 году: «/ntòrí/ 'жаба' — это одно из нескольких слов бамана, имеющих начальный преназализованный согласный, в большинстве обозначающих живых существ; проф. Куртенэ (речь идёт, несомненно, о Karen Courtenay — В. В.) полагает, что это может быть пережитком, ранее неизвестным ни в одном из языков манде, показателя именного класса, который может быть сопоставлен с бантусским классом 9» [Welmers 1975, 176].⁴⁵ Позднее, в 1979 году, аналогичная догадка была высказана Дени Креселем по поводу преназализации начальных согласных некоторых семантических групп существительных в бамана и мандинка. Такой же вывод по поводу этого феномена, независимо от Креселя, был сделан и в работе [Выдрин, Поздняков 1987].

В 1988 году появилась статья Ганса Мукаровского, который также рассматривал, независимо от вышеупомянутых авторов, следы именной классификации в манде (мне удалось познакомиться с этой публикацией только в сентябре 1994 года). Хотя его анализ основывался в основном на тех же данных, его выводы оказались совершенно другими, о чём будет сказано ниже.

Рассмотрим факты, которые заставляют предполагать, с достаточно высокой степенью вероятности, наличие именной классификации в праманде.

мненно, должна быть подвергнута проверке в свете новейших достижений сравнительно-исторического языкознания манде и нигер-конго. Однако, поскольку в данной работе материал собственно восточных манде, к которым принадлежит биса-барка, не привлекается, я воздерживаюсь от рассмотрения и этого вопроса.

⁴⁵Отметим, при этом, что в других своих работах Вельмерс отрицает наличие следов именных классов в манде. Так, в [Welmers 1971], в обзоре нигеро-кордофанских систем именных классов, в разделе о языках манде он говорит лишь о противопоставлении относительных и автосемантических имён (free nouns vs. dependent nouns), которое имеет несколько иную природу, чем противопоставления именных классов.

3.1. Начальная преназализация в языках манден

3.1.1. Бамана

Начальные преназализованные согласные⁴⁶ отмечены в большинстве идиомов манден. Набор их различается от языка к языку и от диалекта к диалекту. Так, в «стандартном бамана» (говор Бамако, столицы Мали) система анлаутных согласных имеет следующий вид.⁴⁷

Таб. 22.

<i>mp</i>	<i>nt</i>	<i>ɲc</i>	<i>ŋk</i>
<i>mb</i>		<i>ɲj</i>	<i>ŋg</i>
<i>mf</i>	<i>ns</i>		
<i>p</i>	<i>t</i>	<i>c</i>	<i>k</i>
<i>b</i>	<i>d</i>	<i>j</i>	<i>g/gw</i>
<i>f</i>	<i>s</i>	<i>(š)</i>	<i>h</i>
		<i>l</i>	<i>y</i>
<i>m</i>	<i>n</i>	<i>ɲ</i>	<i>ŋ</i>

В диалекте бамана области Беледугу [Konatè, Vydrine 1989, 17] положение ряда преназализованных несколько иное (см. таблицу 23.)

Как можно видеть, в этом диалекте нет противопоставления глухих и звонких преназализованных смычных, причём оно снято «в пользу глухих»,⁴⁸ а преназализованным (глухим) фри-

⁴⁶И в диахроническом, и в синхроническом отношении правильнее было бы считать их сочетаниями носовой фонемы с соответствующей согласной, а не отдельной преназализованной фонемой. Я буду использовать обозначение «преназализованные согласные» только из соображений удобства, за отсутствием более адекватного краткого термина.

⁴⁷Таблица приводится по [Конате 1989, 87], с некоторыми модификациями.

⁴⁸В престижном диалекте города Сегу эта оппозиция, наоборот, снята «в пользу звонких». Надо отметить, что и в «стандартном бамана» противопоставление глухих и звонких преназализованных обосновывается не вполне надёжно; этот вопрос ещё нуждается в дополнительных исследованиях.

Таб. 23.

				Согласные с «дополнительной артикуляцией»		
<i>mp</i>	<i>nt</i>	<i>ɲc</i>	<i>ŋk</i>	<i>mpɥ</i>		
<i>p</i>	<i>t</i>	<i>c</i>	<i>k</i>			<i>kw</i>
<i>b</i>	<i>d</i>	<i>j</i>	<i>g</i>	<i>bw</i>		<i>gw</i>
<i>f</i>	<i>s</i>		<i>h</i>	<i>fw</i>		
<i>v</i>	<i>z</i>					
		<i>l</i>	<i>y</i>	<i>w</i>		
<i>m</i>	<i>n</i>	<i>ɲ</i>	<i>ŋ</i>	<i>my</i>	<i>ɲw</i>	<i>ŋw</i>

кативным стандартного варианта соответствуют звонкие фрикативные (звонкость является компенсаторной, выступая на месте исчезнувшего назального элемента — это характерно для фрикативных во многих говорах бамана).

Рассмотрим систему начальных согласных в к а г о р о (диалект деревни Себекоро), языке западной ветви манден [Vydrine 2001, 36]:

Таб. 24.

<i>mp (?)</i>	<i>nt</i>	<i>ŋk</i>		
<i>mb</i>	<i>nd (?)</i>	<i>ŋg</i>		
	<i>ns</i>			
<i>p</i>	<i>t</i>	<i>c</i>	<i>k</i>	<i>(q)</i>
<i>b</i>	<i>d</i>	<i>j</i>	<i>g</i>	
<i>f</i>	<i>s</i>		<i>h</i>	
	<i>l</i>	<i>y</i>	<i>w</i>	
<i>m</i>	<i>n</i>	<i>ɲ</i>	<i>ŋ</i>	

Здесь, как мы видим, наблюдается картина, близкая к «стандартному бамана» — нечётко выраженное противопоставление глухих и звонких преназализованных смычных, наличие глухих преназализованных фрикативных.⁴⁹

Кроме бамана и кагоро, начальные преназализованные хорошо представлены также в диалекте васулу. Они значительно более редки в северо-западных диалектах бамана (Тамбакунда, Кай, Бафулабе), в мандинка, в различных говорах манден Кот-д'Ивуара. Они фактически отсутствуют в гвинейских диалектах манинка, в хасонка, в манья. Даже в тех идиомах, где преназализованные представлены, нередко наблюдается свободное варьирование форм с назальным элементом и без него. Например, в кагоро дер. Камико *kɔ̀ɔ́*, *pkɔ̀ɔ́* 'горький баклажан, *Solanum aethiopicum*'. За пределами манден начальные преназализованные отмечены в языке какабе.

3.1.2. Интерпретация материала бамана

В этой ситуации теоретически возможны две диахронические интерпретации:

а) реконструкция начальных преназализованных в праманден, при этом их отсутствие в манинка, хасонка, манья следует считать результатом поздней эволюции;

б) начальные преназализованные следует считать баманской инновацией, а их появление в других идиомах манден (кагоро, многие варианты дьюла), а также в какабе — заимствованием из бамана и/или языков, не входящих в семью манде.

3.1.2.1. Кагоро

Исходя из второй точки зрения, можно было бы предположить, что начальная преназализация была вызвана инлаутным носовым согласным, подобно тому как это произошло с *w- [Dumestre 1981a], ср.: *wÁni 'колючка' > бамана *ɲɔ̀ni*, васулу *ɲwéni*,

⁴⁹Фиксации фонологических оппозиций в этом языке препятствует ограниченность имеющегося материала: собранный мною словарь кагоро насчитывает менее 1500 лексем [Vydrine 2001].

хасонка *ɲáɲiɲ*, манинка-мори *wáɲĩ*. По-видимому, для каких-то слов это предположение может быть принято, подтверждением чему может служить французское заимствование в бамана *prɔ̃* ‘мост’ (от *pont*).⁵⁰ Однако примерно половина всех слов с преназализацией в бамана⁵¹ не имеет второго носового элемента, который мог бы вызвать регрессивную ассимиляцию.

Другой источник слов с начальным преназализованным — ономатопами. Действительно, в этой группе слов оказывается довольно много экспрессивных наречий: *nbólonbalã* ‘очень (высокий и хрупкий)’, *ndáɲwu* ‘очень (приятный, вкусный)’, *ndére* ‘очень (горячий, спелый, красный)’, *ndóro* ‘очень (кислый)’, *ɲjáɲi* ‘очень (прямой); сильно (тянуть)’, *ngáɲi* ‘очень сильно (сжимать, сдавливать, привязывать)’, и т.д. Очевидно, это связано с общей тенденцией идеофонов в бамана и в других языках манден, проявляющейся в повышенной частотности именно тех звуков и сочетаний, которые редки в массиве ядерной лексики языка (на эту тему см., в частности: [Dumestre 1981b; Dumestre 1982; Dumestre 1987, 497–498]). Идеофоническое происхождение имеют и некоторые глаголы или существительные с начальным преназализованным, образованные от экспрессивных наречий путём конверсии:⁵² *ngáɲingani* экспр.нар. ‘быстро (о походе заносчивого человека)’ → сущ. ‘заносчивость; уверенность в себе’, гл. ‘быть надменным’; *nbérebata* экспр.нар. ‘небрежно, неряшливо’ → *nbèrebáta* гл. ‘быть неряшливым, быть плохо сделанным’, сущ. ‘неряха; неряшливо сделанная вещь’, *ɲjànakí*, *ɲjànakinjãnakí* экспр.нар. ‘очень (быстрый, нетерпеливый)’ →

⁵⁰Интересна история другого заимствования из французского, *ɲsũ* ‘ярмо’. Его французский прототип, *joug*, не имеет в своём составе носового, и преназализация может показаться необъяснимой: он должен был бы отразиться в бамана как *zũ* — в некоторых диалектах именно эта форма и представлена. Но в целом в диасистеме бамана начальный *z*- воспринимается как вариант преназализованного *s*-, и форма *zũ* была переосмыслена как *ɲsũ*. Интересно отметить, что эта «вторичная» преназализация, в свою очередь, оказала влияние на гласный, в результате чего появилась и форма *ɲsũ*.

⁵¹Выбор именно бамана объясняется тем, что из всех идиомов манден, в которых хорошо представлены начальные преназализованные, он обладает наилучшей лексикографической базой.

⁵²О конверсии в бамана см.: [Выдрин 2004].

гл. ‘ёрзать, постоянно двигаться; говорить быстро и без умолку’, и т.д. Даже те глаголы с начальным преназализованным, которые явным образом не восходят к экспрессивным наречиям, явно имеют звукоизобразительный характер или отличаются экспрессивной семантикой: *nbòoló*, *ntòoló* ‘отпрянуть; взять разбег’, *ndògobé*, *ndògobí* ‘быть выпуклым, иметь выпуклости; расплющиваться’, *ngàaningáani* ‘исчиркать, исцарапать, покрыть каракулями’, *ngánunganu* ‘заплесневеть; протухнуть’, *ntàrakí* ‘исцарапать, ободрать’, и т.д.

Начальные преназализованные велярные возникают также как диалектные или свободные варианты согласной *ŋ*: *ŋála*, *ngála* ‘Бог’ (по-видимому, старое арабское заимствование, свидетельствующее о невозможности в праманден форм с неприкрытым слогом; ср. повторное, более позднее заимствование из того же источника: *ála*), *ŋàniyá*, *ngàniyá* ‘воля, желание, намерение’ (ср. манинка *wàniyá*), *ŋánuŋanu*, *ngánunganu* ‘протухать’, и др.

Нельзя забывать и о заимствованиях из соседних языков, прежде всего фула и волоф, в которых преназализация грамматически обусловлена и достаточно частотна: *nbáwudi* ‘мелодия в честь фульбского воина-храбреца’ (фула *mbawdi* ‘сила, мощь; успех’), *nbéda*, *béda* ‘широкая улица, авеню’ (волоф *mbedd*, ср. тж. пулар Мавритании и Фута-Торо *mbedda*), *nbúuru*, *búuru* ‘хлеб’ (волоф *mburu*, фула *mburu*, *buru* — в свою очередь, в волоф это слово восходит, по-видимому, к фр. *boule* ‘солдатский хлеб’ или англ. *bread*), и др.

3.1.2.2. Мандинка

И всё же гипотеза о преназализации начального согласного как о поздней инновации в бамана и смежных языках манден наталкивается на серьёзные возражения. Во-первых, свидетельства обратного даёт стандартная компаративистская процедура.

Дело в том, что, следы носового прослеживаются и в тех идиомах манден, в которых он не отмечен в синхронии — например, в манинка *r*-на Кита. В этом диалекте произошло системное из-

менение $*f > h$ -, например: *hàngá* ‘сила, могущество’, *hápa* ‘тоже’ (ср. в бамана, соответственно: *fàngá, fána*). Однако основы, рефлекс которых имеют в бамана преназализованный, дают здесь начальный *p*-: *prá* (ср. в манинка-мори *fá*, в бамана: *prá*). В языках, не входящих в группу манден (в частности, в юго-западных манде), рефлекс основ с преназализованным также системно отличаются от таковых без преназализации, что будет подробно продемонстрировано в разделе 3.3.3. Таким образом, префигированный носовой элемент, каковы бы ни были его статус и функциональная нагрузка, должен быть реконструирован в праманде (или, во всяком случае, в пра-западном манде).

3.1.2.3. Какабе

Во-вторых, если мы отсортируем все слова, в которых начальная преназализация подпадает под одно из приводимых выше объяснений, «необъяснённой» оказывается не менее половины всего списка. Самое любопытное — это то, что в этом «остатке», во-первых, оказываются исключительно существительные, а во-вторых, эти существительные группируются по своей семантике в четыре-пять разрядов — явление, достаточно обычное в языках с именными классами, но совершенно необъяснимое, если исходить из общепризнанной идеи чуждости именной классификации для языков манде на всех этапах их эволюции.⁵³ Чтобы это утверждение не было голословным, рассмотрим этот класс лексики в бамана более подробно. В этом обзоре я буду опираться на материалы словарей Дюместра [Dumestre 1981–1992] и Байоля [Bailleul 2000], а также на материалы к манден-русскому / манден-английскому словарю (в настоящее время опубликован только первый том, см. [Выдрин, Томчина 1999; Vydrine 1999a]).

⁵³ Жерар Дюместр предлагает иное, экстралингвистическое объяснение начальной преназализации в бамана, связывая её с идеей немусульманского, языческого в языке и культуре [Dumestre 2004]. В принципе, такое объяснение не противоречит моему и может рассматриваться как поздняя реинтерпретация этого явления в эпоху массивной экспансии ислама в Мали.

Семантический анализ списка слов бамана с начальными преназализованными даёт такие результаты: почти 60% таких слов представляют собой названия растений и животных.⁵⁴ Причём, если рассматривать только слова, не имеющие второго (серединного, конечного) носового элемента, то этот процент становится ещё выше.

I. Названия растений:

а) трав (часто колючих) и водорослей: *ndòlě*, *dòlě* ‘штык-трава (*Imperata cylindrica*)’, *nkása* ‘трава *Veteveria nigritana*’, *nkásã* ‘общее название для различных диких злаковых растений, в том числе *Loudetia togoensia*’, *ngòoló* ‘высокая трава (*Pennisetum pedicellatum*)’, *ngǒ* ‘фасоль-сабля (*Canavalia ensiformis*)’, *ngòkú*, *nkòkú* ‘кувшинка (*Nymphaea lotus*)’, *ndàansó* ‘*Hyperthelia dissoluta*, *Andropogon tectorum*, *Nyparrhenia ruprechtii*’, *ncàngára*, *ncágára* ‘травянистое растение (*Combretum glutinosum*)’, и др.;

б) лиан, вьющихся растений: *ngòyí* ‘каучуконосная лиана (*Landolphia heudelotii*)’, *nfúfu*, *fúfu* ‘лиана *Holarrhena floribunda*’, *nsàbá*, *nsàbã* ‘лиана сенегальская ландольфия (*Landolfia senegalensis*)’, *ngàró* ‘вьющееся растение *Cissus populnea*’, *ndeblenĩ* ‘лиана лакричник’, *nsére* ‘растение-паразит (*Ficus polita*)’, *nsára*, *nsére* ‘арбуз’, и др.;

в) кустарниковых растений: *ntègé* ‘кустарник с белыми цветами (*Cordia mixa*)’, *ntogoyo* ‘кустарниковое ползучее растение с зелёными цветами и красноватыми ягодами (*Maytenus senegalensis*)’, *nkànkóro*, *nkànkurunĩ* ‘дикий апельсин (*Strychnos spinosa*)’, *pragã*, *praganpalã* ‘вид кустарника’, и др.

г) деревьев (часто с ветвистыми корнями и различных пальм): *nkába* ‘дерево *Ficus platyphylla*’, *nsájě* ‘каучуконосная акация (*Acacia seyal*, *Acacia tortilis*, *Acacia campylacarp-*

⁵⁴Всего, по приблизительным подсчётам, в бамана зафиксировано до 500 корней с начальными преназализованными — с учётом идеофонов и не считая выявленных заимствований из других языков. Более точную цифру назвать трудно по разным причинам — в частности, из-за большой вариативности преназализации по диалектам.

tha)', *prǎ*, *bǎ* 'пальма рафия (*Raphia sudanica*)', *ntómɛn̄* 'дерево ююба, грудная ягода (*Zizyphus mauritiana*)', *ntámàrò* 'финиковая пальма', *ntába* 'дерево *Cola cordifolia*', *nsímini* 'пальма дум (*Hurphaene thebaica*)', *ntě* 'масличная пальма (*Elaeis guineense*)', *nsirà* 'баоба́б', *nségenɛ* 'дикий финик (*Balanites aegyptiaca*)', *ntónkɛ* 'слива-колючка (*Ximenia americana*)', *npèkú* 'дерево *Lannea acida*', *ntómi* 'тамаринд (*Tamarindus indica*)', *nsóro*, *nsóro* 'дерево, дающее оранжевый краситель (*Ficus dīcranosyla*)', *pruèlú*, *psuèlú* 'кассия вонючая (*Cassia tora*)' и др.;

д) клубневых растений, корнеплодов, а также грибов, и т.д.: *ndílibara* 'растение, похожее на маниок (*Cochlospermum tinctorium*)', *príye*, *prué* 'дикое растение со съедобными клубнями', *pfyéna*, *pruéna* 'гриб (общее название)', *jàbá*, *njàbá* (форма с преназализованным — в диалекте васулу) 'лук', *psègǎ* 'дикий съедобный корнеплод (*Cyperus esculentus*)', и др.

II. Названия представителей фауны:

а) насекомых: *ngǎnǎ* 'мелкие пчелы, живущие в земляных норах', *nbíli*, *bíli* 'крылатый термит-эфемер, подёнка', *nkúra*, *ngúra* 'красный муравей, живущий на манго и цитрусовых', *nkóbo* 'жук (общее название)', *ntígíje*, *ntěenkèné* 'чёрный муравей', *nbénbē* 'стрекоза', *nkòsǎ* 'зелёный или желтоватый скорпион', *ntǎ* 'кузнечик, саранча', *nkòkooyó*, *kókooyo* 'кузнечик', *nkǎ* 'вид саранчи', *pséncenī* 'мелкая саранча', *ntǎ*, *ntǎ* 'термиты; термитник', *préje*, *pféje* 'клещ', *préjepréje*, *pfirinfini*, *préjepréjenī* 'бабочка', *próko*, *pfúku* 'чёрный слепень', *nsébere*, *ntàrǎ* 'соли-тер', *nsègèlé*, *sègèlé*, *sègèlé* 'гвинейский червь (паразит, проникающий под кожу)', *nsònbó*, *nsòmó* 'червь, портящий сушёную рыбу', *ntàlǎ*, *ntàlé* 'паук', *ntùmú* 'червь, гусеница', *nkǎ* 'вид многоножки (*Strongylosoma*)', и др.;

б) земноводных и пресмыкающихся: *ntòrí* 'жаба, лягушка', *pfónje* 'кошачья змея (*Telescopus* sp.)', *nkàrà* 'мамба (*Dendroaspis* sp.)', *nkòrongó* 'кобра', *ntómi* 'нубийский песчаный удавчик (*Eryx muelleri*)', *nkáana*, *káana* 'нильский варан (*Varanus niloticus*)', *nkóoro*, *kóoro* 'серый варан (*Varanus griseus*)', *nteringe* 'са-

мец ящерицы’, *pkigo* ‘маленькая черепаха (вид)’, *ngòngó* ‘крупная водяная черепаха’, *ntabu* ‘водяная черепаха’;

в) животных: *ncó*, *ntàlá* ‘белохвостый мангуст (*Ichneumia albicauda*)’, *ncórkó*, *nsórkó* ‘египетский мангуст (*Herpestes ichneumon*)’, *ntòpúkume*, *ntòjùgumé* ‘карликовый мангуст (*Herpestes sanguineus*)’, *prènéjègè* ‘хорёк полосатый (*Ictonyx striatus*)’, *ncíàndùgutígi* ‘землеройка (*Crociodura occidentalis*)’, *nkúnturū* ‘полевая мышь (*Mus maurus*)’, *nkánsolé*, *kánsolé* ‘тростниковая крыса (*Thryonomys swinderianus*)’, *nkèlé* ‘пальмовая крыса (*Euxerus erythropus*)’, *ntólo* ‘гамбийская белка (*Heliosciurus gambianus*)’, *nsònsá* ‘заяц’, *njúguní*, *júguní* ‘ёж (*Atelerix albiventris*)’, *ngǔ*, *gǔ* ‘бабуин (*Papio cynocephalus*)’, *nkòbá* ‘зелёная обезьяна (*Cercopithecus aethiops sabaeus*)’, *ntórá*, *ntórání* ‘галаго (*Galago senegalensis*)’, *nkóloní* ‘антилопа уребби (*Ourebia ourebi*)’, *nkókúná* ‘дюкер Максвелла (*Cephalophus monticola*)’, *ntilé* ‘жираф’, *ntúra* ‘бык’, *ntègé*, *ntègè* ‘кастрированный бык, вол’, *ntémé*, *témé* ‘бык породы зебу’, *nbùlí* ‘безрогий бык или баран’, *nbúleri* ‘корова, у которой рога повернуты друг к другу’, *ngárabali* ‘молодой бычок’, *prare* ‘кобыла’, *nkólonkari*, *kólonkari* ‘африканский дикий кот (*Felis sylvestris*)’, песчаный кот (*Felis margarita*)’, *nfúguntara* ‘каракал’, *préredē*, *préredē* ‘прозвище гиены’, *nkónsonkansā* ‘панголин (*Manis gigantea*)’, *ntònsó* ‘летучая мышь’, *nbílē* ‘летучая мышь, живущая в домах’, *nde*, *dele* ‘маленькая летучая мышь (вид)’, *ngwàaná* ‘крылан (большая летучая мышь)’, *próránpǔgǔ* ‘маленькая летучая мышь, залетающая в дома’, *nkatoroní* ‘летучая мышь (вид)’, *ntòsontása* ‘манговая летучая мышь’. Сюда же можно отнести названия мастей лошадей: *nbónkū*, *bónkū* ‘вороная’, *ndóbu* ‘рыже-чалая’, *ndómí*, *njúme*, *ngolomu* ‘рыжая, каурая’, *nsége* ‘вороная в белых чулках и с белой звездой’, *ntáragu* ‘лошадь с белыми ногами и лбом’. С другой стороны, к этой же семантической группе примыкает и слово *tèné*, *ntèné*, *tèné* ‘тотемическое животное; запрет (прежде всего — тотемический)’ — впрочем, здесь преназализация может быть как раз вторичной, возникшей под воздействием срединного носового;

г) птиц: *ngírā* ‘белый ходулочник (*Himantopus himantopus*)’, *ngùnanninje* ‘вид цапли (*Ardeola ibis*)’, *nkàcǔ* ‘лиловый

турако (*Musophaga violacea*), *nkǎ* ‘ткачик-жандарм (*Ploceus cucullatus*)’, *nkúma*, *nkúmā* ‘венценосный журавль (*Balearica pavonina*)’, *pròkoló* ‘чёрный коршун (*Milvus migrans*)’, *pròlonsáma* ‘сенегальский ябиру (*Ephippiorhynchus senegalensis*)’, *ntǎ* ‘пурпурная цапля (*Ardea purpurea*)’, *ntíya* ‘перламутровый сычок (*Glaucidium perlatum*)’, *ntóolē* ‘калао (*Tockus* spp.)’, *ntúfā*, *ntúgā* ‘горлица’, *ngòrobání*, *kòrobání* ‘капская горлица (*Oena capensis*)’, *ngáagaa*, *káākāā* ‘ворона (*Corvus albus*)’, и др.;

д) рыб: *nbéɛ*, *bèɛ*, *préɛ* ‘*Alestes baremoze*’, *nbókùnbá* ‘*Clarotes macrocephalus*’, *nbùgú*, *mùgú* ‘*Synodontis filamentosus*’, *nfána*, *fána* ‘*Heterotis niloticus*’, *ngóninjé* ‘перистоусый сомик (*Synodontis clarias*)’, *ngúrū* ‘*Tilapia zillii*’, *nkàrifí*, *nkèrufí* ‘*Schilbe mystus*’, *nkírí* ‘*Synodontis schall*’, *prèné* ‘*Nannocharax niloticus*’, *pròliyó*, *pòliyó* ‘сом (*Heterobranchus* spp.)’, *nsàra-kùbilē* ‘*Brycinus nurse*’, *nsónsō* ‘*Parophiocephalus obscurus*’, *nsàngǎ*, *sàngǎ* ‘*Distichodus rostratus*’, *ntébē*, *ntéfē* ‘камп, голавль (*Tilapia* spp.)’, *ntígi*, *ntígí* ‘электрический скат (*Malopterus electricus*)’, *ntínení* ‘*Brycinus leuciscus*’, *ntòní* ‘*Petrocephalus* sp.’. Следует отметить, что и родовое слово для обозначения рыбы реконструируется в праманден (и, возможно, в праманде) с префигированным носовым элементом: праманде **n-jéxe* > васулу *njéɛɛ*, *léɛɛ*, мандинка *léɛ*, хасонка *lége*, бамана *jéɛɛ*, манинка *jéɛ*, ср. в других ветвях манде: коранко *yéɛɛ*, ваи, коно *líé*, джого *yéɛɛ(n)*, сусу *yéxé*, пра-юго-западный **léé*, сонинке *lexi/e*, бозо-тиеяхо *lūō*, бобо *zē*, сан *zò*, лебир *zò*, дан-гуэта *uíy*.

Частотность названий представителей флоры и фауны в группе слов с преназализованным начальным согласным (до 60%) во много раз превышает частотность этого разряда в словаре в целом. Семантически близкими к этой группе следует, очевидно, считать и названия частей тела человека или животных, части растений (дополнительный признак — выпуклость или удлинённая форма): *ncóló* ‘кадык’, *ncègǎ*, *ncòkí* ‘зоб (птицы); половые органы (человека)’, *ncǎ* ‘ жало (пчелы); стержень чирея’, *nkǎlí*, *kǎlí* ‘шпора (петуха); задняя нога (саранчи, кузнечика)’, *nkǎní*, *kǎní* ‘палец’, *ntóɾɾ* ‘копыто’, *ngǎkí*, *ngǎní* ‘горло’, *nkírí* ‘спираль рога антилопы’, *prélenpèlé* ‘передняя часть лапы’, *ntála*, *ntíri* ‘копчик’, *ndógɔndɔgɔ*, *ntógɔntɔgɔ*, *nógɔnɔgɔ* ‘желчный

пузырь', *ntúsu*, *ntúsū* 'гроздь (бананов и др.)'.

III. Ещё одна семантическая группа, хорошо представленная среди слов с преназализованным начальным согласным — обозначения объектов, выделяющихся своей формой (как легко заметить, этот признак, по-видимому, маркирован и в словах только что рассмотренной группы «названия частей тела»). Эта лексика распадается на две подгруппы, частично пересекающихся:

а) названия вытянутых и/или заостренных предметов: *ntéle* 'обоюдоострый меч', *prǎ* 'сабля, меч', *psége* 'тесло на короткой ручке', *pségeje* 'мотыга для окучивания батата', *psònbá* 'длинная мотыга, которой делают лунки при севе', *ndólē*, *dólē* 'рыболовный крючок', *ngíri* 'рог', *ntúlo* 'зазубрина (на крючке, на гарпуне); развилина', *ntégene*, *ntéene* 'осколок, черепок', *ntòló* 'изогнутая палка, посох', *nkàalé*, *kàalé* 'веретено', *príri* 'палочка для игры на балафоне (африканском ксилофоне)', *psó* 'круглая остроконечная соломенная крыша', *ngága* 'лестница (традиционного типа)', *ntǎ*, *ntǎnfurá*, *ntámá* 'праща', *ntiiri*, *tiiiri* 'линия, черта; проводить черту', *nkála*, *ntùgú* 'борозда', *ngǎ*, *nkǎ* 'грядка';

б) круглые, полые предметы: *nkàri* 'браслет (медный или из лианы), обруч (на крыше); запятая', *ngirá*, *girá* 'серсо', *ngǎ* 'обруч, плетёный из травы, на который ставят калекбасу; браслет-талисман', *nsòlé* 'женское металлическое ожерелье', *ntó*, *ntó* 'скользящая петля', *nsòlóló*, *nsòlóló*, *nsèlé* 'металлическая верша', *práalako* 'деревянная ложка', *ntòlá* 'мяч, шар', *prànkálama*, *bànkálama* 'навой (цилиндр, который ткач держит на коленях и наматывает на него изготовленную ткань)', *nkálabara*, *nkárabara* 'калекбаса с крышкой', *nkùsú*, *ngùsú* 'вид калекбасы (наполненная зёрнами или камешками, служит погремушкой)', *ndúndē*, *dúndē* 'бутыль, фляга из калекбасы', *ntègé* 'круглая украшенная корзина, которую дарят невесте', *práalā* 'перемётная сумка', *nkiré*, *ngùré* 'калекбаса вытянутой формы (используется как музыкальный инструмент); название музыкального ритма', *préte* 'маленькая табакерка', *psóló* 'намордник для телят (чтобы не сосали молоко коровы)', *prósō*, *nfósō*, *mósō* 'ремень барабана', *prō* 'пустая скорлупа', *ntámá*, *dámá* 'шахта ста-

рателей’, *ntárába* ‘люк, нора’, *прó* ‘лаз из норы (через который грызун спасается при вторжении врага)’.

IV. Заметную группу среди слов с начальным преназализованным в бамана представляют и названия веществ, особенно жидких и полужидких: *псэггэ́, ntèggé́, псэггэ́́* ‘мозг’, *псэмэ, сэме, sómi, nsómi* ‘костный мозг’, *псэггэ́, псэ́, псэ́́* ‘слизь жабы; смола некоторых растений’, *ntùrutibilè* ‘красноватые выделения (у человека)’, *псэ́, сэ́* ‘песок’, *ngisí, nkisí* ‘паста из масла карите’, *ngáani* ‘молозиво’, *ngólomanaji* ‘плохо приготовленный соус’, *ngómi* ‘роса’, *nkákā* ‘глинистая красно-коричневая почва’, *nkálama* ‘охристая краска (получаемая из одноименного дерева, *Anogeissus leiocarpus*)’, *nsórobilè* ‘оранжевая краска (из одноименного растения, *Ficus dicranostyla*)’, *nkámó, nkànbó* ‘пыльца; грязь на половом органе маленького мальчика’, *nkéñji* ‘вид соуса’, *nkóronkoõ* ‘грязь, грязный налёт’, *пкóого* ‘зеленоватый налёт, остающийся от воды’, *псó* ‘ржавчина’, *пкúpankúná* ‘желчь’, *псáамэ* ‘плов’, *псìrá, сìrá* ‘медь’, *птíлеку, птíлеку* ‘свинец’, *птéлэ* ‘шерсть’.

По-видимому, «ответвлением» этой группы следует считать названия недугов, среди которых преобладают кожные болезни, сыпи: *псэггэ́́* ‘болезнь собак’, *пгарó* ‘воспаление нёба у лошадей и ослов’, *пкǎñfyèlé* ‘дерматоз, угорь (на лице)’, *пкàrá, пкàrafúnu* ‘опухание ног’, *пкèlènkèlé* ‘аденопатия (воспаление лимфатических узлов в паху)’, *пкòрсуэ́* ‘шистоматоз’, *ппáрансá, ппáраја* ‘ветряная оспа’, *псö* ‘оспа’, *ппрòрó* ‘сифилис; болезнь кур (сыпь вокруг клюва)’, *псànfála, псáñfèlè* ‘кожная болезнь *pytirisias versicolor*’, *птèлэ, птèрэ* ‘воспаление большого пальца ноги (из-за сбитого ногтя)’, *пкеку* ‘детский столбняк’, *птэ́, птèпбáна* ‘тяжёлая детская болезнь’, *псобìри* ‘пиодермия (детская болезнь)’, *пгúмá* ‘болезнь лёгких у коров’.

Необходимо отметить, что в языках с именными классами наличие в рамках одного класса многочисленных пучков значений, явно не сводимых друг к другу, по-видимому, не должно настораживать. Отнесение слова к тому или иному именному классу зависит не только от унаследованных языком признаков именной классификации, но и от отдельных «опорных» слов, имеющих в данной культуре важное значение и постепенно на-

чинающих выполнять функцию вторичных классификаторов.

Таким «опорным словом» могло быть, в частности, *ngǔ*, *nkǔ* ‘боб растения *Canavalia ensiformis*’. Эти бобы широко используются у бамана как бусы, украшения, при гадании, а также как фишки в различных играх. По этой причине слово *ngǔ* стало одновременно и общим названием для этих игр. Можно предположить, что благодаря этому слову многие названия игр, в которых используются фишки или косточки плодов, а также разнообразная лексика, относящаяся к этим играм и к играм вообще, были переосмыслены как принадлежащие к этому же классу и стали употребляться с преназализованным: *ntǎ* ‘детская игра (заострённый стержень стараются воткнуть в косточку манго)’, *ɲèlè* (< **ngwèlè* ?) ‘заострённый стержень для игры в *ntǎ*’; *prári*, *préri* ‘игра типа шашек’; *ndanso* ‘лунка для фишек в игре *prári*’; *ngàrá* ‘инструмент для игры в *prári*, которым прикрывают свои лунки от партнёра (связанные просяные метёлки)’; *ntú* ‘игра в жмурки; оккультные знания’; *nkèlení* ‘туз’.

Другим примером «втягивания» через опорное слово является, по-видимому, семантическая группа «названия фольклорных жанров». Можно предположить, что здесь таким словом было *ntàlé*, *tàlé*, *ntàlentálè* ‘сказка (особенно короткая), притча, поговорка’. Ключевым моментом послужил, очевидно, факт его фонетической близости со словом, обозначающим паука во многих диалектах бамана — *ntàlé*, *ntàlentálè*, что дало основания считать название фольклорного жанра не отдельным словом, а лишь значением слова «паук»⁵⁵ — как известно, у дьюла, очень близких к бамана по культуре и языку, именно паук является главным трикстером в народных сказках. После этого преназализация, очевидно, стала считаться признаком всей этой семантической группы: *nsíiri* ‘сказка, история, басня’, *nsàná* ‘пословица, сказка, короткая история’, *ntéenté* ‘загадка’.

Вероятно, похожим образом (через посредство группы «объекты, выделяющиеся своей формой», ср. семантику слов *ngùré* / *nkùré*, *príri* и *nkùsú*) в класс слов с преназализованным на-

⁵⁵В диалектах областей Беледугу и Банан (и, возможно, также в каких-то других) эти два слова омонимами не являются: *ntàlé* ‘сказка’, *ntàló* ‘паук’.

чальным была «втянута» музыкальная лексика: *pròlǒ*, *nbòlǒ* ‘большая 3- или 4-струнная арфа с резонатором из калебасы’, *nkòní* ‘гитара-арфа с резонатором из калебасы’, *nkálaní* ‘скрипка’, *nfinu* ‘ромб (музыкальный инструмент)’, *ntǎ* ‘инструмент из калебасы-ложки, на которую натянуты струны; инструмент типа сандзы’, *nkàniyá*, *kàrijá* ‘тёрка (музыкальный инструмент из двух железных частей, которые трут одну о другую)’, *nkósokò* ‘погремушка из кусочков калебасы, надетых на палку (играют проходящие инициацию)’, *ntána*, *ntánā*, *ntàlò* ‘колокольчик’, *ñele*, диал. Беледугу *ngwéle* ‘бубенчик’, *nkélenkelenbaní* ‘маленький барабан, на котором играют, зажав его между ног’, *ntámá* ‘барабан в виде песочных часов’, *psaago* ‘мелодия для лютни *nkòní*’, *ntontori* ‘мелодия, исполняемая в честь храбрецов’.

Развитием семантики «вещества неприятного вида; болезни» можно считать группу слов с «отрицательно-оценочными характеристиками»: *nkàlò* ‘ложь’, *nkòkí* ‘человек крутого нрава, тот, кто ни с кем и ни с чем не считается; нечестный человек’, *ntàkí* ‘мошенник, проходимец’, *ntála* ‘сорвиголова’, *nsǒ* ‘вор’ (отметим, что однокоренной глагол, *sònyá*, *sòrà*, *sòrè*, преназализации в бамана не имеет!).

Ещё один семантический признак, который можно считать связанным с архаичным назальным префиксом в бамана — диминутивность. Только на материале бамана трудно определить, следует ли считать этот признак исходным или вторичным, развившимся вследствие обилия названий мелких животных и растений с начальным преназализованным. Подробнее об этом признаке пойдёт речь в разделе 3.1.5.

Отметим, наконец, семантические группы, в которых слова с начальным преназализованным хорошо представлены, при том что их смысловая связь с рассмотренными выше «большими» группами, на данном этапе изучения, не вполне ясна:

- а) лексика, связанная с деятельностью тайных обществ и магией: *ntògófǎ* ‘подразделение мужского тайного общества (шуты)’, *ntòmó* ‘Нтомо, детское тайное общество’, *ngòpǎ* ‘название фетиша’, *pséme* ‘наставник новоинициированных’;

- б) названия ловушек: *nkárǎngě*, *nkálǎngě* ‘ловушка для птиц и мелких животных’, *ntě* ‘ловушка на птиц (большой камень, установленный в неустойчивом равновесии)’;
- в) предметы одежды: *prógi* ‘трусы маленького ребёнка’, *prògó* ‘набедренная повязка девочек’, *nsárabu*, *nsérebú* ‘шаровары, широкие штаны’.

3.1.3. В других языках манден, где представлены слова с начальным преназализованным согласным, они образуют те же самые семантические группы, что и в бамана.

3.1.3.1. В кагоро слова с начальными преназализованными в основном прямо соответствуют аналогичным словам в бамана — что неудивительно, учитывая тесный контакт носителей этих двух языков. Тем интересней проанализировать семантику слов кагоро с начальным преназализованным, которым соответствуют формы бамана без носового, а также те основы, которые в бамана отсутствуют:

nbàoké (диалект дер. Гисимбине) ‘наставник новоинициированных’ — ср. сонинке *baawo*, *bawo*;

ndùgá (дер. Себекоро), *ndùbá* (дер. Джумера), *dùgá* (дер. Моголя и Карега), *dùfá* (дер. Камико), *dùbá* (дер. Гисимбине), *dùwá* (дер. Сефето) ‘гриф (*Neophron monachus*)’ — ср. бамана *dùgá*;

ngàndí (дер. Гисимбине), *gàndí* (дер. Себекоро) ‘огонь’ — ср. бамана *gòní* ‘горячий, быть горячим’ (*gàndí* в кагоро также употребляется в значении ‘быть горячим’).

Как легко убедиться, первые две основы попадают в выделенные выше семантические группы, причём наблюдается такое явление, типичное для языков с именными классами: когда одно и то же понятие в родственных языках оказывается выражено разными корнями (в нашем случае: бамана *nséme*, кагоро *nbàoké*), то соответствующие слова, тем не менее, принадлежат к одному и тому же классу — иначе говоря, смена основы не приводит к смене классной принадлежности.

Третье слово являет собой ещё один пример того, что инициальный носовой элемент может выступать в функции номинализатора (ср. выше, в бамана: *nsõ* ‘вор’ — *sõnyá* ‘воровство’). Включение слова с семантикой «огонь» в интересующий нас класс следует признать индивидуальным развитием в кагоро.⁵⁶

3.1.3.2. В м а н д и н к а, как уже отмечалось, основы с начальным преназализованным относительно малочисленны. Рассмотрим всё же те из них, которые не являются явными заимствованиями из атлантических языков:⁵⁷

mbomboofu ‘вьющееся растение с цветами’, *псоу* ‘маленькое растение’, *пјаалау* ‘вид пальмы, дающей плоды; плод борассовой пальмы’, *пјамбандуугу* ‘съедобное травянистое растение’, *пјееле* ‘вид пальмы’, *пјёу* ‘тыква’ (ср. бамана *пјё, јё*), *пјиррина* ‘растение, которое варят и едят’, *пкууси* ‘ягода, похожая на клубнику’;

ндондולי, дондולי ‘оса’ (ср. бамана *дõндõlí*);

мбунка ‘прозвище гиены’, *ндаато* ‘медоед’ (ср. бамана *дãамé*), *ндему, ндёмму* ‘человекообразная обезьяна’, *пјуку* ‘комолая корова; связка амулетов, которую женщины носят на голове’;

пбоосоори ‘рыба (вид)’, *пкундонкундоу* ‘рыба, которая прячется в иле’, *мбõсиу* ‘устрица’, *мбõсимбõсиу, ндèриндèриу, ндõсиу* ‘виды моллюсков’, *пјõсо* ‘маленький краб’;

пјиме, пјимме ‘птица марабу’ (ср. бамана *јõté*), *пјободибообоо* ‘птица (вид)’;

даҗари, ндаҗари ‘шумящая гадюка (*Bitis arietans arietans*, ср. бамана *дãнкãlá*)’;

⁵⁶Ср., впрочем, реконструкцию К. И. Позднякова, в соответствие с которой для слова «огонь» назальный расширитель в классе 3N реконструируется уже в пра-нигер-конго.

⁵⁷По [Creissels et al. 1982; Gamble 1955; Gamble 1987; Tarawale, Sidibe, Konteh, n.d.; W.E.C. 1995]. К сожалению, только первый из этих источников фиксирует тоны, в связи с чем большинство из приведённых здесь примеров не тонированы.

njankalaati ‘мотыга (которой женщины обрабатывают рисовые поля)’;

mbuusi ‘пластиковый пакет’, *ndamusaani* ‘большая кalebаса (для переноски пальмового вина)’;

njaalaŋ ‘гроздь съедобных плодов с пальмы’, *ndinindankaŋ* ‘лист’;

njambali, *njambala* ‘оспа’, *mbuŋaŋ* ‘грибковое заболевание’;

njimbaseŋ, *njimbaseyiŋ* ‘мелодия для струнного инструмента’;

njéede ‘позиция в игре *sókkó*’;

njidi ‘блюдо, которое готовят для маленьких детей’, *nkati* ‘арахисовая лепёшка’;

ndisi ‘шарф, шейный платок, который носят пожилые люди’ (ср. бамана *disá*), *njènsí*, *jénsi*, *njensee* ‘майка, нижняя рубашка’ (ср. дьола Фоньи *jeŋsu*), *njimbe* ‘женское головное украшение (причёска?)’, *njoŋo* ‘связка амулетов, которую носят на голове’;

nkaaka ‘баржа для перевозки арахиса’.

Поразительным образом, семантические группы почти полностью совпадают с теми, которые были выделены в бамана — но при этом отмечен лишь один случай, когда основе с преназализованным в мандинка соответствует такая же основа с преназализованным в бамана. Однако близость понятийных рядов, выражаемых словами с начальными преназализованными в обоих языках (ср. «комолая корова», «оспа»), явно не может быть случайной. По-видимому, мы имеем дело с тем же явлением, о котором уже шла речь в связи с материалом кагоро: отнесение существительных к классу оказывается «привязанным» не столько к конкретным основам, сколько к понятиям, ими выражаемым.

Это можно расценивать как свидетельство устойчивости данного формально-семантического класса в манден — очевидно, он сохранял продуктивность в период отделения мандинка от восточных манден (предположительно, XIV–XVI вв.).

Следует отметить и некоторые «застывшие» следы показателя этого же класса, давшие несколько неожиданные рефлексы. В мандинка отмечены три слова с необычным синхронным варьированием: *dàba* ~ *kàba* ‘плечо’, *dàmpaɲ* ~ *kàmpaɲ* ‘крыло’, *dàmpuraɲ* ~ *kàmpuraɲ* ‘праща’. Интересно, что у первых двух основ формы с начальным заднеязычным и переднеязычным варьируют и по другим языкам манде, ср.:

плечо: ваи *dàá* ‘верхняя часть плеча’, хасонка *dàbá* ‘плечо (особ. о животных), передняя нога’, кагоро *dàbá*, *kàbá* ‘плечо’, манинка, бамана *kámá* ‘плечо’;

крыло: хасонка *dàŋfa-taɲ* ‘крыло’, кагоро *kànbá* ‘крыло’, манинка *kàbá*, *kànbá*, *kàbá* ‘крыло’, бамана *kámá*, *kámá* ‘крыло, плечо’, сонинке *kaŋpí/e* ‘крыло; край; бок’, *kaŋpí* ‘летать’, бозо-тиеяхо *kaŋi* ‘крыло’.

Ключом к пониманию этого нестандартного варьирования является, по-видимому, третье слово. Вот его соответствия по другим языкам манде:

менде *ndàvùlà*, *làvùlá*,
 банди *làaḥuá(ŋ)*,
 ваи *dààwílà*,
 манинка *tanfurã*, *tonfurã*,
 бамана *ntãfùrá*,
 сонинке *danpulaN* / *danpulaŋŋe*,
 пра-западный манде, по-видимому, **n-tãfùrán*.

Если вспомнить, что диалектное варьирование *t~k* при назальном префиксе отмечено и в бамана (ср. *ntèénkèŋé* ~ *nkèrénkèŋé* ~ *ntigíŋe* ‘чёрные муравьи’), то вполне обоснованным будет предположение о том, что такой префикс следует реконструировать для всех трёх лексем мандинка, о которых здесь идёт речь.

Подтверждением правомерности реконструкции назального префикса в праманде можно считать и форму слова со значением «плечо» в языке могофин: *gàbà-kúnkú*, в которой начальный *g-*, по всей вероятности, появился в результате озвончения исходного **k-* под воздействием носового.

3.1.3.3. Единственным языком за пределом общности манден, где имеются начальные преназализованные, является какабе.⁵⁸ В собранном мною в апреле 2001 года небольшом списке (около 1000 слов) обнаружилось всего 7 слов с преназализацией. Вот они:

ndòntó ‘петух’
ndòkú ‘утка’
njǒ ‘молотоглав’ (птица)
ngbírífí ‘чёрный кабан’
ndágá ‘стрела’ (< пулар *ndaga-wal*)
nbúlú ‘синяя краска’
nbóbó ‘немой’.

Как легко убедиться, здесь проявляется та же тенденция, что и в бамана: преобладание названий представителей фауны,⁵⁹ при том что остальные имена также попадают в выделенные выше семантические группы.

3.1.4. Реконструкция назального префикса

Всё вышеизложенное позволяет достаточно уверенно реконструировать для общности праманден — пра-моколе носовой префикс, гоморганный последующему согласному (т.е. начальному согласному корня).

Интересен вопрос о тоновых характеристиках этого префикса — ведь, как уже говорилось в разделе 2, для языков манде характерно наличие носовых слононосителей.

⁵⁸ Не считая, разумеется, юго-западных манде, где преназализация имеет совсем иное историческое объяснение, о чём пойдёт речь ниже.

⁵⁹ По причине краткости моего пребывания у какабе, собрать какой-либо представительный список названий растений мне не удалось.

В специальной литературе этому вопросу внимания уделялось немного. Байоль [1996, 5] пишет, что в бамана, «помимо немногих исключений (*̀̀bá* ‘ответ мужчины на приветствие’, *̀̀sé* ‘ответ женщины на приветствие’, *̀̀ká* ‘но’), тон носового элемента всегда такой же, как у последующего слога, с которым он составляет, по сути, единое целое». Можно встретить и более решительные отрицания самого факта тонированности носового элемента [Diallo 1989, 7–8].

Появление компьютерных программ фонетического анализа речи облегчило проверку этих мнений. Я проанализировал имеющиеся в моём распоряжении магнитофонные записи по кагоро и бамана, результаты чего изложены ниже.

В языке *кагоро* отмечены существенные колебания по диалектам и в отношении списка слов с начальным преназализованным, и в отношении реализации самой назализации. Так, в диалекте дер. Гисимбине назальный префикс очень редуцирован, и о какой-то его тонированности говорить не приходится (можно предположить, что Мухаммад Диалло, автор упоминавшейся выше диссертации, имел дело с каким-то диалектом бамана, в котором дело обстоит таким же образом).

В других же диалектах носовой префикс произносится с вполне отчётливым низким тоном, вне зависимости от тона основы. При этом, если тон первого слога основы — низкий, то тон префикса реализуется в ещё более низком регистре. Ср. нижеследующие тонограммы:

Рис. 1. *nbàlànŝâ* [*m̀bàlànŝâ*] 'белая акация (*Acacia albida*)'

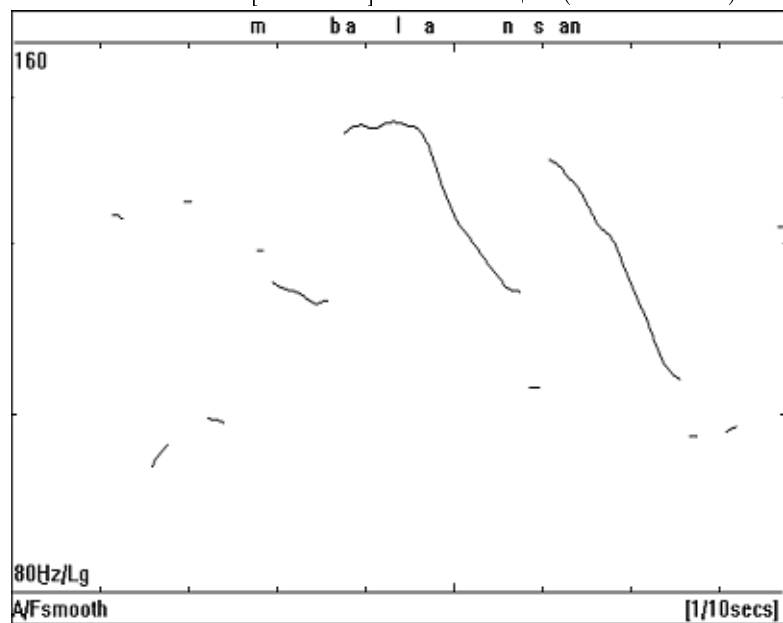
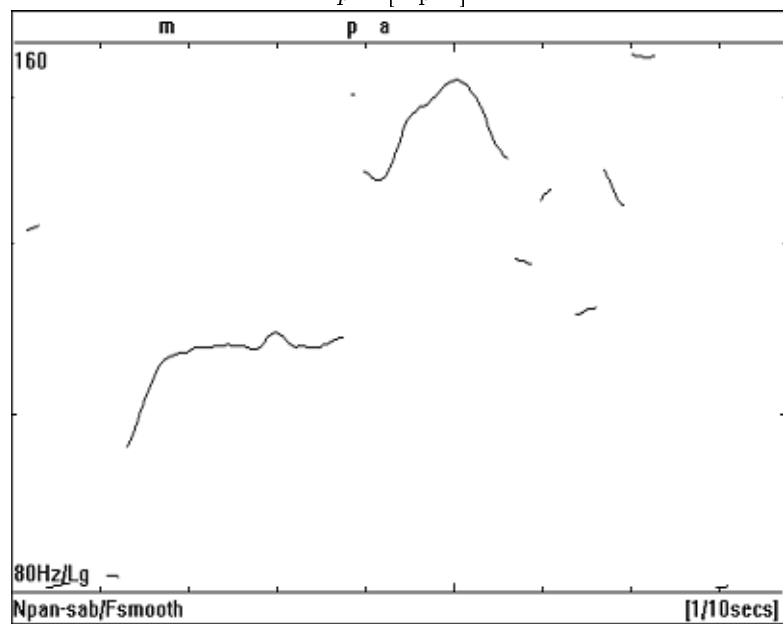
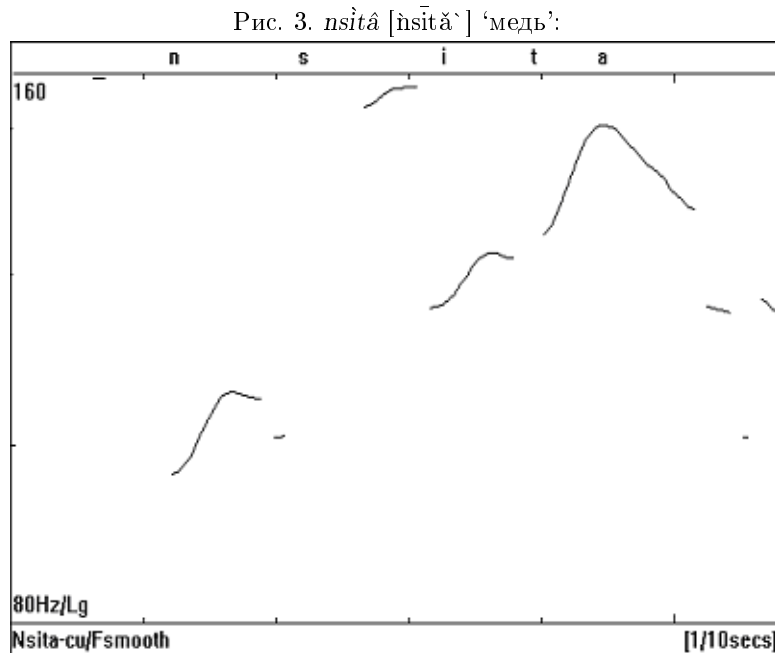

Рис. 2. *prǎn* [*m̀pǎ`*] 'сабля':

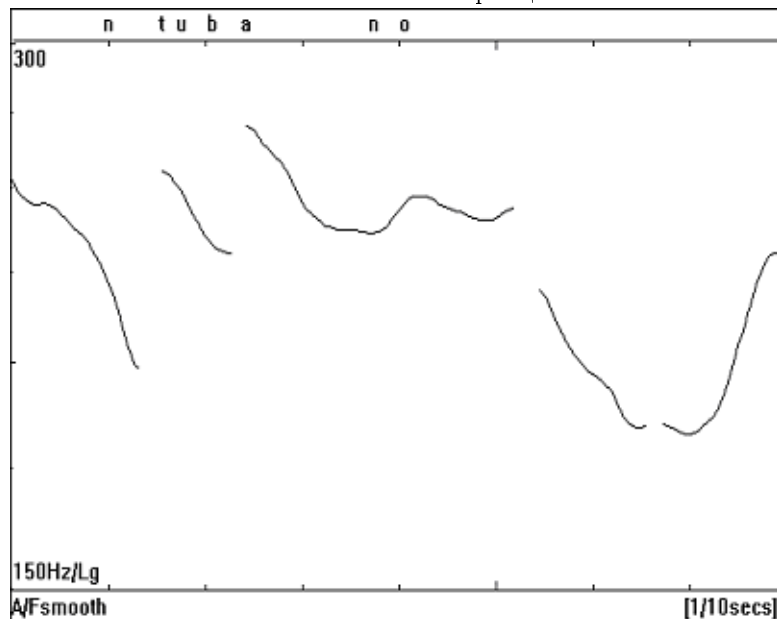

Анализ тонограмм только изолированных произнесений слов не позволяет рассеять все сомнения. Дело в том, что в кагоро существует правило «начального понижения тона»: всякое высказывание (в том числе и изолированно произнесённое слово, особенно если оно имеет три слога или более или начинается с сонанта) имеет низкотоновый начальный контур, вне зависимости от «словарного» тона слова: *bátamuso* [̂bátámúsò] 'любимая жена', *lúntan* [̂lúntâ] 'гость, чужестранец', и т.д. Это явление, по-видимому, имеет интонационный характер, однако оказывает заметное влияние на всю тональную систему языка. Можно было бы предположить, что низкий тон начального носового элемента в рассмотренных примерах является результатом действия именно этого правила.

Однако примеры употребления слов с носовым префиксом в серединной позиции во фразе, пусть немногочисленные в моих материалах, свидетельствуют в пользу того, что ему присущ именно низкий тон. Ср. *ntúbáano* 'горлица' (во фразе *kábi*

Рис. 4. *ntûbáano* ‘горлица’:

ntûbâanò t'ò mé... ‘как только горлица это услышала...’) на рис.4.

В б а м а н а же, где ничего подобного «правилу начального понижения тона» нет, ситуация ещё более очевидна: в изолированном произнесении тон носового префикса всегда низкий, вне зависимости от тона основы: *ntóró* ‘копыто’, *ngómí* ‘роса’, *nzò* ‘оспа’, *nzó* ‘ржавчина’. В середине фразы тон реализуется скорее как падающий — впрочем, это обусловлено тем, что во всех моих примерах предшествующее слово оканчивалось на высокий тон: à yě *ngàlò* *tigè* ‘он солгал’, *túlú* *bé nzó* *bá* ‘масло устраняет ржавчину’.

Эти данные можно интерпретировать в пользу того, что носовой именной префикс имел в праманден низкий тон.

3.1.5.1. Назальный префикс и диминутивное значение

Регулярно маркируя названия объектов-«членов групп», которые часто отличаются малыми размерами, назальный префикс приобрёл в манден дополнительное значение диминутивности. Как отмечал Жерар Дюестр [Dumestre 1987, 210–211], многие слова в бамана, обозначающие мелких животных, птиц, насекомых обязательно имеют диминутивный суффикс *-ní̃* и «нерегулярный тоновый рисунок». К этому нужно добавить, что эти слова чаще всего имеют и преназализованный начальный согласный:

ngòròbání̃ ‘птица *Oenas capensis*’

ñjébilènní̃ ‘антилопа *Euplectes oryx*’, и т.д.

Я полагаю, что «нерегулярный тоновый рисунок» является чаще всего результатом влияния тона назального префикса, хотя механизм этого влияния не вполне ясен.

Интересна и форма диминутивного суффикса в бамана и манинка, *-ní̃*. Очевидно, этот суффикс восходит к существительному *dé̃* ‘ребенок’, употреблённому в адъективной функции. Например, в бамана:

síra ‘дорога’ — *síra-dē̃* ‘дорожка, тропинка

fílē̃ ‘калебаса’ — возможно, < **fē̃-dē̃*, ср. в манинка *fé̃* ‘калебаса’.

Необходимо, однако, объяснить назализацию начального согласного в *-ní̃*. В этой связи могут быть высказаны следующие соображения.

Словари Байоля и Дюестра отмечают только шесть прилагательных в бамана с преназализованными начальными согласными. Два из них — *ncíní̃* ‘маленький’, *ncérekereñí̃* (другие формы — *ncéreketení̃*, *prórkəkətəñí̃*, *préreketení̃*) ‘очень маленький’.

Напрашивается предположение: не является ли здесь начальный назальный элемент следом когда-то существовавшего грамматического согласования прилагательных с существи-

тельными по классу? Если выявленный морфологический показатель регулярно передавал в праманде диминутивное значение, то эти два прилагательных должны были так же регулярно, в рамках согласования, присоединять назальный префикс (по модели **ñ-sògó ñ-cíñĩ* ‘маленькое животное’). В ходе деградации системы именных классов назальный префикс стал частью основы этих прилагательных.

Аналогичной могла быть и историческая эволюция **ñ-dé* > *-ñĩ*. Если принять эту гипотезу, то праформа такого слова бамана, как *ñsònsannĩ* ‘зайчик’ могла быть **ñ-sònsá ñ-dé*.

Вот остальные прилагательные с начальной преназализацией:

ndóro ‘пастообразный, концентрированный’

ngúrukinguruki ‘недоваренный’

nkáama ‘нешелушёный (о зерне)’

nkànjáragi ‘недозревший’.

В соответствии со своей семантикой, все они сочетаются лишь с несчётными существительными, названиями семян, плодов, и т.п. — иначе говоря, как раз с теми существительными, которые в бамана очень часто имеют преназализованный начальный согласный.

3.1.5.2. Чередование начального согласного в гуро, гбан, уан

Вполне возможно, что подобное согласование вызвало чередование согласного и в южных языках манде — гбан, некоторых южных диалектах гуро и уан.⁶⁰ Здесь начальный согласный прилагательного является звонким или глухим в зависимости от того, имеет ли определяемое имя диминутивное значение или нет. Так, в гбан:

krúkprò dlôdlô ‘молодая собака’ — *krúkprò tlôtlô* ‘молодая маленькая собачка’ [Le Saout, 1971].

⁶⁰В речи наших информантов по языку уан чередование начального согласного прилагательных не обнаружено.

Если принять мою интерпретацию, то можно предположить, что наличие назального согласовательного префикса вызвало сохранение «сильного», то есть не-соноризованного (глухого) начального согласного прилагательного — по модели центральной подгруппы юго-западных манде (см. раздел 3.3.1.2.; иную интерпретацию этого феномена в юго-восточных языках манде см. в статье К. И. Позднякова [1987, 374–375]).

Интересно, что в диалектах гуру такое чередование выражает не только семантическую оппозицию «маленький : немаленький», как в остальных языках группы, но и «одушевленный : неодушевленный», «твердый : не-твердый», «темный : светлый» [Le Saout 1971, 83], что не противоречит общей семантике реконструируемого семантического класса в праманде.

3.2. Префигированный низкий тон и отсутствие артикля в языках манден

В начале этой главы уже упоминалась статья Ричарда Спирса [Spears 1972], в которой этот автор говорит об особенностях тонового поведения некоторых терминов родства в манинка. Конкретно, речь идёт о следующем:

а) два слова из этой группы, *lá* ‘мать’ и *má* ‘бабка’, могут (факультативно) иметь в препозиции «плавающий» низкий тон, наличие которого провоцирует downstep. Спирс предполагает, что исторически такой префигированный низкий тон могли иметь также слова *fà* ‘отец’ и *kè* ‘муж’, однако он был нейтрализован из-за лексического низкого тона этих двух основ;

б) большинство терминов родства не присоединяют тоновый артикль.⁶¹ Речь идёт о следующих одноморфемных словах: *téne* ‘тётка’,⁶² *bóri* ‘дядя с материнской стороны’, *lá* ‘мать’, *má*, *mámá* ‘бабка’, *fà* ‘отец’, *kè* ‘муж’, *bénba* ‘дед’.

⁶¹Об особенностях употребления и семантике тонового артикля в манинка и бамана написано много; из наиболее полных описаний можно упомянуть [Dumestre 1987; Grégoire 1987]. Изложение основных правил его функционирования на русском языке дано в [Выдрин 1999, 18–20].

⁶²Спирс переводит это слово как «aunt»; речь, несомненно, идёт о тётке с отцовской стороны.

Кроме того, артикль не присоединяется к следующим составным терминам, включающим в себя основы *-ke* ‘мужчина’ и *-muso* ‘женщина’: *dénke* ‘сын’, *dénmuso* ‘дочь’, *bídanmuso* ‘жена младшего брата’, *bídanke* ‘муж младшей сестры’, *kòdòke* ‘старший брат’, *kòdòmuso* ‘старшая сестра’, *dóke* ‘младший брат’, *dómuso* ‘младшая сестра’. При этом соответствующие производные формы, обозначающие родственников без дифференциации по полу, употребляются с артиклем: *bídan`* ‘младший родственник по браку’,⁶³ *màmadén`* ‘внук / внучка’, *dó`* ‘младший брат / младшая сестра’, *kòdò`* ‘старший брат / старшая сестра’, *dén`* ‘(чей-то) ребёнок’.

При этом Спирс высказывает, в очень осторожной форме, предположение о том, что начальный низкий тон может быть следом префикса именного класса.

Других сведений о существовании префигированного низкого тона при терминах родства в других языках и диалектах манден нет.⁶⁴ Что до неприсоединения тонового артикля, то, во-первых, оно фиксируется в многочисленных тонированных текстах манинка, записанных письмом нко, что подтверждает его устойчивый характер для манинка; во-вторых, я обнаружил этот феномен также в языке кагоро, с колебаниями по диалектам, и в говоре манинка-баге. В приводимой ниже таблице 25 формы, не имеющие артикля, выделены полужирным шрифтом:

⁶³Очевидно, перевод этого слова (как и его производных, см. выше) у Спирса неточен: на самом деле, *bídā* обозначает всех родственников по браку, кроме жён старших братьев по отношению к младшим братьям последних. Можно предположить, что Спирс имел в виду следующее: это слово употребляется с тоновым артиклем, когда обозначает младших родственников по браку, но без артикля, если относится к старшим свойственникам. Это предположение нуждается в проверке.

⁶⁴Что нельзя считать однозначным свидетельством его отсутствия: учитывая маргинальность этого префикса, его супрасегментный характер и проявление только во фразовом контексте, можно предположить, что в каких-то говорах манден он мог легко ускользнуть от внимания исследователей.

Таб. 25.

говор (название деревни)	отец	старший (брат)	родственник по браку
Моголя	ín fà, ín vâ мой отец	íj kǒtò мой старший	bítáò
Камико	à fǎâ его отец	īj kǒtò мой старший	ìn bítáũ мой родственник по браку
Себекоро	ín fâ мой отец	íj kǒdòkê мой старший брат, íj kǒdòmùsù моя старшая сестра	bí'dá'
Джумера	báábá, báabá, bàabà	íj kǒtòkêe мой старший брат	būtáà
Гисимбине	ìn fâa мой отец	ʷkǒdò'kêe мой старший брат, ʷkǒdòmùsù моя старшая сестра	bítà, bídà
Сефето	ĩn báábà мой отец, ín fâ tère le ñ ò dî это был мой отец	íj qǒdòkê мой старший брат	ì bídákêe твой родственник по браку
Карега (манинка- баге)	í báabàa твой отец	ìj qǒtòkêe мой старший брат	ì bí'dá, ì bí'tá твой родствен- ник по браку

О возможных интерпретациях этих явлений с диахронической точки зрения будет говориться далее в этой главе.

3.3. Сбои в чередовании начальных согласных в юго-западных манде (ЮЗМ)

3.3.1. Чередования начальных согласных в ЮЗМ

Чередования начальных согласных в языках юго-западной группы манде уже давно привлекло внимание лингвистов. Наверное, ни одному явлению в языках всей семьи не было по-

священо столько работ. Даже если ограничиться только теми из них, где даётся теоретическое осмысление этой проблемы, не упоминая описаний отдельных языков группы, содержащих объяснения правил чередования, список получается внушительный: [Eberl-Elber 1937; Hintze 1948; Welmers 1950; Manessy 1964; Meeussen 1965; Bird 1971; Томчина 1972; Human 1973; Dwyer 1974; Dwyer 1986; Conteh, Cowper, Rice 1983; Поздняков 1986; Grégoire Cl. 1987/88; Creissels 1989; Tateishi 1990; Kastenholz 1996a, 100–104, 135–137; Seidl, ms.].

Рассмотрим механизм консонантных чередований в юго-западных манде, не останавливаясь на всех деталях дискуссий и затрагивая лишь некоторые, наиболее принципиальные, из спорных вопросов.

3.3.1.1. Инвентарь чередований

Суть чередования заключаются в следующем: в одних синтаксических контекстах слово имеет в начальной позиции «сильный» согласный, в других — парный ему «слабый». ⁶⁵ Эти пары приведены в таблице 26; при варьировании одного из членов пары в зависимости от фонетического контекста обозначен также этот контекст.

Исторически (а иногда и синхронно), левый член в каждой паре — вариант, появившийся в позиции после носового; правый член оппозиции — вариант в отсутствие предшествующего носового. Как легко убедиться, результаты развития в кпелле и в остальных языках группы в отношении глухих смычных иногда приводят к прямо противоположным результатам, что нередко вызывало замешательство исследователей (особенно на раннем этапе) и существенно усложняло путь к адекватному диахроническому объяснению механизма чередования.

⁶⁵Надо сказать, что термины «сильные и слабые согласные» при описании чередований в ЮЗМ не вполне удобны — разные авторы употребляют их в разных смыслах. Я буду называть «сильными» левые члены оппозиций, приведённых в таблице, «слабыми» — правые члены оппозиций. Других метафорических обозначений, типа «лёгкие и тяжёлые», см. [Dwyer 1974], я буду по возможности избегать.

Таб. 26.

менде	локо	банди	лоома	кпелле (Либерия)	кпелле (Гвинея)
p/w_U p/β_I	p/b	p/v	p/w_U $p/v, \beta_I$	b/p	b/p
t/l	t/l	t/l	t/l	d/t	d/t
$k/g, w$	k/g	k/w_U k/y_I	k/w_U k/y_I k/η_U k/n_I	g/k	g/k
				gw/kw	gw/kw
kp/gb	kp/gb	kp/b	kp/b	gb/kp	gbw/kpw
f/v	f/h_V f/h_V	f/h (диал. Явиазу: f/v)	$f/v, \beta$	v/f	v/hw
s/j		s/h (диал. Явиазу: s/z)	s/z	z/s	j/h
mb/b^{66}	mb/w_U mb/β_I	mb/w_U mb/y_I	b/w_U b/β_I	m/b	m/b
nd/l	nd/l	nd/l	d/l	n/l	n/l
nj/y^{67}	nj/y	nj/y	z/y	n/y	n/y
ng/w_U ng/y_I	ng/\emptyset_U $ng/\emptyset, y_I$	ng/w_U ng/y_I	g/w_U g/y_I g/η_U g/n_I	η/w_U η/y_I	η/w_U η/y_I
		gw/w	gw/w		

Продолжение на следующей странице.

⁶⁶По некоторым данным, слабым альтернативом в менде может быть β , а не b .

⁶⁷В слове $nj\dot{i}\dot{a}/j\dot{i}\dot{a}$ 'гулять, прогуливаться; ехать на' отмечено чередование nj/j . Сравнение с другими языками заставляет предполагать, что исходно речь шла о паре $s\dot{i}\dot{a}/j\dot{i}\dot{a}$. Начальный согласный «сильного» члена этой пары был, по не вполне ясным причинам, переосмыслен как звонкий, тогда как в «слабом» корреляте начальный согласный не изменился.

менде	локо	банди	лоома	кпелле (Либерия)	кпелле (Гвинея)
	$m/\tilde{w}, \eta$	m/\tilde{w}_U m/\tilde{y}_I	m/\tilde{w} (диал. векема)		
		n/\tilde{y}			

Примечание: Работавший в начале XX века в Либерии Дитрих Вестерманн зафиксировал вместо $m/b, n/l, \eta/w, \gamma$ чередования $mb/b, nd/d, \eta g/w, \gamma$ соответственно [Westermann 1921; Westermann 1924]. Уже в следующей своей книге, опубликованной совместно с Мелзиан [Westermann & Melzian 1930/1974], он даёт чередования в «современной» форме, $m/b, n/l, \eta/w, \gamma$. Впрочем, это может оказаться не (только) историческим, а диалектным различием: в своей статье 1962 года Уильям Уельмерс отмечал, что в северо-западном диалекте Paḡa kɔɛ в начальной позиции импловивный альвеолярный смычный [d] соответствует [l] других диалектов. В любом случае, эти реализации должны учитываться в исторической фонологии ЮЗМ.

3.3.1.2. Контексты чередований

Рассмотрим синтаксические контексты, в которых появляется тот или иной альтернант в различных ЮЗМ.

3.3.1.2.1. Либерийские диалекты кпелле

В либерийских диалектах кпелле сильный альтернант появляется:

а) после possessивного местоимения 1 лица единственного числа η (согласующегося по месту образования с последующим согласным), которое выступает в функциях:

- possessивного местоимения для относительных (т.е. не-автосемантических) имён: $kɔɔ$ ‘нога’ → $\eta gɔɔ$ ‘моя нога’, $lɛɛ$ ‘мать’ → $\eta pɛɛ$ ‘моя мать’;

- прямообъектного местоимения при динамических глаголах, субъектного местоимения при качественных глаголах:⁶⁸ *tūa* ‘царапать’ → *ɲá n̄ d̄ua ā b̄oa* ‘я оцарапался ножом’; *bóloɲ* ‘быть похожим’ → *n̄ m̄ móloɲòɲi t̄à* ‘я похож на него’;
- косвеннообъектного местоимения при послелогох: *rólù* ‘спина; позади, после’ → *è léé n̄ b̄ólù* ‘он пришёл после меня’;

б) как показатель аналогичного местоимения 3 лица единственного числа, при этом начальный «сильный» согласный становится геминированным (что не фиксируется в современной орфографии кпелле) и получает низкий тон: *ɲíɲi* ‘связывать’ → *ɲ̄ɲ̄i* ‘свяжи это’, *yée* ‘рука’ → *ɲ̄ɲ̄é* ‘его рука’, *kwéle* ‘белый, быть белым’ → *ḡḡwéle* ‘он белый, оно белое’. Таким образом, данное местоимение выступает как несегментная морфема;

в) как показатель определённой формы имени, причём реализация согласного аналогична тому, что было описано в предыдущем случае: *ɲāl̄éɲ* → *ɲ̄ɲ̄āl̄éɲ* ‘колючка’, *król̄* → *ḡḡból̄* ‘корзина’, и т.д.

Вне всякого сомнения, обе низкотоновые несегментные морфемы восходят к одной, которую можно реконструировать как слоговой носовой элемент с низким тоном, **ɲ̄* или **ɲ̄̄*.⁶⁹

⁶⁸Таким образом, кпелле, в целом язык номинативно-аккузативного строя, проявляет в этом аспекте своей грамматики элементы строя активного. Это же относится и к другим языкам юго-западной группы. См. на эту тему [Rude 1983].

⁶⁹Интересно отметить, что крупнейший исследователь языка кпелле и выдающийся лингвист-африканист Уильям Уельмерс предлагал более сложное историческое объяснение: по его мнению, морфему, вызывающую в кпелле назализацию/озвончение начального согласного, следует реконструировать как **à* — таким образом, она совпадала бы с местоимением 3 лица единственного числа в северных языках западной группы манде.

Это решение встретило серьёзные возражения других авторов, которые, опираясь на данные других ЮЗМ, реконструировали эту морфему как **ɲ̄*. Различную сегментную реализацию местоимения 1 и 3 лиц в кпелле (*n̄ b̄ólù* ‘моя спина’ — *b̄ólù* [*b̄b̄ólù*] ‘его спина’) Ларри Хайман объяснял необходимостью сохранить сегментную основу местоимения 1 лица в отсутствие тоно-

Фактически эти две морфемы дополнительно распределены и в современном кпелле: значение (б) реализуется при существительных с относительной семантикой, при динамичных и качественных глаголах, при послелогох; значение (в) — при автосемантических именах. Таким образом, не исключена их трактовка как вариантов единой морфемы даже в современном кпелле.

От основ со «вторичными» начальными носовыми (появившимися в результате чередования) формально отличаются основы с «базовыми» начальными носовыми (т.е. такие, в которых начальные *m*, *n*, *ɲ* не чередуются с не-носовыми согласными): их гласные будут всегда назализованными (что, впрочем, часто не отражается в практической орфографии). Например: *māla* ‘танцевать’, *ɲwéé* ‘гость, чужестранец’, *ɲíí* ‘человек’ — ср. *mála* (← *bála*) ‘овца (определённая форма)’, *ɲō* (← *lō*) ‘спрячь это’, *ɲwíí* (← *wíé*) ‘он тяжёлый’. Назализация гласных после «базовых носовых» согласных характерна и для других ЮЗМ. Очевидно, это явление следует рассматривать как след праязыкового состояния, в котором носовые согласные были аллофонами соответствующих не-носовых сонантов или «слабых», появляясь только в соседстве с назальными гласными, о чём подробно говорилось во второй главе. Нынешнее же чередование, таким образом, оказывается поздним явлением: оно вступило в силу уже после трансформации фонологического строя праманде и фонологизации носовых аллофонов.

вого контраста, в то время как в 3 лице низкий тон, редко встречающийся в лексических основах, был достаточен для идентификации местоимения [Nunan 1973, 194–195]. Дэвид Двайер выдвинул «более фонетичное» (и более правдоподобное) объяснение: в кпелле ударение падает на первый высокотоновый слог. Таким образом, в синтагме с посессивным местоимением 1 лица ед. числа это местоимение, будучи высокотоновым, всегда оказывалось ударным, что препятствовало его исчезновению. Низкотоновое же местоимение 3 лица ед. числа, напротив, оставалось безударным и утратило сегментную основу [Dwyer 1974, 69].

3.3.1.2.2. Гвинейские диалекты кпелле

В гвинейских диалектах кпелле ситуация обстоит в целом так же,⁷⁰ с одним существенным дополнением: «сильный» согласный появляется также, если предшествующее слово синтагмы заканчивается на *-ŋ*:⁷¹ *tôŋ dɔ̃* ‘наполнить доверху’, букв. «поставить (*tɔ̃*) верхушку (*tôŋ*)».

3.3.1.2.3. Лоома, локо, банди

Консонантные чередования в языках лоома, локо и банди, при всех бьющих в глаза отличиях от чередования в кпелле (особенно в том, что касается глухих), в функциональном отношении весьма близки к модели последнего, особенно если иметь в виду его гвинейские диалекты. Главные отличия:

а) в фонетическом плане — здесь присутствие рефлекса назального элемента вызвало не озвончение или назальную абсорбцию последующего согласного, а, напротив, его «консервацию». В отсутствие же этого элемента начальный согласный подвергся «ослаблению» (озвончению или соноризации);⁷²

б) в семантическом плане — здесь произошла дальнейшая эволюция назальной низкотоновой морфемы в функции (в): если в кпелле её рефлекс можно считать «артиклом первой стадии», то в этих языках — «артиклом второй стадии» по шка-

⁷⁰ В гвинейском диалекте *гбали-во* (в крайне северной оконечности ареала кпелле, по соседству с районом распространения лоома) чередование начального согласного не выражает противопоставления по определённости/неопределённости: имена имеют «слабый» согласный даже в определённой форме. В моём распоряжении, благодаря любезности Андре Камара, носителя этого диалекта и декана филологического факультета Университета Конакри, имеется озвученный им словарь кпелле, однако обработка этих данных ещё только предстоит.

⁷¹ Дэвид Двайер отмечает это явление и в либерийских диалектах, близких к гвинейской границе.

⁷² Дэвид Двайер объясняет ситуацию противоположным образом: по его мнению, в пра-ЮЗМ следует реконструировать ряд не звонких смычных, а «слабых» (сонанты и **б*), которые подверглись «усилению» в позиции после носового элемента в Центральном ЮЗМ (лоома-локо-банди-менде). Обсуждение его доводов последует ниже.

ле Гринберга.⁷³ Это означает на практике, что в изолированном употреблении имя выступает с назальным префиксом-показателем референтности (точнее, с его рефлексом — «сильным» начальным согласным) фактически всегда. Во фразе референтную форму имеет обычно имя, занимающее первую позицию в именной группе. Второе и последующее существительные в детерминативной (генетивной) синтагме оказываются в нереферентной форме, то есть со слабым начальным согласным (иначе говоря, в не-начальной позиции «референтный статус» существительных задаётся контекстом, и в особом показателе они не нуждаются). Например, в лоома:

ɲázanui wə̀gí ‘шея (*kɔ́gi*) женщины (*ɲázanui*)’.

Не присоединяется показатель референтности к именам собственным (антропонимам, топонимам, этнонимам), в связи с чем те из них, которые относятся к исконному фонду, имеют «слабые» начальные согласные. Отсюда разные названия народа лоома: *lɔ́ta*, *lɔ́ʒta* — самоназвание, *tɔ́ta* — форму, которую используют соседние манинка, по происхождению — архаичный вариант того же слова, сохраняющий «сильный» начальный. Ср. также *ɣisi* — название на лоома языка и народа киси; *wui(g)*, *wi(g)* ‘европеец, белый человек’ — ср. в кпелле *kwíí*, и т.д.

Слабый начальный согласный имеют прилагательные и непереходные глаголы, а также переходные глаголы, прямой объект при которых выражен не местоимением 1 или 3 лица единственного числа. То же касается и послелогов, качественных глаголов — иначе говоря, задействованы все те же контексты, о которых уже шла речь в разделе о кпелле. Ср. в лоома:

⁷³Речь идёт о следующей шкале: (1) демонстративное местоимение, (2) артикль первой стадии (обычный определённый артикль, противопоставленный неопределённости имени), (3) артикль второй стадии («сочетающий функции определённого и неопределённого артиклей», т.е. показатель референтности), который в практике изучения языков манде принято называть «показателем специфичности имени», (4) аффикс номинализации, утративший какую бы то ни было референциальную семантику [Greenberg 1977, 98]. Подробное обсуждение этого вопроса применительно к ЮЗМ дано в работе [Dwyer 1986].

nú wóozagi ‘высокий (*kóozagi*) человек (*nú*)’
másági líli ‘позови (*tíli*) вождя (*másági*)’
té lé líá táa zù ‘они не пойдут (*líá < dii*) в город’.

Поскольку слабый начальный согласный в рассматриваемых языках чаще всего появляется тогда, когда слово оказывается не в начальной позиции во фразе (в синтагме), исследователи «первой волны» стали объяснять это ослабление «тесной синтаксической связью с предшествующим словом в рамках одной синтагмы». ⁷⁴ Однако существуют примеры, в которых слабый начальный согласный появляется в начальной позиции — например, в лоома:

Zókràì vè.
 Нос выгирать

‘Вытри (свой) нос’. (*zókràì < sókrà*).

Lí wúlu.
 Идти назад

‘Иди назад’. (*lí ← dí, wúlu ← pílu* ‘спина’).

Габриэль Манесси, исходя из этих и других подобных примеров, пытался объяснять леницию в лоома и других языках группы «выражением неопределённости» [Manessy 1964, 171–172]. Ср. аналогичный подход в одной из недавних генеративистских работ по языку менде [Seidl, ms.], где появление «слабого» согласного объясняется результатом воздействия особой несегментной «падежной морфемы».

⁷⁴Такой подход, в весьма детальной разработке, представлен в работе [Поздняков 1987]. Характерно, что для объяснения языковых фактов автору приходится выстраивать весьма сложную модель, реконструировать три ступени чередования в пра-ЮЗМ (в реальности ни в одном языке манде не отмеченные) — 1) в интервокальной позиции, 2) в инициали, 3) в позиции после носового — и рассматривать грамматические функции чередования в ЮЗМ как результат отрыва чередования от его фонетических условий, произошедшего в ходе причудливых и иногда нетривиальных диахронических изменений.

На самом деле при таком подходе реальность оказывается «опрокинутой»: сравнение с кпелле убеждает, что префикс присутствует именно в тех случаях, когда слово выступает с начальным «сильным». В случаях типа *zókpaì vè* начальный «слабый» согласный у первого слова указывает на отсутствие при нём притяжательного местоимения (которое, напомним, в ЮЗМ омонимично и этимологически тождественно морфеме референтности), что передаёт значение рефлексивности (принадлежности субъекту высказывания). В высказывании *lí wúlu* начальный слабый согласный у глагола указывает на отсутствие местоимения-прямого дополнения, т.е. на непереходное употребление этого глагола, а начальный слабый у слова *wúlu* — на его «непосессивную» форму, обозначающую соотнесённость этого слова с субъектом высказывания.

3.3.1.2.4. Конечный назальный элемент основы

3.3.1.2.4.1. Аналогично гвинейскому кпелле, «сильный» альтернант появляется в этих языках также у второго слова синтагмы, если предшествующее слово относится к числу тех, которые в пра-ЮЗМ оканчивались на *-ŋ. Ср. в банди:

màsà pèléì
вождь дом

‘вождёв дом’ (*màsà* < **màŋsàŋ*, *pèléì* ← *péle*), но

jàhá vèléì
женщина дом

‘женский дом’ (*jàhá* < **jàsá*, *vèléì* ← *péle*).

Рефлекс конечного *-ŋ проявляется в лоома, банди и локо также при присоединении к основе вокалического суффикса — определённого артикля -i, суффикса «неопределённого множественного» -à, суффикса результативного причастия/перфекта -a. Ср.

в банди: *ɲìná/ɲìnangi* ‘мышь, крыса’, *ɲjìá/ɲjìángí* ‘коза’, но *sàbá/sàbàí* ‘циновка’;

в лоома: *wùì/wùìgì* ‘голова’, *másá/máságì* ‘вождь’, но *bóá/bóáí* ‘нож’.

В позиции перед паузой рефлекс конечного *-ŋ в этих языках не проявляется, поэтому его часто обозначают в словарях и грамматиках как -(ŋ), -(ng) в локо и банди, или -(g) в лоома.

3.3.1.2.4.2. Мне известно несколько попыток усмотреть в конечном носовом элементе основы особую морфему. Мукаровский [1988] посчитал его архаичным префиксом именного класса. Родевальд [Rodewald 1989, 33–43] говорит о «морфеме с неясной семантикой», приводя в пользу этого анализа два аргумента: а) наличие конечного -(ŋ) в банди влияет на тоновый рисунок; б) наличие пар лексем, смысловое различие между которыми может быть объяснено наличием/отсутствием конечного -(ŋ): *kól(ŋg)* ‘кожа (на теле)’ — *kól* ‘кожа (снятая с тела); бумага’; *kɔwɔ-yá* ‘путешественник, странник’ — *kɔwɔ-yá(ŋg)* ‘подожва ступни’; в) факультативностью -(ŋg) в некоторых случаях, например: *lìì + ndá + ì* → *lìì-lá-ì* и *lìì + N + ndá + ì* → *lìì-ndá-ì* ‘хождение’. При этом Родевальд отмечает [Rodewald 1989, 36]: «... когда эти фразы встречаются в тексте, они не взаимозаменяемы. Почему и когда употребляется та или иная из них, до настоящего момента ещё не было изучено».

В этой связи можно привести следующие контраргументы:⁷⁵

а) Действительно, основы типа (CV)CV и (CV)CV(ŋ) дают различные тональные реализации. Однако сам по себе этот факт недостаточен для того, чтобы признать -(ŋ) особой морфемой: тесная связь типа слога и реализации правил тональной ассимиляции характерна для ЮЗМ. Так, в лоома, непосредственно соседствующем с банди, в отношении тонотактики резко противопоставлены два типа основ: основы с серединным сонантом и основы с серединным смычным (в число которых при этом включаются и «слабые», *β* и *β*); к последним примыкают и основы, первый слог которых имеет долгий гласный. В основах второго типа между первым и вторым слогами (когда

⁷⁵О «неправомерности отделения -g (-lg) от корня» в ЮЗМ писал ещё К. И. Поздняков [1987, 366–367]; правда, его аргументация может показаться сторонникам противоположного подхода недостаточной.

речь идёт о двусложном комплексе) существует как бы «тоновый экран», из-за которого слоги проявляют тенденцию к большей тоновой автономии. Ср. тоновые реализации в первом и втором контекстах

а) при срединном сонанте:

félé ‘тки это!’ — *séyéí βèlè* ‘тки плотно!’

б) при срединном смычном или долгом первом гласном:

krété ‘изготовь это!’ — *péléí bèté* ‘построй дом!’

sóbélé ‘интерес’ — *Dísíí zòbélé* ‘интерес окружного комиссара’ (подробнее см. [Vydrine 1989a; Выдрин 1990]).

При этом для основ с срединным смычным реконструируется элемент *-ŋ на конце первого слога: **krèŋtè* ‘изготавливать’. Таким образом, следует признать, что именно *-ŋ и создаёт в таких основах «тоновый экран» — при том что реконструкция некоей особой морфемы в середине основ с срединным смычным в лоома была бы явно неоправданной.⁷⁶

б) Количество пар основ, различающихся в ЮЗМ только наличием или отсутствием конечного -ŋ и при этом близких по семантике, не превышает 3–4: помимо упомянутых выше, в банди можно назвать разве что *ngèhé* ‘гора’ : *ngèhé(ŋg)* ‘холм’, *sàlí* ‘лекарство’ : *sàlíŋgí* ‘лечение’ (эти примеры и кочуют из одной работы в другую). Этого явно недостаточно для вывода о том, что конечный носовой является особой морфемой, тем более что выделить какую-то общую семантику из противопоставления приведённых пар не удаётся. Надо сказать, что в языках манде имеется немало подобных «оппозиций», создающих соблазн выделения каких-то фантомных морфем. Так, в бамана можно было бы выделить некую «тоновую морфему» на основе следующих «оппозиций»: *fàrà* ‘прибавлять’ : *fára* ‘разделять, отделять’; *bǎ* ‘вырывать, выкорчёвывать’ : *bó* ‘выходить, вынимать,

⁷⁶Менее ясна ситуация с основами, имеющими в середине «слабые» согласные (*β, β*).

выводить (и т.д.); $b\grave{o}g\acute{o}$ ‘строительная глина; жижа, грязь’: $b\acute{o}g\grave{o}$ ‘гончарная глина’... Однако отсутствие какой бы то ни было семантической регулярности вынуждает рассматривать эти оппозиции как противопоставленные не грамматически, а лексически.

в) Из текста Родевальда остаётся неясным, характерно ли варьирование $li\grave{i}-l\acute{a}-\acute{i} \sim li\grave{i}-nd\acute{a}-\acute{i}$ ($\leftarrow li\grave{i} + N + nd\acute{a} + \acute{i}$) для любой основы, помещённой в данный контекст, или только для основы $nd\grave{i}i/li\grave{i}$ ‘идти’. В первом случае носовой элемент следовало бы действительно признать особой морфемой и исследовать его семантику (что, впрочем, вряд ли помогло бы пониманию «пар», рассмотренных в предыдущем пункте). Во втором случае следует говорить о двух вариантах основы глагола (не вполне ясно — факультативных или связанных с каким-то смысловым противопоставлением), $li\grave{i}$ и $li\grave{i}(ng)$ — но Родевальд это последнее решение отвергает. И в этом случае можно провести аналогии с ситуацией в языках манден, в большинстве из которых для некоторых основ наблюдается факультативность конечного назального (или назализации конечного гласного). Ср. в мандинка [Creissels, Jatta, Jobarteh 1993]: $j\grave{u}tu \sim j\grave{u}tug$ ‘считать недостаточным’, $k\acute{o}te \sim k\acute{o}te\eta$ ‘другой’, и т.д. Конечно, такое варьирование должно найти своё объяснение, но постулирование некоей «назальной морфемы с неясной семантикой» вряд ли прояснит ситуацию и будет скорее паллиативом, чем решением проблемы.

Фактически же конечный $-(ng)$ в банди и локо, $-(g)$ в лоома исторически соответствует $-\eta$ в кпелле, мандинка или хасонка и назализации в манинка и бамана. Ср., например:

банди $gb\acute{o}(ng)$ ‘обезьяна пата (*Erythrocebus patas*, var. *patas*)’,
гвинейский кпелле $gb\acute{o}\eta$ ‘бабуин’, **мандинка** $k\acute{o}\eta$ ‘шимпанзе’,
кагоро $g\check{o}$ ‘бабуин’, **манинка** $gb\check{o}$, $gb\check{o}$ ‘бабуин’,
бамана $\grave{n}g\check{o}$, $g\check{o}$ ‘бабуин’.

В тех основах, в которых варьирование наблюдается в ЮЗМ, оно обычно отмечено и в других языках манде:

‘давать’: **банди** *kə(ŋg)/wə(ŋg)*, **лоома** *kə/wə*, **кпелле** *gó/kó*, *góŋ/kóŋ*, **джерри** *kuə, kúŋ*, **ваи** *kó*, **мандинка** *só*, **хасонка** *só, sóŋ*, **манинка** *só*, **бамана** *só*;

‘опускаться’: **банди** *njéi/yei* [Grossmann et al. 1991], *njéi(ŋg) / yei(ŋg)* [мои полевые материалы], **лоома** *zii/yii*, **либерийский кпелле** *réŋ / yéŋ*, **гвинейский кпелле** *pe/ye*, **джерри** *jógɔ̃*, **коранко** *yígí*, **мандинка** *jii*, **кагоро** *jígí*, **манинка** *jii, jii*, **бамана** *jígí*, **бобо** *zi*.

Следует сказать, что конечная назализация в манде может иметь в каких-то случаях грамматический характер; речь идёт, в первую очередь, о противопоставлении основ в функции качественных глаголов, существительных и прилагательных в языках кагоро и хасонка. Однако, как известно [Creissels 1985a, 27–28], в этих языках функции назального элемента прямо противоположны — в хасонка он маркирует адъективную форму (*tári* ‘быть быстрым’ — *táriŋ* ‘быстрый’, *xúli* ‘быть тяжёлым’ — *xúliŋ* ‘тяжёлый’, и т.д.), а в кагоро — предикативную (*nógo* ‘грязь’ — *nógɔ̃* ‘быть грязным’, *júgu* ‘враг’ — *júgũ* ‘быть злым’, и т.д.).⁷⁷ По-видимому, такая «разнонаправленность» свидетельствует о сравнительно недавней грамматикализации назальности в манден, так что этот материал вряд ли может быть истолкован в пользу предположения Родевальда — не говоря уже о том, что семантика отмеченных противопоставлений в хасонка или кагоро не имеет ничего общего с семантикой пар, выделенных в ЮЗМ.

Отметим также предположение Двайера [1986] о том, что в различии между двумя типами основ в ЮЗМ можно усмотреть недавнюю морфологизацию.

⁷⁷Кресель отмечает, что предикативная функция этих основ маркируется носовым и в марка (*dù* ‘младший’ — *dù̃* ‘быть маленьким’); я обнаружил это явление также в диалекте беледугу языка бамана (*dógo* ‘младший сиблинг’ — *dógɔ̃* ‘быть маленьким’, *júgu* ‘враг’ — *júgũ* ‘быть злым’; ср. также *sá* ‘быть многочисленным’ при форме *sá* в «стандартном бамана»), однако в двух последних идиомах это явление носит нерегулярный характер.

Таб. 27.

	лоома	банди	менде
вождь (неопред. форма)	<i>mása</i>	<i>màsà</i>	<i>màhà</i>
вождь (опред. форма)	<i>másáǵì</i>	<i>màsàǵǵí</i>	<i>màhèí</i>
старый вождь	<i>másá pǎlǐí</i>	<i>màsà pǎlǐ'í</i>	<i>màhà wóvèí</i>

3.3.1.2.5. Менде

В менде произошло важное изменение: различие между двумя типами основ, с исходом на носовой и с исходом на гласный, исчезло окончательно. Таким образом, здесь слово в начальной позиции в синтагме всегда выступает со «слабым» афлаутным согласным.⁷⁸ Ср. таблица 27.

След архаичного противопоставления — существование в менде двух алломорфов показателя «неопределённого множественного», *-à* и *-ǵà*. В современном менде они находятся в отношениях свободного варьирования, тогда как в праязыке второй из них выступал, несомненно, только после основ с исходом на носовой.

Другая важная инновация менде, имеющая отношение к механизму чередования начального согласного — появление новых местоимений 1 и 3 лица единственного числа, соответственно *lǎ* и *ǵǵí*, которые выступают в функции посессивных (вне зависимости от класса имени; формальное различие между классами «термины родства», «части тела» и «автосемантические имена» в этом языке оказалось перенесено в сферу тоновых реализаций имени, см. [Dwyer 1973]), припослеложных и прямообъектных.

⁷⁸Работая с информантами-локо во Фритауне в апреле 1996 года, я обнаружил, что молодые локо также не всегда различают два типа основ (конечный *-ǵ* в сандхи не появляется), при том что в речи стариков это противопоставление проводится регулярно. К сожалению, имеющихся данных недостаточно для того, чтобы понять, характерна ли эта тенденция для всего языкового сообщества локо или только для молодого поколения столичных жителей, находящихся под сильным влиянием языка менде.

В последней из перечисленных функций при этом сформировалось важное грамматическое противопоставление: $\eta g\check{i}$ может замещать только одушевлённый прямой объект, тогда как для обозначения неодушевлённого объекта сохранилось архаичное местоимение (\dot{n}), которое реализуется как запрет на ослабление начального согласного глагола.⁷⁹

3.3.2. Реконструкция системы начальных согласных пра-юго-западного манде

3.3.2.1. Реконструкции прешествеников

Мне известны три различных реконструкции системы анлатного консонантизма ЮЗМ.⁸⁰ Приведём их, несколько унифицировав орфографию и расположение прафонем в таблицах, с учётом реконструируемого каждым из авторов праязыкового чередования.

Таб. 28. [Dwyer 1974, 66]:

«лёгкие»	«тяжёлые»	носовые
*pp/ɨp/p	*ɨw/ɨw/w	*m/ɨm/m
*ff/ɨf/f		

Продолжение на следующей странице.

⁷⁹Отметим, что, параллельно с менде, редкая для языков манде категория одушевлённости сформировалась и в местоименной системе локо. Здесь, впрочем, ситуация оказалась более запутанной: в функции прямого объекта при глаголе противопоставляются местоимения 3 лица единственного числа $\dot{a}l\dot{a}$ (одушевлённое) и (\dot{n}) (неодушевлённое). В функции посессивного при названиях частей тела выступает только $\dot{a}l\dot{a}$, при терминах родства — $\eta g\check{i}$ или (\dot{n}), и при автосемантических именах — $\eta g\check{i}$.

Противопоставление по близкому признаку, «лицо : не-лицо», было обнаружено и в диалекте кла языка дан в сфере независимых личных местоимений: \dot{a} 'он, она (человек)', $u\dot{e}$ 'он, она, оно (животное, предмет)'; $w\dot{o}$ 'они (люди)', $w\dot{a}\dot{a}$ 'они (животные; предметы)'.

⁸⁰Материал ЮЗМ (а именно, кпелле и менде) был использован для реконструкции начальных согласных праманден в диссертации К. И. Позднякова [1978]. Но, поскольку этот автор не останавливается специально на уровне пра-ЮЗМ, его подход здесь рассматриваться не будет.

«лёгкие»	«тяжёлые»	носовые
* <i>tt/ít/t</i>	* <i>ñ/ń/l</i>	* <i>ñ/ń/n</i>
* <i>ss/ís/s</i> ⁸¹	* <i>ǰ/ǰ/y</i>	* <i>ǰ/ǰ/ɲ</i>
* <i>kk/ǰk/k</i>	* <i>ǰ/ǰ/ɣ</i> ⁸²	* <i>ǰ/ǰ/ŋ</i>
* <i>kkp/ǰk/kp</i>	* <i>m/ń/ɓ</i>	* <i>ǰw/ǰw/ŋw</i>

Первый член в каждой «триаде» — форма с местоимением 3 лица единственного числа и омонимичным ему определённым артиклем; второй член — форма с присоединённым местоимением 1 лица единственного числа; третий член — «прототипический» (underlying) согласный. Вызывает удивление помещение триады **m/ń/ɓ* в ряд лабиовелярных, а **ǰw/ǰw/ŋw* — в ряд лабиальных (обратное решение было бы более логичным).

Таб. 29. [Vydrine 1989].⁸³

* <i>p</i>	* <i>t</i>	* <i>c</i>	* <i>k</i>	* <i>kw</i>	* <i>kp</i>	* <i>kpw</i>
* <i>b</i>	* <i>d</i>	* <i>j</i>	* <i>g</i>	* <i>gw</i>	* <i>gb</i>	* <i>gbw</i>
* <i>f</i>	* <i>s</i>					
* <u><i>b</i></u>	* <u><i>d</i></u>	* <u><i>j</i></u>	* <u><i>g</i></u>			
* <i>m</i>	* <i>n</i>	* <i>ɲ</i>	* <i>ŋ</i>			

Таб. 30. [Kastenholtz 1996a].⁸⁴

* <i>p</i>	* <i>t</i>		* <i>k</i>	* <i>kp</i>
* <i>b/ɓ</i>	* <i>d/l</i>	* <i>j/y</i>	* <i>g/ɣ, w_U</i>	
* <i>f</i>	* <i>s</i>	* <i>sʷ</i>		
* <i>m</i>	* <i>n</i>			

⁸¹У Двайера *s/ís/s* — очевидная опечатка.

⁸²У Двайера *ǰ/ǰ/ŋ* — очевидная опечатка.

⁸³Я не воспроизвожу здесь реконструкций, данных в статье 1989 года в скобках (о них речь пойдёт дальше), и добавляю ряд носовых сонантов, о которых тогда речь не шла из-за ограниченного объёма публикации.

3.3.2.2. Частные расхождения между различными конструкциями

Рассмотрим сначала частные расхождения между этими реконструкциями (в приведённых выше таблицах пра-фонемы, о которых сейчас пойдёт речь, выделены полужирным шрифтом).

3.3.2.2.1. Две фонемы, которые мы находим в системе Двайра и не обнаруживаем у двух других авторов — это *ɲw/ɲw/ɲw и *ɲw/ɲw/w. Последняя из этих пра-фонем, вместе с *ɲ/ɲ/ɲ, соответствует *g в других реконструкциях, об этом пойдёт речь ниже. Рефлексов *ɲw/ɲw/ɲw в современных языках Двайр, к сожалению, не даёт, и основания для её выделения остаются неясными.

3.3.2.2.1.1. Что касается *ɲ-, то осторожность Кастенхольца по поводу этой пра-фонемы представляется неоправданной. На самом деле на уровне пра-ЮЗМ она реконструируется вполне надёжно; в моих материалах в подтверждение этому обнаруживается как минимум 8 основ:

Пра-ЮЗМ *ɲàlá (*ɲàalá ?) ‘клещ’ > менде *ɲàná, ɲàlá, ɲàá*,
лоома *ɲala, ɲaala*, **гвинейский** **кпелле** *ɲēē*.

Пра-ЮЗМ *ɲàalé ‘кот’ > менде *ɲǎ-ɲàlê, ɲǎ-ɲàlô*, **локо** [Koelle 1854/1963] *ɲaale*, **банди** [Koelle 1854/1963] *ɲa-ɲaale-i*, **лоома** *ɲaali, ɲale*, [Sadler 1951] *ɲǎ̄ale*, **либерийский** **кпелле** *ɲàlè*, **гвинейский** **кпелле** *ɲaale*.

Пра-ЮЗМ *ɲámú ‘уродливый, отвратительный’ > менде *ɲámú*,
ɲóú, **локо** [Thomas 1916] *ɲɔɲɔ*, **банди** *ɲóɲɔ / ɲóɲɔ, ɲɔɲ / ɲóɲ*, **лоома** *ɲɔɲɔ, ɲɔɲɔ, ɲɔi(g), ɲóũ*, [Sadler 1951] *ɲóɲɔɲ*,
ɲówũ, **либерийский** **кпелле** *ɲótó, ɲóɲɔ, ɲóó*, **гвинейский** **кпелле** *ɲóɲɔɲ*.

Пра-ЮЗМ *ɲówó ‘друг друга’ > менде *ɲóùɲóù*, **лоома** [Heydorn 1971] *ɲówɔ*.

⁸⁴Кастенхольц не даёт сводных таблиц реконструируемых им фонем, поэтому такую таблицу мне пришлось сделать, по его данным, самому, см. [Vydrine 2000, 108].

Пра-ЮЗМ **л́еε* ‘рыба’ > менде *л́е*, локо *лeε*, банди *л́е* / *ṹé*, кпелле *л́é̃*.

Пра-ЮЗМ **л́àsǎ* ‘женщина’ > менде *л́àhà*, локо *л́aḥa*, банди *л́àhà* / *ũ̀àhà*, лоома *ɥaza*, лоома (диал. колюма и нинибу) *aza*.

Пра-ЮЗМ **л́íní* ‘женская грудь, вымя, сосок’ > менде *л́íní*, локо [Koelle 1854/1963] *л́ii*, банди *л́íní* / *ṹíní*, лоома *л́ini*, *ɥeni*, *é́mí*, *imi*, *л́imi*, [Sadler 1951] *ɥíní*, кпелле *л́ini*.

Пра-ЮЗМ **л́íná* ‘мышь, крыса’ > менде *л́íná*, локо [Koelle 1854/1963] *л́eεǎ*, банди *л́ínǎ(ɥ)* / *ṹínǎ(ɥ)*, *л́ilǎ(ɥ)* / *ũ̀ilǎ(ɥ)*, лоома *л́ine(g)*, *л́ine(g)* / *ĩne(g)*, либерийский кпелле *л́íná*, гвинейский кпелле *л́ine*.

Возможно, также пра-ЮЗМ **л́ǒ* ‘кукуруза’ > менде *л́ǒ*, локо [Thomas 1916] *л́o*, банди *л́ǒ(ɥ)* / *uǒ(ɥ)*.

3.3.2.2.1.2. Несколько меньше количество корней, реконструируемых для пра-ЮЗМ с начальным **ɥ*-, но и в этом случае, по-видимому, для постулирования пра-фонемы имеется достаточно оснований:

Пра-ЮЗМ **ɥ́Ónàɥ* ‘горький; отвратительный’ > менде *ɥ́ópà*, *ɥ́ǒà*, банди *ɥ́ala(ɥ)*, лоома *ɥ́ána(g)*, *wǎ́ɥa*, *ɥ́ála(g)*, *wǎ́ala(g)*, *wana(g)*, лоома [Sadler 1951] *ɥ́nɔ(g)*, кпелле *ɥ́wáná*.

Пра-ЮЗМ **ɥ́àtá* (**ɥ́àatá* ?) ‘кровь’ > менде *ɥ́àtá*, локо [Koelle 1854/1963] *ɥ́ɔwa*, банди *л́àaǎ́* / *ũ̀àaǎ́*, *ɥ́aǎ́* / *ũ̀aǎ́*, лоома *л́ата*, *ɥ́ата*, *у́ата*, лоома [Sadler 1951] *ɥ́átá*, либерийский кпелле *ɥ́ǎǎ́*, *ɥ́ātā*, гвинейский кпелле *л́ата*.

Пра-ЮЗМ **ɥ́èɥǎ* ‘песок’ > менде *ɥ́àɥá*, локо [Koelle 1854/1963] *ɥ́éɥe*, *ɥ́ẽ*, банди *ɥ́ìṹé*, лоома *л́aaɥé(g)*, *л́eze(g)*, *л́aza(g)*, *л́aɥai(g)*, лоома [Sadler 1951] *у́áǎza(g)*, либерийский кпелле *ɥ́éɥa*, гвинейский кпелле *л́eɥɥ*.

Пра-ЮЗМ **ɥ́ópá* ‘ранить’ > менде *ɥ́ópá*, лоома *ɥ́ada*, *ɥ́ala*, лоома [Sadler 1951] *та-ɥоно*, гвинейский кпелле *ɥ́wana*.

Возможно, также пра-ЮЗМ *ɟ̀ɲ́lí ‘птица’ > менде ɟ̀ɲ́lí, локо $\bar{w}\acute{o}i$, банди $\bar{w}\acute{o}ni$, $m\acute{o}lí$ / $\bar{w}\acute{o}li$, лоома $w\acute{o}ni$, $w\acute{e}ni$, ɟ̀ɲ́lí, либерийский кпелле ɟ̀ɲ́lí, гвинейский кпелле ɟ̀wɛni, кпелле-коно ɟ̀ / wɛ.

Очевидно, эта фонема возникла на уровне пра-ЮЗМ как инновация, в результате назализации фрикативного велярного под воздействием интервокального носового (ср. об аналогичном процессе в бамана: [Dumestre 1981b]). Если исходить из того, что праманде относился к числу языков «без носовых согласных фонем», то это можно рассматривать как достраивание ряда носовых сонантов после его обособления от ряда слабых смычных / сонантов.

3.3.2.2.2. Пра-фонеме *s^v в реконструкции Кастенхольца у меня соответствует *c. Речь идёт о серии 1 (см. таблицу 31). На основании данных менде и локо этот ряд совершенно однозначно противопоставляется другому ряду, для которого реконструируется пра-ЮЗМ *s- (серия 2); это различие было попросту не замечено Двайром.

Таб. 31.

	менде	локо	банди	лоома	либ. кпелле	гв. кпелле
серия 1: *c	s/j	s ~ c	s/h	s/z	z/s	j/h
серия 2: *s	h	h	s/h	s/z	z/s	j/h

Что касается реконструкции *c- (в отличие от *s^v- у Кастенхольца), то я исходил из нескольких соображений.

Во-первых, в менде, где противопоставление между рефlekсами двух пра-фонем сохранилось, s- чередуется с аффрикатой j-, которая в фонологической системе явно занимает место в ряду смычных, а не фрикативных — логично предположить, что и глухой коррелят *j- в праязыке тоже был аффрикатой.

Во-вторых, тут играли роль соображения системного порядка: в праязыковой системе начальных согласных у Кастенхольца в серии глухих смычных оказывается пробел — недостаёт именно фонемы, парной *j/у. В то же время в ряду фрикатив-

ных именно в серии палатальных позиция оказывается у него заполненной (что, в целом, не очень типично для языков манде) — логично предположить, что эта фонема должна быть «перемещена» в серию глухих смычных.

В-третьих, в пользу моей реконструкции был проинтерпретирован рефлекс этой пра-фонемы в локо, где я обнаружил чередование *c-* и *s-* в неясных условиях.

В статье 1989 года я высказал предположение, что рефлекс *c-* появляется перед *a*, *e*; *s-* во всех остальных случаях. В ходе проверки с информантами в 1996 году, а также при анализе новых материалов⁸⁵ выяснилось, что реальная ситуация несколько иная. Во-первых, *c-* оказывается возможным и перед открытым задним гласным: *cókú(ŋ) ~ cókú* ‘угол’ — но, по-видимому, не встречается перед закрытыми гласными. Во-вторых, по крайней мере в некоторых словах наблюдается варьирование *c-* и *s-* (не вполне ясно, обусловлено ли оно каким-либо грамматическим или семантическим контекстом): *cáwá(ŋ) ~ sáwá(ŋ)* ‘три’. В третьих, обнаружились слова, где вместо ожидаемого *s-* или *c-* появляется *h-* (*hólól* ‘получать, доставать’ — ср. менде *sòó / jòó*) или же *c-* и *h-* оказываются свободными вариантами (*cáábá ~ háábá* ‘ключ’, от португальского *chave*). В-четвёртых, среди слов с начальным *c-* оказывается много заимствований: *cáágà* ‘жертва’ (от араб. *ṣadaqa*, очевидно, через манинка *sárika*), *cámbálá* ‘обувь’ (от араб. диал. *sabbat* или португальского *sapata*, очевидно, через манинка *sànbáda*), *cébe ~ sébe* ‘мусульманский амулет’ (от манинка или менде *sébe*, в свою очередь от арабского *ṣafḥa* ‘бумага’).

Эти новые данные позволяют предположить, что *c* в локо — позиционный (возможно, свободный) вариант фонем *s* и *h*; реконструкция же **c-* для пра-ЮЗМ, предложенная в моей статье 1989 года, по-видимому, не имеет достаточных оснований. До обнаружения дополнительных аргументов в пользу того или иного решения праязыковые фонемы, рефлекс которых представлены сериями 1 и 2, можно представить как **s*₁ и **s*₂.

⁸⁵[Kimball 1983]; неопубликованные полевые материалы Мёсена, любезно предоставленные в моё распоряжение Клэр Грегуар.

3.3.2.2.3. Серьёзное отличие моей реконструкции 1989 года от двух других — в постулировании серии слабых: **b*, **d*, **j*, **g*. Надо признать, что надёжность реконструкции каждой из этих фонем неодинакова.

3.3.2.2.3.1. Основания для реконструкции **d* — наличие особого рефлекса в лоома, отличающегося от рефлекса **d*:-

Таб. 32.

	менде	локо	банди	лоома	либ. кпелле	гв. кпелле
серия 3: <i>*d</i>	<i>nd/l</i>	<i>nd/l</i>	<i>nd/l</i>	<i>d/l</i>	<i>n/l</i>	<i>n/l</i>
серия 4: <i>*d</i>	<i>nd/l</i>	<i>nd/l</i>	<i>nd/l</i>	<i>z/y</i>	<i>n/l</i>	<i>n/l</i>

В моих материалах обнаруживается дюжина основ, иллюстрирующих серию 4, причём объяснить особый рефлекс в лоома (отличный от рефлекса в серии 3) каким-либо комбинаторным условием, по-видимому, нельзя:

Пра-ЮЗМ **dènfù* ‘дышать; жить, жизнь; длиться’ > **менде** *ndèvù / lèvu*, **банди** *ndèhù / lèhu*, **лоома** *zéβù / yeβu*, *zèwu / lèwu*, **лоома-колюма** [Prost 1967] *lèwu*, **либерийский кпелле** *néwò / léwò*, **кпелле-коно** *nɔ / lɔ*.

Пра-ЮЗМ **dèemǎ* ‘забывать’ > **менде** *ndèmá / lemá*, **банди** *ndèwá / lewá*, **лоома** *zéemà / yeemá*, **либерийский кпелле** *néà / lea*, **гвинейский кпелле** *neaj / leaj*, *neá / leá*.

Пра-ЮЗМ **dèé* ‘лгать’ > **менде** *ndé / le*, *ndéé / leé*, **банди** *ndè / le*, **лоома** *zèè / yeè*, **кпелле** *néè / leè*.

Пра-ЮЗМ **dàǎ* ‘мост из лиан; гамак’ > **менде** *ndàà / laa*, **банди** *ndà / la*, **лоома** *záa* (не чередуется), **кпелле** *nàa / laa*.

Пра-ЮЗМ **dève(g)* ‘оставлять’ > **менде** *ndó / lo*, **локо** *ndo / lo*, **банди** *ndò / lo*, **лоома** *zé(g) / ye(g)*, **кпелле** *nèè / leè*.

Пра-ЮЗМ **dógá* ‘отверстие, яма; промежуток’ > **менде** *ndówá / lowá*, **локо** *ndoga / loga*, **банди** *ndówá / lowá*, **лоома**

zɔwɔ / yɔwɔ, **либерийский кпелле** nɔ́á / lɔ́á, **гвинейский кпелле** nowa / lowa, **кпелле-коно** nukwe / lukwe.

Пра-ЮЗМ *dùfǔ ‘пепел, зола’ > **менде** ndùvú / luvu, **локо** nduhu / luhu, **банди** nduhu / luhu, ndùwǔ / luwu **лоома** zuwu / yuwu, zuvu / yuvu, **либерийский кпелле** nūū / lūū, **гвинейский кпелле** nuɣu / luɣu, **кпелле-коно** nubu / lubu.

Пра-ЮЗМ *díí ~ *díí ‘сердце; печень; середина’ > **менде** ndíí / líí, ndí / lí, **локо** ndili-a / lili-a, **банди** ndíí / líi, **лоома** zìì / yìi, **кпелле** níí / líi.

Пра-ЮЗМ *dè ‘хамелеон’ > **менде** ndǒ-kùlò / lo-kulo, **локо** [Koelle 1854/1963] nduee-guuro, **лоома** zie-go / yie-go, zɔ-wɔuɔ(g) / yɔ-wɔuɔ(g), **либерийский кпелле** [Westermann 1924] nduu-lo / diu-lo, **гвинейский кпелле** noo-lo / loo-lo.

В пользу реконструкции именно слабого (имплозивного?) *d свидетельствует рефлекс следующей праязыковой основы в лоома-колюма:

Пра-ЮЗМ *dǔwǔ⁸⁶ ‘страна, земля’ > **менде** ndǔlò / lǔ-lò, ndǔl / lǔl, **банди** ndǔwǔ / lǔwǔ, **лоома** zuu / yuu, zui / yui, zɔi / yɔi, zuwǎ / yuwǎ, **лоома-колюма** dɔi-dɛi (sic!), **кпелле** nǔi / lɔi, **кпелле-коно** nɛ / lɛ.

О двух других корнях с рефлексами начального *d, «питон» и «вена», речь пойдёт ниже.

3.3.2.2.3.2. Значительно менее надёжно устанавливается *b. В 1989 году я предлагал реконструировать его для тех основ, которые имеют в лоома «сбой»: вместо ожидаемого *b*-/*w*- или *b*/*β*- (в зависимости от последующего гласного) в них появляется *β*-, не подверженный чередованию — причём иногда только в некоторых диалектах. Однако такие случаи довольно многочисленны: «коза» (лоома-колюма *boli*), «нож» (лоома-колюма

⁸⁶Интересно, что в этом слове Р. Кастенхольц восстанавливает прафонему, отличную от *d-, а именно *dʰ-. Впрочем, больше он нигде об этом палатализованном *d* не говорит.

bowa), «варёный рис» (*бауа*). Не исключено при этом, что они могут оказаться заимствованиями из соседних языков; следует считаться также и с возможностью ошибки в фиксации данных лингвистами.

3.3.2.2.3.3. Наконец, ещё менее надёжна реконструкция начальных **j*- и **g*-. Речь шла о единичных основах, которые имеют следующие рефлексy:

Пра-ЮЗМ **j*- > **менде** *pj/y* — **локо** *pj/y* — **банди** *pj/y* — **лоома** *d/l* -**кпелле** *p/l*:

Пра-ЮЗМ **j*ĕ ‘мать’ > **менде** *pjè*, **локо** *pjè*, **банди** *pjĕe*, но также и *pdèé* (последняя форма используется как звательная), **лоома** *de/le*, *di/li*, **кпелле** *pĕĕ* / *lĕĕ*.

Пра-ЮЗМ **j*àkrè ‘племянник (сын сестры — для мужчины)’ > **менде** *pjàgbè*, **банди** *pjàabé* / *yaabe*, **лоома** *dáabe* / *laabe*, *dabe* / *labe*.

Интересно, что обе эти основы — термины родства, которые в ЮЗМ отличаются особым морфонологическим поведением (см. ниже). Кроме того, первая из этих основ является ареальной изоглоссой и хорошо представлена в соседних языках кру и атлантических, а также и в южных манде (ср. **дан** *dĕ*, **mano** *lĕĕ*, **муан** *pĕĕ*, *pĕ*, и т.д.), поэтому её «нетипичные» рефлексy могут объясняться заимствованием в ЮЗМ из разных источников.

Пра-ЮЗМ **g*- > **менде** *ng/y* — **локо** *ng/y* — **банди** *ng/y* — **лоома** *z/y* -**кпелле** *n/y*:

Пра-ЮЗМ **g*ĕe ‘рука; y (кого-л)’ > **менде** *ngé-yà* / *ye-ya*, **локо** *ngé-yà* / *ye-ya*, **банди** *nge-a* / *ye-a*, **лоома** *zi-ye* / *yi-ye*, **кпелле** *nĕĕ* / *yee*.

Пра-ЮЗМ **g*ĕfé ‘собирать, подбирать’ > **менде** *ngèé* / *yee*, *ngeve* / *yeve*, **лоома** *zeβε* / *yeβε*, **северный кпелле** *nε* / *ye*, *nεyε* / *yεyε*.

Возможно, также Пра-ЮЗМ **g*ĩ ‘спать’ > **менде** *pji/yi*, **локо** *ngii* / *ii*, **банди** *ni* / *yi*, **лоома** *ni*, *ni*, *i(g)*, **кпелле** *ni*.

Очевидно, о реконструкции этих двух пра-фонем можно говорить лишь с большой долей осторожности: в последней основе вполне возможно вторичное «восстановление» начальных сильных в менде и локо, осуществлённое разными способами на базе формы с начальным слабым (в силу своей семантики, основа со значением «спать» употребляется в основном в функции непереходного глагола, т.е. в форме *YI*).

Таким образом, реконструкцию в пра-ЮЗМ серии слабых следует считать гипотетичной, нуждающейся в проверке (в первую очередь — данными внешнего сравнения).

3.3.2.2.4. В современных ЮЗМ статус велярных лабиализованных, **kw* и **gw*, как отдельных фонем не всегда очевиден — он может зависеть от того, приписывается ли лабиальный элемент согласному или следующему за ним гласному. У. Уельмерс рассматривал в кпелле реализации [we] и [wɛ] как аллофоны /o/ и /ɔ/ соответственно, отмечая отсутствие контраста между ними не только после *k*,⁸⁷ но и после *l*, а иногда также и после *p*-, *t*-, *n*- [Welmers 1962, 81]: [kólí] ~ [kwélí] ‘квартал’, [l̄í] ~ [lwéí] ‘земля’, и т.п. В то же время *kw* встречается и перед крайними задними гласными: *kwālā* ‘обезьяна’, *kwāā* ‘место’, *kwárá* ‘нижняя часть’, *kwíyéj* ‘батат’, и т.п. Таким образом, *kw*- в кпелле всё-таки можно считать самостоятельной фонемой, оппозиция которой по отношению к /k-/ нейтрализуется перед задними гласными.

Очевидно, сходные правила действуют и в некоторых диалектах лоома, ср. диал. г. Зорозор: *guye(g)* ~ *gwiye(g)* ‘моча’, *kwena(g)* ~ *kona(g)* ‘год’. В других же диалектах велярные лабиализованные отмечены и перед задними гласными: *kwótí* [Sadler 1951], *kwotu* [Prost 1967] ‘камень’, *gwó*, *gwú* ‘мыть, купать’, *gwɔla* ‘большой’, и т.п. — очевидно, здесь положение этих фонем более устойчивое. Следует отметить и тот факт, что их модель чередования также отличается от таковой у *k*-, *g*-: вне зависимости от последующего гласного, «слабым» альтернативом здесь всегда будет *w*-. В диалекте же колюма, описанном А. Простом, в некоторых словах появляется *gb*- (не подвержен-

⁸⁷ *g*- в кпелле представлен лишь на периферии системы, о чём подробнее пойдёт речь ниже.

ный альтернативы), который соответствует *gw*- другим диалектов:

‘сейба, капоковое дерево’ — *gbay*, ср. диал. **уейма** *gwa / wa*, **менде** *ngúwɔ́ / wuwɔ́*, **менде-шербро** *ngó / wo*, **банди** *ngúyé / wuyé*, **кпелле** *ɲíé / wíé*;

‘мыть’ — *gba*, ср. в других диалектах **лоома** *gwo / wo, gwu / wu, gwa / wa*, **менде** *ngúá / wua*, **банди** *ngùya / wuya*, **кпелле** *ɲáà / wáà*.

gw-, чередующийся с *w*- во всех вокалических контекстах, отмечен и в банди. В менде соответствующие основы имеют в начальной позиции *k*- и *g*-, за которыми всегда следует задний гласный.

Таким образом, есть достаточно серьёзные основания реконструировать в пра-ЮЗМ велярные лабиализованные *kw*- и *gw*-, а их полную или частичную (в определённых вокалических контекстах) утрату в конкретных языках считать поздней инновацией.

3.3.2.2.5. Наиболее проблематичны в моей реконструкции 1989 года пра-фонемы **krw*-, **gbw*- и **gb*-.

Реконструкция **krw*- постулировалась исходя всего из двух основ, рефлексy которых в либерийских диалектах лоома дают осложнённую артикуляцию, в других же языках типичным является огубленный гласный первого слога:

Пра-ЮЗМ **krwèlě* (?) ‘пить, глотать, сосать’ > **менде** *kròlé / gbòlé, kròlí / gbòlí*, **локо** [Thomas 1916] *gboe*, **банди** *kròlé / bòlé*, **лоома (различные диалекты)** *króale / boale, kpale(g) / bale(g), kròle(g) / bòle(g)*, **либерийский кпелле** *krèlè / gbèlè*, **гвинейский кпелле** *krwele / gbwele*.

Пра-ЮЗМ **krwélí* (?) ‘грязный; плохой’ > **менде** *kròlí / gbòli*, **банди** *kròlí(ɲ) / bòlí(ɲ)*, **лоома** *krœi / boei*.

Что до обеих звонких лабиовелярных фонем, то их реконструкция являла собой некую условность: к **gbw*- я возвёл те

основы, в которых в современных языках наблюдались неупорядоченные колебания между *kp-* и *b-*; к **gb-* — основы (довольно многочисленные) с колебаниями между *kp-*, *kw-*, *k-* и *p-*. Вот некоторые примеры:

Пра-ЮЗМ **gbĚntě* (?) ‘изготавливать, делать’ > **менде** *kràtê* / *gbatɛ*, **локо** *kratɛ* / *gbatɛ*, **банди** *kràtè* / *batɛ*, **лоома** *krɛtɛ* / *bɛtɛ*, *krɛti* / *bɛti*, **кпелле** *gbētē* / *krētē*, **кпелле-коно** *gbɛlɛ* / *krɛlɛ*, *bɛli* / *pɛli*.

Пра-ЮЗМ **gbú* (?) ‘закрывать; хоронить; привязывать’ > **менде** *krú* / *gbɔi*, **банди** *krùlú* / *bɔlu*, **лоома** *pulu* / *wulu*, *pulu(g)* / *wulu(g)*, **либерийский кпелле** *gbùlô* / *krùlôŋ*, [Westermann 1924] *guluŋ* / *kuluŋ*, **гвинейский кпелле** *gbulu* / *kpulu*, *gboloŋ* / *kpoloŋ*, *bulu* / *pulu*, **кпелле-коно** *gbuluŋ* / *kpuluŋ*.

Пра-ЮЗМ **gbèrè* (?) ‘дорога’ > **менде** *pèlé* / *welɛ*, **локо** *pere* / *bere*, **банди** *pèlè* / *vèlè*, **лоома (различные диалекты)** *pele* / *βele*, *pili* / *βili*, *kpele* / *bele*, **либерийский кпелле** *bēṛē* / *pēṛē*, *gbárɔ* / *krarɔ*, **гвинейский кпелле** *bēlē* / *pēlē*, *gbaale* / *kraale*.

Пра-ЮЗМ **gbwènkě* (?) ‘ветвь’ > **менде** *mbèké* / *bèké*, **локо** *mbeke(ŋ)* / *beke(ŋ)*, **лоома (различные диалекты)** *beke(g)* / *βeke(g)*, *kreke(g)* / *beke(g)*, **лоома-векема** *beke(g)* / *βeke(g)*, **гвинейский кпелле** *teŋeŋ* / *beŋeŋ*, **кпелле-гбали** *mēŋêŋ* / *beŋeŋ*.

Привлечение новых данных показало, что в некоторых из этих случаев речь идёт, по-видимому, о рефлексах двух разных основ (например, в кпелле форма *bēlē* / *pēlē* — ‘дорога’, *gbárɔ* / *krarɔ* или *gbaale* / *kraale* — ‘след, тропинка’; аналогично и в лоома). Иногда «отклоняющиеся» формы происходили из источников, точность которых в отношении фонетической записи не вызывает большого доверия (например, форма лоома *krwele* ‘белый’ [Schwab 1947], противостоящая формам *kwele(g)* / *welɛ(g)*, *kole(g)* / *wole(g)*, отмеченным в других работах).

По-видимому, до того, как будет проведена тщательная проверка языкового материала, от реконструкции **gb-* и **gbw-* разумней воздержаться, имея при этом в виду, что на регулярности в соответствиях велярных, лабиальных и лабиовелярных следует обратить особое внимание. **krw-* для пра-ЮЗМ можно реконструировать «с оговорками».

3.3.2.3. Системные расхождения между различными реконструкциями

Рассмотрим теперь системные расхождения между различными реконструкциями начальных согласных пра-ЮЗМ. Здесь выделяются два вопроса: характер консонантных серий и тип чередования.

3.3.2.3.1. Характер «тяжёлых» согласных в пра-ЮЗМ

Если не считать реконструкции серии слабых (о которых речь уже шла выше), то главным здесь остаётся вопрос о т. н. «тяжёлых» согласных Дэвида Двайра. Этот автор считает, что консонантная система пра-ЮЗМ фактически совпадала с системой современного либерийского кпелле, так что, в «слабой» позиции, серии глухих («лёгких») согласных противопоставлялась серия сонантов и слабых («тяжёлых»), а также серия носовых сонантов. Напротив, в реконструкциях моей и Кастенхольца «тяжёлые» согласные Двайра интерпретируются на уровне пра-ЮЗМ как серия звонких смычных.

Рассмотрим логику рассуждений и аргументацию Д. Двайра (чтобы не утяжелять рассуждения, я исключаю из обсуждения серию носовых, относительно которой мнения всех авторов сходятся).

Итак, Д. Двайр реконструирует в пра-ЮЗМ синхронный процесс назальной абсорбции «тяжёлых» согласных в позиции после местоимений 1 и 3 лиц ед. ч.: $*N+b \rightarrow mm \rightarrow m-$, $*N+l \rightarrow ll \rightarrow l$, и т.д. Согласные ряда «лёгких» в позиции после назального местоимения реализуются в зависимости от тона этого местоимения: если местоимение низкотоновое (3 лицо ед. ч.) — как геминаты; если оно высокотоновое — как преназализованные глухие: $*\dot{N}+p \rightarrow pp$, $*\acute{N}+p \rightarrow \acute{p}r$, и т.д. Такую разницу в ре-

ализации этих двух местоимений Двайр убедительно объясняет характерной для ЮЗМ акцентуацией первого высокотонового слога; таким образом, низкотоновое местоимение оказывается безударным и редуцируется.

В кпелле произошло только одно изменение: озвончение глухого после обоих носовых местоимений (а в некоторых диалектах — и после любого носового, в том числе конечного носового элемента основы). В праязыке менде-банди-локо-лоома («пра-центральном»), помимо уже упоминавшегося изменения семантики низкотонового назального префикса (показатель определённой формы → показатель референтного статуса), вводятся также некоторые новые правила, а сфера действия старых расширяется:

а) **правило геминации глухих** ($N + p- \rightarrow pp-$) теперь применяется и в тех случаях, когда носовой несёт высокий тон (т.е. когда речь идёт о местоимении 1 лица ед. ч.), а также после конечного носового элемента предшествующего слова;

б) **правило озвончения глухих** в интервокальной позиции ($*p- \rightarrow b-$; $*t- \rightarrow d-$, с дальнейшей соноризацией в $l-$). В некоторых языках (лоома, банди) соноризация затронула и губной согласный;

в) **правило назальной экспансии**, которое реализуется в том случае, когда за носовым начальным согласным следует неназальный гласный ($m- \rightarrow mb-$, $n- \rightarrow nd-$, и т.д.). В качестве типологической параллели Двайр приводит пример языка матакали, где было обнаружено аналогичное правило. Этим же правилом он объясняет и современную реализацию конечного назального элемента основы в банди и локо перед вокалической именной морфемой: $kótmíŋ-í > kótmí-ŋgí$ 'пчела'.

Не останавливаясь специально на более поздних правилах, вступивших в силу в отдельных языках ветви, рассмотрим аргументы Двайра против реконструкции звонких смычных для серии «тяжёлых»:

«Тяжёлая» серия в пра-ЮЗМ является результатом слияния более архаичных звонких смычных с сонантами, ср. пра-ЮЗМ $*la$ 'рот' — бамана da , сусу de , но пра-ЮЗМ $*la$ 'место' — бамана la 'место, в'; пра-ЮЗМ $*wuru$ 'дерево' — бамана $yiri$,

сусу *wɪŋi*, но пра-ЮЗМ **wa?* ‘большой’ — **бамана** *ba*, и т.д. В принципе, такое слияние может быть результатом как «ослабления» исходных смычных, так и «усиления» исходных сонантов. Второе представляется Двайру менее вероятным по следующим причинам:

а) это означало бы, что праязык не имел серии сонантов, что в языках встречается нечасто;

б) даже если реконструировать в пра-ЮЗМ звонкие смычные, то всё равно пришлось бы постулировать процесс их ослабления в «слабой» позиции. А если правило «ослабления» всё равно оказывается необходимым, то экономней, в синхронном отношении, считать, что и эти слияния, и «слабые» аллофоны являются результатом действия одного и того же правила ослабления;

в) за исключением имплозивного *b*, нет никаких данных в пользу исходных звонких смычных ни в одном из ЮЗМ. Все звонкие смычные, появляющиеся в ЮЗМ в поверхностной реализации, могут быть выведены из *b*, *l*, *u*, *ɣ*, *w* путём применения правил Назальной Абсорбции, Назальной Экспансии и Геминации;

г) кроме того, велярные звонкие смычные не были обнаружены и в северных манде. *ɣ* в ЮЗМ соответствует *x* в северных манде, как в сусу, или *k*-, как в бамана;

д) чередования *ng/u* и *ng/w* могут быть лучше описаны, если считать, что за ними стоят различные базовые согласные. Если бы слабые члены оппозиций, *u* и *w*, были в дополнительной дистрибуции, то можно было бы реконструировать только один базовый согласный. Но, например, в манде они находятся не в полном дополнительном распределении: *u* появляется перед *i*, *e*, *ɛ*, *a*, *ɔ*; *w* — перед *u*, *o*, *ɔ*. Таким образом, перед *ɔ* возможен и тот, и другой, ср.: *ngɛmbu-i* ‘огонь’, *ɲa+uɛmbu-i* ‘мой огонь’; *ngɔle-i* ‘рыдание’, *ɲa+wɔle-i* ‘моё рыдание’. Если исходить из того, что исходным тут был *g*-, то появление двух различных слабых альтернантов в одном и том же вокалическом контексте объяснить невозможно. Если же считать, что исходными были слабые *u* и *w*, то их «почти-дополнительную дистрибуцию» можно считать результатом двух фонологических процессов: первый даёт

лабиализацию гласного, следующего за *w* (*wi* > *wi*, *we* > *wo*, *wε* > *wo*, *wa* > *wэ*), второй вызывает лабиализацию *y* перед *i* и *o*. После того, как сложилась эта дистрибуция, произошло изменение *y* > *y* в менде, результатом чего и является нынешняя ситуация.

Перейдём теперь к критике этой позиции.⁸⁸

Из противоречий логического характера отметим, что, постулируя в пра-ЮЗМ геминацию глухих согласных после низкотоновой назальной морфемы, сопряжённую с исчезновением носового элемента ($*\dot{N} + p \rightarrow pp$), нельзя действию этой же самой морфемы приписывать на более позднем этапе (в кпелле) ещё и озвончение этой геминаты. Чтобы вызывать озвончение в кпелле, морфема должна была сохранять свой назальный элемент в пра-ЮЗМ.

Во-вторых, Двайр повторяет (по инерции?) заблуждение всех предшественников,⁸⁹ утверждая, что в пра-центральном ЮЗМ озвончение согласного в слабой позиции (т.е. в отсутствие предшествующего носового) происходило только в интервокальной позиции. На самом деле, в отсутствие носового такое озвончение (с последующим ослаблением) происходило в любой позиции, в том числе и в начальной — наиболее типичным примером чему являются непереходные глаголы в повелительном наклонении (о чём подробно говорилось выше).

Далее, предположение Двайра о том, что его «тяжёлая» серия является результатом более раннего слияния рядов звонких смычных и сонантов, не выглядит убедительным. Те формы с начальными «слабыми», которые он даёт как примеры из север-

⁸⁸ Подробная критика концепции Двайра (с позиций, близким к моим, но всё же отличающихся от них в некоторых важных моментах) дана в работе [Поздняков 1987, 363 и далее]. Кастенхольц не рассматривает аргументации Двайра в деталях, но делает общее замечание, что реконструкция смычных звонких для серии «тяжёлых» позволяет уменьшить число противоречий при реконструкции на следующем по глубине уровне [Kastenholtz 1996, 113–114].

⁸⁹ Несмотря на то, что именно Двайр впервые отчётливо и со всеми необходимыми подробностями описал исторический механизм изменения в наиболее адекватном виде — что, в принципе, должно было бы исключить отсылку к «интервокальной позиции» как контексту, в котором происходит ослабление согласного.

ных манде, на поверку оказываются «не вполне слабыми». Так, как раз в бамана слово для «дерева» имеет форму *jíí*, приводимая же Двайром форма *uíí* типична для других языков манде — и пока не вполне ясно, какая из них является первичной. Форма бамана *la* ‘в’ — явно вторична; речь идёт о послелого, начальный согласный которого, с точки зрения фонотактики бамана, приравнивается к интервокальному. Исходной же является, очевидно, форма *dá*, которая и употребляется как имя со значением «место» (весьма вероятно, что это — этимологически та же самая основа, что и упоминаемая Двайром *dá* ‘рот’). Приводимая им форма сусу *uí* ‘вода’ — явно вторична; в этом языке произошло слияние **j*- и **u*- через устранение **j*- (это явление можно считать ареальным — оно отмечено и в ялунка Сьерра-Леоне и юго-восточного Фута-Джаллона, и в соседних идиомах манден: конья, манья, манинка р-на Фарана). В большинстве же западных языков манде соответствующее слово имеет форму *jí*. Что до предполагаемого Двайром отсутствия в северных манде соответствий пра-фонеме ЮЗМ, реконструируемой им как **ɓ*, то многочисленные примеры таких соответствий приводятся в [Выдрин, Томчина 1999].

Теперь проанализируем аргументы, которые выдвигает Двайр в пользу своего решения.

а) Действительно, язык без сонантов — явление не вполне обычное. Но здесь следует сделать некоторые оговорки. Во-первых, для языков манде (и ЮЗМ — в частности) очень типичны расхождения между инвентарём фонем в начальной и в серединной позициях. Так, в большинстве языков семьи в начальной позиции невозможен *ɾ*, тогда как в инлауте он может быть самой частотной фонемой. В бамана в начале знаменательного слова был невозможен и *l*-, так что все слова, начинающиеся с этой фонемы, являются или заимствованиями (в том числе из близкородственных языков), или ономатопами, или *l*-входит в состав каузативного префикса (в составе которого *l*-также приравнивается по статусу к интервокальному). Правда, мы находим начальный *l*- в соседних манинка, мандинка и дьюла, но здесь он восходит, по-видимому, к **ɗ*.⁹⁰ Таким образом,

⁹⁰Речь идёт о пра-фонеме, которая даёт следующие рефлексы: манинка-

речь может идти об отсутствии альвеолярных сонантов именно в начальной позиции — но не в праязыке в целом.

Что касается начальных *w-* и *y-*, то они в пра-ЮЗМ могли быть представлены наряду со звонкими смычными. Можно представить себе, что при формировании системы чередования начальных смычных и сонантов (по модели: **gɔlɔ > ngɔlɔ / wɔlɔ*, **jele > *njele / yele*), многие слова с исходными начальными глайдами были втянуты в этот процесс путём «достраивания», по аналогии, ступени сильного (по модели: **wɔlɔ > ngɔlɔ / wɔlɔ*, **yele > njele / yele* или *ngele / yele*). Таким образом, здесь могло действительно произойти нечто подобное тому, что реконструировал Двайр, только механизм этого изменения был, по-видимому, иным.

б) Если исходить из соображений «экономности системы», то именно реконструкция Двайра выглядит весьма неэкономной. В пра-центральной ЮЗМ постулируются два, по сути дела, противоположно направленных и при этом одновременных процесса: озвончения (то есть ослабления) — для глухих, и назальной экспансии (то есть усиления) — для носовых. Если к этому прибавить ненадёжность обоснования Двайром того, что в северных манде его «тяжёлой» серии соответствовали сонанты, этот его аргумент теряет свою силу.

в) Дополнительным аргументом (которого не находит Двайр) в пользу исходных звонких смычных являются данные Дидриха Вестермана, который в своей книге 1924 года фиксирует чередование в кпелле как *mb/b*, *nd/d*, *ŋg/w, y*. В данном

дьюла-мандинка-хасонка *l-*, бамана *d-*, сусу-ялунка-ваи-коно-коранко-леле-могофин-джого-джери *s-*. Р. Кастенхольц реконструирует для этого ряда соответствий **s-* (не выделяя каких-либо фонетических условий) — иначе говоря, предлагает не отличать его от другого ряда соответствий, в котором во всех перечисленных языках будет представлен *s-*. Мне это кажется совершенно неоправданным. Во-первых, игнорирование особого ряда соответствий никак не повышает эвристическую ценность реконструкции. Во-вторых, с типологической точки зрения, крайне странными представляются переходы **s > l*, **s > d*, которые следуют из такой реконструкции. Напротив, изменения **d > l*, **d > s*, **d > d* представляются вполне тривиальными — особенно если учесть, что для реконструируемой «слабой» фонемы признак звонкости / глухости не является релевантным, а *z* в системе отсутствует.

случае не имеет значения, отражает ли эта запись архаичное или диалектное произношение; в любом случае, в рамках предлагаемой Двайром модели эти формы не могут быть объяснены.

г) Действительно, если ограничиться материалами только таких северных языков манде, как манинка и бамана, то реконструкция *g-* может вызывать сомнения. Однако привлечение других языков такие сомнения снимает: велярному согласному «тяжёлой» серии здесь соответствуют как минимум два различных ряда:

сусу *x-* — **манинка-мори** *gb-* — **бамана** *gw-*, *g-* —
хасонка *x-*

сусу *g-* — **манинка-мори** *j-* — **бамана** *g-* — **хасонка** *g-*

Очевидно, что ни в том, ни в другом случае в бамана не появляется *k-*, о котором пишет Двайр, и оснований для реконструкции в северных манде звонкой смычной фонемы вполне достаточно.

д) Наконец, последний аргумент Двайра строится, по сути дела, на одном лишь примере: слово *ngɔmbɔ* ‘огонь’ имеет в менде альтернант с начальным *y-*, а не *w-*, как следовало бы ожидать по правилам дополнительной дистрибуции. Однако если мы обратимся к другим языкам группы, то обнаружится следующая картина:

Локо *ngɔmbu/?* — **банди** (современная форма) *ŋgɔmbù / yɔmbu*, [Kolle 1854/1963] *ngambu* — **лоома** *ɲabu*, *ɲambu*, *abu* — **либерийский кпелле** *ɲɔ* — **гвинейский кпелле** *wɔ* / *ɲɔ*.

Формы в различных диалектах лоома, а также старая форма банди, зафиксированная Кёлле, однозначно свидетельствуют в пользу того, что исходным гласным первого слога был *a*, лабиализованный же гласный появился, очевидно, вследствие регрессивной ассимиляции, уже после того, как в менде и банди произошло изменение **g- > y* в слабой позиции перед не-задним

гласным (ср. аналогичная аргументация у Кастенхольца [1996, 98]).

Всё вышесказанное заставляет сделать вывод о необходимости реконструировать для пра-ЮЗМ серии звонких смычных.

3.3.2.3.2. Чередование начальных согласных в пра-ЮЗМ

Теперь рассмотрим вопрос о том, следует ли реконструировать в пра-ЮЗМ чередования начальных согласных, и если да, то какого типа.

В своей реконструкции 1989 года я исходил из того, что в пра-ЮЗМ чередований того типа, который мы обнаруживаем в современных языках, не было — вопреки мнению Двайра, Позднякова и Кастенхольца. Однако теперь я вынужден признать позицию моих оппонентов в принципе более обоснованной: если мы находим во всех современных языках, что в одном контексте выступает слабый альтернант, а в другом — сильный, то нет никаких препятствий для того, чтобы это чередование отнести к праязыковому уровню.

К. И. Поздняков [1987] реконструирует три ступени чередования: после носового, в интервокальной позиции, и в начальной позиции. Однако в реальности ни в одном из живых языков группы контексты «начальная позиция» и «интервокальная позиция» не различаются; речь идёт, по сути дела, об одном и том же контексте, противопоставленном позиции «после носового». Очевидно, нет никакой необходимости реконструировать трёхступенчатое чередование и на праязыковом уровне.

Двайр, оставаясь верным «модели кпелле», также реконструирует три ступени для своей «лёгкой» серии (т.е. для глухих согласных): 1. После низкотонового назального местоимения (3 лица ед. ч.). 2. После высокотонового назального местоимения (1 лица ед. ч.). 3. В остальных случаях (т.е. в «слабой» позиции). По Двайру, ступень 1 и 2 различаются на сегментном уровне только для «лёгкой» серии: 1. Глухие геминаты. 2. Преназализованные смычные. Однако выше, при разборе аргументации Двайра, уже шла речь о том, что утрата назально-

го элемента местоимения 3 лица ед. ч. должна быть отнесена к уровню не пра-ЮЗМ, а пра-кпелле — в ином случае становится непонятным озвончение в этом языке глухих геминат ($*\dot{m}p > \dot{b}b$, при неестественности $*\dot{p}p > \dot{b}b$). Если же низкотоновый назальный элемент в пра-ЮЗМ сохранялся, то противопоставление ступеней 1 и 2 теряет смысл — речь идёт о простом примыкании назального местоимения к следующему за ним слову.⁹¹

Таким образом, имеет смысл говорить о праязыковом чередовании только двух ступеней (после носового — в отсутствие предшествующего носового), причём только для серии звонких смычных («тяжёлых», в терминологии Двайра). Именно такое чередование реконструирует Р. Кастенхольц: $*b/\beta$, $*d/l$, $*j/y$, $*g/\gamma, w$. Здесь я сделал бы только два добавления: во-первых, запись Вестермана [1924] свидетельствует в пользу того, что чередование в ряду альвеолярных следует реконструировать как $*d/d'$ (иначе придётся предполагать в кпелле в слабой позиции изменение $*l > d'$, за которым последовало изменение уже в обратном направлении, $d' > l$); во-вторых, к этой серии следует добавить ещё одну пра-фонему, $*gw/w$.

3.3.2.4. Начальные согласные пра-ЮЗМ (результат обсуждения)

Теперь можно представить систему начальных согласных пра-ЮЗМ с учётом всего вышесказанного.

Таб. 33.

$*p$	$*t$		$*k$	$*kw$	$*kp$	$*kpw$ (?)
$*b/\beta$	$*d/d'$	$*j/y$	$*g/\gamma, w$	$*gw$		
$*f$	$*s_1$	$*s_2$				
	$*\underline{d}$	$*\underline{j}$ (?)	$*\underline{g}$ (?)			
$*m$	$*n$	$*\eta$	$*\eta$			

⁹¹ Конечно, при этом происходит уподобление этого назального местоимения последующему согласному по локальному ряду, но для языков манде такое уподобление настолько банально, что оно вряд ли заслуживает особого упоминания.

При этом вопрос о чередовании в пра-ЮЗМ серии «слабых» (импловивных?) согласных остаётся неясным, поскольку их рефлексы в современных языках слились с рефлексами «сильных» фонем.

Рефлексы пра-фонем в живых языках даны в таблице 34.

Таб. 34.

ЮЗМ	менде	локо	банди	лоома	кпелле (Либерия)	кпелле (Гвинея)
* p	p/w_U p/β_I	p/b	p/v	p/w_U p/v, β_I	b/p	b/p
* t	t/l	t/l	t/l	t/l	d/t	d/t
* kw	k/g_V >_O	k/g	k/w_V >_O	kw/w, k/w_V >_O	gw/kw	gw/kw
* kp	kp/gb	kp/gb	kp/β	kp/β	gb/kp	gbw/kpw
* kpw (?)	kp/gb_V >_O	?	kp/β_V >_O	kpо/βо	gb/kp	gbw/kpw
* f	f/v	f/h_V f/h_Ṽ	f/h (диал. Явиазу: f/v)	f/v, β	v/f	v/hw
* s₁	h, h_Ṽ	h, h_Ṽ	s/h, h_Ṽ (диал. Явиазу: s/z)	s/z	z/s	j/h
* s₂	s/j	s ~ c	s/h, h_Ṽ (диал. Явиазу: s/z)	s/z	z/s	j/h
* b/β	mb/b	mb/w_U, mb/β_I	mb/w_U, mb/y_I	b/w_U, b/β_I	m/β	m/β,
* d/ɗ	nd/l	nd/l	nd/l	d/l	n/l	n/l
* j/y	ɲj/y	ɲj/y	ɲj/y	z/y	ɲ/y	ɲ/y

Продолжение на следующей странице.

ЮЗМ	менде	локо	банди	лоома	кпелле (Либерия)	кпелле (Гвинея)
* <u>g</u> / <u>ɣ</u> , w	ɲg/w_U, ɲg/y_I	ɲg/∅_U, ɲg/∅, y_I	ɲg/w_U, ɲg/y_I	g/w_U, g/ɣ_I, g/ɲ_U, g/ɲ_I; ɲ~w̃_Vɲ	ɲ/w_U, ɲ/y_I	ɲ/w_U, ɲ/ɣ_I
* <u>gw</u>	ɲg/w_V >_O	ɲg/w ?	gw/w	gw/w	ɲ/w	ɲ/w_V >_O
* <u>d</u>	nd/l	nd/l	nd/l	z/y	n/l	n/l
* <u>j</u>	ɲj/y	ɲj/y	ɲj/y	d/l	n/l	n/l
* <u>g</u>	ɲg/y	ɲg/?	ɲg/y, ɲ/ɣ̃	z/y; ɲ, ɲ, ∅	y/z; ɲ, ɲ, n	ɲ/y; ɲ, ɲ
* <u>m</u>	m	m/w̃, ɲ	m/w̃_U, m/ɣ̃_I	m/w̃ (диал. векема)	m	m
* <u>n</u>	n	n	n	n	n	n
* <u>ɲ</u>	ɲ	ɲ	ɲ/ɣ̃	ɲ ~ ∅	ɲ	ɲ
* <u>ɳ</u>	ɳ	w̃	ɳ, m/w̃	ɳ ~ ɲ	ɳ	w̃, ɳ

3.3.3. «Сбои» в чередованиях

Как видно из таблицы, в некоторых ЮЗМ не все начальные согласные участвуют в чередовании. В большинстве языков вне чередования оказываются носовые; в менде и локо это также *h*-, исторически произошедший от **s*-, а в локо ещё и *s*-, вместе с *c*-, с которым он находится, по-видимому, в отношениях свободного варьирования.

Но, помимо этого, в каждом из языков группы отмечены слова, начальный согласный которых остаётся неизменным в любом контексте — при том что, согласно общему правилу, он должен был бы чередоваться. К сожалению, такие «несистемные» выпадения из правила чередования крайне редко фиксируют в словарях — единственным известным мне исключением является неопубликованный словарь банди [Grossmann et al., ms.]. Но и здесь форма подачи материала такова, что уверен-

ности в точности фиксации отклонений нет: отсутствие формы с начальным «слабым» в словаре может означать и то, что она не существует, но явно может носить и случайный характер. Этот хронический недостаток местной лексикографической традиции особенно пагубно сказывается на изучении «центральных ЮЗМ» (менде, локо, банди, лоома⁹²), в которых «словарной формой» имени является сильная, так что отсутствие у слова «слабой» формы легко ускользает от внимания лингвиста. Такая ситуация не позволяет сделать какие-то окончательные выводы по этому вопросу, однако и предварительные наблюдения представляют интерес с точки зрения сравнительно-исторического изучения семьи манде.

3.3.3.1. Названия старших родственников

В менде, локо и банди особую формальную группу образуют названия старших родственников: их начальный гласный всегда остаётся «сильным». Например, в локо:

ndéyé ‘старший сиблинг’ → *bí ndéyé-na* ‘твой старший сиблинг’

kèyé ‘отец’ → *bí kèyé-ná* ‘твой отец’, ср.:

kràkí ‘плечо’ → *bí gbàkí-ná* ‘твоё плечо’ (*ná* — определённый артикль).

К этой группе примыкают и некоторые другие имена с относительной семантикой. По имеющимся источникам удаётся установить следующий её состав (см. таблицу 35).

Отметим, что в банди все слова этой группы, кроме трёх последних («друг», «товарищ», «собственность») никогда не присоединяют определённый артикль *-í*; относительно двух других языков сведений на этот счёт нет.

⁹² Впрочем, в применении к локо это замечание звучит неуместно, поскольку словарей этого языка нет вообще. Что касается лоома, то упрёк мне приходится адресовать самому себе: единственный словарь лоома был опубликован мною [Выдрин 1987], и нерегулярности в чередованиях я фиксировал очень непоследовательно.

Таб. 35.

	локо	менде	банди
отец	kɛɛɣɛ́	kɛ́kɛ́, kɛ́ɛ́, -ni	kɛɛɣɛ́, -ni
дядя (брат матери)	kepa	képa, -ni	kɛ́yá, -ni
мать	ɲje	ɲjɛ́	ɲjèè, -ní
мать (форма обращения)		yìé, yě	ndé, -ní
старший сиблинг	ndéɣɛ́	ngɔ́ɔ	ndià, ndiyà, -ítì
сиблинг (младший?)		ndéwè, ndéè	
бабка		(màamá)	màmá, -ní
дед		(màmádà, -ni)	kàwáá, -ní, -ítì
тётка (сестра отца)			ténà, -ní, -ítì
друг		ndíámó	ndiàmɔ, -ní, -ítì
товарищ		mbǎá	mbàlà, -ní, -ɲgáì(tì)
собственность		ndá	ndá

Примечание: В тех случаях, когда форма множественного числа известна, она приводится после слова. В банди источники расходятся относительно формы множественного числа слов *kɛɛɣɛ́*, *kàwáá*, *ténà*, *mbàlà*. В скобках даны слова, начальный согласный которых лежит вне системы чередования.

Заманчиво было бы объяснить особенность поведения этой группы её семантикой — все эти слова с относительным значением. Но приходится признать, что в её основании лежит всё же не семантический, а лексический принцип. Так, в неё не входят некоторые названия людей с «вполне относительной» семантикой, такие как «муж», «жена», «племянник», и т.д. Иначе говоря, найти рациональное объяснение этой аномалии с точки зрения синхронии не удаётся.

Объяснение (или, по крайней мере, путь к объяснению) обнаруживается в диахронии. Напомню, что в манинка та же самая группа слов также проявляет аномальные характеристики: префигированный низкий тон, неприсоединение тонового артикля (см. раздел 3.2.).

Логично предположить, что речь здесь идёт об архаичном префиксе, который, по-видимому, имел низкий тон. О сегментной основе этого префикса можно судить только по тому, что в менде, локо и банди его действие приводит к тому же результату, что и действие показателя референции, *alias* объектного и проч. местоимения 3 лица единственного числа. Последний реконструируется как **N*. Соответственно, и префикс терминов родства также мог иметь вид **N*. Вопрос о том, было ли это ещё одной функцией той же самой морфемы, или особой морфемой, омонимичной местоимению 3 лица единственного числа, пока оставим без обсуждения.

Надо сказать, что во время эпизодических сеансов работы с информантами-локо и лоома мне иногда попадались имена самой разной семантики, от которых информанты отказывались образовывать формы с начальным слабым (конечно, иногда это могло быть вызвано тем, что семантика слова не позволяла поместить его в требуемый контекст). К сожалению, их анализ придётся отложить до того момента, когда появится возможность провести систематическую и достаточно полную проверку словарей этих языков, а также менде и банди.

3.3.3.2. Слова с неизменяемым начальным звонким

В словаре каждого из ЮЗМ обнаруживается значительное число имён, начальный согласный которых не участвует в чередовании и относится при этом к «сильной» серии в кпелле,⁹³

⁹³Речь тут идёт о звонких шумных, чередующихся с глухими. Как известно, «сильными» коррелятами сонантов являются носовые, но последние совпадают с «обычными» носовыми, не участвующими в чередовании. Правда, последние два случая («первичные» и «вторичные» носовые) различаются назализацией последующего гласного (или её отсутствием), но такая назализация обычно не обозначается в словарях.

а в остальных языках группы — к «промежуточной» (звонкий непреназализованный — в менде, локо, банди).

В работах, посвящённых изменению начального согласного в ЮЗМ, да и в описательных работах по отдельным языкам группы, эти слова остаются без внимания. Исключением являются статьи Уильяма Уельмерса [1961, 1969]. Этот автор приходит к выводу, что начальный звонкий в кпелле — признак заимствованного слова. В подтверждение он приводит следующие аргументы:

- присутствие в этой группе явных заимствований из английского и соседних африканских языков (гола, баса);
- отсутствие в ней глаголов, которые, как известно, заимствуются значительно реже существительных;
- повышенная доля названий представителей флоры и фауны, среди которых — растения и животные, лишь недавно появившиеся в Западной Африке.

Однако уже Дэвид Двайр указывал на то, что некоторые из таких основ представлены сразу во всех языках группы, так что отнесение их к числу заимствований вряд ли оправдано. Например:

‘штаны’ менде *bèlè*, банди *mbéle(ŋ)/yele(ŋ)*, лоома *vele(g)*, *bele(g)*, либерийский кпелле *bèlè, bèlèŋ*, гвинейский кпелле *bele, beleŋ*, кпелле-коно *bèrèŋ*.

К этому добавлю, во-первых, что эта основа, упомянутая Двайром, представлена и в других языках манде: **ваи** *bè'è*, **сан** *bègè*, **дан-гуэта** *blëë*, **дан-бло** *bêê*, **mano** *bèlè*, возможно также **джерри** *bilaj*, **джого** *bílá(n)*, **бамана** и **манинка** *bíla* ‘набедренная повязка’.

Во-вторых, если учесть преобладающую семантику этих слов («повышенная доля названий представителей флоры и фауны»), то становится понятной и немногочисленность среди них таких, которые имеют соответствия за пределами группы. Но всё же обнаруживаются и названия животных и т.п. с неизменяемым начальным звонким, хорошо представленные не только в ЮЗМ, но и за пределами этой подгруппы:

‘сенегальский ткачик (птица, *Centropus senegalensis*)’: **менде-ко** *jèngbé-kuku*, **шербро-менде** *jèngbe-tutu*, **банди** *tutu / lutu, hèngbe-tutu*, **лоома** *zégbé-lútù*, **либерийский кпелле** [Westermann 1924] *zèngbe-tuutuu*, **кпелле-гбали** *jègbē-tūutūu* — **манинка** *jàmátùtú*, **бамана** *jàmátùtú*.

‘земляная белка (*Xerus erythropus*)’: **менде** *kàí-kùlo/?*, **банди** *gèlèkùlò*, **лоома-векема** *kúí-wàlè/wui-wàlè* — **ваи** *kèè-kù’ò*, **мандинка** *kèrɛɛ*, **кагоро** *ngèrè-nó*, **бамана** *nkèlɛn-ní*, **маника** *kèrɛ́*, **дьюла-Конг** *gèrɛ-ní*.

‘обезьяна’: **банди** *gbò(ɲ)* ‘обезьяна пата (*Erythrocebus patas*, var. *patas*)’, **северный кпелле** *gbóɲ* ‘бабуин’, **мандинка** *kòɲ* ‘бабуин, шимпанзе’, **манинка-мори** *gbǒ, gbǒ́* ‘бабуин’, **кагоро** *gǒ* ‘бабуин’, **бамана** *ngǒ, gǒ́* ‘бабуин’.

Как легко убедиться, все приведённые основы ЮЗМ с неизменяемыми начальными звонкими или сонантами (а даны они без какого-либо отбора) имеют соответствия в языках манде с начальным преназализованным (иначе говоря, с низкотонным назальным префиксом). Это заставляет предположить, что данная нерегулярность в ЮЗМ вызвана именно присоединением архаичной префиксной морфемы — той же самой, которая отразилась в бамана, мандинка и т.д. как преназализация начального согласного и о которой шла речь в разделе 3.1. В таком случае в пра-ЮЗМ реконструируются следующие формы упомянутых выше основ: **n-s₂èngbé* ‘сенегальский ткачик’, **n-kèLé* ‘земляная белка’, **n-krǒɲ* ‘обезьяна’.

Такое объяснение хорошо согласуется с отмеченным Уельмерсом преобладанием в этой группе названий представителей флоры и фауны. Оно не вступает в конфликт и с фактом наличия в ней очевидных заимствований, доля которых здесь и должна быть повышенной: статистически, заимствования из других языков должны были распределиться примерно поровну между группами слов с начальными глухими и начальными звонкими, в зависимости от того, какой начальный согласный был у слова в языке-источнике. Поскольку слова с начальным не-преназализованным звонким в ЮЗМ, т.е. присоединившие

анализируемый назальный суффикс, были сравнительно мало-численны, то здесь заимствования составили заметно больший процент, чем в группе с начальными глухими. В группу же слов с начальным преназализованным звонким, при отсутствии начальных преназализованных в языке-источнике, они могли не попасть вообще. Наконец, реконструкция у этих слов именной морфемы объясняет и отсутствие здесь глаголов.

Отметим неустойчивость рефлексов вычленяемого здесь суффикса: достаточно часто лишь в одном-двух языках группы слово имеет начальный слабый нечередующийся согласный, тогда как в остальных наблюдается «нормальное» чередование. Такую неустойчивость следует отнести, по-видимому, на счёт архаичности этого префикса уже на уровне пра-ЮЗМ: утратив свою продуктивность в достаточно отдалённый период, он стал факультативен, в каких-то словах слился с корнем, в других — исчез. По-видимому, в некоторых основах могла произойти и поздняя реинтерпретация с «достраиванием», по аналогии, сильной ступени чередования, или с добавлением преназализации к начальному звонкому (восходящему к праязыковому глухому в сочетании с префиксом). Иначе говоря, в ЮЗМ развитие пошло по той же самой модели, что и в языках манден, где преназализация также очень неустойчива от языка к языку и от одной основы к другой, а в некоторых словах факультативна и в рамках одного языка.

3.3.3.2.1. Серьёзную трудность для объяснения представляет собой тот факт, что это — уже третий назальный префикс с низким тоном, который реконструируется для пра-ЮЗМ.⁹⁴ Обозначим их как * h_1 (префикс терминов родства), * h_2 (префикс, о котором идёт речь в данном разделе — при названиях представителей флоры и фауны, и т.д.), и * h_3 (местоимение 3 лица единственного числа, определённый артикль/ показатель референтности). При этом, парадоксальным образом, ре-

⁹⁴В своих предыдущих статьях [Vydrine 1989; Vydrine 1994; Выдрин 1997] я пытался дифференцировать эти префиксы, приписывая то одному, то другому из них высокий тон. Данные о тонировании назального префикса в бамана и кагоро свидетельствуют в пользу того, что тоны всех трёх префиксов были, по-видимому, низкими.

флексy их различаются в «центральных ЮЗМ» (менде-лоома-банди): в то время как $*\dot{n}_1$ и $*\dot{n}_3$ «закрепляют» сильный начальный согласный, $*\dot{n}_2$ вызывает его озвончение.

Впрочем, эта ситуация оказывается не такой уж парадоксальной, если вспомнить, что и в других языках семьи манде назальные элементы, имеющие различный морфонологический статус, могут по-разному влиять на последующий согласный (см. подробный обзор в [Cl. Grégoire 1987/88]). Определяющее значение имеет обычно и тип границы, проходящей между назальным элементом и последующей морфемой. Очевидно, граница, отделявшая $*\dot{n}_2$ - от корня, была «слабее» уже в прото-ЮЗМ — иначе говоря, уже тогда этот префикс почти слился с корнем. В период же, предшествующий распаду пра-ЮЗМ, $*\dot{n}_2$ - уже утратил свой назальный характер перед исходно глухим согласным основы, реализуясь как озвончение последнего: $*\dot{n}_2-k > *g-$. Иначе говоря, здесь прошёл точно такой же процесс, который, уже на более позднем этапе, реконструируется для $*\dot{n}_3$ - в кпелле. Не случайно рефлексy $*\dot{n}_2$ - и $*\dot{n}_3$ - перед глухим согласным основы в кпелле совпали, а в остальных языках группы — как правило, нет: в последних $*\dot{n}_3$ - дал не озвончение последующего согласного, а его «закрепление».

Вот некоторые примеры (в дополнение к уже приведённым).

Пра-ЮЗМ $*\dot{n}-s_2\acute{u}r\acute{u}-gb\grave{u}$ ‘гиена’ — менде $s\acute{u}gb\acute{u}/?$ ‘крупный полосатый зверь’, банди $s\acute{u}lubu / hulubu$ ‘тигр (?)’,⁹⁵ лоома (уейма, вои-бирасу) $zulu-bu$, лоома (гвинейский гизима) $sulu-bu/?$, лоома-векема $sulugu / zulugu$, либерийский кпелле [Westermann 1924] $zulu / s\acute{u}l\check{u}$ ‘лев’, либерийский кпелле $j\acute{u}l\acute{u} / h\acute{u}l\acute{u}$, кпелле-коно $zuru / huru$ ‘гиена’ — ср. мандинка $s\acute{u}luu$, манинка $s\acute{u}luku$, бамана $s\acute{u}rugu$.

Пра-ЮЗМ $*\dot{n}-k\acute{e}l\acute{e}$ ‘ястреб’ — менде $g\acute{e}l\acute{e}$ ‘бурый ястреб’, кпелле $g\acute{e}l\acute{e}$ ‘ястреб *Milvis migrans parasitis*’.

Пра-ЮЗМ $*\dot{n}-s_2\check{i}$ ‘паук’ — менде $s\check{i}-l\grave{o} / ji-lo, s\grave{i}-w\acute{u}l\grave{o} / ji-wulo$, локо $s\check{i}-w\grave{o}r\acute{o}$, [Koelle 1854/1963] $wi-guro$, лоома (раз-

⁹⁵Как известно, тигры в Африке не водятся.

ные диалекты) *zie-wu*, *zi-wulu*, *zi-ngo*, лоома-векема *zīi-wulei*, либерийский кпелле *zīi* / *sīi*, гвинейский кпелле *jīi* / *hīi*.

Пра-ЮЗМ **ñ-s₁àgbé* ‘королевская антилопа (*Neotragus pygmaeus*)’ — менде *hàgbé*, локо *hàgbè-wóló*, банди [Heydorn 1940/41] *sabe*, [Grossmann et al., ms] *hàbé* ‘заяц, кролик’, лоома *zabe*, либерийский кпелле *?/sàgè*, гвинейский кпелле *jòṅ-wāl̄* / *hòṅ-wāl̄*, ср. дьюла Кот-д’Ивуара *sagbene*.

Пра-ЮЗМ **ñ-s₁úgù* ‘крокодил’ — лоома (разные диалекты) *zwē(g)*, либерийский кпелле *zúù*, гвинейский кпелле *júyù* ‘общество людей-крокодилов’.

Пра-ЮЗМ **ñ-fṣṣ* ‘овод’ — менде *fṣ* / *vṣ*, либерийский кпелле *vṣṣ*, гвинейский кпелле *vṣṣ*, *bṣṣ*.

Пра-ЮЗМ **ñ-rámbande* ‘колокольчик’ — менде *bámándé*, банди *màmándé* / *wamande*, лоома [Heydorn 1940/41] *bábàdé*.⁹⁶ Впрочем, это слово может быть и заимствованием из атлантических языков; ср. в либерийском киси *bàmbà-i/-N*, в гвинейском киси *bambe-i* / *bamba-aN*.⁹⁷

Пра-ЮЗМ **ñ-rṣṣṣṣ* ‘мешок; шапка’ — менде *bṣṣṣ*, локо *mbṣṣṣ*, банди [Grossmann et al., ms.] *mbṣṣṣ* / *wṣṣṣ*, [Dwyer 1973] *bṣṣṣ*, лоома *bṣṣṣ(g)* / *wṣṣṣ(g)*, либерийский кпелле [Welmers] *bṣṣṣ*, [Leidenfrost & McKay 1973] *bṣṣṣ/?*, гвинейский кпелле *mṣṣṣ* / *bṣṣṣ*.

Пра-ЮЗМ **ñ-s₂ṣṣṣ-kpòndí* ‘скорпион; ядовитый паук’ — менде-ко *jòrùndí*, менде-кпа *jòkóndí*, либерийский кпелле *zéngbé*, гвинейский кпелле *jeṅṣṣ*, *jégbwṣṣ*, кпелле-коно *zéṅṣṣ*.

⁹⁶В статье Хейдорна не различаются взрывной *b* и имплозивный *β*, так что слово может иметь и форму *bábàdé*.

⁹⁷Я благодарю Константина Позднякова (устное сообщение) за эту информацию.

Пра-ЮЗМ **ñ-s₁ówó* ‘1. знахарь; колдун; 2. старший член тайного общества’ — менде 2. *sówó / jowo*, локо 2. *sówè*, банди 1. *sòwó / howo*, лоома 1, 2. *zòwò*, [Koelle 1854/ 1963] *soyo*, либерийский кпелле 1. *zób*, гвинейский кпелле 1. *jówó*, кпелле-коно 1. *zoɔo-tuɔ*, ср. тж. ваи 1. *zób*, сонинке *suxurra*, *suxuna*.

Пра-ЮЗМ **ñ-kwàñíŋ* ‘струнный инструмент’ — менде *kòñìngà/?*, банди *kòñì(ŋ) / wɛñi(ŋ)*, лоома *kɔñí(g) / w̃ɛñí(g)*, либерийский кпелле [Westermann 1924] *gɛñiŋ / kɔñiŋ*, гвинейский кпелле *gwɛñiŋ*, *gwāñiŋ*, кпелле-коно *gòɔŋ*, ср. тж. сусу *kɔndin*, бамана *ñkòñí*.

Пра-ЮЗМ **ñ-kónè* ‘1. кот; 2. дикий кот; 3. хорёк’ — менде 1. *gónè*, банди 1. *gónè*, (арх.) *kɔnɛ*, либерийский кпелле [Westermann 1924] 2. *gɛlɛŋ / kɛlɛŋ*, гвинейский кпелле 3. *gɛlɛŋ / kɛlɛŋ*.

Пра-ЮЗМ **ñ-kélÈ* ‘обезьяна диана (*Cercopithecus diana*)’ — менде *kélè/?*, банди *kéli*, лоома *keli*, либерийский кпелле *géli*, гвинейский кпелле *geli*.

Пра-ЮЗМ **ñ-kwànkwǎŋ* ‘ворона’ — менде *gòmá*, либерийский кпелле *gɔ̃ɔ̃*, гвинейский кпелле *gɔ̃gɔ̃*, кпелле-гбали *gwâgwâ*, ср. тж. сусу *kaɔa*, ваи [Kastenholz 1996a, 133] *gògògò*, бамана *ngáaga*, *káãkã*.

Пра-ЮЗМ **ñ-konde* ‘бабочка’ — менде *kónde/?*, *konde-ede/?*, менде-шербро *kókòndé*, локо [Koelle 1854/1963] *koodeuunde*, банди [Koelle 1854/ 1963] *kundeuunde*, лоома [Koelle 1854/ 1963] *kodo-odo*, либерийский кпелле *gònógònó*, гвинейский кпелле *gūnúkūnū/kūnúkūnū*.

Пра-ЮЗМ **ñ-kòfâŋ* ‘1. дух; 2. «дьявол» тайного общества; 3. лесной дух-карлик’ — менде 1, 2. *ngàfá / yafa*, менде-кпа *gafa*, локо *ngòfò(ŋ) / ɔfò(ŋ)*, банди 1, 2. *ngàfúa(ŋ) / yafua(ŋ)*, лоома 1. *gɔβɛ / wɔβɛ*, либерийский кпелле 1. *gòfè*, кпелле-гбали 3. *gòhè*.

- Пра-ЮЗМ **ñ-kára* ‘1. циновка; 2. плетёная стенка’ — **менде** 1. *ngála / yala*, **локо** 1. *ngara / ara*, **банди** 1. *ngála / yala*, *ngála(ŋ) / yala(ŋ)*, **лоома** 1. *gala(g) / yala(g)*, **либерийский кпелле**, **кпелле-коно** *gára*, **кпелле-гбали** 2. *gàlà*.
- Пра-ЮЗМ **ñ-kpélékà* ‘1. тесак, 2. бритва’ — **лоома** *kpeleɣa / beɣa*, **либерийский кпелле** *gbéyà*, **гвинейский кпелле** *gbwea*, **кпелле-гбали** 1. *gbēyâ*.
- Пра-ЮЗМ **ñ-kpéŋkpéŋ* ‘вид барабана’ — **менде** *gbébeɛ*, **лоома** *gbégbé(g)*, **либерийский кпелле** [Westermann 1924] *gbɛŋgbɛŋ*.
- Пра-ЮЗМ **ñ-kpùntúŋ* ‘головастик’ — **менде** *kpùtú / gbutu*, **банди** *bùtú(ŋ)*, **лоома** *gbùtú*, **гвинейский кпелле** *gbūnōŋ / kpūnōŋ*.
- Пра-ЮЗМ **ñ-kpòntō* ‘ловушка на леопарда’ — **лоома** *kpoto/?*, **либерийский кпелле** *gbōpō / kpōpō*, **гвинейский кпелле** *gbōpō / kpōpō ~ gbōpō*.
- Пра-ЮЗМ **ñ-kpɔ̀rɔ̀* ‘мозг, костный мозг’ — **менде** *kpɔ̀lɔ̀*, **банди** *kpɔ̀lɔ̀*, **лоома (разные диалекты)** *kpɔ̀lɔ̀/?*, *kpɔ̀lɔ̀(g)/?*, *kpɔ̀lɛ(g)/?*, **либерийский кпелле** */?kpɔ̀rɔ̀*, **гвинейский кпелле** *gbɔ̀lɔ̀*, **кпелле-гбали** *gbɔ̀lɔ̀ / kpɔ̀lɔ̀*, **кпелле-коно** *gbɔ̀rɔ̀ / kpɔ̀rɔ̀*, ср. **ваи** *kpɔ̀lɔ̀*.
- Пра-ЮЗМ **ñ-kpɔ̀luɔ̀kpɔ̀lú* ‘лепра’ — **менде** *kpɔ̀kpɔ̀lú/?*, **либерийский кпелле** [Westermann 1924] */?kpɔ̀lɔ̀*, [Leidenfrost, McKay 1973, Winkler 1997] *gbódò*, **гвинейский кпелле** *gbɔ̀lu-gbɔ̀lu*.
- Пра-ЮЗМ **ñ-kpàŋto* ‘1. дерево, растущее у воды; 2. дерево с желтоватой древесиной; 3. дерево Pterocarpus santalinoides, Pterocarpus esculentus’ — **менде** 1. *gbàtò*, 2. *kpátú/?*, **менде-кпа** *bátu*, **банди** 3. *kpátò / bato*, **лоома (разные диалекты)** *kpato / bato, gbato, gbado*, **гвинейский кпелле** *gbaano, gbani*, **кпелле-гбали** 2. *gbáníŋ*.

Пра-ЮЗМ **ṅ-kràbéLé* ‘шляпа’ — менде *gbàwà*, [Koelle 1854/1963] *gbaawere*, банди *gbàvèlé*, лоома-колюма *gbala(g)*, либерийский кпелле *gbābélé*, гвинейский кпелле *gbala*, ср. вай *gbàwà*, манинка *bànfúula*, бамана *bànfúla*, бозо-тиеяхо *bɔnbilan*, бобо *bànfòlā*, дзуун *bàànfá*.

Пра-ЮЗМ **ṅ-kòtó* ‘саранча’ — лоома *koto/?*, либерийский кпелле *gòtó*.

Пра-ЮЗМ **ṅ-fàngà* ‘барабан в виде песочных часов’ — менде *vàngà*, *fàngà/?*, лоома *fanga/?*.

Пра-ЮЗМ **ṅ-fɔ́fɔ́* ‘1. жук (общее название); 2. пчела (вид); 3. мелкие чёрные древесные муравьи’ — менде 1. *fɔ́fɔ́* / *vɔ́fɔ́*, лоома 3. *fɔ́fɔ́* / *βɔ́fɔ́*, либерийский кпелле 2. *vɔ́vɔ́*.

Пра-ЮЗМ **ṅ-fúy* ‘1. февраль; 2. месяц сухого сезона — менде 1. *vú-ì*, лоома 2. *vu(g)*, *vo(g)*, гвинейский кпелле 2. *vüy*, кпелле-гбали *vɔ́y*.

Пра-ЮЗМ **ṅ-SɔLɔ* ‘1. детский кал; 2. кал; 3. испражняться (о ребёнке)’ — лоома 1. *zɔlɔ* / *yɔlɔ*,⁹⁸ гвинейский кпелле 1. *jɔ́lɔ́* / *hɔ́lɔ́*, ср. мандинка 1. *sori*, манинка, бамана 2. *sɔ́rɔ́*, сонинке 3. *soro*.

3.3.3.2.2. Рассмотрим ситуацию, когда исходный начальный согласный корня, следующего за **ṅ*₂-, был звонким. Очевидно, в кпелле в этом случае произошла назальная абсорбция (иначе говоря, рефлексy **ṅ*₂- и **ṅ*₃- совпали). В остальных языках группы дело обстоит следующим образом: по-видимому, в большинстве случаев и здесь рефлексy **ṅ*₂- и **ṅ*₃- совпали, то есть **ṅ*₂- дал преназализацию звонкого в менде, локо и банди, и его закрепление в лоома (ср. в приводимых ниже примерах отсутствие чередования в слове «сова» в банди). К сожалению, упоминавшиеся выше недостатки имеющихся словарей этих языков обычно не позволяют определить, в каких словах с начальным «сильным» имеет место чередование согласного,

⁹⁸По-видимому, чередование начального согласного в лоома является результатом поздней реинтерпретации «слабого» *z*- как «сильного».

а в каких — нет. Очевидно, по аналогии с большинством имён, многие слова этого класса были здесь позднее вовлечены в процесс чередования, и теперь ничем не отличаются от «обычных» существительных; другие же остались вне чередования. Таким образом, сегодня о наличии в праязыке префикса **n*₂- перед звонким можно судить по форме кпелле (нечередующийся начальный носовой, соответствующий звонкому не-носовому в лоома и преназализованному звонкому в менде-локо-банди), или по отсутствию чередования в остальных языках группы.

Пра-ЮЗМ **n-dágbá* ‘суп, соус’ — **лоома** *daBa*/?, **либерийский кпелле** *láo* / *nao*, **гвинейский кпелле** *pów*.

Пра-ЮЗМ **n-gànsá* ‘белка’ — **менде-кпа** *ngàhǎŋ*/?, **менде-ко** *ngàà-kúlò*/?, **лоома (разные диалекты)** *wasá*, *ɲásà*, *wásà*, **гвинейский кпелле** *ɲaŋja* (Funisciure), **кпелле-гбали** *pwéjé*, ср. также **ваи** *wáŋjá* ‘красная белка’, **манинка** *wènsé* ‘мангуст (*Mungos gambianus*)’, **бамана** *ɲènsé* ‘мангуст (*Mungos gambianus*)’.

Пра-ЮЗМ **n-búŋ* ‘сова (*Stryx flammea*)’ — **менде** *mbú*/?, **банди** *mbùwù*, **лоома** *búú(g)* / *wũ(g)*, **либерийский кпелле** [Westermann 1924] *mùú*, **гвинейский кпелле** *mùú*, *mu-mu*.

Пра-ЮЗМ **n-dàntǎ* ‘вена, мускул, нерв, сухожилие’ — **менде** *ndàtǎ* / *lata*, **локо** [Koelle 1854/1963] *ndata*, **банди** *ndàtǎ* / *lata*, **лоома** *lata*, *leta*, **либерийский кпелле** [Westermann 1924] *nana*, **гвинейский кпелле** *?*/*lana*, **кпелле-гбали** *nàlà* (этот корень, возможно, является старым заимствованием из атлантических языков, в которых он хорошо представлен).

Пра-ЮЗМ **n-díirÉŋ* ‘питон’ — **менде** *ndíle*/?, **банди** *ndiilé(ŋ)* / *liile(ŋ)*, **лоома (разные диалекты)** *ziilé(g)*, *zili(g)*, **либерийский кпелле** [Westermann 1924] *?*/*yíliŋ*, **гвинейский кпелле** *líléŋ* / *yíléŋ*, **кпелле-коно** *líréŋ* / *yíréŋ*.

3.3.3.2.3. Перейдём теперь к самому труднообъяснимому моменту. В некоторых основах в языках «центральной» подгруп-

пы (менде, локо, банди, лоома) появляется нечередующийся слабый начальный. Причём соответствующие слова в языках манден могут выступать и с начальным преназализованным, например:

‘лук (растение)’: менде-кпа *yàbá-sì*, *yàwà*, банди *pjàavà* / *waava*,⁹⁹ лоома (разные диалекты) *yaava*, *yāvā(g)*, *yaβa(g)*, *yawa*, либерийский кпелле *лаба* / *yābā(?)*, гвинейский кпелле *ràbà* / *yàbà* — сусу *yèbé*, *yàbé*, джери *jàbá*, сонинке *jaba/∅*, коранко *yàwá*, бамана, манинка *jàbá*, маника-арабаля, васолон [Galtier 1980, 383] *njàbá*.

‘праца’: менде *ndàvùlà/?*, *làvùlà*, банди *làhùá(η)* — ваи *dààwílà*, мандинка *dàmpuraŋ*, *kàmpuraŋ*, манинка *tanfurā*, *tonfurā*, бамана *ntānfurā*, бамана-Сегу *ntèbèré*, сонинке *danpulaN* / *danpulaŋe*.

Одно из возможных объяснений — заимствование: слово «лук» могло попасть в менде из сусу или дьялонке, а в лоома — из ма-нья или конья (в этих идиомах манден, как и в сусу-дьялонка, *j* отсутствует, а во всех соответствующих словах появляется *y*). Слово «праца» могло быть заимствовано в менде из ваи.

Однако таких слов не так уж и мало, и объяснение всех этих «нерегулярных» случаев через заимствование представляется неоправданным. Можно выдвинуть и другую гипотезу, которая модифицирует (но не отрицает полностью) то предположение, которое было высказано выше: подобно тому, что наблюдается сегодня в некоторых говорах манден (ср., в частности, ситуацию в диалекте Себекоро языка кагоро [Vydrine 2001, 46–50]), в пра-ЮЗМ префикс **h*₂- давал очень неустойчивые реализации, причём разные варианты находились в отношениях свободного варьирования. Например, для лабиальных смычных: **mp~p~b* (у корней с исходным начальным глухим), **mb~b* (у корней с исходным начальным звонким). При этом слова, имеющие префикс **h*₂-, префикса **h*₃- уже не присоединяли — очевидно, все

⁹⁹Нерегулярное чередование; обычно *pj-* в банди соответствует *y-* в слабой позиции.

три назальных префикса входили в одну парадигму. В дальнейшем в разных языках закрепились разные аллофоны, а иногда и в одном языке наблюдаются рефлексы двух аллофонов (ср. варианты слова «праца» в современном менде). При этом преназализованные развивались по той же модели, что и «обычные» согласные в сочетании с суффиксом *ɲ́з- (т.е. в «сильной» позиции), а непреназализованные — по модели начальных согласных в «слабом» контексте.

В рамках этой гипотезы становится понятным и наличие нечередующегося глухого (сильного) начального в «центральных» ЮЗМ, соответствующего нечередующемуся звонкому в кпелле (см., в частности, основы «бабочка» и «мозг»).

Если принять предложенное объяснение, то префикс *ɲ́з- нужно реконструировать и для тех рядов соответствий, когда хотя бы в одном из языков «центральной» подгруппы слово имеет нечередующийся начальный слабый.

Вот ещё некоторые слова, которые иллюстрируют эту модель:

Пра-ЮЗМ *ɲ́-dúgbú ‘туман, дымка’ — менде *lúgbú*, локо [Koelle 1854/1963] *niugbu*, банди [Koelle 1854/1963] *lugbu-i*, либерийский кпелле *niu / lúú*, [Koelle 1854/1963] *duyu*, гвинейский кпелле *niyuluɥu / lúúúúúú* ‘морозящий дождь’.

Пра-ЮЗМ *ɲ́-gwÉliŋ ‘пупок’ — менде-кпа *wóín-dâ*, менде-ко *wón-dâ*, локо [Koelle 1854/1963] *ngoi, ngoli*, банди [Koelle 1854/1963] *ngolii*, лоома (разные диалекты) *ŋoĩ(g), niĩ(g), ɲéé(g), ɲe(g), wē(g)*, либерийский кпелле *ɲóliŋ / wóliŋ*, гвинейский кпелле *ɲweliŋ / wéliŋ*.

Пра-ЮЗМ *ɲ́-ròrǒ(g) ‘голубь’ — менде *rôwô/?*, локо *robo*, банди *rovo(ŋ) / vovo(ŋ)*, [Koelle 1854/1963] *roowoɥoi*, лоома *woro(g), wuri(g)*, лоома-колюма *wooro*, лоома-войе-бирасу *roro(g) / woro(g)*, либерийский кпелле *boro / roro*.

Пра-ЮЗМ **ñ-gìrìŋ* ‘термит’ — менде *gìlì*, локо *ngiri*/? , банди *ngìli* / *yili*, лоома *ŋili*, либерийский кпелле *ŋìlìŋ* / *ŷìlìŋ*, *ŋìlìŋ* гвинейский кпелле *línìŋ*.

Пра-ЮЗМ **ñ-búGù* ‘1. убежище, 2. рабочий лагерь, 3. амбар’ — банди 3. *bùwú*, лоома 2. *búwú*, либерийский кпелле 1. ?/*búù*, гвинейский кпелле 2. ?/*buu*.

Пра-ЮЗМ **ñ-gòmbá* ‘дерево *Trema guineensis*’ — менде *gòmbà*, *ngòmbà*, лоома *wombo*, кпелле *woba*, *ŋoba*, кпелле-гбали *wòbâ*, ср. мано *woma*, манинка *wonbâ*.

Пра-ЮЗМ **ñ-s₁ígò* ‘оса’ — менде *hígò*, локо *síbò*,¹⁰⁰ [Koelle 1854/1963] *siwo*, банди *hìbò*, [Koelle 1854/1963] *jibo-i*.

Пра-ЮЗМ **ñ-s₁Èntă* ‘летающие съедобные термиты-эфемеры’ — менде *hìtá*, локо *hìtá*, банди *hòtá*, лоома (разные диалекты) *seta* / *zeta*, *sota* / *zota*, либерийский кпелле ?/*sìnā*, гвинейский кпелле ?/*hine*, ?/*hnpā*, кпелле-гбали *hòpò*.

Пра-ЮЗМ **ñ-gùwòŋ* ‘лягушка’ — лоома (разные диалекты) *wùò(g)*, *uwo(g)*, либерийский кпелле [Winkler 1997] *gòò*, гвинейский кпелле *ŋwoŋ* / *wòŋ*.

3.3.3.2.4. В менде обнаруживаются пары слов, различающиеся наличием / отсутствием чередования начального согласного (что иногда сопровождается и модификацией тональной схемы) и близких друг другу по семантике. По-видимому, в таких случаях есть все основания считать, что и здесь речь идёт о префиксе **ñ₂*-. Приведём эти пары:

kpátò / *gbato* ‘мачете, тесак’ — *gbàtò* ‘моляр, коренной зуб’

kpòsò / *gboso* ‘ловушка с приманкой на крупную дичь’ — *gbòsò* ‘ловушка на крыс’

¹⁰⁰ Начальный *s-* в локо (вместо ожидавшегося *h-*, как в менде) можно объяснить влиянием префикса **ñ₂*-.

pàlí / *wali* ‘омут; внутренняя часть леса тайного общества По-ро’ — *wàlí* ‘лесная поляна, на которой работники отдыхают в жаркое время суток’

njàká / *yaka* ‘пучок риса’ — *yàká* ‘заливной рис (общее название)’

tòwô / *lòwô* ‘бедренный сустав’ — *lòwô* ‘бедро’

róndá / *wonda* ‘родимое пятно’ — *wóndâ* ‘пуповина’

ndèwê/? ‘мука из молодого риса, который поджаривают перед толчением’ — *lèwè* ‘колоб из сладкого рисового теста, на который кладут орех кола (угощение на мусульманских поминках)’

séngbé/? ‘косой взгляд, подозрительный взгляд’ — *jéngbé* ‘ко-соглазие; взгляд искоса; подозрительный взгляд’

ndémbú / *lambu* ‘низина между холмами’ — *lémbú*, *léngbú* ‘низина (у подножия холма)’.

К сожалению, немногочисленность этих пар не позволяет вычлени́ть семантический компонент, их различающий, с должной уверенностью. Впрочем, некоторые тенденции проследить всё же можно: диминутивное значение (первые три пары); значение «целое по отношению к его части», что можно считать разновидностью отношений «совокупности-выделительности» (четвёртая и пятая пары).

3.3.3.2.5. Для полноты картины, отметим и такое явление, как варьирование начального сильного согласного у некоторых слов менде.¹⁰¹ Рассмотрим следующие «дублиеты»:

ndélí / *léli* ‘прохлада; быть прохладным, быть влажным’ —
télí / *léli* ‘влажность; быть / стать влажным’ (ср. пра-ЮЗМ **délí*)

¹⁰¹Можно предположить, что это явление не чуждо и другим языкам группы (очевидно, кроме кпелле), но имеющиеся словари недостаточны для того, чтобы судить об этом с уверенностью.

ndògbó / logbo ‘съёживаться, сморщиваться; съёживание’ —
tògbó / logbo ‘тоньшаты, худеть, съёживаться; съёжива-
 ние’

ndégbè / lɔgbɛ ‘быть молодым; быть слабым, быть летаргиче-
 ским; молодой’ — *tógbè / lɔgbɛ* ‘молодой, ранний’

njèrè / yɛrɛ ~ ngèrè / yɛrɛ ‘разговаривать, беседовать; раз-
 говор, беседа’

ndúwá / luwa ‘красно-чёрная обезьяна колобус’ — *tùwá / luwa*
 ‘чёрно-белый колобус’ (ср. пра-ЮЗМ **túá*)

dúmbékà ~ ndúmbékà / lumbeka ~ túmbékà / lumbeka ‘звезда;
 жук-светляк’.

Отметим, что в некоторых случаях смысловые различия между «дублетами» могут быть кажущимися, порождёнными неточностью фиксации значения слов в словаре.

Легко заметить, что в большинстве случаев речь идёт о глаголах состояния, изменения состояния, или иных, для которых свойственно в первую очередь непереходное употребление, что предполагает начальный «слабый» согласный. «Сильный» же начальный появляется в этих основах только в отглагольных именах. Но последние малочастотны, и когда актуализованная в сознании говорящих на менде форма с начальным «слабым» может теоретически соответствовать двум различным «сильным», то говорящий может реализовывать, образуя отглагольное имя, обе потенциальные возможности (при этом, разумеется, только одна из этих форм будет «этимологически правильной»).¹⁰²

¹⁰²Ср. сходное по своей сути явление в мандинка, описанное Д. Креселем [Creissels 1982c]. В этом языке имена употребляются в подавляющем большинстве контекстов с показателем конкретной референции («референтным артиклем») -o, который обычно поглощает конечный краткий гласный основы. Это приводит к тому, что говорящие на мандинка, в тех случаях, когда должна быть употреблена «базовая» («неактуализованная») форма основы (например, перед прилагательным), часто расходятся относительно конечного гласного основы: *ɾàpsí ~ ɾàpsa / ɾàpsoo* (аристократическое

Для существительных, оказавшихся в этом ряду, можно предположить в качестве исходной форму с начальным «слабым», появившемся вследствие присоединения префикса **n*₂-. Позднее эти слова были переосмыслены как «регулярные», что потребовало «дотраивания» формы с начальным «сильным» согласным. Что и было сделано — двумя разными способами. В дальнейшем, двум образовавшимся таким образом «дублетам» могли быть приданы слегка различающиеся значения (см. два слова для обозначения разновидностей колобуса).

Труднее поддаются объяснению следующие пары:

njémó/? ‘родственник жены (кроме её младшей сестры)’ —
sèmó/? ‘шурин, свояченица, родственник жены’

ngómâ ~ *kòmâ* / *goma* ‘жадничать, есть не делясь; отказывать кому-л. (в просьбе)’

ngófé / *wǝfe* ~ *kófé* ‘выяснять суть, докапываться до истины’

njógbá/? ~ *sógbá*/? ‘крайняя плоть’

hákrá ‘овощ; соус из варёных листьев и масла’ — *sákrá*/?
‘овощ, используемый для приготовления соуса’

hémbé ~ *sémbé*/? ‘ореол (вокруг луны, солнца)’

njǝmbê/? ~ *ngǝmbê*/? ‘несформировавшийся пальмовый орех’

hǝkrǝ ‘длинный’ — *sǝkrǝ* ‘длинный и морщинистый (о шее)’,
и т.д.

Здесь придётся, по-видимому, ограничиться лишь постановкой проблемы, отложив интерпретацию этих «дублетов» до того момента, когда будет доступна более полная информация об этих словах (наличие или отсутствие чередования начального

сословие в старом Кабу), *fíndu* ~ *fíndo* / *fíndoo* ‘ум, рассудок (уважительное название)’, и т.п. Иногда же исходный конечный гласный может быть, таким образом, окончательно утрачен, ср. *kári* / *károo* ‘луна; месяц’ — при «этимологически правильном» **káru* / *károo*. О схожем явлении в сонинке см. ниже.

согласного; более точное описание семантики; возможные диалектные различия в происхождении форм¹⁰³...).

3.3.3.2.6. Семантика слов с префиксом **ṅ*₂-

Анализ значений даже приведённых выше слов, для которых характерны сбой в чередованиях, выявляет преобладание в этой группе названий представителей флоры и фауны (о чём, впрочем, писал ещё Уильям Уельмерс) — названий трав и лиан, кустарников и деревьев, насекомых и пресмыкающихся, млекопитающих, птиц и рыб. Если же привлечь те корни, которые встречаются только в отдельных языках, то таких слов оказывается неизмеримо больше — до половины состава всей группы.

Хорошо представленными оказываются и другие семантические группы, выделенные среди слов с начальным преназализованным в языках манден (см. раздел 3.1.2.3.): части тела человека и животных; названия блюд и напитков; названия артефактов, выделяющихся своей формой (вытянутые или выпуклые); названия предметов одежды; названия музыкальных инструментов; названия игр и иная лексика, связанная с играми; лексика, связанная с деятельностью тайных обществ, а также с колдовством и магией (эта группа здесь особенно представительна); названия веществ, особенно мазей и выделений; названия болезней, особенно кожных; слова с «отрицательно-оценочными характеристиками» (названия отрицательных черт характера и негативно оцениваемых людей); названия ловушек.

Из семантических групп, представленных среди слов со сбоями в чередовании начальных согласных в ЮЗМ и отсутствующих среди слов с начальными преназализованными в манден, отметим названия типов и элементов ландшафта, причём речь идёт, за редкими исключениями, об углублениях, низинах, водоёмах, лишённых растительности участках: **менде** *bùlù* 'неболь-

¹⁰³ В ходе моих немногочисленных сеансов работы с информантами-менде, говорившими на диалектах кпа и шербро, в середине 1980 гг., выяснилось, что они часто произносят начальные звонкие согласные в «сильной» позиции без преназализации. Впрочем, ослабленную реализацию начального назального элемента в ко-менде отмечал и Гордон Иннес [Innes 1971, 6].

Таким образом, сам по себе суффикс *-ɥà / -ɥà* неправильно считать показателем «неопределённого множественного»: значение \pm определённости выражается в этом языке наличием или отсутствием суффикса \bar{i} , тогда как *-ɥà / -ɥà* передаёт значение «нейтрального множественного».

2) Все немногочисленные автосемантические несоставные имена, обозначающие людей, а также некоторые названия людей с относительной семантикой образуют множественное число по нерегулярным моделям, при этом в большинстве случаев в плюральной форме может быть вычленен элемент *-à*, который, по предположению Уельмерса, может быть связан этимологически с вышеописанным показателем *-ɥà*. В либерийских и гвинейских диалектах формы несколько различаются, причём гвинейские формы дают основания полагать, что многие из них содержат в качестве конечного элемента основу *níú / níà* «человек».

Таб. 36.

	либерийские диалекты [Welmers 1969, 77, 82; Leidenfrost, McKay 1973]		гбали-во	
	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.
‘человек’	<i>níú</i>	<i>níà</i>	<i>níú</i>	<i>níà</i>
‘мужчина, самец’	<i>sūrɔɥ</i>	<i>sínà</i>	<i>hílénù</i>	<i>hínà</i>
‘женщина, самка’	<i>nēní</i>	<i>nēyá</i>	<i>nēnù</i>	<i>nēáa</i>
‘ребёнок’	<i>lólòɥ</i>	<i>níà-pēlē</i>	<i>ló-kòlò</i>	<i>léà-pēlē</i>
‘хозяин, собственник’	<i>námù</i>	(регулярная форма?)	<i>námù</i>	<i>nāmínàá</i>
‘друг’	<i>bāráɥ</i>	<i>bāráà</i>	<i>bēláɥ</i>	<i>bēláà</i>
‘знахарь, ведун’			<i>jówó</i>	<i>jówáà</i>

Кроме того, нерегулярное множественное на -à образуют в гвинейских диалектах некоторые «суффиксоиды» (основы, регулярно входящие в состав сложных слов):

-*loŋ* > -*lea*, -*leã* ‘детёныш, ребёнок’

-*wolo* > -*wola* ‘маленький’ (аналог диминутивного суффикса)

-*muŋ* > -*niã* или -*bèlà* (вторая форма менее употребительна) ‘деятель’.

В либерийских диалектах последней паре суффиксов соответствует -*nĩĩ*/*-bela*, ср.: гвинейские диалекты — *ka-muŋ* ‘родитель’, *ka-bèlà* ~ *ka-niã* ‘родители’, либерийские диалекты — *káá-nĩĩ* ‘родитель’, *káá-bela* ‘родители’.

Отметим также, что в гвинейских диалектах допустимо и присоединение регулярного показателя множественного числа к форме нерегулярного множественного [Lassort 1952, 322]:¹⁰⁴

léàpēlē = *léàpēlēyà* ‘дети’

núã = *núãŋà* ‘люди’

wéá = *wéáŋà* ‘чужестранцы’.

3) Относительные названия людей (то есть, преимущественно, термины родства) образуют множественное число при помощи особого суффикса. В северно-гвинейских диалектах он имеет два алломорфа: -*lí*, если основа оканчивается на гласный (в том числе и носовой!), -*ni* после конечного -*ŋ* основы. В остальных диалектах (южногвинейских и либерийских) после основы с исходом на гласный выступает аллофон -*ni*, после основы на носовой — -*niĩ*. К сожалению, при очевидной ограниченности списка таких слов, источники не приводят его целиком, а существующие словари языка кпелле не имеют обыкновения указывать форму множественного числа имён. Приведём список имён, которые упоминаются в работах по кпелле, добавив некоторые слова, записанные от информанта:

¹⁰⁴Тоны выверены в ходе работы с Андре Камара, носителем северного диалекта гбали-во.

Таб. 37.

	либерийские диалекты [Welmers 1969, 77, 82; Leidenfrost, McKay 1973]		гбали-во	
	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.
мать			<i>léé</i>	<i>lééli</i>
отец			<i>nâŋ</i>	<i>nánni</i> ¹⁰⁵
ребёнок	<i>lóŋ</i>	<i>lônîi</i>	<i>lôŋ</i>	<i>lónní</i>
муж			<i>híle</i>	<i>híleli</i>
жена			<i>néà</i>	<i>néàli</i>
друг			<i>náwè</i>	<i>náwèlí</i>
младший сиблинг	<i>léyè</i>	<i>léyèni</i>	<i>léyè</i>	<i>léyéli</i>
старший сиблинг	<i>líà</i>	<i>líàni</i>	<i>líè</i>	<i>líéli</i>
дед; родственник по браку; дядя по матери			<i>gālā</i>	<i>gālālí</i>

Этот суффикс сочетается и с автосемантическими именами-названиями людей, а также с именами собственными, но в таком случае он выражает значение «ассоциативного множественного» («X и те, кто с ним», «X и его люди»).

3.4.2. Лоома

В лоома выделяются следующие модели образования множественного числа.

1) «Неопределённое множественное» образуется при помощи суффикса -а, присоединяемого к основе имени. Если основа заканчивается на «неслышимый -g», то он становится «слышимым»:

¹⁰⁵Интересно отметить, что «нереферентное множественное» от слов со значениями «мать» и «отец» образуется в диалекте гбали-во при помощи суффиксоида -*bèlà*: *léé-blà* 'матери', *lá-blà* 'отцы'.

kpóló(g)/kpólógá ‘корзина/корзины’

sale/salea ‘лекарство/лекарства’.

После односложных слов с исходом на долгий передний гласный перед суффиксом появляется протетический -у-:

sée/séeyà ‘слон/слоны’.

2) «Определённое множественное» образует суффикс, который имеет много диалектных вариантов: диалект векема *-tea*, *-tega* (возможно, форма этого диалекта является сочетанием двух показателей, определённого множественного **-ti(g)*, **-te* и неопределённого множественного **-à*); нинибу и колюма *-ti(g)*; уейма *-te*; либерийский гизима *-tie*. Этот суффикс присоединяется к основе в определённой форме, то есть с суффиксом *-i*. Ср. в диалекте колюма [Prost 1967, 15]:

Таб. 38.

	неопред. ед. ч.	опред. ед. ч.	опред. мн. ч.
жена, женщина	ãza	ãzai	ãzaiti
ребёнок	dõ	dõi	dõiti
дерево	gulu	guli	guliti

3) Множественное число терминов родства и некоторых других относительных имён, близких к ним по семантике, формируется присоединением суффикса *-ni(g)*. А. Прост отмечает, что эти слова в единственном числе не присоединяют показателя определённости *-i*, и приводит следующий их список:

de → *deni(g)* ‘мать’

ke → *keni(g)* ‘отец’

kwola → *kwolani(g)* ‘дед, бабка’

naza → *nazani(g)* ‘тётка с отцовской стороны’

dia → *diani(g)* ‘старший сиблинг’

poko → *pokoni(g)* ‘свойственник’

bola → *bolani(g)* ‘товарищ’.

Для последних трёх слов Прост приводит и «регулярные» формы — соответственно *diɛiti(g)*, *nokoiti(g)*, *bolaiti(g)*. Для слов же *āza* ‘жена’, *deye* ‘младший сиблинг’, *bazele* ‘сестра’¹⁰⁶ возможно только множественное на *-iti(g)*. Ричард Хейдорн приводит также форму *tamani* ‘бабки’. К сожалению, эти авторы не приводят плюралных форм от других терминов родства лоома (ср. описание системы в [Leopold 1991, 229–272]), однако даже на основании этого неполного списка можно предполагать, что суффикс *-ni(g)* присоединяется только к названиям старших родственников и сверстников, причём последние могут иметь и «регулярное» множественное.¹⁰⁷

Отметим также, что названия старших родственников в единственном числе не присоединяют суффикс определённости *-i*.

Подобно аналогичному суффиксу в кпелле, *-ni(g)* в лоома сочетается также с автосемантическими именами и именами собственными, выражая значение «ассоциативного множественного»:

Folomo-ni di-ve doso-i ma.
 Фоломо-PL идти-PRFV охота-DEF на
 ‘Фоломо и его друзья пошли на охоту’.

4) Как и в кпелле, слову *ni* ‘человек’ во множественном числе соответствует супплетивная форма: диалект уейма *beiti*, ли-

¹⁰⁶ На самом деле, этот термин означает «сестра» только по отношению к мужчине, тогда как по отношению к женщине это слово означает ‘брат’. Следует также уточнить, что слова *diɛ* и *deye* обозначают соответственно старших и младших сиблингов того же пола, что и говорящий. Таким образом, если следовать Н. М. Гиренко [1982, 37–40], то терминологию родства лоома следует признать более архаичной по сравнению с терминологией большинства языков манден (за исключением хасонка и гвинейского манинка), в которой маркируется только относительный возраст сиблинга, вне зависимости от пола.

¹⁰⁷ Можно предположить, что термины, обозначающие членов поколения эго, присоединяют показатель *-ni(g)* в том случае, когда речь идёт о родственниках, старших по отношению к референту, и *-ti(g)*, когда речь идёт о младших — в таком случае грамматические средства дополняли бы лексические в том что касается возможностей различения относительного возраста родственника. Впрочем, это предложение чисто гипотетическое, оно нуждается в проверке.

берийский гизима *beaitie*. Имеются также формы *pima*, *nima*, *nimeiti* с тем же значением, ‘люди’ (во всяком случае, о каком-то их семантическом отличии от форм на *be-* мне неизвестно). Наряду с этим, в книге Садлера приводится и «регулярная» плюральная форма, *núiti* ‘люди’.

3.4.3. Банди

В б а н д и ситуация отличается от той, что наблюдается в лоома, некоторой усложнённостью. К сожалению, имеющиеся описания этого языка [Heydorn 1940/41; Bandi Grammar, ms.] противоречат друг другу в некоторых важных деталях. Я буду излагать ситуацию по второму из упомянутых источников, хотя и относительно него нет уверенности в полной адекватности.

1) Неопределённое множественное образуется присоединением суффикса *-á*: *sèlèí* ‘слон (опр.)’ → *séléá* ‘слоны (неопр.)’, *sièngí* ‘мужчина (опр.)’ → *sièngá* ‘мужчины (неопр.)’.

2) Суффикс *-áì(η)* образует определённое множественное: *kàlîí* ‘мотыга (опр.)’, *kàlîáì(η)* ‘мотыги (опр.)’, *sièngí* ‘мужчина (опр.)’ → *sièngáì(η)* ‘мужчины (опр.)’.

3) По утверждению авторов [Bandi Grammar, ms.], «более определённое множественное» образуется присоединением к форме «простого определённого множественного» суффикса *-tini*, который обычно выступает в стяжённой форме *-tîí*. Таким образом, «комбинированный» суффикс имеет вид *-áitîí*. Присоединяясь к основам с исходом на гласный, этот суффикс часто утрачивает свой *-á-*, так что его «окончательный» вид чаще всего *-itîí*.

Сравнение с данными словаря [Grossmann et al., ms.]¹⁰⁸ за-

¹⁰⁸К сожалению, незавершённая версия этого словаря, любезно предоставленная в моё распоряжение одним из авторов, Ребеккой Гроссманн, не имеет какого бы то ни было предисловия, которое могло бы пояснить принципы его организации. В связи с этим остаётся неясным, являются ли приводимые в словаре формы множественного числа единственно возможными. Кроме того, иногда встречаются и явные ошибки: так, для слова *kèèyè* ‘отец’ дана плюральная форма *kèèyèitîí*, тогда как в других источниках приводится *kèèyèlí*. Поэтому следует исходить из того, что и данные словаря нуждаются в серьёзной проверке.

ставляет думать, что представленная в этой грамматике «динамическая» картина не вполне соответствует реальности. По-видимому, составные суффиксы *-itíí* и *-áitíí* не являются свободными вариантами, причём их распределение связано не с типом основы (с исходом на гласный vs. с исходом на «неслышимый» носовой), а с семантикой имени. *-áitíí* присоединяется чаще к именам, обозначающих людей:

ndòsòí → *ndòsòáitíí* ‘охотник’

mùmúngí → *mùmúngáitíí* ‘немой человек’

ndòpóí → *ndòpóáitíí* ‘ребёнок’.

При этом конечный элемент таких форм, *-tíí*, обычно помечен в словаре как факультативный.

Впрочем, в эту же группу попадают и некоторые слова с другой семантикой, например:

ndòsángí → *ndòsángáitíí* ‘участок саванны, который очистили от кустарника, но не вырубил большие деревья’

ngèlègìlángí → *ngèlègìlángáitíí* ‘падающая звезда’

ngèlèsólóngí → *ngèlèsólóngáitíí* ‘птичка, поедающая пчёл’.

Большинство же имён присоединяет *-itíí*.

Возможно, Впрочем, и иное объяснение: «Vandi Grammar» отражает более архаичную стадию, и сравнение её данных с данными «Словаря банди» демонстрирует направление, в котором развивается система.

4) Термины родства образуют множественное число с помощью суффикса *-ní* (к сожалению, остаётся неясным, имеет ли он «неслышимый -ŋ»). «Грамматика банди» и «Словарь банди» позволяют установить следующий список:

kèyè-ní ‘отцы’

ndè-ní ‘матери’

njèe-ní ‘матери’

kèỹà-ní ‘дядья (с материнской стороны)’ (может сочетаться с обоими типами притяжательных местоимений, «отчуждаемыми» и «неотчуждаемыми»)

ténâ-ní = *ténâ-ítii* ‘тётки с отцовской стороны’ (может сочетаться с обоими типами притяжательных местоимений, «отчуждаемыми» и «неотчуждаемыми»)

ndíámó-ní ‘друзья’ (в словаре приводится форма *ndìàmóítii*)

kèwálá-ní ‘деды’ (может сочетаться с обоими типами притяжательных местоимений, «отчуждаемыми» и «неотчуждаемыми»; в словаре приводится форма *kàwáláitii*)

màmá-ní ‘бабки’ (в словаре приводится форма *màmáitii*)

mbàlá-ní ‘товарищи’ (сочетается с «отчуждаемым» притяжательным местоимением; в словаре приводится форма *mbàlangái(tii)*)

mòè-ní ‘тёща’, ‘старшая свояченица’, ‘свёкр’.

«Регулярное множественное» имеют термины *ndià* ‘старший сиблинг’, *ndèyè* ‘младший сиблинг’, *njàabè* ‘ребёнок сестры отца и его дети’ (изменяет начальный согласный).

Многочисленные противоречия в источниках требуют проведения дополнительной проверки материалов банди, однако очевидно, что здесь, как и в лоома, суффикс *-ní* сочетается только с названиями старших родственников.

Аналогично кпелле и лоома, суффикс *-ní* в банди передаёт также значение «ассоциативного множественного».

5) Суффиксоид со значением имени деятеля или обладателя *-mɔ̃/ṽɔ̃* (очевидно, этимологически тождественный *-mɔ̃* в гвинейском кпелле) имеет в банди плюральный коррелят *-mbela/yela*:

sìàmóì → *sìàmbélàí* ‘путешественник’

pèléw̃dì → *pèléyélaí* ‘владелец дома’, и т.п.

3.4.4. Менде

В менде образование форм множественного числа во многом схоже с тем, что наблюдается в лоома, отличаясь некоторыми важными нюансами.

1) Суффикс, образующий «неопределённое множественное», имеет два алломорфа, *-a* и *-nga*, которые свободно варьируют (по утверждению Г. Иннеса, первая форма, как более краткая, употребляется несколько чаще второй):

fěngà ~ fě̀à ‘горшки’

ndòpóngà ~ ndòpóà ‘дети’.

Эта ситуация легко поддаётся объяснению: поскольку в менде исчезло различие между двумя типами основ, с исходом на гласный и с исходом на **-ŋ*, прежние дополнительно распределённые алломорфы¹⁰⁹ стали свободными вариантами.

2) «Определённое множественное» образуется присоединением суффикса *-sìà* к определённой форме имени:

ndòpóí → *ndòpóisìà* ‘дети’

fě́í → *fě́ísìà* ‘горшки’.

Можно предположить, что этот суффикс этимологически тождественен суффиксу *-ti, -ti(g)* в лоома и *-tii* в банди, отнеся нерегулярное фонетическое соответствие *s : t* на счёт того, что подобные отклонения достаточно обычны для служебных морфем. Конечный же элемент *-a* этого суффикса, как и аналогичный элемент в форме *-tea ~ -tega* (лоома-векема) может быть по происхождению тождественен суффиксу неопределённого множественного.

3) Имеется также «комбинированный» суффикс, *-ngě́ísìà* (<**-ngà + í + -sìà*), который образует множественное число от нескольких имён. Все эти имена — названия людей и домашних животных. К сожалению, Иннес [1971, 21] приводит только три из них:

¹⁰⁹Если быть точным, то здесь идёт речь даже не о двух алломорфах, а об одном, потому что *ŋ* принадлежал не суффиксу, а основе.

lànhángèísìà ‘женщины’, *mànhángèísìà* ‘вожди’, *mbàlángèísìà* ‘овцы’.

Нерегулярную форму имеет и плюралис от слова *nú* ‘человек’: *núngà* ‘люди’. От этой формы образуется определённая форма путём присоединения суффикса *-í*: *núngèí* — иначе говоря, с формальной точки зрения, *núngà* ведёт себя не как плюралис, а как обычная сингулярная форма.

4) Названия старших родственников образуют множественное число при помощи суффикса *-ní*. Иннес приводит только три примера:

kéràní ‘дядья (братья матери)’

kèkéní ‘отцы’, ‘братья отца’

màmádàní ‘деды, предки’.

Втрое значение этого суффикса — «ассоциативное множественное».

5) Аналогично банди, сингулярному суффиксоиду *-mò* ‘человек’ соответствует плюральное *-bla* ‘люди’:

húmá-mò ‘вор’ → *húmá-bla* ‘воры’

Pùù-mò ‘англичанин’ → *Pùù-blà* ‘англичане’.

3.4.5. Локо

В трёх кратких описаниях л о к о, имеющих на настоящий момент, образование множественного числа имени описано по-разному. Сходятся они (точнее, два первых из них) только на том, что суффиксоид с агентивным значением имеет сушплетивные формы единственного и множественного чисел — соответственно *-mò*/*-wò* и *-mbelaa*/*-belaa*.

3.4.5.1. В грамматическом очерке Иннеса [Inness 1964] модели оказываются очень похожими на менде: показатель неопределённого множественного, *-a*, присоединяется к основе имени; показатель определённого множественного, *-i* — к определённой форме имени, что даёт конечный долгий *-i*. Ср. слова *ngete* ‘пест’ и *ndoì(ŋ)* ‘рыболовный крючок’:

Таб. 39.

	ед. ч.	мн. ч.
неопределённая форма	ngete, ndoi	ngetea, ndoinga
определённая форма	ngetei, ndoingi	ngeteii, ndoingii

Оба плюральных показателя могут совмещаться, при этом не происходит какого-либо видимого изменения значения по сравнению с обычным неопределённым множественным: *ndoingai* ‘рыболовные крючки’, *ngeteai* ‘песты’.

Учитывая, что исследование локо Гордон Иннес проводил «на фоне» своих интенсивных занятий доминирующим в Сьерра-Леоне языком менде, можно предполагать некоторую «интреференцию» со стороны последнего в том что касается семантики плюрального показателя. Поэтому я склонен больше полагаться здесь на интерпретацию, предлагаемую двумя другими авторами.

3.4.5.2. Лес Кимбелл выделяет два основных способа образования множественного числа:

1) Относительные имена, не обозначающие людей (т.е., в большинстве своём, названия частей тела), а также автосемантические неодушевлённые имена, образуют множественное число полной редупликацией имени или определяющего его слова (modifier):

ndii líi ‘сердца’
pèlè bélé ‘дома’
kpálá gbíhí gbìhì ‘много ног’
pélé wáá wàà ‘большие дома’.

Множественность прямого объекта может быть выражена и редупликацией глагола:

Кéé kpálá gbáú-kpà̀̀ng-à.
он нога брать-брать-PRFV

‘Он взял ноги’ (о продавце, покупающем мясо).

2) Названия людей — как относительные (термины родства), так и автосемантические, — а также названия животных образуют множественное число присоединением суффикса -а (-*ngaa*, если основа оканчивается на «неслышимый -ŋ»):

$p\grave{a}\tilde{h}\acute{a} \rightarrow p\grave{a}\tilde{h}\acute{a}\acute{a}$ ‘женщина, жена’
 $nd\grave{e}ge \rightarrow nd\grave{e}g\grave{e}\grave{a}$ ‘(младший?) сиблинг’
 $pj\grave{i}\grave{e}(\eta) \rightarrow pj\grave{i}\grave{e}ng\grave{a}$ ‘женщина’
 $k\grave{e}\grave{e}g\grave{e} \rightarrow k\grave{e}\grave{e}g\grave{e}\grave{a}$ ‘отец’
 $t\acute{e}\acute{e} \rightarrow t\acute{e}\acute{e}\acute{a}$ ‘курица’
 $n\grave{i}k\grave{a} \rightarrow n\grave{i}k\acute{a}\acute{a}$ ‘корова’.

Отметим изменения в основах двух слов:

$nd\acute{o}u \rightarrow nd\acute{e}ng\acute{a}\acute{a}$ ‘ребёнок’
 $n\acute{u}u \rightarrow n\grave{i}ng\acute{a}\acute{a}$ ‘люди’.

Кроме того, этот автор упоминает суффикс *-ni* ~ *-i*, выражающий «ассоциативное множественное» (*Mómóní* ‘Момо и иже с ним’, *Fátúú* ‘Фату и другие’).

3.4.5.3. В диссертации Дэвида Двайра описано образование множественного числа только одушевлённых имён [Dwyer 1973, 93–95]: к основе присоединяются одновременно три суффикса — «множественное-2» *-à*, суффикс определённого состояния *-í*, «множественное-2» *-ì*:

$h\acute{e}\acute{e} \rightarrow h\acute{e}\acute{e}\acute{a}\acute{i}\grave{i}$ ‘слон’
 $m\grave{a}h\acute{a}j \rightarrow m\grave{a}h\acute{a}ng\acute{a}\acute{i}\grave{i}$ ‘вождь’.

3.4.6. Реконструкция плюральных показателей пра-ЮЗМ

В приводимой ниже таблице сведены данные о формах и семантике показателей множественного числа в ЮЗМ и предлагается реконструкция соответствующих показателей в праязыке этой группы.

Таб. 40.

кпелле	-ʒà, -lʒà нейтральное («неопределённое») мн.		-à (модифицирует предшеств. слог) мн.ч. лиц	-lʒ/ -plʒ мн.ч. терминов родства; ассоциативное мн.	-bèlà — мн.ч. от агентивного суффиксоида -mɔɔ, -pɔɔ
лоома	-а неопределённое мн.	-tí(g), tɛ, tíɛ определённое мн.		-plʒ(g) мн.ч. названий старших родственников; ассоциативное мн.	bɛaɪ, -bɛaɪtɪ мн.ч. от слова plɔ 'человек'
банди	-á неопределённое мн.; ài(ɪ) определённое мн.	-ìtɪiʒ определённое мн.ч. нелиц (?)	-àtɪiʒ определённое мн.ч. лиц (?)	plɪ мн.ч. названий старших родственников; ассоциативное мн.	-mbɛla/ yɛla мн.ч. от агентивного суффиксоида -mɔɔ/ -wɔɔ
менде	-а ~ -lɔga неопределённое мн.	-sɪa определённое мн.	-ngɛ́sɪà, -lɔgà мн.ч. одушевлённых (несколько слов)	-plɪ мн.ч. старших родственников; ассоциативное мн.	-bla мн.ч. от агентивного суффиксоида -mɔɔ
локо ¹¹⁰			-à, -à-í-í мн.ч. одушевлённых	-plɪ ~ -i ассоциативное мн.	-mbɛlaa/-bɛlaa мн.ч. от агентивного суффиксоида -mɔɔ/ -wɔɔ
пра-ЮЗМ	*-Gà нейтральное мн.	(*-tɪ указательное местоимение)	*-à мн.ч. одушевлённых/лиц	*-plɪ(ɪ) мн.ч. названий старших родственников; ассоциативное мн.	*bèlà супплетивное мн.ч. от *mɔɔ 'человек'

¹¹⁰ [Kimbell 1983, Dwyer 1973]

В этой реконструкции бесспорно выделение показателя множественности старших родственников, тем более что эта группа основ формально выделяется на уровне пра-ЮЗМ и в единственном числе (маркировка суффиксом * \dot{h}_1 -). Не вызывает сомнений и пара **mɔ/bɛ̀là* ‘человек / люди’.

Что же касается остальных показателей, то здесь в различных ЮЗМ выявляются две оппозиции, накладывающиеся друг на друга: \pm определённости и \pm личность (или: \pm одушевлённость). Судя по отсутствию показателя определённого множественного в локо и кпелле, он может быть поздней инновацией в праязыке менде-банди-лоома. Этот суффикс мог развиваться из указательного местоимения, рефлексом которого является местоимение *tí* ‘тот’ в кпелле и, возможно, *tei* ‘этот’ в лоома-колюма. Возможно, к нему же восходит и местоимение множественного числа 3 лица **tí*.¹¹¹ В таком случае понятным становится и «наложение» двух суффиксов, восходящих к **-tí* и **-Gà* соответственно, в менде, банди и некоторых диалектах лоома: в праязыке их семантика не была взаимоисключающей, они принадлежали к разным парадигмам, и лишь недавно рефлексы **-Gà* были переосмыслены как показатели неопределённости, а рефлексы **tí* — как показатели множественного числа. Возможно, предпоследний этап этого процесса зафиксирован «Грамматикой банди»: «комбинированный суффикс» *-áitíí* включает в себя обе морфемы, но всё более употребительной становится форма *-ítíí*.

Менее правдоподобной представляется противоположная реконструкция — с праязыковой оппозицией \pm определённости (по типу современного лоома) и более поздним введением противопоставления \pm личность. Против этого свидетельствует ярко выраженная нерегулярность форм «личного множественного» в кпелле (а отчасти также в менде и локо — см. плюральные формы от слов «человек» и «ребёнок») и ограниченность со-

¹¹¹В кпелле местоимение 3 лица мн. числа имеет форму *dí*. По предположению Уельмерса, озвончение согласного может быть вызвано присоединением морфемы с низким тоном, передающей значение определённости (которую я реконструирую как * \dot{h}_3 -). Уельмерс всегда представляет это местоимение в морфонологической записи *`tí*.

става соответствующей группы имён в кпелле и менде — такие особенности всегда являются признаками архаичности грамматической категории.

Трудно поддаётся исторической интерпретации редупликация в локо как способ образования множественного числа: при том, что такая функция удвоения известна во многих языках мира, в западных языках манде она являет собой исключение. В то же время она представлена в некоторых южных языках манде — дан, тура и ману (см. [Выдрин 2003б]).

Учитывая большую генетическую и географическую дистанцию между локо, с одной стороны, и дан, ману и тура, с другой, я склонен считать редупликацию в локо независимой (по отношению к южным манде) инновацией.

Таким образом, самой близкой к праязыковой оказывается модель кпелле, в которой суффикс *-à*, модифицирующий определённым образом конечный слог основы, имеет значение множественности людей и противопоставляется суффиксу *-ɣà/-ɲà*, обозначающему «нейтральное (не-маркированное) множественное». Что до значения \pm определённости, то оно выражается особым суффиксом, *-í*, который может присоединяться к формам как единственного, так и множественного числа. Иначе говоря, я полагаю, что исходным следует считать раздельное (агглютинативное) выражение значений множественности и определённости. Вполне возможно, что модель, близкая к описываемой, сохраняется и в банди, но проверку этого предположения придётся отложить до того момента, когда будет создано достаточно детальное описание именной морфологии этого языка.

3.5. Сингулярные и плюральные морфемы в сонинке

Для дальнейшего изучения следов именной классификации в манде большой интерес представляет материал сонинке — одного из самых «морфологичных» среди западных языков манде, в котором, к тому же, морфологические черты носят не инновационный, а несомненно архаичный характер.

Благодаря работам последних двух с половиной десятилетий [Galtier, Dantioko, Drame 1979; Platiel 1981; O. Diagana 1984;

Ya. Diagana, 1985, 1987–88, 1994; Cl. Grégoire, 1987, Herault 1989; Smeltzer & Smeltzer 2001] синхронная морфонология существительного в сонинке стала ясной в главных чертах. Основа существительного в своей исходной форме выступает лишь в комбинации с прилагательным или в синтагмах некоторых других типов; в остальных случаях к слову присоединяется именная морфема (в некоторых случаях — нулевая). Имеется два главных типа именных основ: оканчивающиеся на гласный и оканчивающиеся на носовой согласный. Множественное число образуется присоединением одного из двух суффиксов: *-u/-o* или *-ni/-ni*.

Рассмотрим более подробно функционирование всех этих морфем.

3.5.1. Сингулярные морфемы

Именные основы с исходом на гласный могут присоединять в сингулярисе морфемы *-e*, *-o* или \emptyset , при этом *-e* и *-o* замещают конечный гласный основы:

$|naburu + -e| \rightarrow nabure$ ‘богатство’.

Даже в рамках одного диалекта возможно варьирование конечного гласного основы у разных носителей [L. Diallo 1990, 17–18]; тем не менее, существуют все же некоторые устойчивые корреляции между конечными гласными основы, сингулярными и плюральными именными морфемами. По подсчетам Жоржа Эро [Herault 1989], около 60 % всех имен, присоединяющих сингулярную морфему *-e*, имеют базовый *-i*. По мнению этого автора, этот *-i* чаще всего имеет вторичный характер, появившись вместо какого-то другого исчезнувшего гласного. Что касается остальных 40 % слов, то они, по мнению Эро, сохранили свои исходные гласные.

Морфема *-o* встречается намного реже, чем *-e*. Якуба Диагана считал, что *-e* и *-o* являются комбинаторными вариантами одной морфемы: *-o* появляется в тех случаях, когда конечным гласным основы является *-u* или *-o*, например:

$|gangu + -e| \rightarrow gango$ ‘призыв’.

Во всех остальных случаях морфема выступает в своем варианте *-e*.

Клэр Грегуар выдвинула следующий контр-аргумент: отмечены слова с передним конечным гласным основы, присоединяющие *-o* (а не *-e*), а также и слова с задним конечным гласным основы, присоединяющие *-e*, а не *-o*. Она делает вывод, что речь идет о двух разных морфемах.

Нулевая морфема сочетается чаще всего с основами, оканчивающимися на *-a*, а также с заимствованиями с исходом на *-i* или *-u* (собственно говоря, для основ на *-e* и *-o* различить случаи присоединения нулевой и не-нулевой морфем можно только по не вполне надёжным косвенным признакам, о чем речь пойдет далее).

Из всех доступных мне словарей сонинке, только работы [Galtier, Dantioko, Dramé 1979]¹¹² и [Smeltzer & Smeltzer 2001] более или менее последовательно фиксируют этот аспект именной морфологии. Внимательный анализ их материала дает возможность проверить обоснованность рассмотренных выше предположений.

3.5.1.1. Примерно одинаковое число именных основ на *-u* присоединяет морфему *-o* («тип *-u/-o*») и нулевую морфему («тип *-u/-∅*»). Основы на *-u*, присоединяющие *-e*, хоть и несколько менее многочисленны, также отмечены, что можно рассматривать как подтверждение доводов Клэр Грегуар, а не Якуба Диагана, ср.: «Существуют определенные формы на *-o*, которые имеют ту же самую гласную в той же позиции (например, *futo* ‘кусок’...). Следовательно, необходимо признать, что существуют две определенные морфемы» [Gregoire 1987, 10].

Однако если более внимательно взглянуть на существительные типа *-u/-e*, то окажется, что почти все они имеют в предпоследнем слоге *-u-* или *-uu-*:

tuuru/tuure ‘слон’

xubu/xube ‘четырёхугольный дом с плоской крышей; плоская крыша’

¹¹² Следует отметить, что работа [Galtier, Dantioko, Dramé 1979] была основным источником материала и для Клэр Грегуар.

guppi/gurre ‘хижина’, и т.д. (впрочем, для последнего слова словарь [Smeltzer & Smeltzer 2001] даёт форму *guppi / gurre*).

Поэтому напрашивается иное диахроническое объяснение: конечный гласный *-u* основы может быть вторичным; он мог появиться под влиянием предшествующего гласного, при этом исходный гласный основы исчез: **CuCV/-e* > *CuCu/-e*, где исходный конечный *-*V* — скорее всего, не-задний гласный (об аналогичном процессе вытеснения исходного гласного основы в языке мандинка см.: [Creissels, 1982c]).

В некоторых случаях такое предположение подтверждается данными других языков манде:

furu/-e ‘труп’ — ср. **сусу** *fure* ‘болезнь; труп’, *fureya* ‘болезнь’;
бамана *fúre* ‘труп’

fuugu/-e ‘цветок’ — **сусу** *fuge* ‘цветок’, *fuga* ‘цвести’; **менде** *rùá* ‘цветок’, **локо** и **лоома** *ruwe*, **кпелле** *rùá* ‘цветок, цвести’, **кпелле-коно** *rùkó* (ср., однако, в **бобо-фин** *fūgū* ‘цветок’; впрочем, правила, регулирующие именную морфологию в этом языке, далеки от ясности).

В «Lexique soninké-français» [Galtier, Dantioko, Dramé 1979] встретились лишь два слова этого типа, у которых гласный предпоследнего слога был не *-u*: отглагольное имя *kannu/-e* ‘страх’ (от *kani* ‘бояться’), «ненормальность» которого может быть объяснена, по-видимому, его деривационной историей, и *tongu/-e* ~ *tongi/-e* ‘мотыга’ — впрочем, и словарь Смельцеров, и мой информант Каба Джвара (сотрудник Управления по ликвидации неграмотности, функциональной и прикладной лингвистике, DNAFLA, в Мали) подтверждают лишь форму *tongi/-e*.

3.5.1.2. Среди существительных с основой на *-o* преобладают такие, которые присоединяют в единственном числе нулевую морфему (соответственно, во множественном числе они получают *-ni* или *-ni*). Слова двух других типов, *CVC_o/-o* (отличаются от предыдущего типа тем, что в плюралисе присоединяют *-u*) и *CVC_o/-e*, примерно равны между собой по численности.

Почти все слова типа *CVCo/-e* имеют в предпоследнем слоге -о- или -оо-, что позволяет сделать предположение о диахроническом изменении конечного не-заднего гласного основы под влиянием предшествующего гласного:

**soomE/-e* > *sommo/-e* ‘клюв, хобот, губа’ (для этого слова [Smeltzer & Smeltzer 2001] дают форму *soomi/-e*)

**xogE/-e* > *xogo/e* ‘тростник’, и т.д.

Данные других языков манде, которые можно привлечь для внешнего сравнения, противоречивы. Чаще всего они подтверждают мое предположение, например:

topo/-e ‘гнев, досада’ — **бамана** *tóne* ‘разочарование’, **мандинка** *tónee/tóneo, tóneee/tóneeo* ‘заставать врасплох; бесчестить’, **сусу** *tónéé* ‘разочарование; печаль’, **дьялонке** *tóné* ‘гнев’

koro/-e ‘большая семья’ — **мандинка** *kóree/kóreo*, **бамана** *kóle*, **манинка** *kóre*.

Но есть в «Lexique Soninké–Français» и пример, противоречащий предложенному объяснению:

togo/-e ‘бедро’ — **бамана** *tògɔ́*, **манинка** *tɔ́* ‘бедро’; **лоома** *tɔ́* ‘зад’ ([Smeltzer & Smeltzer 2001] также дают форму *togo/-e*, тогда как для Каба Джвара предпочтительней оказался гласный основы -i, *togi/-e* — по-видимому, это следует считать результатом переосмысления конечной гласной основы *-o > -e).

Еще одно слово из «Lexique Soninké–Français», в котором конечный -o основы не может быть объяснен влиянием гласного предшествующего слога, это *tamo/-e* ‘выючный бык’ (ср. бамана *ntémé, támé* ‘горбатый бык, зебу’, манинка *támé, tèmé* ‘зебу’ — возможно, заимствование в манден из сонинке). Не исключено, однако, что форма *tamo/-e*, приведенная в «Lexique», неверная;

по крайней мере, другие источники ([Smeltzer & Smeltzer 2001], Каба Джвара) дают форму *tami/-e*: *tami xoore* ‘большой бык’.

3.5.1.3. Ни одна основа с исходом на *-e* не присоединяет морфему *-o*, а слова типов *-i/-o* и *-a/-o* в «Lexique Soninké–Français» немногочисленны. Рассмотрим эти случаи.

3.5.1.3.1. Тип *-i/-o*, «Lexique Soninké–Français»:

boroki/-o ‘навоз, экскременты’ (ср. **манинка** *bòrəkó*, **бамана** *bòrəgó* ‘грязь, ил’)

dokki/-o ‘палка, посох’ (ср. **мандинка** *dòko/-o*, **хасонка** *dòkko/-o*, **кагоро** *dòoko*, *jòoko* ‘палка’)

joxi/-o ‘туалет’ (ср. **мандинка** *jònkou*)

ferogi/-o ‘миграция’ (отглагольное имя от *ferogo* ‘эмигрировать’)

lambi/-o ‘долина’ (ср. *lambi/-e* ‘пруд, болотце’; ср. также в сонгай-Гао *labu/-o* ‘земля’).

Бросается в глаза, что во всех случаях, за исключением последнего, конечному гласному предшествует сочетание гласного *-o-* с велярным согласным. Можно предположить два диахронических процесса: $*CoGi/-e > CoGi/-o$ (т.е. прогрессивная ассимиляция гласного именной морфемы) или $*CoGo/-o$ (или $*CoGo/-\emptyset > CoGi/-o$, т.е. диссимиляционная замена конечного *-o* основы. Первый из них представляется сомнительным, поскольку в других словах того же типа ожидаемая ассимиляция не произошла:

joogi/-e ‘рана’ (от *joogi* ‘ранить’, ср. бамана *jógĩ*, манинка *jóí*)

tooxi/-e ‘яд’ (от *tooxi* ‘быть сердитым, нервным’).

В пользу второго решения свидетельствуют и приведённые сравнительные данные по другим языкам манде. Лишь последний пример из списка, *lambi/-o*, может рассматриваться как

случай смысловозначительной оппозиции морфем -о и -е; возможно, его следует рассматривать как подкрепление неустойчивой морфологической оппозиции заимствованием.

Если же обратиться к формам, записанным от Каба Джвара, то само существование типа -i/-o становится сомнительным:

boroko/-∅ ‘навоз’ (в противопоставлении *boroki*/-e ‘стерильность’)

dokko/-e ‘посох’ (наряду с *dokko*/-o)

jooxi/-e ‘туалет’ (в [Smeltzer & Smeltzer 2001] указаны оба варианта: *jooxi*/e ~ *jooxi*/o)

feregi/*feregoye* ‘миграция’ (морфологическая структура этого слова не вполне ясна; у Смельцеров приведены два слова, с семантическим различием: *feregi*/-o ‘миграция; хиджра’, и *ferego*/*feregoye* ‘миграция; изгнание’).

Что же касается слова *lambi*/-o, то оно неизвестно Каба Джвара. С другой стороны, словарь Смельцеров добавляет к нашему списку по крайней мере еще одно слово: *sixiri*/-o ‘ремень из плетёной кожи’ — в «Lexique soninké-français» оно дано с нулевой сингулярной морфемой.

3.5.1.3.2. Слова типа -a/-o в [Galtier, Dantioko, Drame 1979] еще менее многочисленны:

tiɲa/-o (мн.ч. -*ni*, -*ni*) ‘статуя, идол; бревно’ (у Смельцеров: *tiɲa*/-o ~ *tiɲa*/*tiɲi*, последняя форма неясна)

ɲiɲa/-o (мн.ч. *ɲiɲani* в зап. диалектах и *ɲiɲoni*, *ɲiɲi* в восточных) ‘штаны’ (у Смельцеров: *ɲiɲa*/-o ~ *wiɲa*/-o)

wiɲiɲiɲa/-o (мн.ч. *wiɲiɲiɲoni* в зап. диалектах, *wiɲiɲiɲani* в восточных) ‘вихрь, шторм’

geɲɲana/-o (мн.ч.?) ‘свадебная процессия’.

В трех первых примерах конечному гласному предшествует комбинация *Nu-* + дентальный сонант, что может рассматриваться как комбинаторное условие для лабиализации конечного *-a* в не-связанной позиции — т.е. в позиции, в которой имена присоединяют именную морфему. Естественным образом, этот лабиализованный комбинаторный вариант конечного гласного основы смешался с сингулярной морфемой *-o*. Если принять это допущение, то исходная структура могла быть **Nuna/-∅* или **Nura/-∅*, и реконструкция нулевой именной морфемы косвенно подтверждается формой множественного числа: *-ni/-ni*, а не **-o/-i*. Как еще одно косвенное свидетельство вторичного характера *-o* может рассматриваться диалектное варьирование гласного, предшествующего показателю множественного числа.

И для этого типа существительных проверка материала с Каба Джвара привела к устранению нерегулярных форм, обнаруженных в [Galtier, Dantioko, Dramé 1979] и в словаре Смелльцев, ср.:

munu/-o (singularia tantum?) ‘дух воды, хозяин воды’ (аналог *fāarǝ* у бамана — а вовсе не ‘статуя, идол’!)

ɲunu/-o, мн.ч. *ɲuni* или *ɲunooni* ‘штаны’

wuruguru/-o, мн.ч. *wuruguronɪ*, *wuruguni* ‘вихрь’.

Что же касается слова *gemmaana/-∅*, мн.ч. *-o*, то его деривационная история вполне прозрачна: это — регулярный дериват от основы *gemm-* ‘согласие, соглашение’, образованный путем присоединения агентивного суффикса *-aana*.

3.5.1.4. Таким образом, становится очевидным, что обе сингулярные именные морфемы в сонинке, *-e* и *-o*, по происхождению являются, по всей вероятности, алломорфами одной морфемы. В то же время в современном языке их дополнительная дистрибуция уже неполная — иначе говоря, начинает формироваться оппозиция *-e* : *-o*.

3.5.2. Нулевая сингулярная морфема

Имена, присоединяющие нулевую именную морфему, могут иметь любой конечный гласный основы. Рассмотрим каждый тип.

3.5.2.1. Основы с конечным -а значительно превосходят все остальные по численности. Эта группа включает в себя большое число заимствований. Кроме того, слова типа -а/-∅ регулярно образуются присоединением некоторых деривационных суффиксов, например: *meɣaana* (вост. диал.), *miɣaana* (зап. диал.) ‘ткач’ — от *miri*, *meri* ‘ткать’.

Некоторые отглагольные имена этого типа образованы путем нерегулярной деривации, например:

saxa ‘кровать’ (зап. диал.) — от *saxi* ‘ложиться’

xoban-qoba ‘мелкий торговец-разносчик’ — от *xobo* ‘покупать, продавать’.

Все эти слова для данного анализа интереса не представляют.

Если же рассмотреть слова типа -а/-∅, которые не являются ни заимствованиями, ни дериватами, то оказывается, что они образуют примерно те же семантические группы, что и имена с пренализированными начальными согласными в языках маден и имена со сбоями в чередовании начальных согласных в юго-западных языках манде. Здесь мы находим:

- названия рыб: *bakkata*, *saara*, *fetta* ‘виды рыб’, *fuura* ‘капп’, *daawa* ‘вид большого сома’,
- названия растений: *banamba* ‘*Combretum glutinosum*’, *baara* ‘растение с красными цветами, *Pennisetum*’, *bimba* ‘*Vitex sienkowski*’, и т.д.,
- названия жидкостей, мазеобразных и сыпучих веществ: *baata* ‘женское благовоние’, *botoxa* ‘глина’, *buna* ‘порох’, *buta* ‘арахисовый соус’, *baxa* ‘краска индиго’, и т.д.;

- другие несчётные имена; слова, обозначающие объекты, обычно существующие в составе групп, или сложносоставные объекты: *biya* ‘пчелиный рой’, *fetta* ‘осколок камня’, *ɲaɲa* (зап. диал.), *ɲaɲe* (вост. диал.) ‘целина’, *batuuta* ‘магия, гадание’, *bida* ‘магия’, *beda* ‘светло-серая масть лошади’, и т.д. Замечательно, что многие заимствования из арабского и из языков манден, оказавшиеся в этом формальном типе, тоже имеют схожую семантику.

Тот факт, что среди не-заимствованных слов типа *-a/-∅* обнаруживается сравнительно немного таких, которым удаётся найти соответствия в других языках манде, объясняется их семантикой: все они оказываются, как правило, далеко за пределами «базового списка». Однако в тех случаях, когда такие соответствия обнаруживаются, родственные слова в бамана обычно имеют преназализованный начальный согласный:

хаана (зап. диал., ср. в вост. диал. *хаани/-e*) ‘варан’ — бамана
ɲkáana, káana

возможно, *xulumba* ‘калебаса средних размеров’ — бамана *gàlamá* (< **ɲ-kàlamá*) ‘вид калebasы; большая ложка из половинки калebasы’ (впрочем, с этим баманским словом может быть сопоставлено и другое слово сонинке: *хагахатте* ‘калебаса с ручкой’, см. 3.5.3.3.).

Как уже отмечалось выше, в языках манден лишь очень немногие слова, обозначающие людей, могут иметь преназализованный начальный согласный. Это — персонажи, связанные с оккультной практикой и эзотерической сферой традиционной жизни (бамана *ɲzémɛ, zémɛ, shéma, séma*; манинка *séma* ‘член тайного общества, приставленный к вновьяницированным’ — ср. в сонинке *sooma/-∅* ‘старший’) или люди, находящиеся на низшей ступени социальной лестницы, антисоциальные элементы и т.п.: бамана *pkòkí* ‘жестокий и нечестный человек’, *ɲsò, zò* ‘вор’, *ɲsòná* ‘нечестный человек’.

В сонинке среди слов типа *-a/-∅*, обозначающие людей, также преобладает эта семантическая группа:

gaada ‘домашняя служанка-рабыня’

garasa ‘раб кузнецов-Уаге’ (Уаге — одно из больших социально-родственных подразделений сонинке)
furuja ‘вдова, вдовец’
mala ‘вдова’
ɲaxamala ‘член касты ремесленников’
tagadumma ‘кузнец или гриот — член касты’
taara ‘жена рабского происхождения’
xinta (зап. диал.) ‘нечто незрелое; идиот’
saka (зап. диал.) ‘проститутка’
sakka ‘каста кожевников’ (< *N-sakka: чередование *nc/s* имеет в сонинке регулярный характер; ср. альтернативная форма этого слова в сонинке, *sakke*. Возможно, это слово является дериватом от глагола *saga/sakka* ‘кроить материю или кожу’; ср. фула *sakke*, бамана *sáke*, *ségi*, манинка *sáki* ‘кожевник’).

К этой же семантической группе можно отнести и слово *lenja* ‘женщина, только что родившая’ (некоторое время после родов женщина считается «нечистой»).

Термины, обозначающие людей, которые связаны с оккультной практикой, системой возрастных классов и тайными обществами:

suxuna ‘колдун’ (ср. [Smeltser & Smeltser 1997]: *suxunna*)
maxa ‘знаток’
joota ‘сверстник, товарищ по возрастному классу’.

Есть, однако, и такие слова, которые не могут быть отнесены ни к первой, ни ко второй из перечисленных групп. Эти исключения очень интересны:

manga ‘царь Уагаду’
ɲana ‘чемпион; ловкий, искусный человек’
ɲaaga ‘большой господин; знаменитый гриот’

tunka ‘король, суверен’ (вариант: *tunka/-e*)

seega ‘вице-король; посол, представитель’.

Все они означают наиболее выдающихся людей, занимающих исключительное положение в своих группах. Выявляется интересная семантическая оппозиция между однокоренными словами *manga* (мн.ч. *mangani*) ‘царь Уагаду’ и *mangi/-e* (мн.ч. *mangu*) ‘военный вождь — вассал своего суверена; советник’: может быть (одновременно) только один *manga*, тогда как *mangu* может быть сразу несколько.¹¹³

Здесь же оказываются и некоторые термины родства:

neega ‘брат матери’

soota ‘старший сиблинг’

yiraja ‘младший сиблинг’.

3.5.2.2. Как уже отмечалось в работах предшественников, в типах *-i/-∅* и *-u/-∅* преобладают заимствования: дело в том, что в сонинке, как и во многих других языках манде, *-i* и *-u* (в зависимости от характера предшествующего согласного или гласного) регулярно присоединяется как эпентеза к тем словам, которые имеют в языке-источнике консонантный исход. Таким образом, сравнительно немногочисленные исконные слова сонинке этих типов были обильно «разбавлены» заимствованиями.

3.5.2.3. Единственный критерий, позволяющий разграничить типы *-e/-e* и *-e/-∅*, *-o/-o* и *-o/-∅* — показатель множественного числа: если мы считаем, что плюральный суффикс *|-u|* [*-u*, *-o*] регулярно коррелирует с сингулярной морфемой *-e* и её вариантом *-o*, в то время как *-ni/-ni* — с нулевой сингулярной морфемой (что чаще всего соответствует действительности, хотя имеются и важные исключения, см. 3.5.4), то мы приходим к выводу, что почти все основы на *-o* присоединяют нулевую сингулярную морфему, а почти все основы на *-e* относятся к типу *-e/-e*.

¹¹³Сейчас в области Гидимаха есть четыре или пять родов, причисляющих себя к *Mange*; для них характерно, в частности, то, что они не могут быть «хозяевами земли».

3.5.2.4. Выясняется, что слова типов *-i/-∅*, *-u/-∅*, *-o/-∅* и *-e/-∅*, которые, судя по всему, не являются заимствованиями, относятся чаще всего к тем же семантическим полям, что и слова типа *-a/-∅*:

fonto ‘вид рыб’

jombo ‘цветок кукурузы’

turo ‘смоква’

jobaari ‘провиант, который берут в дорогу’

bayi ‘тетка по отцу’

jagaraфу ‘храбрец’

dagine (вост. диал.) ‘вид съедобных насекомых’

jaralolle ‘помощник предводителя инициированных молодых юношей’

nafe (вост. диал.) ‘кожаный мешок’, и т.д.

В то же время соответствия некоторых слов в других языках манде свидетельствуют о том, что сочетание конечных *-e* и *-o* основы с соответствующими показателями множественного числа может быть скорее автоматическим, чем обусловленным семантически. Так, слово *lexe* ‘рыба’ соответствует в праманде **n-jíGε*, так что можно было бы ожидать, что в сонинке оно окажется причисленным к типу *-e/-∅*. Тем не менее, оно образует множественное число при помощи суффикса *-u/-o*, который, как принято считать, коррелирует с сингулярным суффиксом *-e*.

3.5.3. Именные основы с исходом на носовой

Именные основы, оканчивающиеся на носовой (далее: назальные основы) в сонинке гораздо менее многочисленны, чем основы с исходом на гласный (вокалические основы). Когда слова, имеющие назальные основы, оказываются не в конечной и не в изолированной позиции, конечный носовой сонант реализуется как гоморганный следующему

за ним согласному (т.е. начальному согласному последующего слова). В других случаях они регулярно присоединяют сингулярную морфему *-e* или плюральную *-u/-o*, причем носовой элемент реализуется у каждого слова по-своему: он может быть простой (*-m-*, *-n-*, *-j-* или *-ŋ-*) или геминированный (*-mm-*, *-nn-* или *-ŋŋ-*).

Ж. Эро, который проанализировал данные сонинке с применением метода аутоsegmentной фонологии [Herault 1989], пришел к выводу, что все основы этого типа можно рассматривать как имеющие на глубинном уровне конечный гласный, например: *doroN / doromme* ‘палец’ < **dorommV / doromme*. Он выводит правило: если слово с носовым согласным в конечном слоге насчитывает три слога или более (причем в рамках аутоsegmentного подхода слова типа *CVNNV* также рассматриваются как трехсложные) и находится не в конечной позиции в синтагме, то конечный гласный его основы выпадает, в результате чего носовой согласный становится гоморганным последующему согласному: *|selinV bure|* → *selim bure* ‘злая курица’, *|kammV gebe|* → *kaŋ gebe* ‘сильный дождь’. Если слово двусложное, то его конечный гласный или сохраняется, или заменяется на *-i*: *duuni/-i* ‘вошь’, *pina/-e* ‘мышь’.

В пользу предположения Ж. Эро свидетельствуют и такие примеры, как *toN/toŋŋu* ‘правда’, *kiN/kiŋŋu* или *kinnu* (мн.ч. *kiŋŋuni*, *kinnuni*) ‘кухня’, которые могут быть проинтерпретированы как **toŋŋu/-∅* и **kiŋŋu/-∅* или **kinnu/-∅*.

Имеются, однако, и многочисленные примеры, противоречащие правилу, выведенному Ж. Эро. Так, иногда конечный гласный некоторых двусложных слов выпадает:

kaN/kaŋe ‘золото’ — вместо **kaŋi / kaŋe*

tiN/tiŋe ‘зад’ — вместо **tini / tine* (этот пример упоминает, не выдвигая объяснения, и сам Эро).

Ещё чаще наблюдается и обратное явление — конечный гласный трех- и более-сложных слов этого типа, вопреки предсказанию Эро, не выпадает:

degemi/-e (зап. диал.), *dagami/-e* (остальные диалекты) ‘циветта’ — вместо **dagaN / dagame*

jigini/-e ‘горшок; глиняный амбар’ — вместо **jigiN/jigine*
joŋŋi/-∅ ‘клятва; союз, скрепленный кровью’ — вместо
 **joN/?*,¹¹⁴ и т.д.

Если привлечь данные внешнего сравнения, то в некоторых случаях они свидетельствуют в пользу гипотезы Эро о выпадении конечного гласного основы:

kalaN/kalanje ‘ловушка на зверя’ — бозо-тияхо *garange*, бама-
 на *ñkáràngě*, *kálange*, *ñkálange* (но: манинка *kàlá*, мандинка
kàliŋ ‘ловушка на птиц’);

возможно, *guN/gunne* ‘дикое, необжитое место’ — бамана, ман-
 динка *wúla* (то же значение), манинка *wúla*, сусу *wondi* ‘уда-
 ленное место’; менде *ngòlá*, банди *ngòlá*, лоома *gweya* ‘большой
 лес’.

Однако гораздо более многочисленны ряды соответствий, свидетельствующие против неё:

manqan/manqanne (вост. диал.) ‘ссора, спор’ — бамана, манин-
 ка *mànká* ‘шум’

faraN/faranne ‘уздечка’ — фула (диал. Масины) *faram* ‘повод’,
 и т.д.

Таким образом, падение исходного гласного основы после но-
 сового согласного, вполне вероятное для некоторых слов, ни в
 коем случае не может считаться общим правилом.

Более обоснованным представляется подход Клэр Грегуар. Она приходит к выводу, что рассматриваемые основы следует считать оканчивающимися на носовой согласный, а не на гласный, и что качество этого носового можно определить в позиции перед сингулярной или плюральной морфемой. Так, основа у слова *jogoN/jogome* ‘верблюд’ — *jogom*, а у *musiN/musine* ‘кот’ — *musin*. Хотя в современном сонинке согласный (будь то носовой или не-носовой) невозможен в позиции перед паузой, на

¹¹⁴ Впрочем, это слово дано в словаре Смелъцеров как *joŋŋi*/∅.

предшествующих стадиях развития языка дело могло обстоять иначе.

Противопоставление нескольких различных носовых согласных в конечной позиции в языках манде может показаться неестественным. Следует, однако, отметить, что это свойственно не только прото-сонинке. Например, в бобо (диалект Тансила) конечные *-n* и *-ŋ* являются разными фонемами (*krìn* ‘алкогольный напиток’, *pwòñ* ‘голова’ — *niñ* ‘дерево нере, *Parkia biglobosa*’, *sùñ* ‘человек’), а конечный *-n* иногда реализуется в сандхи как *-m-* ($|ton + -re/-r| \rightarrow taam$ ‘отцы’; все примеры из [Prost, 1983]).

На данном этапе представляется преждевременной попытка ответить на вопрос — следует ли реконструировать более одного носового сонанта в конечной позиции для праманде, или же считать появление конечных носовых в бобо-Тансила следствием выпадения конечных гласных: обе эти гипотезы должны быть верифицированы в ходе работы над праязыковой реконструкцией.

3.5.3.1. Основы с исходом на краткий носовой согласный с предшествующим кратким гласным в сонинке немногочисленны. Из них лишь две имеют *-ɲ*:

mangaN/mangane ‘сорго’ (существует также вариант *mangani/-e*, который, возможно, и является исходным)

xingiN/xingine ‘мелкие муравьи’ (см. диалектные варианты в бамана: *ntëenkèɲé*, *ntígine*, диал. Каарта *ntíkine*, манинка Киты *tigine* ‘черные муравьи’; см. раздел 3.1.3.2. о нейтрализации противопоставления начальных велярного и альвеолярного согласных в позиции после носового префикса в праманден).

По-видимому, обе эти основы изначально имели гласный исход. Если принять это предположение, то оснований для реконструкции в прото-сонинке конечного *-ɲ* нет.

Число основ с конечными *-m*, *-n* и *-ŋ* не превышает десятка на каждый согласный. Некоторые из них — отглагольные имена, например:

digaN/digame ‘речь’ — от *digamu* ‘говорить’, ср. мандинка *dìyaamu* ‘говорить’, бамана *jètú, dèɛtú* ‘речь; ночная беседа’.

Имеются здесь и заимствования из языков, не входящих в группу манде:

jogoN/jogote ‘верблюд’ — по-видимому, из берберских языков (впрочем, эта основа широко представлена в языках манде, а также в гур и мель)

siriN/sirime ‘масло’ — из фула *silme, sirme*

alubaN/alubane ‘амбра’ — из арабского *'al-'anbar*

musiN/musine ‘кот’ — из атлантических языков, ср. фула *musuru*, волоф *muus*, серер *muus* и т.д.; ср. тж. хауса *musuru, muzuru*

saabuN/saabune ‘мыло’ — из арабского *ṣabu:n*.

В то же время исконно-мандингское происхождение других имеет солидное обоснование:

siriN/sirime ‘комар’ — мандинка *síi-silin, su-sula* ‘кусающее насекомое’, бамана, манинка *sòsò*, лоома *si-sili(g)*, лоома-колюма *so-soli(g)*, сев. кпелле *hiiloŋ, heloŋ* ‘комар’

doliN/doliŋe ‘удочка, леска’ (впрочем, словарь Смельцеров даёт форму *dooliN/dooliŋe*) — бамана *ndólē, dólē*, манинка *dólē, dúlē*, мандинка *dóoliŋ* ‘удочка’, менде *ndóli* ‘рыболовный крючок’, банди *ndòoli(ŋ)* ‘рыболовный крючок’ (празападный манде **n-dóliŋ?* — этот корень имеет надёжные соответствия и в языках других ветвей нигер-конго)

yeliN/yeliŋe ‘птица’ (ср. в словаре Смельцеров: *yeliN / yeliŋe*) — пра-центральный манде **kɔli* или **kɔnli* [Lessau, Kastenholz 1989], сусу *xɔní*, ялунка *xɔlin*, менде *nɔní*, локо *wɔi*, банди *wɔní*, лоома *wɔni, ɲni*, кпелле *ɲwɔni, ɲwéni*, кпелле-коно *wɔ*.

3.5.3.2. Как отмечала Клэр Грегуар, исходным *-ɲ* и *-ŋ* не может предшествовать долгий гласный. Имеется только три существительных с исходом на *-V:m*. Одно из них заимствование:

xatuN/xatuume ‘печать; узор’ — от арабского *ха:tim*.

Два оставшихся слова имеют сходную фонетическую структуру:

yiraN/yiraame ‘одежда; несшитая юбка, опоясание, пань’ (в [Kendall et al. 1980, 347] *yiramme*)

yingaN/yingaame (или *wungaN/wungaame*) ‘бегемот’.

Этимология этих двух необычных слов мне пока не ясна.¹¹⁵

Что же касается основ с исходом на *-V:n*, то они весьма многочисленны. Почти всегда этот долгий гласный *-aa-*; имеется только четыре исключения:

bojoN/bojoone ‘соломенная крыша; солома для кровли крыши’

kokoN/kokoone ‘утка-шлемоносец’

kokosoN/kokosoone ‘вид змей’

ciloN/ciloone ‘трясогузка’.

Все эти слова, за исключением последнего, имеют *-o-* и в предшествующем слоге, что создает искушение предположить прогрессивную ассимиляцию исходного *-aa-*. Однако имеются и слова, в которых в аналогичных условиях *-aa-* ассимиляции не подвергся:

bologaN/bologaane ‘речной берег’

joronaN/joronaane ‘тот, кто прошел инициацию первым; лидер вновь инициированных юношей’.

¹¹⁵Вполне вероятно, что последнее из этих слов является составным, причём второй компонент, *-gaame*, можно сопоставить с хорошо представленной в языках манде основой **kãta* ‘слон’, которая должна была бы дать в сонинке регулярный рефлекс *gata/e* (в современном сонинке «слон» обозначается словом *tuuru/e*); первый компонент этого слова можно соотнести с основой *ji* ‘вода’ (при этом остаётся объяснить **j- > y-*. Если принять это предположение, то «бегемот» этимологизируется как «водный слон», что весьма типично для языков этого ареала. Впрочем, долготу гласного, предшествующего *-sh-*, это всё равно не объясняет.

Больше половины слов, оканчивающихся на *-aaN/-aane*, являются названиями представителей фауны. Некоторые из них бесспорно образованы присоединением суффикса имени деятеля *-aan*:

xiilaN/xiilaane ‘пресмыкающееся’ — от *xiili, xiiri* ‘ползти’

xonaN/xonaane ‘зеленая обезьяна’ — от *xoni* ‘относиться к кому-л. враждебно’

laaraN/laaraane ‘угощение из жареных блюд’ — от *laara* ‘жарить’.

Можно предположить, что и некоторые другие слова этой группы также являются по происхождению именами деятеля, хотя в современном сонинке соответствующие глаголы отсутствуют или малоупотребительны. Например:

pirimparaN/pirimparaane (вост. диал.; существует также вариант *filifilaN/filifilaane*) ‘летучая мышь’ может быть возведено к глаголу *праманде*, рефлекс которого существует в языках манден: *fírifiri* (манинка, бамана), *fírifiri* (бамана) ‘порхать’ — ср. манинка *fírinfirinē*, бамана *ñfírinfirĩ*, *ñrérenpèrè* ‘бабочка’ (в бамана для этого слова отмечено и значение ‘летучая мышь’).

Другие слова этой группы (включая и основы с *-oo-*), по всей видимости, включили в свой состав диминутивный суффикс *-ne* (ср. *yugu/-e* ‘мужчина’ — *yugune* ‘человечек, маленький человек’), и это предположение в некоторых случаях подтверждается диалектным варьированием:

kanjaN/kanjaane [Galtier, Dantioko, Dramé 1979], *kanjaanne* [Kendall et al. 1980, 350] — *kanja* (диал. Нара — по моим данным) ‘заяц, кролик’

baxaN/baxaane и *baxa* ‘ящерица геккон’.

В языках манде лексикализация диминутивного суффикса в составе названий животных и растений также отмечена; о

нем, в частности, писал Жерар Дюестр [Dumestre 1987, 210–211]. Все же остаётся неясным вопрос: почему ни один другой долгий гласный, кроме *-aa-* и *-oo-*, не встречается в позиции перед диминутивным суффиксом? Пока что ответить на него я не могу.

3.5.3.3. Очень любопытны слова с исходом на геминированный согласный. В «Lexique soninké-français» их более семидесяти: десять с конечным *-nn-*, более двадцати с *-mm-*, и около сорока оканчиваются на *-ŋŋ-*. Внутри синтагмы непосредственно перед согласным противопоставления между носовыми нейтрализуются — все они становятся краткими, гоморганными последующему согласному:

sagalamme ‘дикобраз’ → *sagalan dinka* ‘жирный дикобраз’.

Клэр Грегуар высказала предположение, что в состав основы входит краткий носовой, а в определенной форме эти слова присоединяют именную морфему *-ne* (а не *-e*), в результате чего и появляется геминация: $|dim- + -ne| \rightarrow dimme$ ‘барабан’.

Это предположение кажется резонным, однако оно нуждается в одном существенном дополнении: если мы рассмотрим форму множественного числа (*dimmi* ‘барабаны’), то становится очевидным, что она включает в себя три морфемы, $|dim- + -nV- + -u|$. В ином случае пришлось бы допустить, что все эти слова во множественном числе присоединяют показатель *-ni*, а не *-u*. Такое допущение, в принципе возможное для восточных диалектов, вряд ли приемлемо для западных, где существуют только два показателя множественного числа, *-u/-o* и *-ni* (конечно, можно допустить и существование в западных диалектах третьего плюрального суффикса, *-ni*, сочетающегося только с назальными основами, однако мне такое решение представляется малоперспективным).

Если же мы принимаем трехморфемную структуру для этих существительных во множественном числе, то логично предположить, что и в сингулярисе к основе также присоединяются два суффикса: $|dim- + -nV- + -e|$ — ведь в сонинке и в существительных других морфологических типов плюральные морфемы замещают сингулярные, а не присоединяются к ним (дискуссию

по этому вопросу см. в 3.5.4.2.). Таким образом, выделенная Клэр Грегуар «новая именная морфема» распадается на две: суффикс *-nV* и давно известную нам именную морфему *-e*.

Анализ семантики слов, основы которых заканчиваются на геминированный носовой (т.е., в составе которых выделяется архаичный суффикс *-nV*), даёт интересный результат: в этой группе число слов, обозначающих круглые и полые объекты, значительно превышает среднестатистический уровень (примерно половина от общего числа):

dimme ‘барабан’

gijimme ‘грудная клетка, грудь’ (ср. *giji/-e* ‘баранья грудинка’)

sondomme ‘сердце (какместилице чувств), смелость’

tungumme ‘часть желудка жвачных животных’

yimme ‘голова; верхняя часть’ (праманде **ñ-kùm-NV* ?)

xaraxamme ‘калебаса с ручкой’ (ср. праманден **ñ-kálama*)

gomme ‘желудок’

gongomme ‘круглая деревянная изгородь’

gamme ‘пещера; дупло’

bantiŋŋe ‘сейба, бавольник, сырное дерево (*Seiba pentandra*)’
(своим названием это дерево обязано своей дуплистой древесине; ср. праманден **bànDán*)

beŋŋe ‘горшок с отверстиями, пароварка’

boriŋŋe (вост. диал.), *boroŋŋe*, *buluŋŋe* (зап. диал.) ‘прихожая-гостинная’ (ср. праманден **bùlón*)

daŋŋe ‘барабан’

jeriŋŋe ‘струнный музыкальный инструмент с резонатором’

foloŋŋe ‘бойница, амбразура’ (ср. бамана *fɔlɔ́* ‘вентиляционное окно; амбразура’)

gulaŋŋe ‘колокольчик’

nixinne ‘нос’ (праманден **nín*)

xanne ‘шея, голос, язык’ (пра-ЮЗМ **kɔŋ*, праманден **kán*, сусу **xuyí*, и т.д.; праманде **N-kón-nV* ?).

К этой семантической группе, по-видимому, относятся и названия круглых плодов, а также нижеследующие слова, которые могут рассматриваться как название «вместилищ»:

foloŋŋe ‘затапливаемые земли’

kalaŋŋe ‘ловушка на зверя’

tarlaŋŋe ‘желоб, сточная канава’

faŋŋe ‘река’

boloŋŋe ‘улочка, переулок’

gomboloŋŋe ‘развалины деревни’ (*g-* < **n-t* ? ср. в праманден **ñ-tónbon*)

tomboŋŋe ‘угол’

menteoŋŋe ‘помидор’.

Другая заметная семантическая группа — названия вытянутых, обычно трубкообразных объектов, нередко с заострённым концом:

benne ‘рог’

jaxataŋŋe ‘гомбо’

doromme ‘палец’

daminaŋŋe ‘питон, удав’

bandaŋŋe ‘большой червяк, гусеница’

tiŋŋe ‘ствол’

tamme ‘копьё, дротик’

bunne ‘наконечник стрелы или копья’;

возможно, также *fumbunne* ‘фурункул, нарыв’

gengeŋŋe ‘вид мотыги’ (от *genge* ‘гнать’ ?).

С этой последней группой можно сблизить слова, обозначающие кусачих насекомых, животных, имеющих иглы или острые когти:

suwalpe (зап. диал.), *siyaŋŋe* (вост. диал.) ‘муха’

Некоторые слова сонинке, основы которых заканчиваются на геминированный носовой, оказываются вне очерченного семантического поля. Однако для языков, имеющих именные классы, считается нормальным, когда некоторые слова класса имеют «нерегулярную» семантику: лингвисту бывает нелегко определить, какие черты объекта рассматриваются в культуре этнической группы как наиболее важные и служат основанием для включения обозначающего его слова в тот или иной именной класс.

Встает вопрос: только ли назальные основы сочетались с суффиксом *-nV? Клэр Грегуар приводит один пример, который может быть истолкован как противоречащий этому утверждению:

raxa / *raqqe* (|*raxa* + -nV + -e|?) ‘рот; отверстие’.

«Рот» также может рассматриваться как полый объект. Можно предположить, что некоторые основы, исходно вокалические, могли быть после присоединения суффикса *-nV реинтерпретированы как назальные. Такое предположение могло бы объяснить тот факт, что в списке назальных основ с простым носовым, если отделить заимствованные слова и отглагольные имена, преобладает лексика того же семантического поля, что и у основ с исходом на геминированный носовой:

gondome ‘пест’

lunqume ‘кот’ (Смельцеры дают значение ‘дикий кот’; ср. пра-манден **ñ-jàkúma*)

musine ‘кот’

sirime ‘москит’

dagane ‘колючая трава, образующая небольшие шары’ (наряду с более распространённой формой *dagari/-e*)

segene (зап. диал. — наряду с более распространённой формой *sogoni/-e*) ‘коготь, ноготь’

doliŋe ‘удочка’ (словарь Смельцеров: *doliŋe*)

jembeŋe ‘охотничья сумка’

xoliŋe ‘горький баклажан’ (последнее слово приведено в [Smeltzer & Smeltzer 2001] в форме *xoliŋŋe*).

3.5.4. Показатели множественного числа

В сонинке существуют два суффикса — показателя множественного числа. Все назальные основы образуют плюралис с помощью суффикса *-u*. Все односложные имена присоединяют суффикс *-ni/-ni*. Двух- и более-сложные слова делятся на две группы: одни присоединяют *-u* (вост. диал.), *-u/-o* (зап. диал.),¹¹⁶ другие *-ni* (вост. диал.), *-ni* (зап. диал.). В восточных диалектах образование множественного числа сравнительно регулярно: почти все существительные, получающие в единственном числе морфему *-e/-o*, присоединяют *-u*, а те, которые имеют в сингулярисе нулевую морфему, присоединяют в плюралисе *-ni*. В западных диалектах ситуация сложнее. К сожалению, в «Lexique Soninke–Français», на материалах которой в первую очередь основывается мой анализ, формы множественного числа часто не приводятся, что серьезно препятствует анализу и понижает надёжность выводов. Какие-то из недостающих сведений были найдены в других источниках.

Различия между диалектами достаточно существенны, поэтому их системы будут рассмотрены отдельно.

3.5.4.1. Восточные диалекты

Регулярные соответствия между морфологическими типами единственного и множественного числа в восточных диалектах имеют следующий вид:

¹¹⁶При том что *-o* и *-u* в этих диалектах, несомненно, являются аллофонами одной морфемы, их распределение не вполне ясно и, к тому же, имеет свои особенности в различных говорах. По-видимому, характер гласного зависит не только от замещаемого конечного гласного основы, но и от предшествующего гласного. Так, плюральный показатель *-o* часто появляется, если в предшествующем слоге имеется *-o-*, а все существительные с конечным *-u* основы присоединяют алломорф *-u*.

Таб. 41.

-a/-∅ — -ni	-i/-∅ — -ni	-u/-∅ — -ni	-o/-∅ — -ni	
-a/-e — -u	-i/-e — -u	-u/-e — -u	-o/-e — -u	-e/-e — -u
-a/-o — -ni, -u	-i/-o — -ni?	-u/-o — -u, -ni	-o/-o — -u	

(типы -a/-o и -i/-o редки и неустойчивы, см. 3.5.1.3, 3.5.1.4).

Рассмотрим некоторые нерегулярности. По аналогии с термином К. И. Позднякова «макрокласс» (устойчивая корреляция между двумя именными классами), я буду называть корреляцию сингулярного типа и морфемы множественного числа «макротипом».

3.5.4.1.1. Я обнаружил лишь два слова макротипа -a/-∅ — -ni и одиннадцать слов макротипа -i/-∅ — -ni (впрочем, огромное большинство слов типа -a/-∅ приведены в «Lexique soninke-français» без формы мн.ч.). Некоторые из них — заимствования из арабского или из языков манде, но большинство можно считать исконными:

bara ‘площадь, двор’ (существует также вариант *bira* с формой мн.ч. на -ni)

alaali ‘законнорожденный ребенок’ (араб. ‘*al-hall*)

dabi ‘блоха’ (в словаре Смельцеров — *daN* / *damme*, с регулярным множественным на -u; ср. праманде **dàbí* ‘клоп’)

dombi ‘упрямая лошадь’ (ср. [Smeltzer & Smeltzer 2001] *donbi*, *dommi* ‘пони — мн.ч. на -ni)

dubali, *dubeli* ‘старинная серебряная монета’

tebi ‘мужская набедренная повязка’

tixiri, *sixiri* ‘ремень из плетёной кожи’

longi ‘несшитая юбка, крашенная в индиго с узором из полос’

meaana ‘ткач’

bexinbexi ‘барабан, под звуки которого танцуют только что прошедшие инициацию’

boli ‘калебаса с горлышком’ (Смельцеры дают регулярную форму мн.ч. на *-ни*; ср. манинка *bòlí*, бамана *bòlě*, *bòlé*, фула-Масина *bolii-ru* с тем же значением)

jimbi ‘диадема; причёска в виде диадемы’

saasi ‘кисея, тонкая ткань’.

Мне не удалось установить какой-либо особой семантики, которая отличала бы макротип *-i/-∅ — -и* от «регулярных» типов.

Интересно отметить, что Якуба Диагана [Diagana 1994, 148–150] вообще не отмечает существования макротипа *-i/-∅ — -и*. С другой стороны, он выделяет два подтипа для сингулярного *-a/-∅*:

- 1) *-a/-∅ — -ни* (6,5% из выборки в 540 слов);
- 2) *-a/-∅ — -о* или *-ни* в свободном варьировании (14% всех слов выборки). Судя по форме плюрального суффикса *-о*, характерной для западных диалектов, речь здесь идет, по видимому, скорее о диалектном, а не о свободном варьировании: эти слова имеют *-о* в западных диалектах и *-ни* в восточных.

3.5.4.1.2. По данным «Lexique soninké-français», имеется по крайней мере два слова макротипа *-i/-e — -ни* и одно — макротипа *-u/-e — -ни*:

tekki/-e, мн. ч. *tekkinu* ‘жертвоприношение; клятва’

tooxi/-e, мн. ч. *tooxinu* ‘яд’

xuusu/-e, мн.ч. *xuusunu* ‘источник; колодец, вырытый в русле реки’.

В то же время Каба Джвара дает регулярные формы: *tooxu* ‘яды’, *tekku* ‘клятвы, обеты перед Богом, священные клятвы’. Смельцеры также указывают регулярные плюральные формы для двух из трёх слов: *tooxu*, *xuusu* (кстати, это слово у них дано с другим гласным основы: *xuusi/-e*). Таким образом, само

существование этого редкого макрокласса оказывается сомнительным.

3.5.4.1.3. Для слов типа *-u/-o* (числом 18) Якуба Диагана считает возможным только один суффикс множественного числа, *-u*. Однако в моем списке из 36 слов этого типа, составленном на основе [Galtier, Dantioko, Drame 1979] и [Smeltzer & Smeltzer 2001], те, которые сочетаются в плюралисе с *-ni*, преобладают: 14 против 10 (еще для 13 слов форма мн.ч. мне неизвестна). Какую-то семантическую характеристику, общую для всех слов макротипа *-u/-o — -ni*, выделить не удалось, однако можно отметить повышенную долю слов, относящихся к сфере родственных отношений и брака:

kallu/-o → *kallonu* ‘родственник по браку’

таари/-o → *таарони* ‘новобрачный’ (от глагола *тааро* ‘заниматься любовью с кем-л.’)

таауу/-o → *таауони* ‘старший член общества инициации, сопровождающий вновьинициированных’ (ср. кагоро *ḡbàò-ké*)

musundu/-o → *musundonu* ‘подарок, составляющий часть приданого’ (от глагола *musu* ‘выплачивать деньгами или натурой’)

sumpu/-o ‘пуп; родство, родственная связь’.

Ср. тж. *пихи/похо* → *пихипи* ‘живот’.

Что касается слова *таауу/-o*, то оно известно и в другой форме: *баабо/-∅* → *баабони*, а *пихи* и *похо* даны у Смельцеров как позиционные варианты слова ‘живот’ (*пихи* - только в составе сложных слов; *похо/∅* → *похони* — как самостоятельное слово). Это может быть свидетельством того, что данный макротип — вторичный, образовавшийся в результате переосмысления макротипа *-o/∅ — -ni*.

3.5.4.1.4. Только два слова из редкого типа *-o/-e* (всего 13 слов в моем списке, и 8 — в списке Якуба Диагана) присоединяют в плюралисе *-ni*: *толло/-e* ‘фасоль’ (впрочем, Каба Джвара дает другие формы: *толло/-o* → *-u* для восточных диалектов и

molli/-e → *-o* для западных, один из которых для него родной), и *mono/-e* ‘горечь, злоба’. Очевидно, впрочем, что оба эти слова по семантике могли бы быть скорее *singularia tantum* — во всяком случае, их плюральные формы вряд ли характеризуются большой частотностью.

3.5.4.2. Сингулярная и плюральная морфемы: субституция или наложение?

Наличие случаев присоединения плюрального *-ni* к словам, имеющим в единственном числе не-нулевую морфему (типа *tekki/-e* → *tekkinu* ‘клятва перед Богом’ или *xuusu/-e* → *xuusuni* ‘источник, колодец, вырытый в русле реки’), ставит под вопрос предположение Клэр Грегуар о наложении плюральных морфем «поверх» сингулярных: более правдоподобным представляется их мена — иначе говоря, я полагаю, что плюральная морфема, как и сингулярная, присоединяется к базовой форме. Это позволяет сделать важный вывод: морфемы единственного и множественного числа в сонинке составляют единую парадигму.

3.5.4.3. Западные диалекты

В западных диалектах наблюдаются следующие регулярные соответствия форм единственного и множественного числа:

Таб. 42.

<i>-a/-∅ — -o</i>	<i>-i/-∅ — -ni</i>	<i>-u/-∅ — -ni</i>	<i>-o/-∅ — -ni</i>	
<i>-a/-e — -o</i>	<i>-i/-e — -u, -o</i>	<i>-u/-e — -u</i>	<i>-o/-e — -o</i>	<i>-e/-e — -o</i>
<i>-a/-o — -ni</i>	<i>-i/-o — ?</i>	<i>-u/-o — -ni, -u</i>	<i>-o/-o — -ni ?</i>	

(типы *-a/-o* и *-i/-o* редки и неустойчивы, см. 3.5.1.3 и 3.5.1.4).

3.5.4.3.1., 3.5.4.3.2. см. 3.5.4.1.1., 3.5.4.1.2.

3.5.4.3.3. Я нашел в «Lexique soninké-français» только четыре слова макротипа *-a/-e — -ni*:

faaba/-e → *faabani* ‘отец, брат отца’

kiina/-e → *kiinani* ‘муж’

saaxa/-e → *saaxani* ‘мать’

tina/-e → *tinani* ‘польза, выгода’ (последний пример был отвергнут Каба Джвара, который предложил взамен форму с нерегулярным чередованием корневого гласного, но регулярным показателем множественного числа: *tina/-e* → *tono*).

Бросается в глаза, что все эти слова, за исключением последнего (формы которого для западных диалектов в «Lexique», по всей вероятности, неточны), являются названиями старших родственников. Добавим к этому списку другие нерегулярные слова, присоединяющие *-e* в сингулярисе и *-ni* в плюралисе. Таковых в западных диалектах обнаружено всего два: *mukku/-e* или *mukki/-e* → *mukkuni* (в вост. диал. pl. *mukku*) ‘гость’; *xaxaxo/-e* → *xaxaxoni* ‘учитель’ (в восточных диалектах *xaxaxo/-∅* → *-ni*; < манден *kàra(n)móxo*). И здесь речь идёт о лицах, к которым должно относиться с уважением, причём оба этих имени имеют относительную семантику (человек является гостем лишь по отношению к хозяину, а учителем — лишь по отношению к ученикам), что роднит их с семантической группой «термины родства».

3.5.4.3.4. Примерно два десятка слов типа *-a/-∅* присоединяют плюральный суффикс *-ni*. Большинство из них — заимствования из арабского или из языков манден. Возможно, появление этого макротипа является признаком «регуляризации» корреляции «единственное — множественное» в западных диалектах по модели восточных: сингулярной морфеме *-∅* соответствует плюральная морфема *-ni*. Имеется также несколько слов неясного происхождения:

kannara → *kannarani* ‘висячий замок; замочная скважина’

kollanga → *kollangani* ‘земля, вышедшая из-под воды после половодья’

kurusa → *kurusani* ‘фенек, африканская лисица’

kirala → *kiralani* ‘дневная деятельность’ — отглагольное имя от *kira* ‘проводить день’.

Но и в этой группе оказалось несколько терминов родства и слов с относительной семантикой, обозначающих людей:

tama → *tamani* ‘бабушка’

xana → *xanani* ‘друг; возлюбленный’ (от *xani* ‘любить’)

tohora → *tohorani* ‘тезка’ (от *toho* ‘имя’).

Вспомним в этой связи, что в ЮЗМ слова, обозначающие сверстников, также образуют форму будущего времени при помощи суффиксов-рефлексов *-*niŋ*:

лоома *bola*, *bola* ‘друг’ → *bolani(g)*, *bolani(g)*

bəə, *boa* ‘сверстник’ → *bəəni(g)*, *boani(g)*.

Появление в этом ряду слова *dooma* → *doomani*, переведенного в «Lexique» как ‘маг, анимист’, тоже вряд ли случайно: данные языков манден позволяют реконструировать для него архаичную семантику «старший член тайного общества», то есть — «социальный родственник» всех младших членов.

Приведем ряд других слов из того же семантического поля:

kaawu → *kaawuni* ‘брат матери’ (из фула *kaawu*)

bayi → *bayini* ‘сестра матери’

bawo → *bawoni* ‘взрослый, приставленный к новоинициированным’

jaralolle → *jaralolleni* ‘помощник предводителя новоинициированных’

jatigi → *jatigini* ‘хозяин (по отношению к гостю)’ — заимствование из языков манден.

Никаких отклонений от регулярных морфологических типов для этих слов не отмечено, но их концентрация внутри макротипа -*V/-∅* — *ni* примечательна.

Впрочем, некоторые другие слова из того же семантического поля образуют множественное число при помощи другой морфемы:

neega → *neego* ‘дядя по материнской линии, брат матери’ (ср. в восточных диалектах: *neega/∅* → *neegani*)

gida → *gido* ‘старший сиблинг’ (ср. в восточных диалектах: *gida/∅* → *gidanu*).

По-видимому, такое противоречие следует отнести на счет переходного характера морфологической системы сонинке.

3.5.5. Итоги рассмотрения морфологии числа в сонинке

Подведём и т о г рассмотрению способов выражения единственного и множественного числа в сонинке.

3.5.5.1. Во-первых, именные основы сонинке подразделяются на два класса: с исходом на гласный и с исходом на носовой. Последние (особенно те, которые оканчиваются на геминированный носовой) отличаются неким семантическим единством — в их числе значительно преобладают названия предметов, выделенных своей формой (круглые, полые, вытянутые, трубкообразные, острые). Это позволяет говорить о существовании в языке классификационного суффикса *-NV с соответствующим значением.

В современном сонинке все эти основы без исключения присоединяют в единственном числе морфему -e, а во множественном -i. Это говорит о большой архаичности суффикса *-NV, который, очевидно, не входил в одну парадигму с морфемами **ñ*₁-, **ñ*₂- и *-e ~ -o.

3.5.5.2. В единственном числе выделяются два формальных класса: существительные, присоединяющие морфему -e ~ -o, и существительные, таковой не присоединяющие. Имена, принадлежащие ко второму из этих классов, проявляют тенденцию к группированию в те же семантические классы, что и существительные с начальным преназализованным в манден или не-заимствованные существительные в ЮЗМ, выпадающие из системы чередования начального согласного. При этом отмечены и материальные совпадения: некоторые основы сонинке, не присоединяющие сингулярной морфемы -e ~ -o, оказываются

этимологически тождественными основам с начальным преназализованным в манден.

Это может быть диахронически объяснено следующим образом: в прото-сонинке имелись морфемы, этимологически тождественные $*\dot{n}_1$ - и $*\dot{n}_2$ - в пра-ЮЗМ и составлявшие единую парадигму с сингулярной морфемой, рефлексом которой является нынешняя $-e \sim -o$. Таким образом, совмещение двух показателей при одном и том же существительном было невозможно. В дальнейшем рефлекс $*\dot{n}_1$ - и $*\dot{n}_2$ - в сонинке исчезли (подобно тому, как это произошло в большинстве языков манден, да и в манде в целом), но запрет на присоединение $-e \sim -o$ к соответствующим существительным сохранился — этот класс стал формально не-маркированным. Поэтому в него стали включаться многочисленные заимствования, и семантическая цельность класса подверглась дальнейшему размыванию. Его формальное противопоставление классу, маркированному морфемой $-e \sim -o$, ослабляется и по той причине, что принадлежность основ с исходом на $-e$ и на $-o$ к одному или другому классу затемнена — формальная оппозиция сохраняется лишь для основ на $-i$, $-a$, $-u$.

3.5.5.3. Два суффикса множественного числа в основном коррелируют с формальными классами, выделяющимися в единственном числе: сингулярная морфема $-e$ — множественное на $-o \sim -u$, отсутствие сингулярной морфемы — множественное на $-ni \sim -nu$. Корреляция слов с морфемой $-o$ в сингулярисе неустойчива, что свидетельствует, по-видимому, о гетерогенном по происхождению составе этой группы.

В то же время наблюдаются некоторые «сбои» в корреляциях, которые мне представляются значимыми. Я имею в виду, в первую очередь, термины родства в западных диалектах, образующие макротип $-a/-e$ — $-ni$. По-видимому, их наличие¹¹⁷ указывает на изначальную связь суффикса $-ni$ в западном сонинке

¹¹⁷Объяснения механизма появления этого макротипа могут быть разными, например: эти слова изначально относились к макротипу $-a/-\emptyset$ — $-ni$, затем в сингулярисе стала присоединяться морфема $-e$ (такая реклассификация слов в сонинке на позднем этапе была, по-видимому, нередким явлением), а плюральная форма осталась прежней.

с семантикой «старшие родственники», что позволяет сопоставить его с суффиксом пра-ЮЗМ **-ni(ŋ)*, для которого такая семантика является бесспорной.

3.6. Сингулярная именная морфема в центральных манде

3.6.1. Коно, ваи, коранко, леле, могофин, какабе, сусу

В языках коно, ваи, коранко, леле, могофин, какабе, сусу существительные употребляются в большинстве контекстов с вокалическим суффиксом, который реализуется как передний гласный различной степени подъёма и обычно поглощает конечный не-носовой гласный основы. Обзор форм этого суффикса по языкам даётся у Кастенхольца [Kastenholz 1986], который считает его прототипической формой $-(Y)É$ и возводит к этому суффиксу также артикль $-í$ в ЮЗМ (предлагая здесь прототипическую форму $-(G)É$) и референтный («специфичный») тоновый артикль в манинка и бамана. С тем, что артикль в ЮЗМ этимологически тождественен артиклю в центральных манде (ваи-коранко-сусу), можно согласиться — с той оговоркой, что велярный элемент в ЮЗМ, который Кастенхольц предлагает считать частью суффикса, несомненно, является частью основы (см. дискуссию в разделе 3.3.1.2.4.2.). Труднее принять возведение к этой же морфеме тонового артикля в манинка и бамана — представляется гораздо более вероятным, что последний всё-таки восходит к суффиксу $*_{-}ò$.¹¹⁸

¹¹⁸ Раймунд Кастенхольц рассматривает эту возможность, но отвергает её, поскольку, как он считает, супрасегментная морфема в манинка и бамана является высокотоновой, а артикль $-o$ в манинка и хасонка несёт низкий тон. Наличие же артикля $-ò$ в вородугукан (говор манден в Центральном Кот-д'Ивуаре) он считает независимой параллельной инновацией.

Однако за время, прошедшее после появления статьи этого автора, было достаточно убедительно доказано, что супрасегментная морфема в манинка и бамана несёт именно низкий тон (см., в частности, [Dumestre 1987; Creissels 1985b; Creissels 1992]). Во-вторых, артикль $-ó$ обнаружен и в говорах диалектного пучка марка-дафин, на границе Мали и Буркина-Фасо (тоны в этих говорах регулярно противоположны тонам остальных языков манден, поэтому высокий тон артикля здесь закономерен). Таким образом, он отмечен по всей периферии зоны манден. Логичней поэтому предполо-

Если быть кратким, то спектр значений этого суффикса в целом совпадает с таковым у рефлексов префикса **ɲ*₃- в ЮЗМ (см. 3.3.1.2.: определённая → референтность), но в сусу он продвигается ещё дальше по «шкале Гринберга» и становится просто именной морфемой, как в сонинке.

Однако в тех языках, по которым имеется достаточно данных (коранко, сусу), обнаруживается следующее интересное обстоятельство. Оказывается, не все существительные способны присоединять анализируемую морфему, и список этих исключений весьма показателен.

3.6.2. Коранко [Kastenholtz 1987, 206]:

bó ‘товарищ’
díyɛnamɔ ‘друг, подруга’
kàrāmó ‘учитель’
tóoma ‘тёзка’
téne ‘тётка, сестра отца’
béří ‘дядя, брат матери’
bénba ‘дед; предок’
fà ‘отец’
ná ‘мать’
núntɔ ‘младший деверь’.

Как отмечает сам автор, в этот список входят только термины родства — однако его робкая попытка объяснить такую особенность этих слов их относительной семантикой явно недостаточна: неясным остаётся, почему в эту группу не попадает,

жить, что утрата сегментной основы этого артикля — инновация в центре зоны манден (т.е. в манинка и бамана), чем постулировать его независимое возникновение в трёх географически изолированных друг от друга ареалах (насколько я могу судить, на этом мнении сегодня сходятся большинство исследователей; ср., в частности, [Creissels 1990, 38]). Процесс постепенной утраты сегментной основы артикля -*ò* прослеживается в диалектах кагоро (см. [Vydrine 2001, 142–143]).

например, слово *dé* ‘ребёнок’. В ней оказываются только хорошо знакомый нам набор — названия старших родственников и сверстников.

3.6.3. Сусу

В сусу [Touge 1989] слова, не присоединяющие именную морфему,¹¹⁹ образуют следующие семантические и этимологические группы:

1) Заимствования:

Álà ‘Бог’

ànnábi ‘пророк’

súkà ‘сахар’

wàláp ‘руль автомобиля’

líúmà ‘ежедневный рынок’

róbù ‘платье’

sóodà ‘каустическая сода’

téélà ‘портной’

tànká ‘монета в 50 сантимов’

yínyàn ‘сладкий напиток на основе имбиря’

dúníyá ‘мир, Вселенная’

gómínà ‘губернатор’

sàxáfù ‘пятая дневная молитва’

ràtirón ‘начальник’

wálíyí ‘святой человек’

lááxíà ‘загробный мир’, и др.

2) Названия старших родственников, сверстников и близкая к ним лексика:

¹¹⁹Не принимаются во внимание основы с исходом на долгий гласный — к ним именная морфема не присоединяется по формальным причинам.

ngá ‘мать’
bààbá ‘отец’
sóxò ‘дядя’
mààmá ‘бабка’
bénbá ‘дед’
tánún ‘дед’
ténèn ‘тётка (сестра отца)’
nándén ‘со-жена матери, другая жена отца’
tààrà ‘старший сиблинг’
xúnyàà ‘младший сиблинг’
dééxó ‘кузен’
nìimóxò ‘деверь’
tóxómàn ‘тёзка’
kèlé ‘друг; возлюбленный’
yààtígí ‘хозяин (по отношению к гостю)’.

Примечательно, что здесь оказалось и единственное в сусу существительное с начальным преназализованным — *ngá* ‘мать’. Напомню, что в манинка слово ‘мать’ имеет префигированный низкий тон (*̀ná*), на месте которого я реконструирую префикс **ñ*₁-.

3) Несколько слов, семантика которых аналогична семантике слов с преназализованным начальным согласным в языках манден:

fúútù ‘дерево с иголками (? *arbre à pin*)’
bùlààmá ‘вид маниоки’
bóngà ‘вид рыб’
xàárùtmáá ‘вид птиц’
túnbà ‘маленький тамбурин’
fúnyí ‘порох’
kònkó ‘корзина из рафии’

téémúré ‘короткая рубашка’.

4) Имена-шифтеры:

tíná ‘завтра’

xòró ‘вчера’

tàmúnà ‘будущий год’

gbétè ‘другой’.

5) Лишь два слова этой группы оказались в ней по неясным причинам:

kèré ‘обещание’

fòndò ‘понимание’.

3.6.4. Интерпретация нерегулярностей в присоединении морфемы

Как легко убедиться, состав группы слов, не присоединяющих именной морфемы, аналогичен тем группам, которые выделяются в ЮЗМ для слов с отменой чередования согласных, а в сонинке — для слов, не присоединяющих именной морфемы *-e* ~ *-o* в единственном числе. Логично предположить, что и здесь причины появления этой «нерегулярности» — те же самые, что и в остальных рассмотренных языках: присоединение префикса **ù₁-* (для терминов родства и имён, примыкающих к ним по семантике), присоединение **ù₂-* (для названий представителей флоры и фауны, и т.д. — см. группа (3) в списке сусу); отсутствие необходимости в референтном артикле (имена-шифтеры). Попадание же заимствований в эту группу свидетельствует о том, что присоединение именной морфемы **-uí* перестало быть автоматическим процессом (лексикализовалось) на достаточно раннем этапе.

3.6.5. Гипотеза Ганса Мукаровского

Отметим в этой связи, что Г а н с М у к а р о в с к и й [1988] вёл речь о выделении двух именных классов в манде именно исходя из наличия в сусу, кпелле и мандинка существительных,

не присоединяющих именную морфему. Он считал, что один из этих классов был маркирован суффиксом *-a*, другой — суффиксом *-e* (как в *сусу* или *сонинке*) или *-o* (как в *мандинка*). Реконструкция системы из двух классов дала Мукаровскому основания настаивать на идее единства манде и чадских языков.

Что касается *мандинка* и *кпелле*, то здесь отсутствие артиклей у имён с исходом на *-aa* или на *-ŋ* соответственно — кажущееся: неочевидный при анализе на сегментном уровне, артикль проявляется в просодии, что хорошо описано в работах Кресельса и Уельмерса. В *сусу* же и *коранко*, а также в *сонинке*, где именная морфема действительно присоединяется не ко всем словам, далеко не все основы-«исключения» оканчиваются на *-a*, что явствует из приводимых выше списков. Всё это лишает реконструкцию Мукаровского каких-либо оснований.

3.6.6. Этимология сингулярного показателя в западных манде

В предыдущих статьях [Vydrine 1994a; Выдрин 1997] я высказывал предположение, что суффикс *-E* в западных языках манде должен реконструироваться с носовым согласным в анлауте, и что этот суффикс этимологически связан с указательным местоимением *lí*, *lí*, *lí* в языках манден. Косвенным подтверждением возможности такого развития мог служить тот факт, что в современных городских вариантах *бамана* редуцированная форма этого местоимения, *-í*, имеет тенденцию к превращению в определённый артикль, сосуществующий с тоновым «референтным артиклем» (см. об этом статью [Zribi-Hertz, Hanne 1995], впрочем, несколько поверхностную).

Однако при дальнейшем анализе аргументы Кастенхольца [1986] в пользу базового высокого тона этого суффикса, а также в пользу реконструкции палатального сонанта *-y-* были признаны более убедительными — тем более, что ни в одном из языков суффикс не обнаруживает присутствия назальности.

При этом вопрос об этимологии суффикса остаётся открытым. Кастенхольц считает,¹²⁰ что он мог развиваться из указа-

¹²⁰ Устное сообщение.

тельного местоимения **kE*, рефлексам которого являются, в частности, сонинкское местоимение *ké* ‘этот, тот’, местоимение коранко *kè* ‘этот’, местоимение ваи *kě* ‘это’. Это предложение не кажется мне удовлетворительным — отчасти из-за низкого тона местоимения в ваи и коранко, отчасти из-за отсутствия велярного консонантного элемента у артикля в каком-либо из рассматриваемых языков.

Более вероятным представляется его развитие из другого указательного местоимения — того, рефлексам которого являются местоимение *jí* ‘этот’ в языке менде, *uí* в сусу и южном дьялонке, *jí* в северном дьялонке (Фалея).

Что до мандингского местоимения *ní*, *ně*, *ní*, то его рефлексы в языках манде также весьма многочисленны. Очень вероятно, что к нему восходит и притяжательное, прямообъектное и т.д. местоимение 3 лица единственного числа пра-ЮЗМ **ñ₃-*, из которого в языках этой группы развился и определённый (в кпелле) или референтный (в остальных языках) артикль (см. на эту тему специальную статью [Creissels 1990]).

3.7. Показатели множественного числа в языках манден

3.7.1. Определённое и неопределённое множественное в марка Заба

В наиболее известных языках манден существует только один способ образования множественного числа. Правда, показатели при этом могут различаться: *-lù* в манинка, *-ù* (-w в стандартной орфографии) в бамана и в межэтническом дьюла Кот-д’Ивуара. Последнюю форму нередко считают результатом сокращения первой путём выпадения согласной.

Однако, если обратиться к данным других идиомов этого языкового континуума, картина оказывается более разнообразной.

В говоре марка р-на Заба, описанном Андре Простом, противопоставляются друг другу два показателя множественного числа, очевидно этимологически связанные с таковыми в бамана и манинка. «Неопределённое множественное» выражается показателем *-gi* (*-ni* после носового), тон которого, за редкими

исключениями, совпадает с тоном предшествующего слога. Показателем «определённого множественного» является *-u* (в орфографии — *-w*, как в бамана), его тон всегда противоположен тону предшествующего слога [Prost 1977, 15–16]. Например:

Таб. 43.

	единственное число		множественное число	
	неопр. форма	опр. форма	неопр. форма	опр. форма
‘гора’	<i>kúru</i>	<i>kírú</i>	<i>kúrúru</i>	?
‘лодка’	<i>kùrùn</i>	<i>kùrún</i>	<i>kùrùnù</i>	<i>kùrùnú</i>
‘курица’	<i>síè</i>	<i>síé</i>	<i>síérù</i>	<i>síèú</i>
‘женщина’	<i>músó</i>	<i>músò</i>	<i>músóru</i>	<i>músóu</i>

Правда, в другом описании этого же идиома, [M. Diallo 1988, 147–148] ситуация представлена иначе: «неопределённое множественное» выражается суффиксом *-lu*, тон которого п р о т и в о п о л о ж е н тону предшествующего слога. После носового этот показатель может или сохранять свою форму, или реализовываться как назализованный гласный: *kónkón* ‘злой колдун’ → *kónkón-lù* [*kónkónlù* ~ *kónkóù*]. После односложных основ выступает алломорф *-ru*: *bà* ‘коза’ → *bà-rú*. «Определённое множественное» выражается показателем *ru* — по сути дела, обычной формой множественного числа указательного местоимения, которую помещают в постпозиции к существительному: *yìrì ru* ‘деревья’.

За этими расхождениями стоят, по-видимому, диалектные различия, которыми богат континуум марка-дафин. Во всяком случае, очевидно, что *-u* и *-lu/-ru* в манден не следует считать диалектными вариантами одной морфемы.

3.7.2. Показатель *-u*

Кроме бамана, межэтнического дьюла и марка Заба, показатель *-u* и схожие формы представлены также в неко-

торых говорах на северо-западе Кот-д'Ивуара: каранджанкан и сагакакан *-u*, нигбикан *-o* [Derive 1990, II: 41], в дьюла Конга *-u* (при том, что Аби Сангаре интерпретирует эту морфему как высокотоновую, она реализуется всегда с низким тоном [Sangare 1984, I: 249]).¹²¹ Прототипический тон этого показателя — по-видимому, низкий.

По всей вероятности, этимологически тождественно этому показателю неэмфатическое личное местоимение 3 лица мн.ч. в бамана *ǎ* 'они'.

3.7.3. Показатель *-lu*

Показатель *-lu* и его диалектные варианты *-gu* и *-lu* представлены во всех языках западной ветви манден (мандинка, хасонка, кагоро, манинка-Кита и манинка Восточного Сенегала), в гвинейском манинка, в марка-дафин (о чём только что шла речь), в дьюла Бондуку, в большинстве говоров южной полосы северо-западной зоны манден Кот-д'Ивуара: мау, корокакан, тененгакан, вородугукакан, каникакан, койагакан, сиякакан [Derive 1990, II: 41; Galtier 1980, 399]. В дьюла Одьенне также представлена форма *-gu*, но она уже в 1970 годах воспринималась как архаичная и вытеснялась показателем *-i* [Brasconnier 1983b]. Прототипический тон этого показателя в манден — по-видимому, высокий; его низкотоновая реализация в большинстве контекстов вызвана правилом переноса тона с показателя определённости (референтности), который ему обычно предшествует в большинстве из рассматриваемых идиомов.

В бамана этот показатель сохранился только в формах множественного числа анафорического (*ǎ*) и релятивного (*mí*) местоимений: *ǎlú*, *mínnù*, а также в звательной форме *Mǎanù!* 'о люди!' — обычной формой была бы, в зависимости от диалек-

¹²¹ Аби Сангаре отмечает, что этот показатель менее употребителен, чем *-rú* ~ *-gú*. Жан Дерив (устное сообщение) высказал мнение, что жители Конга употребляют его в основном при разговоре с чужестранцами (иначе говоря, стараясь имитировать «межэтнический дьюла»), тогда как в более естественной среде его избегают. Таким образом, этот показатель здесь может оказаться и заимствованием.

та и стиля речи, *mǎ̀ài* или *mǎ̀gǎ̀ù* (в стандартной орфографии: *mǎ̀aw*, *mǎ̀gǎ̀w*).

Соответствующие формы (обычно в назализованной форме, *-li*) хорошо представлены в различных языках манде за пределами ветви манден — в том числе и в восточной ветви (гуро, дан, и др.).

3.7.4. Показатель *-i* ~ *-yi*

В манинка р-на Манден, в васулунка и на крайнем северо-западе Кот-д'Ивуара (Одьенне, финангакан, баралакакан, ново-локакан, сиенкокакан, гбелебанкакан, фолокакан, бодугукакан, тудугукакан, вандугукакан, см. [Derive 1990, II: 41; Galtier 1980, 399]) распространён показатель *-i* ~ *-yi*. Если принять во внимание показатель множественности *-rǐ́* ~ *-rú* в дьюла Конга¹²² [Sangare, 1984, I: 249–250], то можно рассматривать *-i* ~ *-yi* как результат ослабления латерала в интервокальной позиции, в целом достаточно типичного для южных говоров манден: **-lǐ́* ~ *-rú* > **-lǐ́* ~ *-rǐ́* > *-yi* > *-i*. Однако нельзя исключать и возможности возведения *-yi* > *-i* к особой праязыковой морфеме.

За пределами группы манден сходный показатель множественного числа, *-e*, представлен в языке сусу.

3.7.5. Показатель *-lǎ̀gǎ̀*

Показатель, восходящий к прототипу *-lǎ̀gǎ̀*, достаточно надёжно представлен в языках манден. В мандинка он имеет форму *-lo* ~ *-wo* и всегда сопровождается показателем *-lu*, например:

ñ mítu-lo-lu 'наши предки' [Creissels et al. 1982].

¹²² Форма *rǐ́* в дьюла Конга является, по-видимому, ареальной изоглоссой: в языке дьели (дьери), носители которого живут в окружающих Конг городах и селениях, плюральный показатель имеет вид *-lǐ́* [Tröbs 1998]. В джо (языке группы самого, локализуемся в небольшой зоне на границы Мали и Буркина-Фасо, также неподалёку от Конга), это значение передаётся суффиксом *-ri* [Carlson 1993].

В дьюла Одьенне (северо-запад Кот-д'Ивуара) мы имеем рефлекс *лэў̄* [Derive 1990, I: 185], в дьюла Конга (северо-восток Кот-д'Ивуара) — *у̀̀г̀́*, здесь его может сопровождать «обычный» плюральный показатель *-rí*:

í k̀̀r̀́-у̀̀г̀́-rí 'мои старшие братья/сёстры' [Sangaré 1985, 251–252].

Мари-Жо Дерив полагает, что этот суффикс должен существовать и в других говорах манден Кот-д'Ивуара, но не зафиксирован в имеющихся материалах в силу его малоупотребительности. В либерийском манья он отразился как *lí* (в противоположность «обычному» плюральному показателю *-ni*; высокий тон в этом языке регулярно соответствует низкому тону в манинга, бамана, мадинка и дьюла Конга).

Во всех языках, в которых он представлен, этот суффикс сочетается с терминами родства или с именами собственными, в последнем случае он передаёт значение «ассоциативного множественного». Таким образом, напрашивается его сопоставление с плюральным суффиксом **ni(ŋ)* в пра-ЮЗМ.

В других языках манден его рефлексы не сохранились, а его функции (в том числе — выражение значения «ассоциативного множественного») взяли на себя «обычные» плюральные показатели.

3.7.6. Дьюла Одьенне: показатель *-lúgú*

Наряду с уже упомянутыми *-i*, *-gi* и *-лэў̄*, в дьюла Одьенне отмечен ещё один плюральный показатель, *-lúgú*. Кассиан Браконье [1983] отмечает, что *-lúgú* «выходит из употребления, встречаясь только при именах собственных людей и некоторых местоимениях», приводя, однако, примеры его употребления и с нарицательным именем:

sè-lúgú 'мужчины (неопр.)'

sè-é-lúgú 'мужчины (опр.)'.

По моим наблюдениям, этот суффикс употребляется с названиями старших родственников, конкурируя с *-i*. К сожалению, краткость моего сеанса работы с выходцем из Одьенне в Абиджане в январе 2001 года не позволила определить его соотношение с *-lɔũ*.

3.8. Образование множественного числа в бобо

В языке бобо существует несколько способов образования множественного числа [Le Bris, Prost 1981, 25–26]:

1) присоединением суффикса *-rì ~ -rè ~ -è ~ -ì* к основе (при этом основа может подвергаться изменениям). Этот способ характерен для терминов родства, но также и для некоторых других обозначений людей, животных, неодушевлённых объектов:

síè ‘мать’ — *síérì*
bángá ‘муж’ — *bángánè*
kíè ‘дядя’ — *kārè*
mā ‘друг’ — *mārè*
siè ‘стрела’ — *sièrè*;

2) изменением конечного гласного основы, при этом часто меняется и гласный предпоследнего слога (какие-либо закономерности таких мен вывести пока не удалось; этот гласный может изменяться и в дополнение к присоединению суффикса *-rì ~ -rè ~ -è ~ -ì*). Тон слова при этом не меняется. Выделяются различные типы соотношения конечного гласного в единственном и множественном числе:

sg. *-o* — pl. *-a*
 sg. *-e* — pl. *-ɛ*
 sg. *-u* — pl. *-o*
 sg. *-i* ~ *-a* — pl. *-o*;

3) к односложным основам во множественном числе нередко прибавляется ещё один слог, обычно содержащий согласный *-g-*. При этом чаще всего меняется и гласный основы:

bū ‘болезнь’ — *bāgā*

dūn ‘грудь’ — *dángà*

sōn ‘человек’ — *səmá*.

Возможно, в таких случаях именно форма множественного числа сохранила исходную двусложность, тогда как в единственном числе конечный слог отпал;

4) имена деятеля образуются присоединением суффикса *-tà*, который во множественном числе меняется на *-nè* ~ *-ní*:

sōn-tà ‘земледелец’ — *sōn-nè*

kpìní-tà ‘скандалист’ — *kpìní-ní*.

Отметим, что некоторые слова используют сразу несколько моделей. Например:

zògó ‘одежда, ткань’ — *zògà*, *zògì*, *zògàrè*, *zògòrì*.

К сожалению, имеющиеся материалы не позволяют определить, связано ли это варьирование с какими-то семантическими различиями.

Такие многообразие моделей вызвало у авторов, имевших дело с этим языком, естественное стремление искать объяснение на пути поиска именных классов. На этот путь неявным образом указывают и авторы словаря бобо [Le Bris, Prost 1981, 25–26], и Мэри Линн Морз [Morse 1976]. Дэвид Двайр посвятил этому вопросу специальную статью, которая, правда, так и не была закончена [Dwyer 1990]. В любезно предоставленном мне предварительном варианте этот автор приходит к выводу, что выделяющиеся формальные классы не обладают каким-либо семантическим единством и не проявляют схожих черт с реконструируемой системой именных классов пра-нигер-конго. Иначе говоря, если модели образования множественного числа и можно рассматривать как основание для выделения именных классов, их следует считать инновацией языка бобо.

На нынешнем этапе с этим выводом, по-видимому, следует согласиться — с той оговоркой, что формальный класс, включающий в себя термины родства и образующий множественное

число при помощи суффикса $-rì \sim -rè \sim -è \sim -ì$, может быть соотнесён с классом «терминов родства» в других языках манде (учитывая при этом, что в бобо его семантика трактуется расширительно). В дальнейшем же необходим более тщательный анализ языка бобо с привлечением дополнительных материалов и систематической проверкой плюральных форм для всех имён этого языка.

3.9. Показатель локатива в лоома

В лоома имеется особая морфема, маркирующая именаслокативной семантикой в определённом состоянии; её описание дано в [Prost 1967, 18–20]. Она представлена различными диалектными формами — $-vɛ$, $-\betaɛ$, $-yɛ$:

da ‘рот’ (неопр.) — *da-vɛ* ‘рот’ (опр.)

rɔlu ‘спина’ (неопр.) — *rɔlu-vɛ* ‘спина’ (опр.)

zia ‘вода; река (неопр.)’ — *zia-vɛ* ‘водопой, источник воды (опр.), река (конкретное место у реки)’.

Множественное число от таких форм образуется присоединением суффикса $-ti(g)$:

ti la-vɛ-ti
их рот-DEF.PL ‘их рты’.

Большинство локативных послелогов в лоома (а может быть, и все такие послелого) бивалентны — эти лексемы могут употребляться и в именном значении:

bu ‘под’ — ‘нижняя часть (неопр.)’

etea ‘вовне, снаружи’ — ‘внешняя часть, наружное пространство (неопр.)’.

Определённая форма таких имён образуется присоединением суффикса $-vɛ$: *bu-vɛ*, *etea-vɛ*.

Имена с локативным определённым суффиксом могут употребляться в постглагольной позиции в функции косвенного

дополнения (обстоятельства места), при этом они не требуют послелога:

Azanui-ti ti li-a zia-vɛ.
женщина-PL они идти-PRFV вода-LOC.DEF
‘Женщины пошли по воду (к воде, за водой)’.

Такое их употребление может создать впечатление, что функция -vɛ — деривация сложных послелогов (именно так я пытался интерпретировать этот формант в своём описании языка лоома 1987 года). Ср.:

Towa gul-i ga.
он.есть дерево-DEF на
‘Он на дереве’.
Towa gul-i ga-vɛ.
он.есть дерево-DEF верхушка-LOC.DEF
‘Он на верхушке дерева’.

На самом же деле формы на -vɛ, бесспорно, являются существительными и в такой своей функции, о чём свидетельствует возможность их плюрализации:

Āzanu-i-ti ti kwoteg-i zia-ve
женщина-DEF-PL они каолин-DEF. мазать-RESULT
ti lovala-vɛ-ti.
их лоб-LOC.DEF-PL
‘Женщины помазали каолином на своих лбах’.

При этом следует оговориться, что противопоставление существительных и послелогов (иначе говоря, выделение послелогов в отдельную часть речи) в языках манде нередко оспаривается — см., в частности, работы С. И. Томчиной [1978] и У. Уельмерса [Welmerts 1976]. Я не согласен с аргументацией этих авторов применительно к языкам манден и другим центральным манде, где тождество послелогов с соответствующими именами является скорее этимологическим, чем синхронным

(см. [Выдрин 2004]), однако в лоома грань между существительными и послелогоми действительно весьма размытая именно из-за существования локативного класса имён. По-видимому, фактически любое имя локативного класса может быть употреблено в пост-глагольной позиции (в определённой форме, т.е. с суффиксом *-vε*, или в неопределённой, в виде чистой основы) без послелога — иначе говоря, принимая на себя послеложную функцию.

Следует особо отметить и возможность существования в лоома однокоренных имён, принадлежащих к нейтральному и локативному классам, различающихся по значению:

ziε-i (< **zia-i*) ‘вода’ — *zia-vε* ‘река, водоём’.

При этом они формально различаются только в определённой форме, так что в словарях, учитывающих только неопределённую форму (например, [Выдрин 1987]) отношения между такими словами переводятся в плоскость полисемии.

Андре Прост связывает происхождение этой морфемы с локативным словом *vε* ‘здесь’, для которой на уровне пра-ЮЗМ реконструируется форма **bε*.

В современном лоома этот суффикс — по-видимому, недавнего происхождения — функционирует фактически как показатель локативного класса.¹²³

3.10. Есть ли в современных языках манде именные классы?

Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо условиться, на какое именно определение именного класса мы опираемся. Если исходить из того, что наличие согласовательной модели является неизменным признаком именного класса, тогда, конечно же, приходится признать их отсутствие в этой языковой семье¹²⁴ (отметим, что такой методологический подход в рабо-

¹²³ Разумеется, если исходить из «расширенного» понимания именных классов, не предполагающего обязательного именного согласования.

¹²⁴ Предположительно реконструируемые мною следы именного согласования в бамана и чередование начальных согласных у прилагательных в языках гуру, гбан и уан (см. 3.1.5.) явно недостаточны для того, чтобы говорить о полноценных согласовательных моделях.

тах лингвистов-африканистов преобладает — что естественно: ведь про именные классы пишут чаще всего бантуисты и специалисты по другим языковым группам, в которых классное согласование хорошо представлено).

Однако такая точка зрения — не единственная. Так, В. А. Виноградов [1997а, 7–12] предлагает чётко разграничить понятие согласовательного класса (СК) и именного класса (ИК). К именным классам в этом смысле можно относить и такие формально обособленные (т.е. маркированные классифицирующей морфемой) группы имён, которые не имеют моделей согласования.

При таком расширительном подходе говорить об именных классах в некоторых языках семьи манде вполне правомерно.

Это, прежде всего, язык *лоома*, где выделяется продуктивный сингулярный локативный класс (показатель *-vε/-yε*), противопоставленный «нейтральному» классу (показатель *-í*) в определённом состоянии, и плюральный класс «старших родственников» (показатель *-ni(g)*). Конечно, в сравнении с языками банту или атлантическими такая система выглядит редуцированной и несимметричной: оба выделяемых не-нейтральных класса не имеют коррелятов по числу, так что плюралис от имён локативного класса образуется наращиванием «нейтрального» показателя множественного числа поверх показателя локатива (*pelewu-vε-ti(g)* ‘внутреннее пространство домов’), а форма единственного числа названий старших родственников ничем не выделяется среди имён «нейтрального» класса.¹²⁵

В манде, локо и банди системы также редуцированы, однако выглядят они более сбалансированно, чем в лоома: сингулярный и плюральный классы «старших родственников» образуют пару (род) — при этом, правда, плюральный класс образуется от сингулярного не меньшей показателя, а наращиванием. Таким образом, нечередующийся сильный начальный согласный является здесь приметой не класса, а всего рода. Мало-

¹²⁵ Впрочем, возможны некоторые ограничения на сочетание названий старших родственников с показателем определённости *-í*. Это предположение нуждается в проверке с информантами; если оно подтвердится, можно будет говорить о выделении и соответствующего сингулярного класса.

местный личный плюральный класс *-à* не имеет сингулярного коррелята, при этом его продуктивность существенно различается по языкам. Таким образом, два личных класса (или три, если считать сингулярис и плюралис «старших родственников» раздельно) оказываются противопоставлены большому «нейтральному» классу. Аналогичная ситуация наблюдается и в к п е л л е, с тем отличием, что класс «родственников» выделяется только в плюралисе (аналогично лоома). Что до имён с нечередующимся слабым начальным согласным, то их выделение вряд ли носит сейчас функциональный характер.

Возможно, некоторая функциональность присуща противопоставлению различных формальных типов единственного и множественного числа в б о б о. Впрочем, недостаточность и противоречивость имеющихся в наличии материалов по этому языку делает какие-либо выводы преждевременными, а предварительному предложению Двайра о позднем развитии в этом языке именных классов противоречит смазанность, невыявленность их семантики (исключением здесь является, в какой-то мере, только плюральный класс *-re ~ -ri*).

Непроявленный характер имеют классные оппозиции и в сонинке. В целом здесь можно выделить две пары, (sg.) *-e ~ -o* : (pl.) *-u ~ -o* и (sg.) \emptyset : (pl.) *-ni ~ -ni*, однако это противопоставление оказывается «смазанным» и, по-видимому, утрачивает какую-либо функциональную нагрузку.

Периферийными, «умирающими» являются классы старших родственников в сусу, коранко, дьюла Одьенне и Конга, манинка Гвинеи и мандинка. В этих языках утрачено соответствующее числовое противопоставление, а оппозиция сингулярного класса старших родственников классу нейтральному имеет тенденцию к размыванию семантической мотивированности, поскольку в эту же формальную группу попадают заимствования и рефлексы другого архаичного класса. Поскольку всё это происходит в отсутствие согласования, статус этих классов понижается до уровня реликтов.

Что же касается преназализации в бамана, мандинка и других языках манден, то носовой элемент вряд ли может рассматриваться в синхронии как отдельная морфема — слияние префикса **ñ₂*- с корнем можно считать завершённым.

3.11. Интерпретация реконструируемых именных морфем в пра-западном манде

Именные морфемы, которые предлагается реконструировать для пра-западного манде, и их рефлексы по языкам и подгруппам сведены в таблицу 44 (стр.224).

3.11.1. Различие между первыми тремя показателями, **uí*, **niŋ*, **wò*, по всей вероятности, относилось к сфере дейксиса или анафоры («близкое — далёкое» или «этот — вышеупомянутый»), в плане же семантических противопоставлений классов имён их значения можно охарактеризовать как нейтральные. Во всяком случае, мне не удалось обнаружить свидетельств в пользу того, чтобы приписать им какое-либо «не-нейтральное» значение.

3.11.2. Достаточно надёжно реконструируется префикс **ñ*₁-, несмотря на то, что его рефлексы во многих языках (сусу, сонинке, коранко, кагоро) проявляются только «негативно» — как запрет на присоединение именной морфемы, обязательной для других существительных. Его семантика вполне сопоставима с таковой у именного класса 1a, выделяемого в банту и других нигеро-конголезских языках, ядром которого являются термины родства (к ним обычно добавляются обобщающие названия растений и животных, имена деятеля и заимствования, ср. [Givón 1971, 34]). Упомянем в этой связи указание Гивона на то, что бантусские слова класса 1a, в синхронии маркируемые нулевым префиксом, часто обнаруживают назальный префикс.¹²⁶

3.11.3. Так же хорошо представлены в западных манде и рефлексы плюрального коррелята этого класса — точнее, плюрального суффикса, прибавляемого к сингулярной основе. Несколько сложнее, чем в других языках, обстоит дело в сонинке, где мне представляется возможным считать рефлексом пра-языкового **-lŋGŋ* плюральный суффикс *-li*, представленный в западных диалектах, отделяя его, таким образом, от представленного только в восточных диалектах плюрального суффикса

¹²⁶ Гивон трактует это как свидетельство развития класса 1a/2a из класса 9/10. Обсуждение правомерности такой трактовки не входит в круг моих задач.

-*li* (обычно эти два суффикса считают междиалектными эквивалентами). Дополнительные сомнения возникают здесь и в связи с «размытостью» семантики суффикса *-li* в западном сонинке — точнее, размытостью семантики той группы существительных, с которыми он сочетается. Это же можно сказать и о языке бобо, где суффикс *-ge* ~ *-li* сочетается, помимо терминов родства, также с названиями крупных животных и неодушевленных объектов. Отметим, впрочем, что и для класса 1a в банту и иных нигеро-конголезских языках такая нечёткость семантики — вполне обычное явление.

3.11.4. **ñ*₂-, реконструкцию которого для пра-западного манде также можно считать надёжной,¹²⁷ ставит несколько вопросов.

Во-первых, в реконструируемом мной виде показатель этого класса выглядит как омоним показателя класса старших родственников. Всё же представляется маловероятным, чтобы, при всей немногочисленности реконструируемых показателей, два из них полностью совпадали. Очевидно, формальные различия между ними всё же были — один из них мог иметь вид, скажем, **ñ*-, а другой **ñ̄*-. Однако действующее во всех (или почти во всех) языках манде правило уподобления носового сонанта последующему согласному по ряду эти различия стёрло.

Второй вопрос касается интерпретации его семантики и возможного соотношения с именными классами нигер-конго. Весьма вероятно, что, если такое соотношение и следует устанавливать, то речь пойдёт о слиянии нескольких пра-нигеро-конголезских классов в один. Этим может объясняться и наличие в данном классе нескольких устойчивых лексических конгломераций,¹²⁸ очевидным образом не связанных между собой семантически. Впрочем, такая семантическая разнородность сама по себе не является чем-то необычным для именного класса — ср., в частности, подробное описание семантики классов в пулар-фульфульде в работе [Коваль 1997].

¹²⁷ Следы этого назального префикса прослеживаются и в южных манде. Они рассматриваются в статье [Vydrine 2005].

¹²⁸ В том смысле этого термина, в котором его вводит А. И. Коваль в своей блестящей и методологически насыщенной статье об именных классах пулар-фульфульде [Коваль 1997, 164–165].

Таб. 44. Рефлексы именных классификаторов в современных языках манде

пра-западный манде		мандин							коранко	суку
форма	значение	мандинка	мандинга	манья	Бомана	двуль-Одienne	двуль-Конг	марка-Зэба	коранко	суку
1. * <i>yí</i>	ед.ч. указат.	—	—	—	—	—	—	—	-(y)É	-yí именная морфема, у ² указат. местоим.
2. * <i>liú</i>	ед.ч. указат.	liú указат. местоим.	li ~ lié ~ lié указат. местоим.	li указат. местоим.	li, l указат. местоим.	li указат. местоим.	li указат. местоим.	li указат. местоим.	—	—
3. * <i>o</i>	ед.ч. анафорич.	-o референтн. артикль, и/о анафорич. местоим.	o референтн. артикль, и/о анафорич. местоим.	-É референтн. артикль, и/о анафорич. местоим.	o референтн. артикль, и/о анафорич. местоим.	-É референтн. артикль, и/о анафорич. местоим.	o референтн. артикль, и/о анафорич. местоим.	-É референтн. артикль, и/о анафорич. местоим.	ио ¹ 'тот'	—
4. * <i>h₁</i>	ед.ч. старшие родственники	—	-o, префикс -	?	—	—	—	—	-o	-o
5. * <i>h₂</i>	флора, фауна, несчётные, диминутив.	h	—	—	h, нерегулярн. тоновые типы	h (редк.)	h (редк.)	—	—	-o
6. * <i>NV</i> (?)	круглые, полые, выгнутые, острые	—	—	—	—	—	—	—	—	—
7. * <i>li/ni</i>	мн.ч.	-li	-li	-li	-li/ni (редк.)	-li (арх.)	-li ~ -ni	-li ~ -li/ni неопр. мн.	-li	—
8. * <i>n</i>	мн.ч.	—	—	—	-i мн.ч., i местоим. 3 лица ед.ч.	—	-i (редк., заимств.?)	-i опред. мн.	—	—
9. * <i>Gá</i>	нейтральное мн.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
10. * <i>á</i>	одушевлён. мн.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
11. * <i>liŋGŋ</i>	мн.ч. старш. родственники ассоциативн. множествен.	-liŋ ~ -niŋ	—	-liŋ	—	-liŋ	-liŋ	—	—	—
12. * <i>liŋi</i> (?)	мн.ч.	—	—	(манинга-Манден, вассолон-у)	—	-yí	—	—	—	-e
13. * <i>liŋni</i> (?)	мн.ч. имён собств., одуш.	—	—	—	—	-liŋni	—	—	—	—

Таб. 45. Реконструируемые именные маркеры пре-аппального манде и их рефлекссы

пре-аппальный манде	значение	сопоставимые именные морфемы -e ~ -o	бобо	пра-ЮЭМ	манде	лово	Бамби	лома	кпеле	южные манде
1. *ɣʼi	ед.ч. указат.	именная морфема -e ~ -o	?	артикл *i, указ. мест. ji	артикл -i, указат. мест. ji	(ʔ) референтн. артикл, мест. 3 л. ед.ч.	(ʔ) референтн. артикл -i л. ед.ч.	(g) референтн. артикл, мест. 3 л. ед.ч.-	(ʔ) артикл -i	?
2. *niʃ	ед.ч. указат.	-M (опред. артикл)	—	*ni-	(ʔ) референтн. артикл, мест. 3 л. ед.ч.	—	—	—	(ʔ) пред. артикл, мест. 3 л. ед.ч.	?
3. *nɔ	ед.ч. афро-рин.	?	—	—	—	—	—	—	—	?
4. *ni-	ед.ч. старшие родственники	ɸ	?	*ni-	нечередующийся начальный, сильный согласный	нечередующийся начальный, сильный согласный	нечередующийся начальный, сильный согласный	нечередующийся начальный, слабый или звонкий согласный	—	?
5. *ni-	флора, фауна, несчётные, диминутив.	ɸ	?	*ni-	нечередующийся начальный, слабый или звонкий согласный	нечередующийся начальный, слабый или звонкий согласный	нечередующийся начальный, слабый или звонкий согласный	нечередующийся начальный, слабый или звонкий согласный	нечередующийся начальный, звонкий согласный с нивк. тоном	сильная ступень чередования нач.-член. согласных прилагательных (диминутивность, одушевлённость); нерегулярн. рефлекссы нач.-член. согл. некоторых имён
6. *ɣʼV (?)	круглые, выпуклые, острые	-M/M	?	—	—	—	—	—	—	—
7. *niʃ/nɪ	мин.ч.	-ni (вост. диалекты)	?	—	—	—	—	—	—	-ni, -ni
8. *ɔ	мин.ч.	-o, -ɪ	?	—	—	—	—	—	—	?
9. *Cɔ	нейтральное	—	?	*Cɔ	-ɔ ~ -ɔɔ	—	-ɔ неопред. мн.	-ɔ неопред. мн.	-ɔɔ, -ɔɔ	нейтральн. мн.
10. *ɔ	одушевлён.	—	?	*ɔ	-ɔɔ, -ɔɔɔɔ мн. ч. одушевлённых	-ɔ, -ɔɔ мн.ч. одушевлённ.	-ɔɔɔɔ мн.ч. одушевлённ.	—	-ɔɔ, -ɔɔ	нейтральн. мн.
11. *niʃCɔ	мин.ч. старш. родств., ас. множествен.	-ni (зап. диалекты)	?	*niʃ	-ni	-ni ~ -i	-ni	-ni(g)	-niʃ	?
12. *J (?)	мин.ч.	—	?	?	—	—	—	—	—	?
13. *ɣʼɣɣɣ (?)	мин.ч. имён собствен., одуш.	—	—	—	—	—	—	—	—	?

Теоретически возможно и противоположное объяснение: * \dot{n}_2 - в манде является рефлексом некоего большого прото-нигеро-конголезского класса, который в других языковых ветвях разделился на несколько более узко специализированных классов.

Наконец, весьма перспективной представляется и третья интерпретация, предложенная совсем недавно К. И. Поздняковым (устное сообщение): обсуждаемый назальный префикс является рефлексом не показателя именного класса, а назального «расширителя»,¹²⁹ который накладывается поверх показателей классов и выражает дополнительный семантический компонент (очевидно, диминутивность). Рефлексы такого «расширителя» хорошо представлены в атлантических языках, да и в других семьях нигер-конго.

Отметим, в этой связи, ещё один интересный факт (который неоднократно упоминался в специальной литературе, см. [Nicolai 1977; Creissels 1981, 313–314; Поздняков 1993]). В языке сонгай начальные преназализованные согласные довольно редки, причём встречаются они только у существительных (единственный глагол в моём источнике, [Haïdara et al. 1992] — *nboyla* ‘резвиться в воде’). При этом две трети всего списка составляют названия представителей флоры и фауны:

Насекомые: *nbinbin* ‘оса-строительница’, *ndey* ‘комар’, *ndo* ‘саранча’, *ndonton*, *ntonton* ‘скорпион’, *ngunba* ‘собачий клещ, куриная вошь’, *nguura*, *buura* ‘насекомое-вредитель риса’, *njeeri* ‘земляная блоха’, *nkanji* ‘клещ’, *nkondo*, *gonkondo* ‘большеголовый крупный муравей’, *ntanda* ‘мелкие чёрные муравьи’.

Земноводные и пресмыкающиеся: *nbala* ‘лягушка’, *ncita* ‘ящерица геккон’, *ndolli*, *ndooli* ‘пиявка’, *nkomni* ‘игуана (варан?)’, *nkormata*, *kormoto* ‘жаба’, *nkuura* ‘сухопутная черепаха’, *nsay* ‘уж’.

Млекопитающие: *nbirɲa* ‘свинья; дикий кабан-бородавочник’, *nbunaw* (прилагательное) ‘масть овец’, *nsaj*, *psej* ‘мышь’,

¹²⁹В данном случае этот термин употребляется не в традиционном понимании, принятом в бантуистике.

ntabay ‘заяц’, *ntangilla* ‘песчанка (грызун), Gerbillis gerbillis’, *nzoja* ‘шакал, африканский лис (фенек)’.

Птицы: *nсаага* ‘вид птиц’, *ngarangan* ‘козодой’, *nkonbaagu*, *koysaalarbu* ‘вид цапли’, *nkondo*, *gonkondo* ‘вид птиц’, *nkwaagu* ‘венценосный журавль’.

Рыбы: *ngari* ‘рыба *Alestes nurse*’, *ngongoto*, *gonkota* ‘рыба протоптер’, *nkoronbu*, *nkorbu* ‘вид рыб’, *nsofo* ‘один из видов рыб *Alestes*’, *nzawarya* ‘молодая тигровая рыба’, *nzaway* ‘тигровая рыба, *Hydrocynus forskali*’, *nzinci*, *nzinji* ‘вид карпа, *Tilapia hemichromis*’.

Растения: *ngollori* ‘трава’, *ngorfu* ‘вьющееся растение с колючими плодами’, *nguuli* ‘трава *Typha australis*’, *nkuuje*, *nkuuga* ‘кустарниковое растение’, *nsorbu*, *sononbi* ‘сорт воанзы’.

Среди остальной лексики также встречаются слова, соответствия которых и в языках манде имеют начальный преназализованный:

nkondona ‘муравейник’

nzarka ‘виолина’

progo ‘трусы’ (заимствовано из манден?).

Семантика других слов списка вписывается в известный нам по бамана (а также по ЮЗМ) круг значений менее естественно, но таких слов — всего четверть:

nbola, *bolo* ‘омут’.

nbinka ‘свинина’

ncille ‘москитная сетка’

ncirri ‘дождь’

ndarka ‘молот’

ndella ‘шрам’

ndolla, *ndorra* ‘водосточный жёлоб’

ndum ‘лицо’
nkaɲa, nkaɲay ‘три камня очага’
nkunda ‘шишечка между ягодицами; клещ, который живёт в
 волосах’
nsanbu ‘вид бурдюка’
nsuufay ‘хвост’
ntaara, taara ‘наковальня’
ntaway ‘плацента; близнец’
nzure, nzuga ‘свойственник’.

Считать появление этой группы слов результатом позднего влияния манден (бамана) не приходится: за редкими исключениями, сонгайские корни не проявляют материального сходства с соответствующими корнями манден, а заимствование морфемы, при том что в языке-источнике она уже в достаточно отдалённую эпоху была, по всей вероятности, архаичной и непродуктивной, представляется крайне маловероятным. Остаётся предполагать более глубинное родство, уровня «пра-манде — пра-сонгай» или «пра-нигер-конго — пра-сонгай». Этот факт может оказаться важным аргументом в оживлённой дискуссии по поводу генетической принадлежности языка сонгай.

3.11.5. Одушевлённый (личный?) плюральный класс -à достаточно надёжно реконструируется для пра-ЮЗМ, однако в других подгруппах его следов обнаружить не удаётся.

В то же время большой интерес представляют личные суффиксы (sg.) **-mɔ*¹³⁰ — (pl.) **-bèlà*. С одной стороны, очевидна материальная близость суффикса *-mɔ* с основой ‘человек’ в северных языках манде (бамана *mògɔ́*, манинка *mɔ́*, мандинка *mò*, сусу *mìxí*, джери *mugɔ́*, и т.д.), а также в южных манде (дан *mɛ́*, тура *méè*, ману *mí*, гуру *mí*, яурэ *mí*, гбан *mí*, уан *mí*). С другой стороны, следует отметить сходство этих морфем с показателями классов 1 и 2 в банту (**mi-* и **ba-* соответственно; показатель плюрального класса имеет сходные формы

¹³⁰Замену *-miɲ* на *-li* в либерийских диалектах кпелле следует считать, по-видимому, поздней инновацией.

и в других нигеро-конголезских языках). В этой связи заслуживает внимания предположение А. Ю. Желтова, высказанное в устной форме, о том, что юго-западные языки манде могли сохранить ситуацию, наиболее близкую к прото-нигеро-конголезской — иначе говоря, данные манде позволяют реконструировать полнозначную нигеро-конголезскую основу со значением ‘человек’ (и, возможно, другую основу со значением ‘люди’), которая грамматикализовалась в остальных языковых ветвях и превратилась в показатель личного класса.

Продолжая тему генезиса именных классов в нигеро-конголезских языках, интересно обратиться к материалу дан и тура (южные манде). Так, в дан-гуэта некоторые именные основы, вполне сохраняя своё «обычное» значение ($g\bar{a}$ ‘кость’, $d\ddot{u}$ ‘дерево’, $d\ddot{e}$ ‘лист’) в независимом употреблении, регулярно присоединяются к именам некоторых семантических групп, более или менее десемантизируясь при этом. Так, от имён с собирательным значением или обозначающих составные объекты $g\bar{a}$ образует дериваты со значением «один элемент из группы»: $ri\ddot{a}$ ‘метла (для подметания в доме)’ → $ri\ddot{a}-g\bar{a}$ ‘веточка из метлы’, $d\ddot{o}$ ‘один из видов съедобных термитов’ → $d\ddot{o}-g\bar{a}$ ‘один термит’. В то же время имеется и некоторое количество имён, значение которых с присоединением этой основы не изменяется: $gbl\ddot{u}$ = $gbl\ddot{u}-g\bar{a}$ ‘яма’, $bi\bar{l}\bar{l}$ = $bi\bar{l}\bar{l}-g\bar{a}$ ‘верёвка’, $gb\bar{a}$ = $gb\bar{a}-g\bar{a}$ ‘река’. Здесь наличие $-g\bar{a}$ является фактически факультативным; мои попытки выявить хоть какое-то семантическое или прагматическое различие между членами каждой из этих пар дали негативный результат. $-d\ddot{u}$, в своём десемантизированном употреблении, присоединяется к названиям вытянутых частей тела («рука», «нога»...), $-d\ddot{e}$ — к именам с локативной семантикой. В северном диалекте дан, кла, интересное семантическое развитие получила основа $l\acute{l}$ ‘ребёнок’: здесь она передаёт не диминутивное значение, а значение «живое существо как представитель своего вида». Так, $m\bar{l}\bar{l}$ означает ‘птица (как вид)’, $m\bar{l}\bar{l}-l\acute{l}$ — ‘птица’ (конкретная).

Таким образом, можно констатировать некоторое сходство в функционировании таких полу-десемантизированных основ с показателями именных классов. В то же время очевидны и от-

личия: во-первых, присоединение этих основ в дан и тура не является обязательным, иначе говоря, они не грамматикализованы.¹³¹ Во-вторых, далеко не все имена присоединяют подобные показатели,¹³² что не позволяет говорить о формировании на данном этапе парадигмы. По-видимому, правомерно рассматривать ситуацию в дан и тура как «эмбрион классной системы», развитие «полноценной» системы из которого можно представить себе достаточно легко.¹³³

3.11.6. Рефлексы плюральных суффиксов *Gà и *-ù не противопоставляются ни в одном из обследованных языков. Вполне допустимо сведение их к единой пра-форме, имевшей, очевидно, значение «нейтральной множественности».

То же может относиться и к суффиксам *lí/nú и *yí — существование их рефлексов в дьюла Одьенне может быть результатом междиалектного влияния. Во всяком случае, никаких указаний на семантическую противопоставленность *lí/nú и *yí не имеется.

Противопоставление же между представителями этих двух пар зафиксировано в марка-Заба [Prost 1977].¹³⁴ Если считать, что этот идиом сохраняет семантику праязыкового противопоставления (что, впрочем, нуждается в дополнительном подтверждении), то для показателя *Gà ~ *-ù следует реконструировать значение «нейтрального определённого множественного», а для *lí/nú ~ *yí — «нейтрального неопределённого множественного».

Что касается редкого и архаичного показателя множественного числа в дьюла Одьенне *lígú*, то он может быть результатом наложения двух праязыковых плюральных классов, *-lí + *-Gà.

¹³¹ В тех же случаях, когда их наличие можно считать обязательным, эти основы полностью или частично сохраняют своё лексическое значение — то есть и в этом случае грамматикализации не происходит.

¹³² Трактовать такие случаи как «присоединение нулевого суффикса» было бы очевидной натяжкой.

¹³³ Подробный анализ этой проблематики, на примере одного из перечисленных показателей, см. в статье А. В. Эрман в данном сборнике.

¹³⁴ Существование аналогичных показателей в дьюла Конга, как уже отмечалось, может быть следствием междиалектной интерференции.

О сопоставлении этих реконструкций с другими нигеро-конголезскими реконструкциями пока что говорить преждевременно.

3.11.7. Вычлняемый в результате внутренней реконструкции в сонинке суффикс архаичного класса *-N/-NN* с семантикой «трубкообразные, круглые и полые объекты» является, скорее всего, инновацией в пра-сонинке. Во всяком случае, в пользу такого предположения говорит отсутствие его рефлексов в других языках семьи. Впрочем, привлечение тех языков семьи манде, данные которых в полной мере не были учтены в данной работе, а также сравнение с языками других ветвей нигер-конго может внести свои коррективы.

Заключение

Проведённый анализ говорит о том, что языки манде оказываются значительно ближе по своему типу к другим нигеро-конголезским языкам побережья Гвинейского залива, чем это считалось ранее. Причём сходство обнаруживается на разных уровнях:

- вокалические системы: для праманде представляется необходимым реконструировать систему из девяти или десяти оральных и пяти назальных гласных, образующих три серии в рамках механизма вокалической гармонии;
- консонантные системы: для праманде реконструируется механизм сорезонантности начальных и срединных согласных слова;
- именные классы: вопреки общепринятому мнению, языки манде обнаруживают некоторые следы именных классов. При том, что в целом такие следы носят характер рудиментов, в некоторых языках обнаруживаются и вполне продуктивные именные (но не согласовательные!) классы. При этом некоторые из этих классов (например, локатив в лоома) имеют явно инновационный характер, другие же обнаруживают и некоторое материальное сходство с показателями соответствующих нигеро-конголезских классов.

Таким образом, современные западные языки манде, и особенно самые изученные из них — группа манден, по своему типу оказываются весьма далеки от типа праманде. В то же время неправильным было бы механически проецировать тип южных манде на праязыковой тип: тенденция к моносиллабизму и политоничность, характерные для этих языков, являются, по всей видимости, инновациями.

Ещё один вывод касается соотношения ареального и генетического планов. Языки манде являют собой очень яркий пример того, как фонологический тип трансформируется под влиянием внешнего окружения. По сути дела, в формировании языкового типа (тип слога и словоформы, количество тонов и их функционирование, тип вокалической и консонантной систем) генетический фактор занимает подчинённое положение, а ареальный — ведущее. Можно сказать (со всеми необходимыми оговорками), что фонологические типы в Западной Африке выстраиваются по климатическим зонам: чем дальше к северу, тем больше вероятность встретить в языке хорошо сохранившуюся систему интервокальных согласных, тем слабее значимость тоновых противопоставлений, тем беднее вокалические системы. Чем дальше к югу, тем сильнее тенденция к моносиллабизму, тем больше признаков вокалической гармонии и консонантной сорезонантности. Но, трансформируясь под внешним влиянием, языки сохраняют некоторые элементы, по которым праязыковой тип может быть реконструирован.

Цитируемая литература

- Виноградов 1997 — В. А. Виноградов. Введение: Именные категории в языках Африки // В. А. Виноградов (ред.). *Основы африканского языкознания: Именные категории*. М.: Аспект Пресс, с. 2–23.
- Выдрин 1987 — В. Ф. Выдрин. *Язык лоома*. М.: Наука, 121 с.
- Выдрин 1990 — В. Ф. Выдрин. Тональные классы слов в языке лоома // *Конференция «Сравнительно-историческое языкознание на современном этапе» (памяти В. М. Иллича-Свитыча)*. М., 6–9 февраля 1990. М., 1990, с. 23–34.

- Выдрин 1991 — В. Ф. Выдрин. О старомандингском письме (мандинка, бамана, сусу) // *Africana. Африканский этнографический сборник*, XV. М.; Л.: Наука, с. 269–219.
- Выдрин 1997 — В. Ф. Выдрин. Следы именной классификации в языках манде // *Основы африканского языкознания. Под ред. В. А. Виноградова*. М.: Аспект пресс, 1997, с. 221–255.
- Выдрин 1999 — В. Ф. Выдрин. Введение // В. Ф. Выдрин, С. И. Томчина. *Манден-русский словарь (манинка, бамана)*. Том 1. СПб.: Дмитрий Буланин, с. 2–40.
- Выдрин 2001 — В. Ф. Выдрин. Языки манде и теория языков слогового строя // *VI международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки (25–28 сентября 2001 г.): Материалы и тезисы докладов*. СПб.: Восточный факультет СПбГУ, с. 25–53.
- Выдрин 2002 — В. Ф. Выдрин. Гуро: язык в процессе расщепления тонов // *Языкознание в теории и эксперименте. К 80-летию М. К. Румянцева и 40-летию лаборатории экспериментальной фонетики ИСАА при МГУ*. М.: Пробел, с. 261–189.
- Выдрин 2003а — В. Ф. Выдрин. Тональные системы языков манде: Краткий обзор // *Вопросы языкознания*, № 2, с. 25–113.
- Выдрин 2003б — В. Ф. Выдрин. Редупликация прилагательных в языках манде // *VII Международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. М., 16–18 сентября 2003*. Сборник докладов. Часть 2, с. 246–254.
- Выдрин 2004 — В. Ф. Выдрин. И опять — части речи в бамана // А. П. Володин (ред.). *Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В. С. Храковского*. М.: Знак, с. 245–173.
- Выдрин, Поздняков 1987 — В. Ф. Выдрин, К. И. Поздняков. Реконструкция фонетической системы праманден // *Африканское историческое языкознание*. М.: Наука, с. 294–356.
- Выдрин, Томчина 1999 — В. Ф. Выдрин, С. И. Томчина. *Манден-русский словарь (манинка, бамана)*. Том 1. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 342 с.

- Гиренко 1982 — Н. М. Гиренко. Брат — сестра (к соотношению типов терминологии и социогенеза) // *Africana. Африканский Этнографический Сборник, XIII*. Л.: Наука, с. 24–49.
- Добронравин 1999 — Н. А. Добронравин. *Арабографическая письменная традиция Западной Африки*. СПб: СПбГУ, Восточный факультет, 178 с.
- Коваль 1997 — А. И. Коваль. Именные категории в пулар-фульфульде // В. А. Виноградов (ред.). *Основы африканского языкознания: Именные категории*. М.: Аспект Пресс, с. 22–220.
- Конате 1989 — Адама Конате. *Сопоставительный анализ диалектов беледугу и бамако языка бамана (фонетика, грамматика)*. Канд. дисс. М.: Институт языкознания АН СССР, 225 с.
- Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. *Общая морфология: Введение в проблематику*. М.: Эдиториал УРСС, 382 с.
- Поздняков 1978 — К. И. Поздняков. *Языки манде: Сравнительно-исторический анализ. Кандидатская диссертация*. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1978, 149+210 с.
- Поздняков 1980 — К. И. Поздняков. Языки манде (Результаты сравнительно-исторического анализа) // *Africana. Африканский этнографический сборник, XII*. Л.: Наука, с. 273–180.
- Поздняков 1987 — К. И. Поздняков. Развитие систем консонантных чередований в языках манде и в атлантических языках // *Африканское историческое языкознание*. М.: Наука, с. 257–457.
- Поздняков 1993 — К. И. Поздняков. *Сравнительная грамматика атлантических языков*. М.: Наука, 375 с.
- Томчина 1972 — С. И. Томчина. *Местоимения в языках манде: К вопросу о разграничении имени и глагола*. Канд. дисс. Л.: Ленинградский государственный университет.
- Томчина 1978 — С. И. Томчина. *Введение в синтагматическую морфологию языка манинка*. Л.: Издательство Ленинградского университета, 117 с.
- Южные манде: Лингвистика в африканских ритмах. Материалы петербургской экспедиции в Кот-д’Ивуар (К 50-летию Константина Позднякова)*. Под ред. В. Ф. Выдрина, А. Ю. Желтова. СПб: Европейский Дом, 2002.

- Bailleul 2000 — Ch. Bailleul. *Dictionnaire Bambara-Français*. Bamako: Donniya, 494 p.
- Bandi Grammar, ms. — (A Bandi Grammar). Unpublished Manuscript. The Institute for Liberian languages, Monrovia.
- Bearth 1971 — Thomas Bearth. *L'énoncé toura*. Norman (Oklahoma): S. I. L., 1971, 481 p.
- Bearth 1992 — Thomas Bearth. La pertinence latente. A propos du traitement des liquides et de la nasalisation dans les langues dites "sans consonnes nasales" // *Verbum* 15, 4, pp. 203–218.
- Bearth, Link 1980 — The tone puzzle of Wobé // *Studies in African Linguistics*, 11 (Los Angeles), pp. 247–207.
- Bearth, Zemp 1967 — Thomas Bearth, Hugo Zemp. The phonology of Dan (Santa) // *Journal of African Languages* (London), vol. 6, part 1, 1967, pp. 2–29.
- Becker-Donner 1965 — Etta Becker-Donner. *Die Sprache der Mano*. Graz-Wien-Köln.
- Bendor-Samuel 1989 — J. Bendor-Samuel (ed.). *The Niger-Congo Languages. A classification and description of Africa's largest language family*. Lanham — New York — London: University press of America.
- Benoist 1969 — Jean-Paul Benoist. *Grammaire gouro (groupe mandé — Côte d'Ivoire)*. Lyon: Afrique et Langage, No. 3, 101 p.
- Benoist 1977 — Jean-Paul Benoist. *Dictionnaire gouro-français*. Zuénoula, 120 p.
- Bimson 1978 — Kent David Bimson. *Comparative Reconstruction of Proto-Northern-Western Mande*. Ph. D. Thesis, University of California, Los Angeles.
- Bird 1971 — Charles Bird. Some observations on initial consonant change in Southwestern Mande // Chin-Wu Kim and Herbert Stahlke (eds.). *Papers in African Linguistics*. Edmonton: Alberta and Chamain — Illinois: Linguistic Research, Inc., pp. 253–174.
- Bird 1982 — Charles Bird. (ed.). *The Dialects of Mandekan*. Bloomington: Indiana University, 423 + 16 p.

- Blecke 1996 — Thomas Blecke. *Lexikalische Kategorien und grammatische Strukturen im Tigemaxo (Bozo, Mande)*. (Ser.: Mande languages and linguistics, Vol. 1). Köln: Köppe, 283 p.
- Bole-Richard 1985 — Rémy Bole-Richard. Hypothèse sur la genèse de la nasalité en niger-congo // *Journal of West African Languages* XV, 2, pp. 2–28.
- Bolli 1973 — Margrit Bolli. *Analyse prosodique de quelques traits phonologiques en Dan (Blossé)*. Abidjan: S. I. L., Ms.
- Bolli 1976 — Margrit Bolli. *Etude prosodique du Dan (Blossé)*. S.I.L.—I.L.A., No. 1, Abidjan, 48 p.
- Bolli, Flik 1973 — Margrit Bolli, Eva Flik. *Phonological statement: Dan (Blossé)*. Abidjan: S.I.L., 64 p.
- Bolli, Flik 1978 — Margrit Bolli, Eva Flik. La phonologie du Muan // *Annales de l'Université d'Abidjan. Sér. H., T. XI, Fasc. 1*.
- Braconnier 1983a — Cassian Braconnier. *Phonologie du dioula d'Odienné*. Abidjan-Paris: ILA-ACCT.
- Braconnier 1983b — Cassian Braconnier. L'inaccompli neutre en dioula d'Odienné: construction nominale ou construction verbale? // *Mandenkan* (Paris), 6, pp. 2–8.
- Braconnier 1989 — Cassian Braconnier. *Dioula d'Odienné (Parler de Samatiguila)*. *Dictionnaire et études de linguistique descriptive*. Thèse pour le Doctorat d'État. Univ. de Grenoble.
- Braconnier 1986 — Cassian Braconnier. De l'existence de trois types de nasalité à support vocalique en dioula d'Odienné // *Mandenkan*, (Paris) 11, pp. 23–70.
- Braconnier ms. — Cassian Braconnier. *Lexique Jógó*. ms.
- Carlson 1993 — Robert Carlson. A sketch of Jɔ: A Mande language with a feminine pronoun // *Mandenkan*, (Paris), 25, 109 p.
- Castelain 1952 — J. Castelain. *La langue guerzé: Grammaire et dictionnaire*. Dakar: Mémoires de l'IFAN, 20, p. 1–302.
- Childs 2000 — Tucker G. Childs. *A Dictionary of the Kisi Language, with an English–Kisi Index*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 524 p.

- Conteh, Cowper, Rice 1983 — Patrick Conteh, Elizabeth Cowper, Keren Rice. The Environment for Consonant Mutation in Mende // *Current Approaches to African Linguistics*. Vol. 6 (3), pp. 207–116.
- Creissels 1980 — Denis Creissels. De la possibilité de rapprochement entre le songhay et les langues Niger-Congo (en particulier mandé) // *Nilo-Saharan: Proceedings of the First Nilo-Saharan Linguistics Colloquium*, Leiden, pp. 207–327.
- Creissels 1982a — Denis Creissels. *Document lexical Maukakan. (Parler manding du Maou)*. Publications du Centre de dialectologie africaine, No. 1. Université de Grenoble, VIII + 59 p.
- Creissels 1982b — Denis Creissels. Ton et accent en mandinka // Paper presented to the Leiden Colloquium. Ms. 15 p.
- Creissels, 1982c — Denis Creissels. A propos de défauts de mémorisation de signifiants par les locuteurs Mandinka // *Mandenkan* (Paris), 4, pp. 29–56.
- Creissels 1985a — Denis Creissels. Les verbes statifs dans les parlers manding // *Mandenkan*, 10, pp. 2–32.
- Creissels 1985b — Denis Creissels. La perspective dialectologique dans l'étude du ton bambara // *Afrique et Langage*, 24, pp. 27–35.
- Creissels 1988a — Denis Creissels. Liste lexicale provisoire du dialonké de Faleya mise à jour en oct.-nov. 1988 (ms.).
- Creissels 1988b — Denis Creissels. Eléments de phonologie du koyaga de Mankono (Côte-d'Ivoire) // *Mandenkan* (Paris), 16, 159 p.
- Creissels 1989 — Denis Creissels. *Aperçu sur les structures phonologiques des langues négro-africaines*. Grenoble: Éditions littéraires et linguistiques de l'Université Stendhal-Grenoble 3, 287 p.
- Creissels 1990 — Denis Creissels. Le pronom *N'* et l'article *N'* dans les langues mandé-nord // *Mandenkan* (Paris), 20, pp. 27–40.
- Creissels 1992 — Creissels, Denis. Tonologie du bambara: bilan et perspectives // *Mandenkan* (Paris), 24, pp. 2–45.
- Creissels et al. 1982 — Denis Creissels, Sidia Jatta, Kalifa Jobarteh. Lexique Mandinka–Français // *Mandenkan* (Paris), 3, 207 p.

- Creissels, Grégoire, Bouka 1992 — Denis Creissels, Claire Grégoire, Léonce Yembi Bouka. Place des parlers bozo dans la classification des langues mandé // *Linguistique africaine* (Paris), 9, pp. 21–51.
- Creissels, Grégoire 1993 — Denis Greissels, Claire Grégoire. La notion de ton marqué dans l'analyse d'une opposition tonale binaire: Le cas du mandingue // *Journal of African Languages and Linguistics* (Leiden), 14, pp. 207–154.
- Dajet, Konipo, Sanankoua 1953 — Jacques Dajet, M. Konipo, M. Sanankoua. La langue bozo // *Études soudaniennes*, 1. Bamako: IFAN, 277 p.
- Dalby 1963 — David Dalby. The Extinct Language of Dama // *Sierra-Leone Language Review*, 2, pp. 20–54.
- Derive, 1990 — Marie-Jo Derive. *Etude dialectologique de l'aire manding de Côte-d'Ivoire*. Paris: Peeters-SELAF. Fasc. I, 270 p., Fasc. II, 137 p.
- deZeeuw, Kruah 1981 — Peter deZeeuw, Rexanna Kruah. *A Learner Directed Approach to Mano: A handbook on communication and culture with dialogs, texts, cultural notes, exercises, drills and instructions*. East Lansing: Michigan State University.
- Diagana O., 1984 — O. M. Diagana. *Le parler soninke de Kaedi (Mauritanie). Syntaxe et sens*. Thèse de Doctorat, Univ. de R. Descartes, Paris, 3 vols.
- Diagana Ya. 1985 — Yacouba Diagana. Eléments de phonologie de sooninke // *Mandenkan* (Paris), 10, pp. 27–87.
- Diagana Ya. 1987–88 — Yacouba Diagana. Compte rendu critique de l'article de C. Grégoire "Morphophonologie et morphologie nominale en soninké" (*Mandenkan* 13, 1987) // *Mandenkan* (Paris), 14/15, pp. 215–127.
- Diagana Ya. 1994 — Yacouba Diagana. *Eléments de grammaire du soninké*. Paris: Les Documents de Linguistique Africaine, 547 + 69 p.
- Diallo, L. 1990 — Lassana Diallo. *Le Sooninke standard. I. Etude morphologique des harmonisations vocaliques consécutives à la marque du pluriel des nominaux. II. Etude morphologique des alternances vocaliques consécutives à la composition nominale*. Nouakchott, ACCT. Manusrit.

- Diallo, M. 1988 — Mohamadou Diallo. *Éléments de systématique et de dialectologie du Marka-kan (Burkina Faso)*. 4 vols. Université Stendhal-Grenoble III.
- Diallo, M. L. 1989 — Mohamed Larabi Diallo. *Zur Verbalstruktur und Syntax des Bambara*. (Dissertation). Bayreuth. 226 S.
- Diarra 1992 — Diarra, Sékou Oumar. *Éléments de description du fuladugukakan de Sébékoro (parler manding du Mali)*. Thèse pour le Doctorat Nouveau Régime. Université Stendhal — Grenoble III. 439 p.
- Doneux 1968 — Jean Doneux. *Esquisse grammaticale du Dan*. Documents linguistiques. No. 15, Université de Dakar, 104 p.
- Dumestre 1981a — Gérard Dumestre. η/w en bambara // *Mandenkan* (Paris), 1, pp. 21–15.
- Dumestre 1981b — Gérard Dumestre. Idéophones et adverbes expressifs en bambara // *Afrique et Langage* (Paris), 15, pp. 20–30.
- Dumestre 1982 — Gérard Dumestre. Note sur les adverbes idéophoniques du mandinka // *Mandenkan* (Paris), 4, pp. 25–97.
- Dumestre 1981–1992 — Gérard Dumestre. *Dictionnaire bambara-français. Fasc. 1–9 (A–N)*. Paris: INALCO, 1426 p.
- Dumestre 1987 — Gérard Dumestre. *Le bambara du Mali: Essai de description linguistique*. Paris: INALCO. Thèse de Doctorat d'Etat, 586 p.
- Dumestre 2004 — Gérard Dumestre. Note sur un tropisme *móri / bámanan* en bambara // *Mandenkan* (Paris), 39, pp. 27–54.
- Dwyer 1971 — David J. Dwyer. Mende tone // *Studies in African Linguistics* (Los Angeles), 2, pp. 217–130.
- Dwyer 1973 — David J. Dwyer. *The comparative tonology of Southwestern Mande nominals*. Michigan State University, Ph. D., 278 p.
- Dwyer 1974 — David J. Dwyer. The historical developement of Southwestern Mande Consonants // *Studies in African Linguistics* (Los Angeles), 5 (1), pp. 29–94.
- Dwyer 1978 — David J. Dwyer. What sort of tone language is Mende? // *Studies in African Linguistics* (Los Angeles), 9 (2), pp. 267–208.

- Dwyer 1981 — David J. Dwyer. *A Reference Handbook of Lorma*. East Lansing: African Studies Center, Michigan State University.
- Dwyer, 1986 — David J. Dwyer. Evolutionary morphology of definite articles in Southwestern Mande // G. J. Dimmendaal (ed.). *Current Approaches to African Linguistics*. Vol. 3, pp. 249–170.
- Dwyer 1987/88 — David J. Dwyer. Towards proto mande morphology // *Mandenkan* (Paris), 14–15, pp. 239–152.
- Dwyer 1989 — David J. Dwyer. Mande // J. Bendor-Samuel (ed.). *The Niger-Congo Languages. A classification and description of Africa's largest language family*. Lanham — New York — London: University press of America, pp. 26–65.
- Dwyer 1990 — David J. Dwyer. Does Bobo have a noun class system? (ms.)
- Dwyer 1994 — David J. Dwyer. Internal evidence for tone splitting in Bobo // *Journal of African Languages and Linguistics* (Leiden), 15, pp. 29–45.
- Eberl-Elber 1937 — R. Eberl-Elber. Der konsonantische Anlautwechsel in der Sprachen-Gruppe Gbande–Loma–Mende // *Mitteilungen der Ausland-Hochschule an der Universität zu Berlin*, Bd. 40, H. 3, S. 228–143.
- Ellenberger et al., ms. — (Paul Ellenberger et al.) *Maninka–English Dictionary*. Kankan: The Christian Missionary Alliance, n.d.
- Fleming 1995 — Caroline B. Fleming. *An introduction to Mona grammar*. M. A. Thesis, Univ. of Texas, Arlington, 159 p.
- Flik 1977 — Eva Flik. Tone glides and registers in five Dan dialects // *Linguistics*, No. 201, La Haye: Mouton, pp. 2–59.
- Gadou 1994 — Henri Gadou. *Quelques aspects des processus phonologiques, morphologiques et énonciatifs de la langue yaouré*. Tomes I, II. Université Paris VII, 658 p.
- Galtier 1980 — Gérard Galtier. *Problèmes dialectologiques et phonographématiques des parlers mandingues*. Thèse de Doctorat 3ème Cycle, Université Paris VII. Paris. 449 p.

- Galtier, Dantioko, Dramé 1979 — (Gérard Galtier, Makan Dantioko, Zeïdi Dramé.) *Lexique Soninké-Français*. Bamako: DNAFLA, 100 p.
- Gamble 1955 — D. P. Gamble. *Mandinka-English Dictionary*. Revised Edition. Research Department, Colonial Office. 66 p.
- Gamble 1987 — D. P. Gamble. *Mandinka-English Dictionary*. *Gambian Studies No. 21*. San Francisco, 133 p.
- Givón 1971 — Talmy Givón. Some historical changes in the noun-class system of Bantu, their possible causes and wider implications // Chi-Wu Kim, Herbrt Stahlko (eds.). *Papers in African Linguistics*. Indiana, pp. 23–54.
- Gottlieb 1995 — Alma Gottlieb, M. Lynne Murphy. *Beng-English Dictionary*. Bloomington: Indiana University Linguistics Club Publications, 116 p.
- Greenberg 1977 — Joseph Greenberg. Niger-Congo noun class markers: prefixes, suffixes, both or neither // *Journal of African Linguistics*, 7, 97–104.
- Grégoire C. 1986 — Claire Grégoire. *Le maninka de Kankan. Eléments de description phonologique*. Tervuren.
- Grégoire C. 1987 — Claire Grégoire. Morphophonologie et morphologie nominale en soninké // *Mandenkan* (Paris), 13, pp. 2–60.
- Grégoire Cl. 1987/88 — Claire Grégoire. Quelques hypothèses concernant l'alternance consonantique initiale dans les langues mandé // *Mandenkan* (Paris), 14/15, pp. 271–191.
- Grégoire H. 1976 — Henri-Claude Grégoire. *Étude de la langue gouro (Côte-d'Ivoire). Phonétique — Phonologie — Enquête lexicale*. Université Paris III, Thèse de IIIe cycle, 521 + 221 p.
- Grégoire H. 1990 — Henri-Claude Grégoire. *Tonétique et tonologie d'un groupe de langues mandé. Etude théorique et expérimentale*. Thèse pour le Doctorat d'Etat, Paris III, 465 p.
- Grimes 2000 — Barbara F. Grimes (ed.). *Ethnologue*. 14th ed. Dallas: SIL.
- Grossmann 1992 — Rebecca S. Grossmann. *Discourse grammar of Bandi*. Ph. D. Thesis. Arlington: University of Texas, 192 p.

- Grossmann et al. 1991 — (Rebecca Grossmann et al.). *Bandi Dictionary (ms.)*. Institute for Liberian Languages — Lutheran Bible Translators, (November 1991), 111 p.
- Guide bozo 1982 — *Guide de Transcription et Lexique Bozo [Tieyaxo sawananbaana yee a xarabuye]*. Bamako: DNAFLA, 127 p.
- Guilavogui 1975 — André Gouma Guilavogui. *Etude morphosyntaxique du Lôghômagoi*. Mémoire de fin d'études. Kankan: Institut Polytechnique, 92 p.
- Haïdara et al. 1992 — Youssouf M. Haïdara, Youssouf B. Maïga, Mohamed B. Maïga, John P. Hutchinson. *Lexique Soḡay-Français / Kalimawey Citaabo Soḡay-Annasaara šenni*. Bamako: Ministère de l'Education Nationale — DNAFLA, 138 p.
- Halaoui, Tera, Trabi 1983 — Nazam Halaoui, Kalilou Téra, Monique Trabi. *Atlas des langues mandé-sud de Côte-d'Ivoire*. Abidjan: I. L. A.
- Herault, 1989 — Georges Herault. Les rections syllabiques en soninké // *Linguistique Africaine 3* (Paris), pp. 23–90.
- Heydorn 1940–41 — Richard W. Heydorn. Die Sprache der Bandi in nordwestlichen Liberia // *Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen* (Hamburg), Bd. XXXI, H. 2, S. 21–114 (1940), H. 3, S. 288–217 (1941).
- Heydorn 1971 — Richard W. Heydorn. Grammar of the Loma Language with some Kɔnɔ Words in the Vocabulary // *Afrika und Übersee* (Hamburg), Bd. 54, H. 1/2, S. 27–99.
- Hintze 1948 — Fritz Hintze. Zum Konsonantischen Anlautwechsel in einigen westafrikanischen Sprachen // *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung* (Berlin), Bd. 2, H. 3/4, S. 264–182.
- Hochstetler 1996 — Lee Hochstetler. Enquête linguistique sur le du-ungoma: une langue samogo parlée au Burkina Faso et au Mali // *Mandenkan* (Paris), 31, pp. 2–57.
- Hopkins B. 1982 — Brad Hopkins. Etude tonologique du yaouré // *Cahiers ivoiriens de recherches linguistiques* (Abidjan), 11.
- Hopkins B. 1987 — Brad Hopkins. *Le système aspecto-modal du yaouré*. Abidjan: S. I. L.—I. L. A., No. 7.

- Hopkins E. 1986 — Elizabeth Hopkins. Présentation et analyse d'un conte yaouré // *Annales de l'Université d'Abidjan, Sér. J.*, Tome IV.
- Hopkins E. 1987 — Elizabeth Hopkins. *Aperçu sur le système pronominal du yaouré*. Abidjan: S. I. L.—I. L. A., No. 8.
- Houis 1963 — Maurice Houis. *Etude descriptive de la langue susu*. Dakar, IFAN, 183 p.
- Hyman 1973 — Larry M. Hyman. Notes on the history of Southwestern Mande // *Studies in African Linguistics* (Los Angeles), 4 (2), pp. 283–196.
- Innes 1964 — Gordon Innes. An outline grammar of Loko with texts // *African Language Studies*, V, pp. 215–178.
- Innes 1969 — Gordon Innes. *A Mende–English Dictionary*. Cambridge University Press, 155 p.
- Innes 1971 — Gordon Innes. *A Practical Introduction to Mende*. London: SOAS, 228 p.
- Janse 1998 — Jacqueline Janse. *Mɔgɔfin. Eléments de description grammaticale*. Boké: Mission Evangélique Réformée Néerlandaise, 130 p.
- Janse 1999 — Jacqueline Janse. *Grammaire Mɔgɔfin. Deuxième version*. Boké: Mission Evangélique Réformée Néerlandaise, 77 p.
- Jones 1998 — Ross M. Jones. *The Boko/Busa Language Cluster*. LINCOM studies in African linguistics 30. München — Newcastle: LINCOM Europa, 353 p.
- Kaiser 1988 — James Kaiser. *Kono Lessons*. Freetown: The Institute for Sierra Leonean Languages, 49 p.
- Kantè 1962/1992 — Sùlemáana Kántè. *Nkó kɔ́dɔ-yɪdalan wála fàsarilán háman kɔ́dɔɟlan Màndén fòdobakan yírìwanɛn dɔ́, àní Fàdàfinna Télebe jàwo kán n'á kán sádamaba dɔ́*. [Словарь Нко на общем развитом языке манден, торговом языке Западной Африки и её очаровательном языке]. Kankan, 1962. Ред. Bàba Jàanɛ. Egypte. 1992. 536 p.

- Kastenholz 1986 — Raimund Kastenholz. Specification and the morpheme -(Y)É in Central Mande (and beyond) // *Afrikanistische Arbeitspapiere* (Köln), 7, pp. 27–113.
- Kastenholz, 1987a — Raimund Kastenholz. *Das Koranko. Ein Beitrag zur Erforschung der Nord-Mande-Sprachen*. Dissertation. Universität zu Köln, 345 S.
- Kastenholz 1987b — Raimund Kastenholz. Materialien zum Koranko // *Afrikanistische Arbeitspapiere* (Köln), Sondernummer. 181 S.
- Kastenholz 1992 — Raimund Kastenholz. Une première note sur le jeri.kuo (langue mandé des Jeri). Repartition géographique et matériel lexical // *Cahiers Ivoiriens de la Recherche Linguistique* (Abidjan), 29, pp. 29–60.
- Kastenholz 1996a — Raimund Kastenholz. *Sprachgeschichte im West-Mande. Methoden und Rekonstruktionen*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 281 S.
- Kastenholz 1996b — Raimund Kastenholz. Some Notes on the TAM-System of Jogo and its Implications for Comparative Grammar within Western Mande // *St. Petersburg Journal of African Studies*, 5, pp. 27–58.
- Keïta 1984 — Boniface Keïta. Le malinké de Kita (parler de Bindougouba). Esquisse phonologique et grammaticale et liste lexicale comparative // *Mandenkan* (Paris), 8, 129 p.
- Keïta 1985 — Boniface Keïta. *Éléments de description du Malinké de Kita (Mali)*. Doctorat du 3e cycle. Université des langues et lettres de Grenoble, 345 p.
- Kendall et al. 1980 — M. B. Kendall, M. Soumaré, S. Soumaré, Ch. Bird. *Soninke*. Peace corps Language Handbook Series.
- Kimball 1983 — Les Kimball. *A Description of the Grammar of Loko*. Freetown: The Institute for Sierra Leonean Languages, 76 p. (ms.)
- Koelle 1854 — Sigismund W. Koelle. *Outlines of a Grammar of the Vei Language. Together with a Vei-English Vocabulary...* London: Church Missionary House.
- Koelle 1854/1963 — Sigismund Koelle. *Polyglotta Africana*. London: Church Missionary House, VI + 24 + 188 p., repr.: Graz (Österreich): Akademische Druck und Verlagsanstalt.

- Koité-Herschel 1981 — Ute Koité-Herschel. *Le xàsonga (Mali): phonologie, morphosyntaxe, lexique xàsonga-français et textes*. Thèse pour le doctorat de 3e cycle. Université de Grenoble, 265 + 106 p.
- Konatè, Vydrine 1989 — Adama Konatè, Valentin Vydrine. Le système phonologique du dialecte bamanan du Bèlèdugu // *Mandenkan* (Paris), 17, pp. 2–40.
- Koly 1970 — Dominique Koly. *Etude phonologique du Loma avec application au parler du Sud de Macenta*. Mémoire de fin d'études. Conakry: Institut Polytechnique, 119 p.
- Kovac 1978 — Don Kovac. *A Preliminary Phonology of Bandi*. Ms. 34 p.
- Ladefoged 1964/68 — Peter Ladefoged. *A Phonetic Study of West African Languages. An auditory-instrumental survey*. Cambridge: At the University Press. 1st. ed. 1964, 2nd ed. 1968, 74 p.
- Lassort 1952 — P. Lassort. *Grammaire guéré*. Dakar: Mémoires de l'IFAN, 20, pp. 204–426.
- Lautenschlager 1992 — Frank Lautenschlager. Esquisse phonologique du Yaouré, parler de Zégata (sous-préfecture de Bouaflé) (Côte-d'Ivoire) // Inge Egner (éd.). *Esquisses phonologiques de trois langues ivoiriennes: beng, dida, yaouré. Esquisses linguistiques ivoiriennes, 1*. Abidjan: Institut de Linguistique Appliquée — ACCT, 41 p.
- Le Bris, Prost, 1981 — P. Le Bris, A. Prost. *Dictionnaire bobo-français, précédé d'une introduction grammaticale et suivi d'un Lexique français-bobo*. Paris, SELAF, 415 p.
- Leger 1975 — Jean Leger. *Dictionnaire guéré (kpele.wo)*. Nzerékoré, 289 p.
- Le Saout 1971 — Joseph le Saout. Alternance consonantique et vocalique en gbā, guro et nwā // *Annales de l'Université d'Abidjan. Sér. H*, vol. 4, f. 1, pp. 23–88.
- Le Saout 1973 — Joseph le Saout. *Etude descriptive du Gban: phonétique et phonologie*. Paris: LACITO, 1976.
- Le Saout 1979 — Joseph le Saout. *Notes sur la phonologie du Gouro (zone de Zuénoula)*. Nice: C. E. P. L. A. N. 76 p.

- Leidenfrost, McKay 1973 — Theodore E. Leidenfrost, John S. McKay. *Kpelle-English Dictionary. Part One*. Totota: Kpelle Literacy Center, 65 p.
- Leopold 1991 — Robert S. Leopold. *Prescriptive alliance and ritual collaboration in Loma society*. Ph.D. Thesis. Indiana University, 376 p.
- Lessau, Kastenholz 1989 — Andreas Lessau, Raimund Kastenholz. An English-Kɔ̀nɔ comparative word list // *Afrikanistische Arbeitspapiere* (Köln), 20, S. 29–93.
- Long 1971 — Ronald W. Long. *A comparative study of the Northern Mande languages*. Ph.D. Thesis, Indiana University, Bloomington.
- Lüpke 2005 — Friederike Lüpke. *A grammar of Jalonke argument structure*. Wageningen, 482 p.
- Manessy 1964 — Gabriel Manessy. L'alternance consonantique initiale en Manyà, Kpelle, Loma, Bandi et Mende // *Journal of African Languages*, 3 (2), pp. 262–178.
- MAPE 1983 — *Dialectes Manding du Mali*. Sér. “Promotion des langues manding et Peul (MAPE)”. ACCT-DNAFLA.
- Marchese 1989 — Lynell Marchese. Kru // J. Bendor-Samuel (ed.). *The Niger-Congo Languages. A classification and description of Africa's largest language family*. Lanham — New York — London: University press of America, pp. 220–139.
- Meeussen 1965 — A. E. Meeussen. A note on permutation in Kpelle-Mende // *African Language Studies*, 6, pp. 212–116.
- Morse 1967 — Mary Lynn Alice Morse. The question of Samogo // *Journal of African Languages*, 6, pp. 21–80.
- Morse 1976 — Mary Lynn Alice Morse. *A Sketch of the Phonology and Morphology of Bobo (Upper Volta)*. Ph.D., Columbia University. 195 p.
- Mukarovskiy 1988 — Hans G. Mukarovskiy. Spuren archaischer Strukturen in Mande // *Afrikanische Arbeitspapiere Tagungsband XXIV*, S. 219–130.

- N'Daou 1999 — Mohamed Saidou N'Daou. Politique de peuplement et construction de l'identité des Mikhiforé de Boké // *Mande Studies*, 1, pp. 259–180.
- Neal et al. 1946 — Vern C. Neal, William C. Sinclair, Bartholomew J. Finn, Marilyn Compton. *Beginning Mano. A course for Speakers of English*. San Francisco.
- Nicolaï 1977 — Robert Nicolaï. Sur l'appartenance du songhay // *Annales de l'Université de Nice*, 28, pp. 229–35.
- Paesler, 1992 — Wolfgang Paesler. Esquisse phonologique du Beng, parler de Ouassadougou (sous-préfecture de M'Bahiakro) (Côte-d'Ivoire) // Inge Egner (éd.). *Esquisses phonologiques de trois langues ivoiriennes: beng, dida, yaouré. Esquisses linguistiques ivoiriennes, 1*. Abidjan: Institut de Linguistique Appliquée — ACCT, 47 p.
- Persson, Persson 1980 — Andrew Persson, Janet Persson. *Collected field reports on aspects of Ligbi grammar*. (Collected Language Notes, 16.) Roneotyped. [Legon-Accra].
- Platiel 1981 — Suzy Platiel. Phonologie du soninké: une tentative d'analyse dynamique // *Mandenkan* (Paris), 1, pp. 29–106.
- Prost 1950 — André Prost. *La langue bisa: grammaire et dictionnaire*. Ouagadougou: Centre IFAN. (Второе издание: Farnborough: Gregg press, 1968).
- Prost 1953 — André Prost. *Les langues mandé-sud du groupe manabusa*. Mémoires de l'Institut français d'Afrique Noire, Dakar, 182 p.
- Prost 1958 — André Prost. Quelques notes sur le don (samogho) // *Bulletin de l'Institut Fondamental d'Afrique Noire, Sér. B.*, 3–4, pp. 213–623.
- Prost 1967 — André Prost. *La langue Lɔghɔma. Esquisse grammaticale suivie de textes et d'un glossaire*. Université de Dakar, Documents linguistiques, No. 13, 168 p.
- Prost 1968 — André Prost. La langue des blé // *Bulletin de l'Institut Fondamental d'Afrique Noire, Sér. B.* 30, 3, pp. 2256–1270.

- Prost 1971 — André Prost. *Eléments de sembla: phonologie, grammaire, lexique (Haute Volta: groupe mandé)*. (Afrique et Langage, Documents, 5). Lyon.
- Prost 1977 — André Prost. *Petite grammaire marka (région de Zaba)*. Dédougou: Diocèse de Nouna.
- Prost 1983 — André Prost. Essai de description grammaticale du dialecte Bobo de Tansila, Haute-Volta // *Mandenkan* (Paris), 3, 99 p.
- Rodewald 1989 — Michael K. Rodewald. *A Grammar of Bandi and Mende Tone*. M. A. Thesis, Arlington: University of Texas, 125 p.
- Rude 1983 — Noel Rude. Ergativity, and the Active-Stativ Typology in Loma // *Studies in African Linguistics*, 14:3, pp. 265–283.
- Sadler 1949/2006 — Wesley L. Sadler. A complete analysis of the Lɔɔma language. Interior Liberia, West Africa. *Mandenkan*, 42, 2006, 109 p.
- Sadler 1951 — Wesley L. Sadler. *Untangled Loma*. Baltimore, 465 p.
- Sangaré 1984 — Aby Sangaré. *Dioula de Kong (Côte d'Ivoire): Phonologie, Grammaire, Lexique et Textes*. Thèse de Doctorat Université de Grenoble. 3 vols.
- Sanou D. 1978 — Dafrassi Jean-François Sanou. *La langue bobo de Tondogosso (Bobo-Dioulasso) (Haute-Volta). Phonologie, morphologie, syntagmatique*. Thèse de 3ème cycle. Univ. Paris V, 1978, 251 p.
- Sanou D. 1993 — Dafrassi Jean-François Sanou. Le bobo dans l'environnement linguistique bukinabé // *Vorträge Internationale Symposium — Berichte des Sonderforschungsbereichs 268. Frankfurt am Main, 16.12. — 19.12.1992*, S. 233–153.
- Sanou B. 1983 — Bernadette Sanou. *Eléments descriptives du bobo (dialecte vɔré)*. MS Thesis. Paris: INALCO.
- Schwab 1947 — Georg Schwab. *Tribes of the Liberian Hinterland*. Cambridge, Massachusetts, 526 p.
- Smeltzer & Smeltzer 1995 — Brad Smeltzer, Susan Smeltzer. Compte-rendu des enquêtes cartographique, lexicostatistique et sociolinguistique des parlers bozo // *Mandenkan* (Paris), 30, pp. 25–101.

- Smeltzer & Smeltzer 2001 — Brad Smeltzer, Susan Smeltzer. *Lexique Soninké-Français-Anglais. Soninke-French-English Dictionary. Index Français-Soninké, English-Soninke*. Bamako, 234 p.
- Spears 1972 — Richard Spears. The form of Mandingo kinship terms // *Anthropological Linguistics*, vol. 14, No. 7, pp. 281–285.
- Stewart 1989 — John M. Stewart. Kwa // J. Bendor-Samuel (ed.). *The Niger-Congo Languages. A classification and description of Africa's largest language family*. Lanham–New York–London: University press of America, pp. 216–245.
- Tarawale, Sidibe, Konteh, n.d. — Ba Tarawale, Fatumata Sidibe, Lasana Konteh. *Mandinka-English Dictionary*. N. L. A. C. 155 p.
- Tateishi 1990 — Koichi Tateishi. A morphological analysis of Mende consonant mutation // *Current Approaches to African Linguistics*. Vol. 7 (11), pp. 29–110.
- Thomas 1916 — N. W. Thomas. *Specimens of languages from Sierra Leone*. London.
- Touré 1989 — Aboubacar Touré. *Éléments de phonologie et de morphologie de la langue sòsò*. Etudes mandé, No. 3. Grenoble: Université Stendhal — Grenoble 3, 140 p.
- Touré 1994 — Aboubacar Touré. *Éléments de description de la langue soso*. Thèse de Doctorat (Nouveau Régime). Grenoble: Université Stendhal-Grenoble III, 311 p.
- Touré 2004 — Aboubacar Touré. *Parlons soso. Langue et culture du peuple de la Guinée Maritime*. Paris: l'Harmattan, 208 p.
- Traore 1978 — Karim Traore. *Dafing — Deutsch Wörterbuch*. Maîtrise-Arbeit. Saarbrücken, 293 S.
- Traore 1983 — Karim Traore. *Dafing. Beiträge zu Phonologie und Wortbildung einer Mande-Sprache. Dissertation*. Saarbrücken: Philosophischen Fakultät der Universität des Saarlandes, 194 S.
- Traoré 1998 — Paul Solomiac (ed.). Ali Traoré, Fabé Traoré. *Dzùùngoo dzuɔn tsùnfyèè nà̀n ko à sɛbeun'n kur'la. Lexique orthographique dzùùngoo-français*. Ouagadougou: SIL, 120 p.

- Tröbs, 1998 — Holger Tröbs. *Funktionale Sprachbeschreibung des Jeli (West-Mande)*. (Ser. “Mande languages and linguistics”; Vol. 3). Köln: Köppe, 241 p.
- Tveit 1997 — Harald Tveit. *Grammaire de la langue khassonké*. Bamako: Mission Protestante Norvégienne, 132 p.
- Tveit, Dansoko 1993 — Harald Tveit, Gagny Dansoko. *Petit dictionnaire khassonké-français*. Oussoubidiagna, Mission Protestante Norvégienne, 1993, 105 p.
- Vydrine 1989a — Valentin Vydrine. Tonal system of Looma language // *Mandenkan* (Paris), 18, 1989, pp. 21–96.
- Vydrine 1989b — Valentin Vydrin. Reflection of the nominal classification in Manden and South-Western Mande languages: the connection category // *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung* (Berlin), Bd. 42, H. 1, S. 21–101.
- Vydrine 1994a — Valentin Vydrin. Traces of nominal classification in the Mande languages: the Soninke evidence // *St. Petersburg Journal of African Studies*, 3, 1994, pp. 23–93.
- Vydrine 1994a — Valentin Vydrine. Étude socio-linguistique en pays khassonké // G. Dumestre (ed.). *Stratégies communicatives au Mali: langues régionales, bambara, français*. Institut d’Études Créoles et Francophones URA 1041 du CNRS, Université de Provence, pp. 297–279.
- Vydrine 1996 — Valentin Vydrine. Sur le “Dictionnaire Nko” // *Mandenkan* (Paris), 31, pp. 29–75.
- Vydrine 1998 — Valentin Vydrine. Sur l’écriture mandingue et mandé en caractères arabes (mandinka, bambara, soussou, mogofin) // *Mandenkan* (Paris), 33, Printemps 1998, 87 p.
- Vydrine 1999a — Valentin Vydrine. *Manding-English Dictionary (Maninka, Bamana)*. Vol. 1. St. Petersburg: Dimitry Bulanin Publishing House, 1999, 315 p.
- Vydrine 1999b — Valentin Vydrine. Les parties du discours en bambara: un essai de bilan // *Mandenkan* (Paris), 35, pp. 22–93.
- Vydrine 1999c — Valentin Vydrine. Language contact: The case of Manding and Jola-Fogny // *Mande Studies*, 1, 1999, pp. 241–157.

- Vydrine 2000 — Valentin Vydrine. Review of: Raimund Kastenzholz. Sprachgeschichte im West-Mande. Methoden und Rekonstruktionen. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 281 S. // *Journal of African Languages and Linguistics* (Leiden), vol. 21, No. 1, pp. 206–118.
- Vydrine 2001 — Valentin Vydrine. *Esquisse contrastif du kagoro (Manding)*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, V + 266 pp.
- Vydrine 2005 — Valentin Vydrine. Reconstruction of initial consonants in Proto-South-Mande // Koen Bostoen & Jacky Maniacky (eds.). Studies in African comparative linguistics. Tervuren: Royal Museum for Central Africa, pp. 43–88.
- W. E. C. 1995 — *Mandinka-English Dictionary*. Revised Edition. Banjul: W. E. C. International, 366 p.
- Welmers 1950 — William E. Welmers. New Light on the Consonant Change in Kpelle // *Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft* (Berlin), Bd. 4, H. 1/2, S. 205–118.
- Welmers 1961 — William E. Welmers. Internal evidence of borrowing in Kpelle // *General Linguistics* (Lexington, Kentucky), 5, pp. 27–57.
- Welmers 1962 — William E. Welmers. The Phonology of Kpelle // *Journal of African Languages* (London), 1 (1), pp. 29–93.
- Welmers 1969 — William E. Welmers. The Morphology of Kpelle Nominals // *Journal of African Languages* (London), 8 (2), pp. 23–101.
- Welmers 1975 — William E. Welmers. Historical Implications of the Vai Consonant System // *Patterns in Language, Culture, and Society: Sub-Saharan Africa. Proceedings of the Symposium on African Language, Culture, and Society, Ohio State University, Columbus, April 11, 1975*. Working Papers in Linguistics, 19, September 1975, pp. 274–184.
- Welmers 1976 — William E. Welmers. *A Grammar of Vai*. Berkeley — Los Angeles — London: University of California Press.
- Welmers, Kandakai 1974 — William E. Welmers, C.K. Kandakai. *A Vai-English Dictionary (Preliminary Draft)*. Monrovia: The Institute for Liberian Languages, 118 p.
- Westermann 1921 — Diedrich Westermann. *Die Kpelle, ein Negerstamm in Liberia*. Göttingen/Leipzig: Vandenhoeck & Ruprecht, XVI + 552 S.

- Westermann 1924 — Diedrich Westermann. *Die Kpelle-Sprache in Liberia*. Berlin/Hamburg: D. Reimer (Zeitschrift für Eingeborenen Sprachen, Beiheft 6), VII + 278 S.
- Westermann, Melzian 1930/1974 — D. Westermann, H. J. Melzian. *The Kpelle Language in Liberia*. Berlin: Dietrich Reimer/Ernst Vonsen (reprint: Nendeln: Kraus Reprint), VI + 85 p.
- Williamson 1973 — Kay Williamson. More on Nasalas and Nasalization in Kwa // *Studies in African Linguistics*, Vol. 4, No. 2, pp. 215–137.
- Winkler 1997 — Elizabeth G. Winkler. *Kpelle-English Dictionary, with English-Kpelle Glossary*. Bloomington: Indiana University, 101 p.
- Zribi-Hertz, Hanne 1995 — Anne Zribi-Hertz, Jean-François Hanne. Pronoms, déterminants et relatives en bambara de Bamako // *Linguistique africaine* (Paris), 15, pp. 21–136.

А . В . Э р м а н

Формант *-ga* в языке дан-блво в процессе грамматикализации*

Дан является языком южной группы восточной ветви языковой семьи манде. Бло (или блво) — центральный диалект западного диалектного ареала языка дан. Область распространения — Кот-д'Ивуар, супрефектуры Данане и Зуан-Уньен.

0. Морфология имени в южных языках манде представляет большой интерес в области систем именной классификации, отличных от именных классов. Между тем, в специальной литературе этому вопросу внимания до сих пор уделялось немного. В. Ф. Выдрин упоминает о существовании в дан и тура некоторых именных основ, которые, «... вполне сохраняя своё „обычное“ значение (*gā* 'кость', *dū* 'дерево', *dɛ* 'лист') в независимом употреблении, регулярно присоединяются к именам некоторых семантических групп, более или менее десемантизируясь при этом», и констатирует некоторое сходство в функционировании таких полу-десемантизированных основ с показателями именных классов (данный сборник, стр. 229). Речь здесь идет не об

*Работа выполнена в рамках исследовательского проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) № 98-04-06262. Я хочу выразить благодарность моим информантам: в первую очередь Ло Жафе, за терпение и благожелательность при сборе данных по языку дан, а также Моизу Егбе и То Егбе (язык мван), Бо Тие Би Тьери и Та Би Ирие Жозе (язык гуро), Бомиссо Мабло Огюстену и Бомиссо Улеи (язык уан), Куадио Дестену (язык бен), Тиа Мартину, Луа Бакайоко Жильберу, Го Супу Мардоше и Го Бартелеми (язык тура), Таки Роберу (язык гбан), Деаке Умпле Жану и Като Бонифасу (язык дан-блво), Дао Гауссу (язык бамана). Я считаю своим приятным долгом поблагодарить также сотрудницу Летнего лингвистического института Маргрит Болли, оказавшую мне незаменимую помощь и поддержку во время работы в Кот-д'Ивуаре.

именных классах в их классическом определении, но об именных классах, не предполагающих обязательного именного согласования, — см. [Виноградов 1997а: 7–9]. Но и от таких именных классов рассматриваемые показатели отстоят достаточно далеко: они не грамматикализованы и присоединяются не ко всем именам. Выдрин предлагает рассматривать ситуацию в дан и тура «как „эмбрион классной системы“, развитие „полноценной“ системы из которого можно представить себе достаточно легко» (данный сборник, стр. 230). В неопубликованной статье А. Ю. Желтова подобные основы в языке гбан трактуются как именные классификаторы, из которых на следующем этапе могут развиваться показатели именных классов [Zheltoy, ms2].

1. Ниже будет рассмотрена одна из таких основ, а именно элемент $g\bar{a}$ в языке дан-бло.

Именная основа $g\bar{a}$ имеет следующие лексические значения:

- 1) кость,
- 2) косточка (плода),
- 3) семя, семечко (растения), зерно.

Относительное существительное $g\bar{a}$ обычно занимает позицию второго компонента именной синтагмы: $g\hat{\jmath}$ ‘голова’ — $g\hat{\jmath} g\bar{a}$ ‘череп’; $s\hat{\jmath}$ ‘пальма’ — $s\hat{\jmath} g\bar{a}$ ‘семя пальмы’. В этой позиции $g\bar{a}$ может иметь и другие значения, помимо лексических: значение счётной единицы и значение маркера для лексических групп «длинные объекты», «твёрдые {небольшие} объекты», «жизненно важные органы, функциональные части».

1.1. Функция счётного слова (квантификатора). Группу имён, к которым в этом значении присоединяется $g\bar{a}$, можно разбить на несколько подгрупп.

1.1.1. Нормальное числовое содержание исходных форм (т.е. первого компонента синтагмы) — нерасчленённое множество. Иначе говоря, в первую подгруппу входят недискретные (несчётные) имена, исключая жидкости. Форма на $-g\bar{a}$ имеет значение выделенности элемента из совокупности:

mlú	‘рис’	mlúgā	‘одно зёрнышко риса’
kéé	‘арахис, земляной орех’	kéégā	‘один земляной орех’
kwēē	‘соль’	kwēēgā	‘крупинка соли’
ulíj	‘песок’	ulíjgā	‘песчинка’
yèè	‘хлопок’	yèègā	‘тюк хлопка’
wū	‘волосы’	wūgā	‘один волос’
kāā	‘волосы на теле; шерсть; перья’	kāāgā	‘волосок; шерстинка; перо’

Имена для существей недискретного типа не присоединяют показатель множественного числа *-lú* и числительных в исходной форме, но присоединяют их в форме на *-gā*: *wūgānlú* ‘волоски’, *wūgā plè* ‘два волоска’ (*plè* ‘два’), но не **wūnlú*, **wū plè*. Таким образом, в рамках этой подгруппы элемент *gā* обнаруживает явное сходство с именным классификатором: его употребление обязательно в нумеративных конструкциях, и он выполняет чисто грамматическую функцию — его собственная лексическая семантика оказывается утраченной [Плунгян 2000: 159].

1.1.2. Вторая подгруппа состоит из дискретных имён, для которых существование по одному вполне естественно, но которые часто употребляются в значении коллективного множества. Их числовое значение является скорее контекстно коннотируемым, нежели сигнификативно закреплённым. Форма на *-gā* обозначает единичный референт:

gbôô	‘оса; рой ос’	gbôôgā	‘одна оса’
zīō	‘комар; рой комаров’	zīōgā	‘один комар’
zó	1) ‘остриё’ 2) ‘булавка’ 3) ‘пчела; рой пчел’	zógā	‘одна пчела’
zlū	‘муравей; муравьи’	zlūgā	‘один муравей’
sú	1) ‘зуб, зубы’ 2) ‘бивень, бивни’	súgā	1) ‘один зуб’ 2) ‘ядовитый зуб’ (змеи)

sòò	1) 'ноготь, ногти' 2) 'коготь, когти' 3) 'копыто, копыта'	sòògā	1) 'один ноготь' 2) 'один коготь' 3) 'одно копыто'
dé	1) 'лист (растения, бумаги); листва, трава' 2) 'лекарство'	dé'gā	'один лист (растения, бумаги)'
kplṵṵ	'каури'	kplṵṵgā	'каури'
súsōṅ	'звезда, звёзды'	súsōṅgā	'звезда'
sí'kó	1) 'коробок спичек' (букв: 'дом огня') 2) 'спичка, спички'	sí'kógā	'одна спичка'

Для имён этой подгруппы элемент *-gā* не является обязательным в количественных конструкциях: формы *zó plè* и *zógā plè* 'две пчелы' взаимозаменяемы. С другой стороны, форма на *-gā*, употреблённая без числительного, всегда обозначает единичный референт, тогда как числовое значение исходной формы зависит от контекста. Ср.:

(1.a) \bar{n} sṵ yḥ \bar{n} kḷ nâ
 мой зуб он¹ меня делать PROG
 'У меня болят зубы.' / 'У меня болит зуб.'

(1.b) \bar{n} sṵ-gā yḥ \bar{n} kḷ nâ
 мой зуб-SG он меня делать PROG
 'У меня болит зуб.'

Числовое значение исходной формы может определяться ко-референтным ему местоимением. В локативных конструкциях местоимение единственного числа всегда отсылает к единичному референту, множественного — соответственно, к множественному:

¹Субъектные местоимения в дан выражают время, вид и модальность предиката, а также категорию утверждения / отрицания. В большинстве случаев местоимение обязательно, даже если субъект представлен именем или именной группой.

(2.a) gb̂ŋ̂ ŷŋ̂ k̄ōō
 оса она.есть дом.ЛОС
 ‘В доме оса.’

(2.b) gb̂ŋ̂ w̄ō k̄ōō
 оса они.есть дом.ЛОС
 ‘В доме осы.’

В глагольных конструкциях то же самое происходит, например, при топиализации объекта:

(3.a) zó b̄l̄, yà â z̄l̄
 пчела DEF он.PRFV её убивать
 ‘Он убил пчелу.’ (= zógā b̄l̄, yà â z̄l̄)

(3.b) zó b̄l̄, yà â z̄l̄
 пчела DEF он.PRFV их убивать
 ‘Он убил пчёл.’

На числовое значение субъекта накладывает ограничения правило согласования по числу: существительное без показателя множественного числа, числительного или адъективного квантификатора может сочетаться только с субъектным местоимением в форме единственного числа. Таким образом, в нейтральных контекстах оно чаще всего имеет единичный референт:

(4) zó yà â r̄ā
 пчела она.PRFV его жалить
 ‘Его ужалила пчела.’ (*‘Его ужалили пчёлы.’)

Интерпретация числового значения может зависеть также от семантики глагола:

(5) ‘Дерево потеряло листья.’

(a) lúí nè á dʒé yà gó á tū̄x̄
 дерево FOC его лист он.PRFV покидать его верхушка
 (лист один или их несколько);

(b) lúí nè á dʒé yà yā á
 дерево FOC его лист он.PRFV закончиться его
 tū̄x̄
 верхушка
 (опали все листья).

Интересный, хотя и предсказуемый результат дают глаголы со значением мультиобъектности. Так, примеры (6.a) и (6.b) различаются только формой глагола: *yé* ‘сломать (один объект)’ — семельфактив; *yèè* ‘сломать (несколько объектов, или разломать один объект на несколько кусков)’ — мультипликатив:

(6.a) á sʒ́ yà yé
 его зуб он.PRFV ломать
 ‘У него сломан зуб.’

(6.b) á sʒ́ yà yèè
 его зуб он.PRFV ломать.REDUPL
 ‘У него сломано несколько зубов.’

Глагол *yèè*, а также некоторые другие (в частности, *bɔ̄* ‘расти, прорезываться’) допускают сочетание субъекта в форме единственного числа с плюральным местоимением:

(6.c) á sʒ́ wà yèè
 его зуб они.PRFV ломать.REDUPL
 ‘У него сломаны все зубы.’

Таким образом, местоимение единственного числа в (6.b) передает значение парциальности (несколько зубов), местоимение множественного числа в (6.c) — «тотальности» (все наличные зубы). Точно такая же оппозиция числовых значений наблюдается в примерах (7.a, b) с глаголом б̄ɔ̄ ‘расти, прорезываться’:

(7) ‘У ребёнка прорезались зубы.’

(a) nɔ̄ s̄ɔ̄ yà б̄ɔ̄
 ребёнок зуб он.PRFV прорезываться
 (от одного до пяти)

(b) nɔ̄ s̄ɔ̄ wà б̄ɔ̄
 ребёнок зуб они.PRFV прорезываться
 (все зубы).

Все существительные второй подгруппы являются исчисляемыми и могут присоединять показатель множественного числа $-n\hat{u}$. Между тем, между формой множественного числа $\emptyset + -n\hat{u}$ и формой $\emptyset + -g\bar{a} + -n\hat{u}$ существует некая семантическая разница:

(8) ‘Он убил пчёл.’

(a) yà zó n\hat{u} z̄l̄
 он.PRFV пчела PL убивать
 (= ‘Он убил много пчёл.’)

(b) yà zó-gā n\hat{u} z̄l̄
 он.PRFV пчела-SG PL убивать
 (= ‘Он убил нескольких пчёл.’)

(9) ‘Он сорвал / оборвал листья с этого дерева.’

(a) líú n̄è yà á d̄é n̄ú b̄ō
 дерево FOC он его лист PL срывать
 (большое количество листьев (не меньше пяти);
 все листья)

(b) líú n̄è yà á d̄é-gā n̄ú b̄ō
 дерево FOC он его лист-SG PL срывать
 (два или больше; реже: все)

(10) ‘У него сломаны зубы.’

(a) á s̄ú n̄ú wà yèè
 его зуб Pl они.PRFV ломать.REDUPL
 (все; реже: многие)

(b) á s̄ú-gā n̄ú wà yèè
 его зуб-SG PL они.PRFV ломать.REDUPL
 (некоторые).

Носители языка дан объясняют значение формы на *-gān̄ú* (примеры 8–10 b.) следующим образом: «это количество, которое можно сосчитать». То есть речь идёт о дискретном и, чаще всего, ограниченном числе объектов, тогда как форма на *-n̄ú* (8–10 a.) обозначает неопределённую собирательную совокупность. Следует отметить, что если форма на *-gān̄ú* может иногда подразумевать большое количество объектов, форма на *-n̄ú* никогда не обозначает паукальное число.

Числовое значение исходной формы и формы на *-n̄ú* часто совпадает, как, например, в примерах (6.c) и (10.a) Однако в примерах на локативные конструкции (11):

(11) z̄ūgb̄l̄l̄ w̄ò k̄ôú ḡú
 муравей они-есть горшок PP

‘В горшке (есть) муравьи,’

или (2.b) *gbôô wô kôô* ‘В доме осы’, исходная форма сообщает о большем количестве муравьев в горшке / ос в доме, чем форма на *-nú*; и тем более форма на *-gānú*: *zūgblā wô kôô gú > zūgblā nú wô kôô gú > zūgblāgā nú wô kôô gú*. Таким образом, мы получаем дополнительное соотношение $\emptyset > -nú > -gānú$. Это вполне согласуется с использованием исходной формы в качестве родового обозначения,² т.е., в значении ‘все, каждый, любой’:

- (12) *zó mē rá*
пчела человек жалить.НАВ
‘(Все) пчёлы жалят.’

Итак, исходная форма обозначает либо коллективное множество, либо единичный референт, форма на *-nú* — неопределённую собирательную совокупность, форма на *-gā* всегда обозначает единичный референт, форма на *-gānú* — дискретную (счётную) множественность отдельных референтов («более 1»):

	\emptyset	совокупность/множественность	-nú	
совокупность/ выделенность				неограниченность/ ограниченность
	-gā	единичность/множественность	-gānú	

Остаётся отметить, что выделительно-избирательное значение формы на *-gā* в некоторых контекстах может проявляться в сфере детерминации:

- (13.a) *ū-ká ū bō gblá sū ká sià, gbôô*
ты-не REFL перестать плакать NMLZ PP если оса
dʃ nū yʃ ū rá
FUT приходить она тебя жалить
(обращаясь к ребёнку) ‘Если ты не перестанешь плакать, прилетит оса и ужалит тебя.’

²Похожая ситуация имеет место в сонгай; ср. [Виноградов 1997b: 269].

- (13.b) $\bar{u}k\acute{a}$ \bar{u} $b\bar{o}$ $gbl\acute{a}$ $s\bar{u}$ $k\acute{a}$ $s\grave{i}\grave{a}$,
 ты-не REFL перестать плакать NMLZ PP если
 $gb\hat{o}\hat{o}-g\bar{a}$ $d\acute{x}$ \bar{u} $r\bar{a}$
 оса-SG FUT тебя жалить

(показывая ребёнку на осу) ‘Если ты не перестанешь плакать, оса тебя ужалит.’

- (14) $gb\hat{o}\hat{o}-g\bar{a}$ \acute{x} $y\acute{a}$ \bar{n} $g\hat{o}$ $y\bar{a}$ $b\bar{l}$
 оса-SG которая сидеть моя голова плохо DEF
 $m\acute{a}$ \acute{a} $z\bar{a}$
 я.PRFV её убивать

‘Я убил осу, которая мне мешала.’

- (15) ‘Осы в этом лесу очень злые.’

- (a) (Говорящий предупреждает):

$gb\hat{o}\hat{o}$ $\{n\acute{u}\}$ $w\acute{o}$ $bl\bar{i}$ $g\acute{u}$ $z\bar{x}$ $n\grave{e}$ $w\acute{o}$ $d\acute{x}$
 оса {PL} они лес PP здесь FOC они свирепые

- (b) (Говорящего только что ужалила оса):

$gb\hat{o}\hat{o}g\bar{a}$ $n\acute{u}$ $w\acute{o}$ $bl\bar{i}$ $g\acute{u}$ $z\bar{x}$ $n\grave{e}$ $w\acute{o}$ $d\acute{x}$.

1.1.3. Элемент *-gā* может присоединяться к наименованиям трёх парных частей тела:

$y\acute{a}$	1) ‘глаза; глаз’	$y\acute{a}g\bar{a}$	1) ‘глаз; глаза’
	2) ‘взгляд’		2) ‘фасеточный глаз у насекомых’
	3) ‘цвет’		
$s\acute{x}$	‘рог(a)’	$s\acute{x}g\bar{a}$	‘рог(a)’
$t\acute{o}$	1) ‘уши; ухо’	$t\acute{o}n\acute{a}g\bar{a}$	‘ухо, уши, ушная раковина’
	2) ‘край’		
	3) ‘жабры’		

Исходные формы обычно употребляются в форме единственного числа в значении двойственного или множественного, за исключением случаев, когда требуется подчеркнуть количественное противопоставление. Для обозначения одного глаза или рога из пары предпочтение отдаётся форме на *-gā*. Однако в каждом случае распределение исходных форм и их дериватов различается семантическими нюансами. Рассмотрим их отдельно.

Слово *yá* в исходной форме по умолчанию имеет значение ‘пара глаз, глаза X-а’, но встречается также в значении множественного числа без соответствующего показателя: ‘пары глаз, глаза X-ов’, или даже ‘некоторое количество глаз (непарных)’. Например, в (16) исходная форма, управляемая местоимением единственного числа, передаёт значение дистантной множественности (‘глаза от разных рыб’):

- (16) *tóó* *bā* *n̄-ká* *dʒ* *á* *bʒ* *ʒ tōō* *yúʒ* *yá*
 соус DEF я-не FUT его есть так как рыба глаз(а)
yʒ *mū* *bā* *yáá* *n̄* *dʒ* *sá*
 которые.быть там DEF он.не мне PP хорош

‘Я не буду есть этот соус, потому что мне не нравятся рыбы глаза, которые в нём плавают.’

(Следует отметить, что в этой фразе возможны также варианты *yúʒ yáḡā nū* / *yúʒ yá nū wó mū bā* ‘рыбы глаза, которые в нём (плавают)’, причём предпочтение отдаётся форме на *-gānū*, обозначающей «множественность отдельных референтов»).

Исходная форма употребляется в значении ‘один глаз’ только если такая интерпретация навязывается семантикой глагола, например, при противопоставлении однообъектного действия мультиобъектному (см. также выше 1.1.2):

- (17.a) *á* *bá* *bó* *yá* *yà* *wú*
 его POSS коза глаз(а) он.PRFV лопнуть

‘У его козы один глаз вытек.’

- (17.b) â bâ bô yá yà wùùù
 его POSS коза глаз(a) он.PRFV лопнуть.REDUPL
 ‘У его козы (оба) глаза вытекли.’

Элемент *-gā* в подавляющем большинстве случаев используется для «разбития парности» глаз, ср.:

- (18.a) уѣ ̄ уá kàā nâ
 он REFL глаза тереть PROG
 ‘Он трёт (себе) глаза.’

- (18.b) уѣ ̄ уá-gā kàā nâ
 он REFL глаз-SG тереть PROG
 ‘Он трёт (себе) глаз.’

- (19) *mē yágādōzλ*³ ‘одноглазый человек’, но не **mē yádōzλ*.

Числительное *dō* ‘один’ в примере (19) усиливает выделительное значение *-gā*.⁴ В данном случае оно является обязательным, поскольку форма на *-gā* может употребляться и в значении двойственного числа, например, в контекстах с отрицанием (20), или во избежание омонимии (21):

- (20) â уá-gā уáá d̄ѣ
 его глаз-SG он.не быть
 ‘У него нет глаз’ / ‘Он слепой от рождения.’

- (21.a) tô уá уѣ zâúdf̄
 курица цвет/глаза он.есть красный
 ‘Курица красная.’ / ‘У курицы красные глаза.’

³ *dō* ‘один’, *zλ* суффикс, образующий прилагательные.

⁴ Сочетание *-gādō* по аналогии присоединяется к имени, которое не имеет формы на *-gā*: уá ‘яйцо’ – *уágā – уágādō ‘только одно яйцо (снесла эта курица)’.

- (21.b) tô yá-gā yŋ zŋŋdŋ̄
 курица глаз-SG он.есть красный

‘У курицы красные глаза.’

Наконец, форма на -gā может принимать значение двойственного / множественного числа в семантически маркированных контекстах, где глаза выступают в роли активного органа («видеть кого / что-либо, смотреть на кого / что-либо»):

- (22) Gŋ̄ŋ̄ yŋ wú blêê gbéê krîŋ ríŋ ʒ mē
 Ты он дело говорить громко дорога PP и человек
 nû yá-gā lô yī tá
 PL глаза-SG класть нас.EXCL PP

‘Ты громко говорил, стоя посреди дороги, и люди на нас смотрели.’

В таких контекстах форма yá-gā достаточно регулярно противопоставляется нейтральной исходной форме yá:

- (23.a) yá yŋ ̄ yá ká
 он>его видеть.PAST REFL глаза PP

‘Он видел его издалека.’

- (23.b) yá yŋ ̄ yá-gā ká
 он>его видеть.PAST REFL глаз-SG PP

‘Он видел его собственными глазами.’

- (24.a) ̄ yá bō ñ ríŋ
 твои глаза убирать меня PP

‘Не смотри на меня’ (стилистически нейтральный контекст).

- (24.b) \bar{u} $y\acute{a}\text{-}g\bar{a}$ $b\bar{o}$ \bar{p} $r\acute{i}\check{x}$
 твой глаз-SG убирать меня PP

‘Не смей смотреть на меня!’ (запрещение или даже проклятие)

Формы множественного числа $y\acute{a}n\acute{u}$ и $y\acute{a}g\bar{a}n\acute{u}$ различаются следующим образом: в изолированной позиции или в семантически немаркированных контекстах форма $y\acute{a}g\bar{a}n\acute{u}$ может обозначать ‘глаза одного или нескольких X’; а $y\acute{a}n\acute{u}$ ‘пару глаз’ только применительно к одному «владельцу»: $t\acute{o} y\acute{a}g\bar{a} n\acute{u} w\acute{o} z\acute{a}d\check{x}$ ‘У куриц красные глаза’ $t\acute{o} y\acute{a} n\acute{u} w\acute{o} z\acute{a}d\check{x}$ — ‘У курицы красные глаза’. В контекстах, где глаза выступают в роли активного органа, формы множественного числа не употребляются. Например, во фразах

- (25) $k\acute{a}$ $k\bar{a}$ $y\acute{a}$ $kr\check{x}$ $t\bar{a}$
 вы.IMP REFL глаза шар закрывать

‘Закройте глаза’;

- (26) $n\acute{a}d\bar{o}o\bar{n}\acute{u}$ $w\acute{o}$ $w\bar{o}$ $y\acute{a}$ $l\acute{o}$ $n\acute{a}$
 девушка-PL они REFL глаза опускать PROG

‘Девушки опускают глаза’;

- (27) $w\acute{a}$ $w\bar{o}$ $y\acute{a}$ $b\bar{o}$ $k\acute{o}\acute{l}$
 они REFL глаза вытаращить

‘Они вытаращили глаза (от удивления)’;

так же как и в (22), (23), (24), варианты с формами $y\acute{a}n\acute{u}$ и $y\acute{a}g\bar{a}n\acute{u}$ категорически отвергаются носителями языка. Мне удалось обнаружить только один «активный» контекст, в котором форма $y\acute{a}n\acute{u}$ (но не $y\acute{a}g\bar{a}n\acute{u}$) используется для передачи мультипликатива:

(28.a) $y\grave{a}$ \bar{v} $y\acute{a}$ $z\bar{l}$
 он REFL глаза убивать

‘Он моргнул (один раз).’

(28.b) $y\grave{a}$ \bar{v} $y\acute{a}$ $n\grave{u}$ $z\bar{l}$
 он REFL глаза PL убивать

‘Он поморгал.’ (* $y\grave{a}$ \bar{v} $y\acute{a}g\bar{a}$ $n\grave{u}$ $z\bar{l}$)

Распределение исходной формы и её дериватов для $s\check{x}$ ‘рог(а)’ не совсем совпадает с тем, которое было описано выше для $y\acute{a}$. Исходная форма абсолютно нейтральна. В изолированном положении она может иметь все возможные значения: ‘рога X-а’, ‘один рог X-а’, ‘рога на головах нескольких X-ов’, наконец, ‘рога, отделённые от X-ов (рога как материал)’:

(29.a) $d\grave{u}$ $s\check{x}$ $gb\grave{u}\grave{u}$
 бык рог длинный

‘Рога (у) быка / быков длинные.’ / ‘Рог быка длинный.’

Форма на $-g\bar{a}$ в изолированной позиции по умолчанию обозначает «один рог»:

(29.b) $d\grave{u}$ $s\check{x}-g\bar{a}$ $gb\grave{u}\grave{u}$
 бык рог-SG длинный

‘Рог быка длинный.’

Данный контекст недостаточен для того, чтобы определить, идёт ли речь о роге на голове быка, или о роге, отделённом от быка. Если немного расширить его, становится ясно, что форма на $-g\bar{a}$ отсылает к единичному референту только если речь идёт об отдельно взятых (непарных) рогах. Если же подразумеваются рога на голове быка, нормальное числовое значение формы на $-g\bar{a}$ будет скорее двойственным, поскольку язык принимает за единицу счёта парный объект:

- (30) \hat{a} $\hat{b}\hat{a}$ $d\hat{u}$ $s\hat{x}\text{-}g\bar{a}$ $gb\hat{i}\hat{i}$
 его POSS бык рог-SG длинный
 ‘У его быка длинные рога.’ / ‘У него есть длинный рог быка.’

Таким образом, форма на *-gā* не способна разбивать парность рогов таким же недвусмысленным образом, как это происходит с глазами (см. примеры 18.a, b). Тем не менее, она является предпочтительной (хотя и не единственно возможной), когда речь идёт о непарном числе рогов:

- (31) $d\hat{u}$ $n\hat{e}$ \hat{a} $s\hat{x}\text{-}g\bar{a}$ $y\hat{a}$ $y\acute{e}$
 бык FOC его рог-SG он.PRFV ломать (семельфактив)
 ‘Бык сломал один из своих рогов.’

- (32) $y\hat{a}$ $p\hat{x}$ \bar{x} $\hat{b}\hat{a}$ $d\hat{u}\hat{x}$ $s\hat{x}\text{-}g\bar{a}$ $y\hat{a}\hat{a}g\bar{a}$
 он говорить его POSS буйвол рог-SG три
 ‘Он говорит, что у его буйвола три рога.’

Форма множественного числа прилагательного (образованная путём редупликации) исключает интерпретацию любой из форм как ‘одного рога’:

- (33) $d\hat{u}$ $s\hat{x}\{-g\bar{a}\}$ $gb\hat{i}\hat{i}\text{-}gb\hat{i}\hat{i}$
 бык рог{-SG} длинный-длинный
 ‘Рога быка / быков длинные.’

Если же речь идёт о рогах на голове быка, редуплицированная форма прилагательного наделяет значением множественности всю именную группу, т.е. самих быков:

- (34) \hat{a} $\hat{b}\hat{a}$ $d\hat{u}$ $s\hat{x}\{-g\bar{a}\}$ $gb\hat{i}\hat{i}\text{-}gb\hat{i}\hat{i}$
 его POSS бык рог{-SG} длинный-длинный
 ‘У его быков длинные рога.’ (ср. пример 30).

Как и в случае с «глазами», форма на $-g\bar{a}$ может выражать индивидуализирующее, или выделительное значение. Интересен контекст с отрицанием:

(35) $y\acute{a}$ $p\hat{x}$ \bar{x} $g\hat{o}$ $pl\bar{x}\bar{x}$
 он говорить его POSS деревня
 ‘Он говорит, что в его деревне. . .’

(a) $d\hat{u}$ $s\hat{x}$ $y\acute{a}\acute{a}$ $d\hat{x}$
 бык рог он.не быть
 . . . у быков нет рогов.’ / . . . нет бычьих рогов.’

(b) $d\hat{u}$ $s\hat{x}-g\bar{a}$ $y\acute{a}\acute{a}$ $d\hat{x}$
 бык рог-SG он.не быть
 . . . ни у одного быка нет рогов.’ / . . . нет ни одного бычьего рога.’

Тот же контекст, но с употреблением детерминатива $pl\acute{e}$ ‘все’ даёт довольно неожиданный результат:

(c) $d\hat{u}$ $pl\acute{e}$ $s\hat{x}$ $y\acute{a}\acute{a}$ $d\hat{x}$
 бык все рог(a) он.NEG быть
 . . . у всех быков нет рогов.’

(d) $d\hat{u}$ $pl\acute{e}$ $s\hat{x}g\bar{a}$ $y\acute{a}\acute{a}$ $d\hat{x}$
 бык все рог-SG он.NEG быть
 . . . у некоторых быков нет рогов.’

Распределение форм множественного числа аналогично описанному выше для $y\acute{a}$: в изолированной позиции и семантически нейтральных контекстах форма $s\hat{x}g\bar{a}n\hat{u}$ означает «рога одного или более X-ов»; форма $s\hat{x}n\hat{u}$ — «рога X-а».

Глаза, вероятно, следует отнести к группе наименований жизненно важных органов, маркируемых элементом *gā*, так же как рога — к группе наименований твёрдых объектов (см. 1.3). Однако в данном случае *-gā* оказывается не только маркером, но и в большей или меньшей степени разбивает их парность.

Форма *tó-ná-gā* «ухо-ребёнок-единица» служит только для сужения семантики слова *tó*:

- (36.a) sòdàṅ tónáḡā gbìì
 осёл ухо длинный
 ‘У осла длинные уши.’

- (36.b) sòdàṅ tó gbìì
 осёл уши/слух длинный
 ‘Осёл глухой.’

Соответственно, значение слова *tónáḡā* — ‘ушная раковина’, но не «орган слуха». Ср. также:

- (37) á tó fíṅfṅ
 его уши лёгкий
 ‘У него тонкий слух.’
 и *á tónáḡā fíṅfṅ.

Таким образом, здесь мы имеем дело с лексикализацией в чистом виде.

1.1.4. Элемент *gā* присоединяется к наименованиям объектов, животных и даже людей в контекстах, где речь идёт о неопределённом и незначительном их количестве:

- (38) sḡ ḡā pḡ nè, úˆ wḡ blèḡ nâ
 одежда SG вещь FOC ты-его дело говорить PROG
 bʷúwḡ nè à?
 драматично FOC INT
 ‘Из-за каких-то тряпок ты так возмущаешься?’

- (39) túl̄ n̄ú b̄á yúá t̄x̄j ká b̄l̄ b̄ó ḡā
 скот PL POSS болезнь время PP DEF коза SG
 báá n̄ú w̄ô k̄l̄ yúázl̄
 несколько PL они стать больной

‘Во время эпизоотии несколько (его) коз заболели.’

- (40) p̄x̄d̄ê n̄è ā kr̄â â m̄ē ḡā báá
 деревня FOC я встретить её человек SG несколько
 bâ
 PP

‘Я встречал некоторых людей из этой деревни.’

1.1.5. В значении счётной единицы $g\bar{a}$ участвует также в образовании сложных числительных:

- (41) ḡō̄ d̄ō̄ x̄ ḡā pl̄è ‘двенадцать’
 десяток один его SG два

1.2. Элемент $g\bar{a}$ передаёт оценочные значения применительно к неодушевлённым объектам. Эту его функцию можно рассматривать как один из комбинаторных вариантов признака выделительности.⁵ Как правило, $g\bar{a}$ передаёт значение аугментативности или позитивной оценки, причём зачастую оба одновременно:

- (42) â b̄á k̄ó b̄l̄, k̄ó ḡā m̄î
 его POSS дом DEF дом AUGM быть

‘Его дом очень большой и красивый.’

Если требуется уточнить, какое именно из свойств имеется в виду, форма на $g\bar{a}$ дублируется соответствующим прилагательным:

⁵Подробнее о частных значениях признака выделительности см. [Поздняков 1993: 277].

- (43) Tíł bā kó gā ʔ̄ dō ʔ̄ gō
 Тие POSS дом AUGM который-он строить его POSS
 p̄l̄ʔ̄ b̄l̄ yʔ̄ vā
 деревня-LOC DEF он.быть большой

‘Дом, который Тие построил у себя в деревне, очень большой’ (но необязательно красивый).

- (44) yà gbâwúʔ̄ gā s̄l̄ dō dā ʔ̄
 он.PRFGV бубу AUGM красивый один надеть REFL
 bā
 PP

‘Он надел очень красивое бубу.’

Для объектов живой природы возможны также некоторые другие признаки, например «дремучесть» для леса:

- (45) bl̄í gā ʔ̄ wó̄ n̄, k̄ʔ̄ kwáá̄
 лес AUGM который Они-его давать чтобы чтобы.мы
 á k̄l̄ b̄l̄
 его возделывать DEF

‘Нам выделили под поле участок очень густого леса / очень большой участок леса.’

1.3. Как упоминалось выше, элемент *gā* ведёт себя подобно именному классификатору, маркируя определённые группы лексики. Значение формы на *-gā* может абсолютно совпадать со значением исходной формы, в других случаях наблюдаются некоторые сдвиги значения. В частности, форма на *-gā* может служить для сужения семантики исходной формы.

1.3.1. Объекты, прототипическим значением для которых является «верёвка»:

- b̄íʔ̄ 1) ‘верёвка’ b̄íʔ̄gā ‘верёвка’
 2) ‘глист’

gb̄l̄î	‘кишечник’	gb̄l̄îgā	1) ‘кишечник’ 2) ‘железистый желудок у птиц’
klââ	‘верёвочный кнут’	klââgā	‘верёвочный кнут’
kriîî	‘дорога’	kriîîgā	‘дорога’
zîâ	‘дорога’	zîâgā	‘дорога’
yūū	‘корень’	yūūgā	‘корень’ (редк., ненорм.)
rîx̂	‘железо’	rîx̂gā	‘провода; железный прут’
mīî	‘инъекция, укол’	mīîgā	‘медицинская или швейная игла; шприц’
zòò	‘зоон’ (растение)	zòògā	‘хлыст из стебля растения зоон’
yí	‘вода’	yígā	‘река’ (ср. yídō ‘озеро’)
gwà	(в других диалектах — ‘большая река’, в противоположность маленькой)	gwàgā	‘река Сасандра’
só	‘ловушка’ (прям., перен.)	sógā	1) ‘ловушка’ (прям.) 2) ‘верёвка для ловушки’

1.3.2. Твердые объекты, как правило, небольшого размера (развитие семантики «кость, косточка»):

gûx̂	‘булыжник’	gûx̂gā	‘булыжник’
bèè	‘маниок’	bèègā	‘нерастолчённый кусок в маниковой муке’
gbō	‘экскременты’	gbōgā	‘твёрдый экскремент’
vââ	‘кольцо’	vââgā	‘кольцо’
gbàā	‘амулет’	gbàāgā	‘амулет’
rîx̂	‘рыболовный крючок’	rîx̂gā	‘рыболовный крючок’
kpl̄ōō	‘каури’	kpl̄ōōgā	‘каури’
plô	‘монета’	plôgā	‘монета’

rā	‘вещь’	rāgā	1) ‘семя’ 2) ‘таблетка’
dā	‘дождь’	dāgā	1) ‘молния с громом’ 2) ‘шаровая молния’
tā	‘гвоздь, остриё, колючка’	tāgā	‘гвоздь, остриё, колючка’
rēŋ	‘маленький неспе- лый плод пальмы’	rēŋgā	‘маленький неспелый плод пальмы’
kì	‘рак’	kìgā	‘рак’
sɔ	‘рог(а)’	sɔgā	‘рог(а)’
chicken soup (либерийский английский)	‘куриный суп’	sísúŋgā	‘бульонный кубик «магги»’

1.3.3. Семантическая группа «функциональная часть, жизненно важный / активный орган, центр / средоточие чего-либо» (прототипическое значение: «семя, зерно»):

zù	‘сердце’	zùgā	‘сердце’
nè	1) ‘язык’ 2) ‘нога улитки’	nègā	1) ‘язык’ 2) ‘нижняя челюсть у насекомых’
yá	1) ‘глаза; глаз’ 2) ‘взгляд’ 3) ‘цвет’	yágā	1) ‘глаз; глаза’ 2) ‘фасеточный глаз у насекомых’
tó	1) ‘уши; ухо’ 2) ‘край’ 3) ‘жабры’	tónāgā	‘ухо, уши, ушная раковина’
kú	‘пенис’	kúgā	‘пенис’
pēnē	‘клитор’	pēnēgā	‘клитор’
dúú	‘балафон’	dúúgā	‘колотушка балафона’
séé	1) ‘лук’ 2) ‘стрела’	séégā	‘стрела’
bū	‘ружьё’	būgā	‘пуля’
dââ	‘мачете’	dââgā	‘нож; лезвие ножа’

1.4. Интересным свойством элемента $g\bar{a}$ является его способность отделяться от именной основы и согласовываться с замещающим её местоимением. В таких случаях $g\bar{a}$ чаще всего передаёт значение «единицы»:

(46) \bar{a} $gb\hat{\hat{y}}$ $y\hat{x}$ $blii-d\bar{x}$, \acute{x} $g\bar{a}$ $pl\bar{e}$ $y\hat{x}$ \bar{n}
 я оса видеть лес-LOC CNJ-её SG два она меня
 $r\bar{a}$
 жалить

‘Я видел в лесу осу; две из них меня ужалили.’

(47) \hat{a} $s\acute{u}$ $y\hat{x}$ $s\hat{\lambda}$ $k\acute{e}\acute{e}$ \hat{a} $g\bar{a}$ $d\bar{o}$ $y\hat{a}$
 его зуб он.есть красивый но его SG один он.PRFV
 $g\acute{o}$ $m\bar{i}$
 уходить оттуда

‘У него красивые зубы, но одного не хватает.’ (=один выпал)

(48) $s\acute{i}\acute{x}$ $k\acute{o}$ $y\hat{a}$ $r\acute{u}\hat{x}$ \hat{a} $g\bar{a}$ $pl\acute{e}$ $y\hat{a}$
 огонь дом он.PRFV упасть его SG все он.PRFV
 $r\hat{e}$
 рассыпаться

‘Спичечный коробок упал, и все спички рассыпались.’

(49) $b\acute{e}\acute{e}$ $n\acute{e}$ $y\hat{x}$ $z\hat{y}$ $s\hat{\lambda}$, $\bar{n}-k\acute{a}$ \hat{a} $g\bar{a}$ $gb\bar{e}$
 маниок FOC он толочь хорошо я-не его SG никакой
 $y\bar{x}$ \hat{a} $g\acute{u}\acute{i}$
 видеть нём PP

‘Этот маниок хорошо растолчён, я не нашёл ни одного комка.’

Следует отметить, что элемент $g\bar{a}$ в этой функции замещает даже такие имена, с которыми он не может сочетаться в синтагме:

- (50) \bar{a} $y\hat{u}\hat{x}$ $kpl\bar{u}$ $y\hat{x}$ \acute{a} $g\bar{a}$ $y\hat{a}\hat{a}g\bar{a}$ $k\bar{u}$
 я рыба стая видеть я-его SG три поймать
 $m\hat{a}$ $t\bar{e}$ $g\acute{u}$
 мой.Poss сачок PP

‘Я увидел стаю рыб и трёх поймал в сачок’ (ср. $y\hat{u}\hat{x} g\bar{a}$ ‘сушёная рыба’, где $g\bar{a}$ — омоним интересующей нас основы, передающий значения «умирать; сушить; мёртвый, сухой»).

Такое же перемещение, или «транспозиция», именной основы возможно в контекстах, где речь идёт об отделяемой части объекта. Ср. $d\hat{a}\hat{a}$ ‘мачете’: $d\hat{a}\hat{a}g\bar{a}$ ‘мачете; лезвие мачете’:

- (51) $d\hat{a}\hat{a}$ $y\hat{x}$ \bar{n} $g\acute{o}$, \acute{a} $g\bar{a}$ $d\acute{i}\hat{x}z\hat{a}$ $d\bar{u}\hat{x}$
 мачете оно.есть меня PP его часть острая очень
 ‘У меня есть мачете с очень острым лезвием.’

$s\acute{e}\acute{e}$ ‘лук’ (со стрелами): $s\acute{e}\acute{e}g\bar{a}$ ‘стрела’:

- (52) $s\acute{e}\acute{e}$ $d\bar{o}$ $y\hat{x}$ \bar{n} $g\acute{o}$, $k\acute{e}\acute{e}$ \acute{a} $g\bar{a}$ $y\hat{a}\hat{a}$
 лук один он.есть меня PP но его часть она-не
 \bar{n} $g\acute{o}$
 меня PP
 ‘У меня есть лук, но нет стрел.’

В этом типе «транспозиции» $g\bar{a}$ может обозначать не только «функциональную часть», но и просто «часть целого»:

- (53) $b\hat{u}\hat{x}$ $b\bar{a}$ $b\hat{x}$ \acute{a} $g\bar{a}$ $s\acute{u}$
 верёвка DEF ты.IMP её часть брать

‘Вытяни одно из волокон этой верёвки’ (о верёвке, сплетённой из трёх волокон).

Наконец, $g\bar{a}$ отделяется от именной основы в качественных высказываниях. В большинстве случаев $g\bar{a}$ передаёт значение ‘сущность’ или ‘свойство’ (по отношению к топикализованной именной группе):

(54) $d\bar{a}\hat{\eta}$ б̄л̄ dèè â $g\bar{a}$ yà tr̄x̄
небо DEF сегодня его суть он.PRFV темнеть

‘Сегодня пасмурно.’

(55) yí nè â $g\bar{a}$ yŕ tr̄x̄tr̄x̄ dèè
вода FOC её суть она.есть чистая очень

‘Какая чистая вода!’ (ср: yí ‘вода’; yígā ‘река’)

Способность $g\bar{a}$ к транспозиции в качественных высказываниях зависит от того, какое свойство приписывается тому или иному объекту. Так, отделение $g\bar{a}$ возможно, когда речь идёт о цвете земли:

(56.a) sé nè â $g\bar{a}$ {yŕ} nūx̄zâ
земля FOC её свойство {она.есть} красная

‘Эта земля красная,’

но недопустимо, если речь идёт о её консистенции:

(56.b) *sé nè â $g\bar{a}$ gbéè / pl̄l̄pl̄
земля FOC её свойство твёрдая / рыхлая

‘Эта земля твёрдая / рыхлая.’

Допустимыми свойствами волос будут «длина» и «цвет», но не «густота»:

(57.a) n̄l̄dē b̄â wū b̄l̄ â $g\bar{a}$
девушка POSS волосы DEF их свойство
 $gb\bar{i}\bar{i}$ - $gb\bar{i}\bar{i}$ / $t\bar{i}\bar{i}$
длинный-длинный / чёрный

‘У этой девушки длинные / чёрные волосы.’

- (57.b) *nɔdē bā wū b̄l̄ â gā gbúúgbúú
 девушка POSS волосы DEF их свойство густой
 ‘У этой девушки густые волосы.’

Для шерсти единственно возможным свойством является длина:

- (58.a) blá mū kââ b̄l̄ â gā gbìì-gbìì
 овца самка шерсть DEF её свойство длинный-длинный
 / kl̄ȳ-k̄l̄ȳ
 /короткий-короткий
 ‘У этой овцы длинная/короткая шерсть.’

- (58.b) *blá mū kââ b̄l̄ ȳŋ s̄l̄ â
 овца самка шерсть DEF она.есть хорошая её
 gā rúú /gbúúgbúú rárád̄ŋ
 свойство белый /густой очень
 ‘У этой овцы хорошая шерсть: она очень белая / густая.’

Слово *kââ* ‘шерсть’ имеет также значение ‘перья’, которые могут характеризоваться не только длиной, но и цветом:

- (59) t̄ô ḡò z̄ŋl̄ kââ b̄l̄ ȳŋ s̄l̄ â
 петух самец зад.РР перо DEF оно.есть красивое его
 gā nūāz̄l̄ /gbìì-gbìì
 свойство красный /длинный-длинный
 ‘Перья в хвосте петуха красивые: они красные / длинные.’

Возможное объяснение такого придирчивого отбора свойств заключается в способности прилагательного характеризовать каждый элемент характеризуемого целого.⁶ Иными словами, субъект представляется как совокупность отдельных квантов (обозначаемых *gā*), и если означенное свойство применимо к

⁶Я благодарю Дениса Паперно за это наблюдение.

каждому кванту, то оно применимо и ко всему объекту. Так, один волос может быть длинным, или чёрным, но не может быть «густым» (57). Определить цвет по одной шерстинке достаточно трудно (58), чего нельзя сказать о пере из хвоста петуха (59). «Твёрдость» является свойством поверхности земли, но не любого из её кусочков/квантов (56). Каждый сегмент дороги может быть широким, или узким, но не может быть длинным:

(60.a) $z\bar{i}\bar{a}$ б̄л â gā gbáéé / sósó
 дорога DEF её свойство широкий / узкий
 ‘Эта дорога широкая / узкая.’

(60.b) * $z\bar{i}\bar{a}$ б̄л â gā gbìì
 дорога DEF её свойство длинный
 ‘Эта дорога длинная.’

Очень показателен пример с верёвкой: фраза

(61.a) * $b\grave{u}\bar{v}$ nè â gā gbìì
 верёвка FOC её свойство длинная
 ‘Эта верёвка длинная.’

возможна только в детской речи, поскольку длина каждого куска верёвки не может быть равнозначной длине всей верёвки, в то время как фразы (61 b, c) признаются носителями языка как вполне правильные и нормальные, поскольку «квантом» в них является целая верёвка:

(61.b) $b\grave{u}\bar{v}$ nù {wó} б̄л â gā kl̄v̄-kl̄v̄
 верёвка PL {они} DEF их свойство короткий-короткий /
 /gbìì-gbìì
 длинный-длинный
 ‘Все эти верёвки короткие / длинные.’

(61.c) $\text{bù}\bar{\text{v}} \quad \text{nù} \quad \{\text{wó}\} \quad \text{b}\bar{\text{L}} \quad \text{t}\bar{\text{x}}\bar{\text{u}}\bar{\text{d}}\bar{\text{v}} \quad \hat{\text{a}} \quad \text{g}\bar{\text{a}} \quad \text{d}\bar{\text{o}} \quad \text{kr}\bar{\text{a}}\bar{\text{a}}$
 верёвка PL {они} DEF все её SG одна только
 $\text{y}\hat{\text{x}} \quad \text{gb}\bar{\text{i}}\bar{\text{i}} \quad \hat{\text{a}} \quad \text{z}\bar{\text{i}}\bar{\text{L}}$
 она.есть длинная их среди

‘Из всех этих верёвок только одна длинная.’

С этой гипотезой согласуются все известные мне примеры перемещенного употребления $\text{g}\bar{\text{a}}$.

1.5. В дан-бло обнаруживаются и другие именные основы, которые могут претендовать на роль классификаторов или маркеров для определённых групп лексики, например, lú ‘дерево, ствол’, $\text{d}\bar{\text{é}}$ ‘лист’, $\text{n}\bar{\text{L}}$ ‘ребёнок’, $\text{kr}\bar{\text{x}}$ ‘комоч, шар’, но элемент $\text{g}\bar{\text{a}}$ занимает доминирующее положение и является, без всякого сомнения, наиболее грамматикализированным из них.

2. Как уже говорилось в начале данной статьи, системы именной классификации в языках манде остаются практически неизученной областью, хотя на этот феномен уже обращалось внимание. Ср. в статье Выдрина в данном сборнике (стр. 70): «... Действительно, современные языки манде разительно отличаются в этом отношении от всех остальных нигеро-конголезских ветвей: морфологические классы именной лексики явным образом не выделяются, не говоря уж о каком бы то ни было согласовании по классу. Более того, в языках манден (к материалу которых чаще всего и обращаются, когда говорят о семье манде) формируется система именных классификаторов, которые „в основном... свойственны тем языкам, в которых отсутствует как грамматическая категория числа, так и грамматическая категория класса существительных“ [Плунгян 2000, 160]. Ср. в бамана: $\text{š}\bar{\text{é}} \text{f}\bar{\text{a}}\bar{\text{n}} \text{d}\bar{\text{é}}\bar{\text{n}} \text{s}\bar{\text{à}}\bar{\text{b}}\bar{\text{a}}$ ‘три куриных яйца’, дословно: «три плода / ребёнка куриных яйца» (при неестественности $\text{*š}\bar{\text{é}} \text{f}\bar{\text{a}}\bar{\text{n}} \text{s}\bar{\text{à}}\bar{\text{b}}\bar{\text{a}}$); $\text{ns}\bar{\text{i}}\bar{\text{r}}\bar{\text{a}} \text{j}\bar{\text{ü}} \text{s}\bar{\text{à}}\bar{\text{b}}\bar{\text{a}}$ ‘три бабаба’, дословно: „три ствола бабаба“ (при неестественности $\text{*ns}\bar{\text{i}}\bar{\text{r}}\bar{\text{a}} \text{s}\bar{\text{à}}\bar{\text{b}}\bar{\text{a}}$), и т.д.»

Можно предположить, что эти системы в разной степени развиты от языка к языку, но особая роль именной основы со значением «семя, кость» является, по-видимому, общей чертой по меньшей мере для нескольких языков манде. Следующий раздел представляет собой попытку сравнения функций слова $\text{g}\bar{\text{a}}$

в дан-бло с функциями именных основ с тем же значением в семи родственных дан языках: шести языках южной группы и в одном языке манден. Ниже приводится список значений интересующих нас именных основ из доступных словарей и грамматик.

Язык тура: $w\acute{e}\acute{e}$ 1) 'семя, семечко'; 2) 'плод (небольшой, продолговатый)';⁷ 3) 'элемент, экземпляр, образчик чего-либо'; выполняет функцию классификатора, часто в форме $-e\acute{e}$, $-e\acute{}$; 4) 'единица' (в сложных числительных); 5) 'кость' [Idiatov, ms.].

Язык гуру: $w\acute{o}l\acute{e}$ 'кость, зерно, семя', 'зависимая часть целого'⁸ [Benoist 1969: 27].

Язык бен: $wl\acute{e}$ 'семя, косточка (плода), орех; центр' [Gottlieb, Murphy 1995: 62]; 'кость'.⁹

Язык гбан: $wl\acute{i}$ 'зерно, семя, косточка (плода), плод (маленький и круглый)' [Zheltonov, ms1].

Язык мван: $b\bar{e}$ 'семя, зерно, косточка (плода)'¹⁰ (слово $b\bar{e}l\acute{e}$ 'кость', по-видимому, можно считать дериватом $b\bar{e}$).

Язык уан: интересующий нас квантификатор имеет форму $\bar{a}\bar{h}$.¹¹

⁷Это значение наблюдается и в дан-бло, хотя и менее регулярно, чем в тура: $b\acute{i}\acute{e}\acute{h} g\bar{a}$ 'плод дерева' $b\acute{i}\acute{e}\acute{h}$, $l\bar{a}\bar{a} g\bar{a}$ 'плод дерева' $l\bar{a}\bar{a}$ (вместо ожидаемого 'семени').

⁸Возможно также 'продолговатый плод', как в тура, ср.: $m\acute{i}\acute{i} w\acute{o}l\acute{e} d\bar{u}$ 'один банан'; $u\acute{a} w\acute{o}l\acute{e} d\bar{u}$ 'один клубень ямса'.

⁹Информация, полученная от Дестена Куадио, носителя языка бен.

¹⁰Информация, полученная от Моиза Егбе, носителя языка мван.

¹¹Все данные по языку уан получены от носителей уан Бомиссо Мабло Огюстена и Бомиссо Улеи. К настоящему моменту не ясно, от какого слова образован этот квантификатор, $\bar{a}\bar{h}$ 'яйцо', или $\acute{a}\acute{h}$ 'семя, зерно'. В пользу слова $\acute{a}\acute{h}$ 'семя' говорят типологические параллели с остальными рассматриваемыми в этой статье языками. Но если утрата назализации в процессе грамматикализации для уан является вполне естественным процессом, изменение тона объяснить труднее. С другой стороны, именная форма со значением 'яйцо' тоже может брать на себя роль квантификатора в других языках (например, $u\acute{g}\acute{e}$ 'яйцо' в мван, см. ниже).

Язык бамана: *kisé* 1) ‘семя, семечко, зерно’, ‘косточка (плода)’, ‘ядро (ореха)’; 2) ‘твёрдый элемент в форме зерна, пули’; 3) ‘элемент из совокупности’; 4) ‘твёрдая часть целого (перен.: суть, правда)’; 5) ‘суффикс, конкретизирующий более абстрактное слово’ [Bailleul 2000: 227]; ‘косточка (плода), капля, микроб, таблетка, пуля; часть целого, элемент, выделенный из совокупности’ [Dumestre 1981–1992: 854].

2.1. Во всех этих языках вышеуказанные именные основы выполняют функцию счётной единицы. Они присоединяются как к неиндивидуальным именам, так и к названиям коллективных множеств:

дан-бло	<i>kwēē</i>	‘соль’	<i>kwēēgā</i>	‘крупинка соли’
тура	<i>wèì</i>	‘соль’	<i>wèìwéé</i>	‘крупинка соли’
бен	<i>bīē</i>	‘соль’	<i>bīē wlé</i>	‘крупинка соли’
гбан	<i>gīē</i>	‘соль’	<i>gīē wlí</i>	‘крупинка соли’
уан	<i>ò</i>	‘соль’	<i>ò ɔ̄ŋ</i>	‘крупинка крупной соли’
бамана	<i>kògɔ́</i>	‘соль’	<i>kògɔ́kisé</i>	‘крупинка крупной соли’
<hr/>				
тура	<i>yéé</i>	‘солома’	<i>yééwéé</i>	‘соломинка’
мван	<i>gàà</i>	‘солома’	<i>gàà bē</i>	‘соломинка’
уан	<i>wlē</i>	‘солома’	<i>wlē ɔ̄ŋ</i>	‘соломинка’
гуро	<i>lòò</i>	‘солома’	<i>lòò wólé</i>	‘соломинка’
бен	<i>mííŋ</i>	‘солома’	<i>mííŋ wlé</i>	‘соломинка’
гбан	<i>kà</i>	‘веник’	<i>kà wlí</i>	‘веточка из веника’
<hr/>				
дан-бло	<i>wū</i>	‘волосы’	<i>wūgā</i>	‘волос’
мван	<i>wīlē</i>	‘волосы’	<i>wībē</i>	‘волос’
уан	<i>mékāŋ</i>	‘волос(ы)’	<i>mékāŋ ɔ̄ŋ dō</i>	‘волос’
гбан	<i>m̄lé</i>	‘волосы’	<i>m̄lé wlí</i>	‘волос’

бен	ḡl̄ucéḡ	‘волосы’	ḡl̄ucéḡ wlé	‘волос’
гуро	wì	‘волосы’	wì wólé	‘косичка’
<hr/>				
дан-бло	zɔ	1) ‘остриё’ 2) ‘булавка’ 3) ‘пчела; рой пчел’	zɔgā	‘пчела’
тура	zʒʒ	1) ‘остриё’ 2) ‘пчела, пчѐлы’	zʒʒ wěě dɔ	‘пчела’
гбан	zʒ	‘пчела, пчѐлы’	zʒ wlí	‘пчела’
мван	zɔ̀	‘пчела, пчѐлы’	zɔ̀ bē	‘пчела’
уан	zɔ̀	‘пчела, пчѐлы’	zɔ̀ ɔ̄ḡ	‘пчела’
гуро	zɔ̀ɔ	‘пчела, пчѐлы’	zɔ̀ɔ-wólé	‘пчела’
бен	sɔ́mɔ́	‘пчела, пчѐлы’	sɔ́mɔ́ wlé	‘пчела’
бамана	dí	‘мѐд; пчела, пчѐлы’	díkísé	‘пчела’
<hr/>				
дан-бло	sɔ́	1) ‘зуб(ы)’ 2) ‘бивень, бивни’	sɔ́gā	1) ‘один зуб’ 2) ‘ядовитый зуб’ (змеи)
тура	sóó	‘зуб(ы)’	sóówěě	‘один зуб’
мван	sɔ́	‘зуб(ы)’	sɔ́ bē	‘один зуб’
уан	sɔ̄ḡ	‘зуб(ы)’	sɔ̄ḡ ɔ̄ḡ dɔ̀	‘один зуб’
бен	só	‘зуб(ы)’	só wlé	‘один зуб’
гуро	sìé	‘зуб(ы)’	sìé wólé	‘один зуб’
гбан	sě	‘зуб(ы)’	sě wlí	‘один зуб’
бамана	ɲí	‘зуб(ы)’	ɲíkísé	‘один зуб’

дан-бло	kpl̄ṵ̄	‘каури’ (pl)	kpl̄ṵ̄gā	‘каури’ (sg)
тура	krèěě	‘каури’ (sg)	krèěě wěě dó	‘каури’ (sg)
мван	kr̄ḍ̄	‘каури’ (sg, pl)	kr̄ḍ̄bē	‘каури’ (sg, pl)
уан	*ml̄ṅnī	—	ml̄ṅnī ɔ̄ṅ dō	‘каури’ (sg)
гбан	ṁlě	‘каури’ (sg)	ṁlě wlí	‘каури’ (sg)
гуро	munu	‘каури’ (pl)	munu wólé	‘каури’ (sg)
бен	wání	‘каури’ (pl)	wáníṅlě	‘каури’ (sg)
бамана	kòlón	‘каури’ (sg)	kòlónkisé	‘каури’ (sg)

Несмотря на большое сходство, есть и существенные различия.¹² Прежде всего, разделение на классы исчисляемых и неисчисляемых имён различается от языка к языку. Например, в мван и гуро существительные со значением ‘волосы’ принадлежат классу неисчисляемых имён, а ‘шерсть, волосы на теле’ — классу исчисляемых, то есть не присоединяют квантификатор: *ciē* ‘шерсть’ — *ciē dō* ‘одна шерстинка’ (мван); *cèè* — *cèè dó* (гуро), (но не **ciē bē dō* или **cèè wólé dó*). В тура ситуация прямо противоположная: «волосы» являются исчисляемыми, тогда как для выражения значения «шерстинка, волосок» необходим классификатор *wěě*: *w̄w̄* ‘волосы на теле человека’ — *w̄w̄wěě dó* ‘один волосок’. В уан оба существительных, ‘волосы’ и ‘шерсть’, присоединяют квантификатор *ɔ̄ṅ*, но факкультативно (иначе говоря, они являются исчисляемыми), тогда как для того, чтобы выделить один элемент из арахиса, соли, песка или соломы, *ɔ̄ṅ* обязателен. В тура слово *wěě* всегда употребляется в нумеративных конструкциях с названиями насекомых: *z̄z̄ wěě dó* ‘одна пчела’, но не **z̄z̄ dó*; *b̄áb̄á wěě dó* ‘один термит’, но не **b̄áb̄á dó*; иначе говоря, названия насекомых являются недискретными именами.

В мван, уан и бен описываемый квантификатор присоединяется к названиям жидкостей. Мван: *yì* ‘вода’ — *yì bē* ‘капля воды’; *yēē* ‘кровь’ — *yēē bē* ‘капля крови’; *yr̄* ‘масло’ — *yr̄*

¹²Следует оговориться, что описание проблемы во всех языках, кроме дан-бло, носит, за отрывочностью данных, весьма приблизительный характер.

bē ‘капля масла’. Уан: *yí* ‘вода’ — *yí ɔ̄ŋ dō* ‘капля воды’; *yēmí* ‘кровь’ — *yēmí ɔ̄ŋ dō* ‘капля крови’; *ciŋ* ‘дождь’ — *ciŋ ɔ̄ŋ dō* ‘капля дождя’. Бен: *yí* ‘вода’ — *yí wlé* ‘капля воды’; *lā* ‘дождь’ — *lā wlé* ‘капля дождя’; *purɔ́* ‘масло’ — *purɔ́ wlé* ‘капля масла’. В дан-бло функцию счётной единицы для жидкостей выполняет слово *réé* ‘капля’, более того, сочетание *gā* с наименованием прототипической жидкости, воды, отсылает к семантической группе длинных объектов (*yí* ‘вода’ — *yígā* ‘река’). В бамана, как и в дан, есть слово со значением ‘капля’, *tómí*, но *kisé* тоже может присоединяться к некоторым названиям жидкостей, хотя и со сдвигом значения: *jí* 1) ‘вода; жидкость’; 2) ‘дождь’ — *jíkisé* ‘капля дождя’ (но не ‘капля воды’); *jòlí* ‘кровь’ — *jòlíkisé* неол. ‘кровавое тельце’ (но не ‘капля крови’) [Bailleul: 189; Dumestre: 446]. В гуру квантификатор *wólé* сочетается только с одним наименованием жидкости: *léé* ‘дождь’ — *léé wólé* ‘капля дождя’. Наконец, двое информантов тура допускают только форму *dá yí wéé* ‘капля дождя’, а другие двое полностью отрицают возможность сочетания *wéé* с именами для жидкостей.

Существенно различается в каждом из рассматриваемых языков и сочетаемость квантификатора с дискретными именами. Например, в гуру *wólé* сочетается с существительными *zòrɔ́* ‘пчела’ и *béì* ‘термит’, но не сочетается с названиями насекомых, в состав которых входит диминутивный суффикс *lé*: *zɔ̀lɛɛ* ‘муравей’, *knɛɛ* ‘комар’. В мван *bē* употребляется со словами *krēsìɛ̀nè* ‘муравей’, *zrɔ́* ‘пчела’, *gbèsáà* ‘оса’, но не употребляется с *zwí* ‘комар’ и *blè* ‘термит’. В мван и уан квантификатор может присоединяться к слову ‘рыба’: *kāā bē dō* (мван); *krɔ́ ɔ̄ŋ dō* (уан) ‘одна-единственная рыба’ (что в дан-бло невозможно¹³), и даже к наименованиям крупных животных, для которых естественно коллективное существование: *bólì ɔ̄ŋ dō* ‘одна коза’. Можно отметить и другие расхождения, на примере нескольких существ (ногти, звёзды, деньги), имена для

¹³Интересно, что в тура и в дан «классификатор» входит в состав названий некоторых видов рыб: *kèlègɔ̀wéé* ‘*Alestes brevis*’, *kùùwéé* ‘*Alestes longipinnis*’ и *vé tĩnè wéé* ‘*Cynotrisa mento*’ в тура; *dɔ̀ɔ̀{gā}* ‘*Hyperopsius bebe*’, *kóó{gā}* ‘тилапия’, *zètũmāde{gā}* ‘камп *Labeo senegalensis*’, *vé{gā}* ‘маленькая рыбка, вид карпа’ в дан-бло.

которых в дан присоединяют квантификатор *gā*. ‘Ногти’: *sòdōgā* (дан-бло); *sɔɲe wɔlé* (гуро), но **kààsüè wéé* (тура), **gbē srà bē dō* (мван), **sróŋ ɔ̄ŋ dō* (уан), **kísi wlí* (гбан). ‘Звезда’: *súsōŋ{gā}* (дан-бло), *mééé* (ср. *méè* ‘луна’) (тура), *pēŋpēŋ {ɔ̄ŋ} dō* (уан), *dòlòkíé* (бамана); но **mlēklènébē* (мван), **mɔɲe gɔɲené wɔlé* (гуро). ‘Деньги’: *wlúgā* ‘деньги’ (дан-бло), *wééé* ‘монета, деньги’ (тура), *gɔi wɔlé* ‘монета’ (гуро), *gàlíbē* ‘мелочь’ (мван), *sùà wlé* ‘мелочь, монета’ (бен), *lálà wlí* ‘монета’ (гбан), но **gàli ɔ̄ŋ* (уан), **wáí kisé* (бамана).

По меньшей мере в дан, гбан, мван и бамана обнаруживается несколько именных основ, способных выполнять роль счётной единицы.¹⁴ Семантические признаки, по которым для того или иного имени выбирается счётное слово, в каждом из языков разные. Так, в мван *bē* ‘семя’ употребляется для пересчёта длинных объектов, как, например, ‘волосы’ или ‘солома’, но для ‘соли’ и ‘песка’ употребляется именная основа *yrē* ‘яйцо’: *wē* ‘соль’ — *wē yrē* ‘крупинка соли’; *yrí* ‘песок’ — *yrí yrē* ‘песчинка’. В дан существительные ‘соль’, ‘волосы’ присоединяют *gā*, а для выделения кванта из ‘соломы’ употребляется именная основа *lú* ‘дерево, ствол’: *yáá* ‘солома’ — *yáá lú {nl}* ‘соломинка’ (очевидно, здесь действует признак «растение»). В гбан существительное ‘волосы’ присоединяет классификатор *wlí*, но для обозначения одной шерстинки используется именная основа *bō* с исходным значением ‘голова’: *màá* ‘шерсть’ — *màá bō* ‘шерстинка’. В гуро крупинки соли и песчинки отдельно никак не выделяются; соломинки пересчитываются ‘семенами’, а волосы — ‘стеблями’: *wí* ‘волосы’ — *wí gɔ dō* ‘один волос’; хотя форма на *-wɔlé* тоже имеет выделительное значение: ‘косичка’ (см. выше в соответствующей таблице). В бамана счётной единицей для волос является ‘прядь’, одно из вторичных значений слова *dén* ‘плод’¹⁵: *kùnsígí* ‘волосы’ — *kùnsígí dén kélén* ‘прядь волос’.

В уан квантификатор *ɔ̄ŋ* употребляется только в нумеративных конструкциях (в отличие от дан). Например: *kōli ɔ̄ŋ*

¹⁴ Например, в гбан таких элементов шесть [Zhel'tov, ms2: 2].

¹⁵ В бамана близкое к *kisé* значение счётной единицы или функциональной части может иметь диминутивный суффикс *dén* с исходным значением ‘ребёнок, детёныш, плод’:

$d\bar{o}$ ‘один орех кола’, $zr\bar{o}\bar{ɲ} \bar{o}\bar{ɲ} d\bar{o}$ ‘муравей’ при неестественности $*k\bar{o}l\bar{i} \bar{o}\bar{ɲ}$ или $*zr\bar{o}\bar{ɲ} \bar{o}\bar{ɲ}$. По-видимому, в гуро употребление квантификатора в конструкциях с числительными тоже весьма распространено, ср.:

(62.a) $\bar{e} \quad w\bar{e}ɪ \quad s\bar{i}á$
 он вошь поймать

‘Он поймал вошь.’ (при недопустимости варианта $*\bar{e} \quad w\bar{e}i \quad w\bar{o}l\acute{e} \quad s\bar{i}a$);

(62.b) $\bar{e} \quad w\bar{e}ɪ \quad w\bar{o}l\acute{e} \quad yaa \quad s\bar{i}á$
 он вошь SG три поймать

‘Он поймал трёх вшей.’

В мван элемент $b\bar{e}$ грамматикализовался, его употребление передаёт прагматический контраст в контекстах, где речь идёт об объектах, количество которых оказывается меньше ожидаемого:

(63) $\acute{a} \quad ml\bar{e} \quad b\bar{e} \quad pl\bar{e} \quad kp\acute{o} \quad lá \quad bwà \quad ɲ$
 моя веревка SG два только который оставаться моя
 $k\acute{o}ó \quad ɲ \quad b\bar{e} \quad \{ml\bar{e}\} \quad b\bar{e} \quad d\bar{o} \quad n\grave{a}\grave{a} \quad \bar{a} \quad n\bar{i}$
 рука.ЛОС я ФОС {верёвка} SG один давать ему РР

‘Я дал ему верёвку, хотя у меня осталось только две.’

$t\bar{o}$	‘«то», клейкая каша’	$t\bar{o}d\bar{e}n$	‘комоч каши’
$nt\grave{a}n\acute{a}$	‘колокол’	$nt\grave{a}n\grave{a}d\bar{e}n$	‘язык колокола’
$n\acute{e}, n\acute{e}k\acute{i}s\acute{e}$	‘глаз(а)’	$n\acute{e}d\bar{e}n$	‘глазное яблоко’

В ряде случаев $d\bar{e}n$ выступает синонимом $k\acute{i}s\acute{e}$: $d\acute{i}k\acute{i}s\acute{e}$, $d\acute{i}d\bar{e}n$ ‘пчела’; $b\acute{a}l\acute{a}k\acute{i}s\acute{e}$, $b\acute{a}l\acute{a}d\bar{e}n$ ‘клавиша балафона’; $n\grave{e}g\grave{e}k\acute{i}s\acute{e}$, $n\grave{e}g\grave{e}d\bar{e}n$ ‘ружейная пуля’; $j\grave{u}r\grave{u}k\acute{i}s\acute{e}$, $j\grave{u}r\grave{u}d\bar{e}n$ ‘верёвка’. В дан аналогичный формант pl также передаёт значения диминутива, но с $g\bar{a}$ он явным образом не пересекается: $d\acute{a}\acute{a}$ ‘мачете’ — $d\acute{a}\acute{a}g\bar{a}$ ‘лезвие мачете’: $d\acute{a}\acute{a}n\acute{a}$ ‘ножик, резак’; $b\grave{u}r \ 1$ ‘верёвка’ 2) ‘глист’ — $b\grave{u}r\bar{g}\bar{a}$ ‘верёвка’: $b\grave{u}r\bar{n}l$ ‘глист’.

- (64) \bar{n} \bar{r} $\bar{m}\bar{e}\bar{e}$ \bar{v} \bar{n} $\bar{b}\bar{e}\bar{e}$ $\bar{m}\bar{e}\bar{e}$
 я говорить человек десять приходить и человек
 $\bar{b}\bar{e}$ $\bar{p}\bar{l}\bar{e}$ $\bar{k}\bar{r}\bar{o}$ $\bar{l}\bar{e}$ $\bar{n}\bar{w}\bar{a}$
 SG два только быть приходить-PAST

‘Я пригласил десять человек, но пришли только двое.’

- (65) \bar{e} $\bar{m}\bar{a}\bar{a}$ $\bar{c}\bar{i}\bar{e}$ $\bar{b}\bar{e}$ $\bar{d}\bar{o}$ $\bar{k}\bar{r}\bar{o}$ $\bar{l}\bar{a}$ $\bar{z}\bar{a}$ $\bar{k}\bar{l}\bar{e}$
 ты курица перо SG один только из-за дело делать
 $\bar{z}\bar{i}$ $\bar{g}\bar{e}\bar{e}$
 PROG таким образом

‘Из-за какого-то куриного пера ты так бесишься.’

Наконец, в тура и в гбан данный элемент участвует в образовании сложных числительных — по той же модели, что и в дан-бло. Тура: $\bar{b}\bar{u}\bar{t}\bar{u}$ $\bar{n}\bar{i}$ $\bar{w}\bar{e}\bar{e}$ $\bar{p}\bar{i}\bar{i}\bar{l}\bar{e}$ (десяток-и-ед.-два) — ‘12’ [Idiatov, ms]; гбан: $\bar{l}\bar{i}$ $\bar{d}\bar{o}$ $\bar{w}\bar{l}\bar{i}$ $\bar{d}\bar{o}$ (сотня-одна-ед.-один) — ‘101’ [Howard: 27].

2.2. В некоторых случаях сочетание квантификатора с именем для коллективного множества не передаёт значения выделительности. Ср. дан-бло: $\bar{z}\bar{l}\bar{o}\{\bar{g}\bar{a}\}$ ‘жемчуг’; мван: $\bar{k}\bar{r}\bar{o}\bar{o}\{\bar{b}\bar{e}\}$ ‘каури’; гбан: $\bar{g}\bar{w}\bar{a}\{\bar{w}\bar{l}\bar{i}\}$ ‘гравий’, $\bar{s}\bar{i}\bar{k}\bar{a}\{\bar{w}\bar{l}\bar{i}\}$ ‘жемчуг’; уан: $\bar{k}\bar{l}\bar{e}\bar{n}\bar{e}$ $\bar{o}\bar{n}$ ‘гравий’, $\bar{m}\bar{l}\bar{e}\bar{n}\bar{i}$ $\bar{o}\bar{n}$ ‘каури’ (формы $\bar{k}\bar{l}\bar{e}\bar{n}\bar{i}$, $\bar{m}\bar{l}\bar{e}\bar{n}\bar{e}$ не существуют); тура: $\bar{k}\bar{r}\bar{e}\bar{e}\bar{e}$ ‘каури’ (в составе последнего слова уже содержится элемент $\bar{w}\bar{e}\bar{e}$, но он может присоединяться вторично, для обозначения единичного референта: $\bar{k}\bar{r}\bar{e}\bar{e}\bar{e}$ $\bar{w}\bar{e}\bar{e}$ $\bar{d}\bar{o}$ ‘один каури’). Это говорит о том, что функция счётного слова пересекается здесь с функцией маркера для «{небольших} твёрдых объектов», которая также наблюдается у описываемого элемента во всех семи языках:

дан-бло	$\bar{g}\bar{u}\bar{x}$	‘булыжник’	$\bar{g}\bar{u}\bar{x}\bar{g}\bar{a}$	‘булыжник’
тура	$\bar{g}\bar{w}\bar{e}\bar{e}$	‘камень; скала’	$\bar{g}\bar{w}\bar{e}\bar{e}\bar{e}$	‘скала’
мван	$\bar{k}\bar{r}\bar{o}\bar{t}\bar{i}$ $\bar{n}\bar{e}$	‘гравий’	$\bar{k}\bar{r}\bar{o}\bar{t}\bar{i}$ $\bar{n}\bar{e}$ $\bar{b}\bar{e}$	‘гравий’
уан	$\bar{k}\bar{r}\bar{o}\bar{t}\bar{i}$	‘булыжник’	$\bar{k}\bar{r}\bar{o}\bar{t}\bar{i}$ $\bar{o}\bar{n}$	‘булыжник’
бен	$\bar{g}\bar{l}\bar{e}$	—	$\bar{g}\bar{l}\bar{e}\bar{n}\bar{l}\bar{e}$	‘гравий’

гуро	gwε	‘гравий’	gwε wólé	‘гравий’ (gólε nε ‘камень’)
гбан	gwà	‘камень’	gwà wlí	‘гравий’
бамана	bèlε	‘гравий’	bèlεkíε	‘гравий’
дан-бло	pā	‘вещь’	pāgā	1) ‘семя’ 2) ‘таблетка’
тура	bóò	‘лекарство’	bóòwěé	‘таблетка’ (пилюля)’
мван	dròòdróò	‘медицина’	dròòdróò bε	‘таблетка’
уан	lāŋ	‘лист’	lāŋ ɔŋ	‘таблетка’
гуро	líyá	‘лекарство’	líyá wólé	‘таблетка’
гбан	gwè	‘лекарство’	gwè wlí	‘таблетка’
бамана	fúga	1) ‘лист’ 2) ‘лекарство’	fúgakíε	‘таблетка’ (пилюля)’

Тура: sù{wěé} ‘монета достоинством 10 сантимов’; yó{wěé} ‘фетиш, амулет’; pìè ‘*железо’ — pééé ‘кусок железа; железный предмет’; sù{wěé} ‘прыщ’; kílì{wěé}, kílěé ‘амулет’; dè{hlàwěé} ‘волчок’; dóló{wěé} ‘воронка’.

Мван: pū ‘ковать’ — pūbε ‘железо’; yó{bε} ‘фетиш’

Уан: té ‘огонь’ — té ɔŋ ‘уголёк’; kōá {ɔŋ} ‘рыболовный крючок’

Гуро: lεε {wólé} ‘патрон’

Бен: bàŋā- {wlé} ‘град(ина)’

Гбан: krèà ‘железо’ — krèà wlí ‘кольцо’

Бамана: nègέ 1) ‘железо’ 2) ‘железный предмет’ — nègέkíε ‘пуля’; tá ‘огонь’ — tákíε ‘горячий уголёк’.

2.3. Значение маркера для семантической группы «функциональная часть, жизненно важный / активный орган, центр»

также оказывается хорошо представленным во всех ЭТИХ языках:

дан-бло	dǎǎ	‘мачете’	dǎǎgā	‘железная часть мачете’
тура	lǎǎǎ	‘нож’	lǎǎǎ wěě	‘лезвие ножа’
мван	wlā	‘нож’	wlā bē	‘лезвие ножа’
гбан	gbě	‘нож’	gbě wlí	‘лезвие ножа’
гуро	sènéné	‘нож’	sènéné wólé	‘лезвие ножа’
уан	sēŋgē	‘нож’	sēŋgē ɔŋ	‘лезвие ножа’
бен	dǔ	‘нож’	dǔ wlé	‘лезвие ножа’
бамана	mùrú	‘нож’	mùrúkíse	‘лезвие ножа’
дан-бло	bū	‘ружьё’	būgā	‘пуля’
тура	gběŋ	‘пуля’	gběŋwěě	‘пуля’
гуро	ròò	‘ружьё’	ròò-wólé	‘патрон, пуля’
мван	màfá	‘ружьё’	màfá bē	‘пуля, патрон’
уан	sāŋgblē	‘ружьё’	sāŋgblē ɔŋ	‘патрон’
бен	sámǎǎǎ	‘ружьё’	sámǎǎǎ wlé	‘пуля, патрон’
бамана	nègè	1) ‘железо’ 2) ‘железный предмет’	nègèkíse	‘пуля’
дан-бло	séé	1) ‘лук’ 2) ‘стрела’	séégā	‘стрела’
тура	sǎǎ	‘лук’	sǎǎwěě	‘стрела’
мван	sá	‘лук’	sá bē	‘стрела’
бен	ŋúì	‘лук’	ŋúì wlé	‘стрела’
уан	klāŋ	‘лук’	klāŋ ɔŋ	‘стрела’
бамана	kálá	‘лук’	kálákíse	‘стрела’
дан-бло	rìx̄	‘рыболовный крючок’	rìx̄gā	‘рыболовный крючок’

тура	kɔ́ŋ	‘удочка’	kɔ́ŋwéé	‘рыболовный крючок’
гуро	kɔ	‘рыболовный крючок’; ‘удочка’	kɔ wólé	‘рыболовный крючок’
уан	kōá	‘рыболовный крючок’	kōá ɔ̄ŋ	‘рыболовный крючок’
гбан	kòbā	‘удочка’	kòbā wlí	‘рыболовный крючок’
мван	dúléŋ	‘удочка’	dúléŋ bē	‘рыболовный крючок’
бен	dúwléŋ	‘удочка’	dúwléŋ wlé	‘рыболовный крючок’
бамана	dólén	‘рыболовный крючок’; ‘удочка’	dólénkísé	‘рыболовный крючок’
дан-бло	yá	1) ‘глаза; глаз’ 2) ‘взгляд’ 3) ‘цвет’	yágā	1) ‘глаз; глаза’ 2) ‘фасеточный глаз у насекомых’
тура	yáŋ	‘глаз; глаза’	yáŋwéé	‘глаз; глаза’
гуро	yíé	‘глаза’	yíé wólé	‘глаз’
мван	yɔ̀è	‘взгляд’	yɔ̀è bē	‘глаз; глаза’
гбан	wá	‘глаза’	wá wlí	‘глаз; глаза’ ¹⁶
уан	lɔ̄ŋ	‘глаза’	lɔ̄ŋ ɔ̄ŋ dō	‘один глаз’
бен	yɔ́ŋ	‘лицо’	yɔ́wlé	‘глаз; глаза’
бамана	ɲé	1) ‘лицо’ 2) ‘глаз; глаза’ 3) ‘поверхность’	ɲékísé	‘глаз; глаза’

¹⁶Эта форма употребляется для передачи выделительного значения, например:

ēē wá-wlí kē zī nɔ̄ yé líí?
 твои глаза-зерно не видеть вещь PP INT
 (В раздражении или с удивлением) ‘Ты что — слепой?!’

2.4. Группа «длинных объектов» явным образом выделяется только в тура и в бен. Тура:

bèè	1) 'верёвка; шнурок; нить' 2) 'ряд, вереница'	bèéé; bèèwéé	1) 'верёвка' 2) 'лиана'
yèí	'хлопок'	yèíwéé	'хлопковая нить'
lí	'рафия'	líwéé; líéé	'волокно/верёвка из рафии'
sàbìlì	'хлыст'	sàbìlìwéé	'хлыст'
záà	'дорога, путь'	záàéé; záéé	'дорога'
bóló	'овраг продолговатой формы'	bóléé; bólówéé	'овраг продолговатой формы'
yí	'вода'	yíwéé	'в реке, в воде' (употребляется только в локативном значении)

Бен:

bāṅ	'верёвка'	bāṅ wlé	'женский пояс'
rēnǎí	'железо'	rēnǎí wlé	'проводака'
bānǎí	'лиана'	bānǎí wlé	'маленькая лиана'
zḡ	'дорога'	zḡ wlé	'дорога'

Однако и в остальных языках обнаруживаются признаки маркирования длинного объекта. Уан: *réli* 'железо' — *réli ɔṅ* 'железный прут, проволока'; 'кусок железа'; *yò* 'фетиш' — *yò ɔṅ* 'фетиш в форме цепи'. В уан элемент *ɔṅ* служит также для пересчёта некоторых длинных объектов: *mēsēṅ ɔṅ dō* 'одна иголка'; *bālè ɔṅ dō* 'одна верёвка'. Гуро: *wéè* 'жемчужина, жемчуг' — *wéé wólé* 'нитка жемчуга' — *wéé wólé dū* 'одна жемчужина'. Гбан: *bà{wí}* 'верёвка'; *drù* 'хлопок' — *drù wí* 'хлопковая нить'. Бамана: *jùrú* 1) 'веревка, связь, узы' 2) 'долг' 3) 'хвостик плода' — *jùrùkísé* 'верёвка'. В мван *bē* может присоединяться к суще-

ствительному ‘дорога, путь’ в значении некоей неопределённой протяжённости:

- (66) á fáá é bwà zī bē é tā
 моя шапка DEF оставаться дорога зерно DEF на
 ‘Я потерял шапку по дороге.’

2.5. В тура выделяется также семантическая группа «острых объектов»:

nùè	‘лезвие; нож для нанесения татуировок’	nùèwéé	‘лезвие; нож для нанесения татуировок’
büä	‘кинжал’	büäwéé	‘кинжал’
gàà	‘молодая пальма’	gààwéé	‘колючка’
yó	‘пальма’	yówéé, yóéé	‘стрела’
sìàṅ	‘меч’	sìàṅwéé	‘меч’

Последнюю функцию можно рассматривать как периферийное значение признака выделительности, но не позитивной оценки, как в дан, а негативной.

3. Такая близость понятийных рядов явно не может быть случайной. Общим оказывается не только значение счётного слова: семантические группы, для которых искомый классификатор оказывается маркером, почти полностью совпадают с теми, которые были выделены в дан. Отметим также, что если в тура, гуру, бен и гбан именные основы со значением «семья» явно имеют общее происхождение (*wéé, wólé, wlé, wlí*), в остальных языках их формы не демонстрируют материального сходства (*gā, bē, ɔṅ, kisé*), таким образом, мы имеем дело с типологической параллелью. Хотя все эти элементы обладают как свойствами именных классификаторов, так и некоторыми свойствами показателей именных классов (без согласования), наиболее грамматикализованным их значением является всё же значение счётного слова. Значения маркеров для определённых групп лексики либо связаны с признаком выделительности — функциональная

часть / центр, острые предметы, либо относятся скорее к сфере словообразования, т.к. частично сохраняют своё лексическое значение (признак формы и твёрдости семени / косточки плода) — мелкие и твёрдые объекты. Менее ясна мотивация выделения группы длинных объектов (не исключено развитие значения «семя — росток»; либо частный случай общего с предыдущей группой значения объектов, выделяющихся своей формой). Напомним также, что в каждом из рассмотренных языков есть и другие счётные слова. Представленных данных, конечно же, недостаточно для того, чтобы составить представление о том, насколько продвинулось формирование из этих элементов полноценной системы (по данным А. Ю. Желтова, более или менее грамматикализованная система классификаторов есть в гбан). Тем не менее, не подлежит сомнению, что все эти языки развивают именно эту технику именной классификации, образование же отдельных групп, сходных с именными классами, оказывается как бы на периферии.

В праязыке семьи манде существовала система именных классов, что убедительно доказывается в статье В. Ф. Выдрина «К реконструкции фонологического типа и именной морфологии пра-манде» (см. настоящий сборник стр. 9–252); формирование же системы именных классификаторов следует считать скорее инновацией. Формирование системы именных классов как следующий этап по отношению к системе классификаторов, т.е. заново, также не исключено, хотя и менее вероятно.

Литература и источники

- Виноградов 1997а — В. А. Виноградов. Введение: Именные категории в языках Африки. — В кн.: В. А. Виноградов (ред.). *Основы африканского языкознания: Именные категории*. М.: Аспект Пресс. С. 5–23.
- Виноградов 1997б — В. А. Виноградов. Именные категории в сонгай. — В кн.: В. А. Виноградов (ред.). *Основы африканского языкознания: Именные категории*. М.: Аспект Пресс. С. 264–277.

- Выдрин, Томчина 1999 — В. Ф. Выдрин, С. И. Томчина. Манден-русский словарь (манинка, бамана). Т. 1. СПб.: «Дмитрий Буланин», 315 с.
- Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 383 с.
- Поздняков 1993 — К. И. Поздняков. *Сравнительная грамматика атлантических языков. Именные классы и фоно-морфология*. М.: Наука. С. 273–308.
- Bailleul 2000 — Charles Bailleul. *Dictionnaire Bambara-Français*. Bamako: Éditions Donniya, 494 p.
- Benoist 1969 — J.-P. Benoist. *Grammaire gouro (groupe mandé — Côte d'Ivoire)*. Lyon, «Afrique et Langage», № 3, 101 p.
- Dumestre 1981–1992 — Gérard Dumestre. *Dictionnaire bambara-français. Fasc. 1–9 (A–N)*. Paris: INALCO, 1426 p.
- Gottlieb, Murphy 1995 — Alma M. Gottlieb & Lynne Murphy. *Beng-English Dictionary*. Bloomington: Indiana University Linguistics Club Publications, 116 p.
- Howard, ms — Olive Howard. *Gban Pedagogical Grammar*. Oumé, 1970.
- Idiatov, ms — Dmitry Idiatov. *Dictionnaire Toura-Français*. (version électronique).
- Jouk, ms — Irina Jouk. *Dictionnaire Gouro-Français*. (version électronique).
- ZheltoV, ms1 — Alexandre ZheltoV. *Dictionnaire Gban-Français*. (version électronique).
- ZheltoV, ms2 — Alexandre ZheltoV. *Numeral classifiers in gban (south eastern Mande, Niger-Congo): preliminary remarks*.

Е. В. С. Перехвальская

Глагольная морфонология языка муан*

1. Введение

Язык муан (мона) относится к южной группе семьи манде. По данным на 1993 год (Ethnologue-14), на языке муан говорили около 17 тысяч человек.

Материал для данной статьи собирался в ходе четырёх лингвистических экспедиций в Абиджан (Кот-д'Ивуар) в 2003–2006 гг. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить своих информантов-носителей языка муан, Антуана Йегбе, Моиза Йегбе и Амоса Гогбе за их поистине бесценную помощь в сборе и интерпретации лингвистического материала. Без преувеличения можно сказать, что без этой помощи, данная статья не была бы написана.

2. Местоименная система языка муан

Описание глагола языка муан невозможно без предварительного обращения к системе личных местоимений, играющих ключевую роль во всей видо-временной системе глагола. Местоименные серии представлены в таблице 1.

Сочетание субъектного местоимения с объектным может давать слитные формы, которые приведены ниже в таблице 2. Некоторые из этих форм оказываются редкими или чисто гипотетическими (например, «ты-вас», «мы (incl.)-нас (excl.)», и т.д.). Формы типа «я-меня», «ты-тебя» и т.д. обладают в действительности возвратным значением (см. ниже).

*Работа выполнена в рамках исследовательского проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) № 98–04–06262.

Таб. 1. Местоименные серии муан.¹

Серия	Инкорпорированный элемент	Единств.			Множ.			
		1	2	3	1 экскл.	1 инкл.	2	3
I Основная субъектная		í	é	è	ó	kòó	ká	ò
II Слитная (+ связка)	ò	íòò	yóò	yòò	wóò	kòó ò	ká ò	wòò
III Эмфатическая		mí	bí	yéé	ómɔɔ	kòó mū	ká mū	wóò mū, wóò
IV Контрастная фокализованная		mí	bí	yé	ómɔɔ	kòó mū	ká mū	mí
V Императивная		–	–	–	ó	kòó	kà	–
VI Отрицательная	lāā	náá	yáá	yāā	wáá	kòó láá	ká láá	wāā
VI' Отрицательная слитная (+ связка)	lāā ò	náá ò	yáò	yāò	wáò	kòó láò	ká láò	wāò
VI'' Отрицательная субъектно-объектная в прогрессиве	lāā ò á	náá	yáá	yāá	wáá	kòó láá	ká láá	wāá
VII Не-субъектная		í	é	à (ā, á)	ó	kòó	ká	ò
VIII Притяжательная	ā	á	yá	yāā	wāā	kòó ā	ká ā	wāā
IX Возвратная		í	é	é, á	ó	kòó	ká	ò

Таб. 2. Слитные «субъектно-объектные» формы местоимений.²

Субъект \ Объект	í	é	à	ó	kòó	ká	ò
í	í í	íéé	í	í ó	í kòó	í ká	í ò
é	yéí	yéé	yá	yé ó	é kòó	é ká	yéò
è	yèí	yèé	yà	yòó	è kòó	è ká	yòò
ó	wóí	ó é	wá	wóó	ó kòó	ó ká	wóò
kòó	kòó í, kòí	kòó é	kòá	kòó ó	kòó kòó	kòó ká	kòó ò
ká	ká í	ká é	káá	ká ó	ká kòó	ká ká	ká ò
ò	wòí	wò é	wà	wòó	ò kòó	ò ká	wòò

Местоимения основной субъектной серии (I) играют роль субъекта при динамическом глаголе во всех видо-временных формах, за исключением прогрессива и императива.

Местоимения эмфатической серии (III) способны заменять местоимения всех других серий, за исключением слитных. Их появление связано с прагматической выделенностью.

¹О местоимениях в южных манде см. статью В. Выдрина в данном издании.

²Жирным шрифтом выделены слитные формы.

По своему синтаксическому поведению в предложении местоимения этой серии приближаются к существительным:

- (1) wāā mí yé lē àmāsgùí mí
 3PL.NEG(VI) 1SG(III) видеть SPN поскольку 1SG(III)
 mí māgàà-nà
 1SG(III) прятать-PRFV

‘Что касается меня, то они [солдаты] меня не увидели, потому что я спрятался [а других они заметили]’.

Местоимения контрастной фокализованной серии отличаются от эмфатических лишь формами 3 лица:

ò nū nū lē ‘они придут’ — основная субъектная серия.

wóò nū nū lē ‘они-то придут’ — эмфатическая серия.

mí nū nū lē ‘именно они придут’ [в отличие от других, которые не придут] — контрастивная фокализованная серия.

- (2) bí pēgée yēē lè yàà yē,
 1SG(III) и 3SG(III) быть COP.PRFV.OBJ видеть
 yé lè gòŋ é fáá-nà
 3SG(IV) это машина ART красть-PRFV

‘Мы с ним, мы видели, это именно тот [а не другой] украл машину’.

Местоимения не-субъектной серии (VII) появляются в позиции прямого или косвенного объекта, а также в притяжательной конструкции с именами относительными (неотчуждаемая принадлежность): *í gbē* ‘моя рука’, *é náá gwlē* ‘твой старший брат’.

Для муан характерен номинативный строй, однако обнаруживаются и элементы активного строя. С предикатами, означающими изменение состояния субъекта, не контролируемое им,

подлежащее, выраженное местоимением 3 л. ед.ч., стоит в форме не-субъектной серии: \grave{a} *trébuà* ‘он устал’ (букв. ‘его устал’), \grave{a} *mā̀vè̀l̀à* ‘он ослабел’. Для других лиц формы субъектной и несубъектной серий совпадают по форме.

Следует особо выделить местоимения императивной серии, которые отличаются от основных субъектных формой 2 лица множественного числа *kà*.

Слитные серии местоимений представляют собой сочетания местоимений основной субъектной серии со связкой \grave{o} или с местоименным прямым объектом (не-субъектная серия).

Имеются также отрицательные серии местоимений. Основная отрицательная серия является результатом слияния местоимений основной субъектной серии с показателем отрицания *lā̀ā̀*. Слитные формы со связкой возникли слиянием сразу трех элементов: субъектного местоимения, *lā̀ā̀* и связки \grave{o} . Отрицательная субъектно-объектная прогрессивная серия представляет собой результат слияния четырех элементов: субъектного местоимения, показателя отрицания *lā̀ā̀*, связки \grave{o} и несубъектного местоимения (например, 3 л. ед.ч. \grave{a}).

Рефлексивное значение (субъект и объект действия совпадают) передаются для всех лиц, кроме 3 л. ед.ч., употреблением соответствующих местоимений субъектно-объектной серии (см. таблицу): \acute{y} \acute{y} *fē* ‘я моюсь’, $u\acute{e}\acute{e}$ *fē* ‘ты моешься’, $w\acute{o}\acute{o}$ *fē* ‘мы (экскл.) моемся’ и т.д., при этом значение рефлексивности может быть усилено употреблением наречия *gbú* ‘сам, себя’. В 3 лице ед.ч. существует возвратное местоимение \acute{e} , которое употребляется редко из-за возможности возникновения референциального конфликта, поскольку формально оно совпадает с местоимением 2 л. ед.ч. \acute{e} . С ним конкурирует рефлексивное местоимение 3 л. ед.ч. \acute{a} , отличающееся от объектного местоимения 3 лица ед.ч. высоким тоном: *lē á fē* ‘женщина моется’, в противоположность *lē à fē* ‘женщина его/её моет’. Рефлексивный статус \acute{a} доказывается тем, что с ним может сочетаться детерминант *gbú*, в то время как его сочетание с \grave{a} запрещено: *lē á gbú fē* ‘женщина сама моется’, но $*lē à gbú fē$. По-видимому, в языке муан происходит замена старого возвратного местоимения 3 лица ед.ч. \acute{e} новым местоимением \acute{a} . В тех случаях, когда

возможно употребление слитных форм, употребляется обычное слитное субъектно-объектное местоимение: *yà fē* 'он моется', 'он его/её моет'.

3. Типы глагольных парадигм языка муан

3.1. По своей структуре глаголы языка муан подразделяются на следующие четыре класса:

- I. глаголы с «легкой» стопой в основе (тип CV): *krá* 'класть', *dē* 'убивать';
- II. глаголы с «тяжелой» стопой в основе (тип CvLV, CVV): *síí* 'называть', *lrè* 'быть, становиться красивым';
- III. глаголы с суффиксом *-là/-ná* (тип CV-la): *bālà* 'падать', *dūlā* 'останавливаться';⁴
- IV. глаголы с превербами: *yì-mā* 'понимать', *lì-gō* 'открывать'.

Следует заметить, что глаголы IV класса (с превербами) являются производными от глаголов I и II классов, и их тональные парадигмы могут быть выведены из парадигм последних.

Простые глаголы (с основой CV и CvLV, CVV) можно разделить на три группы в соответствии с лексическим тоном основы. Они могут иметь высокий (**H**), средний (**M**) или низкий (**L**) тон. Лексическим тоном я буду называть тон глагола при изолированном произнесении:

глаголы с лексическим высоким тоном: *kú* 'хватать', *krá* 'класть', *sí* 'брать', *fáá* 'воровать', *síí* 'звать';

глаголы с лексическим средним тоном: *gō* 'продавать', *bō* 'оставаться', *pū* 'идти', *gāā* 'прятать', *zīgō* 'показывать';

глаголы с лексическим низким тоном: *lōp* 'покупать', *gbì* 'охотиться', *wè* 'издавать звук', *lrè* 'быть, становиться красивым', *glì* 'искать'.

⁴Глаголы этого типа весьма распространены в южных языках манде. Им посвящено специальное исследование Д. Идиатова [Идиатов ms.].

3.2. Позиционная реализация просодем

В языке муан многие слова (не только некоторые глаголы, но и некоторые существительные, наречия, служебные слова) меняют свой тон в зависимости от тона предыдущего слова. Имеется три основных типа изменения тона слова в зависимости от тона предшествующего элемента синтагмы, состоящего с этим словом в тесной синтаксической связи:

1. Константная модель: тон слова не меняется.
2. Контрастивная модель:

Тон предыдущего слова	Тон последующего слова
Высокий	Высокий
Средний	лексический (Средний или Низкий)
Низкий	Высокий

3. Координативная модель:

Тон предыдущего слова	Тон последующего слова
Высокий	Высокий
Средний	лексический (Средний или Низкий)
Низкий	Низкий

Тип изменения слова в зависимости от тонального окружения слева словарно задан, т.е. является характеристикой конкретного слова. Местоимения 3 лица ед. и мн. ч разных серий вызывают в последующем слове изменения, как если бы обладали средним тоном. Ср. изменения тона у глаголов *yē* 'видеть' (глагол с лексическим средним тоном) и *gbì* 'охотиться' (глагол с лексическим низким тоном):

Lē brúú yé zīí. 'Женщина видит хлеб'.
Lē māā yē zī. 'Женщина видит курицу'.
Lē zò yé zīí. 'Женщина видит броненосца'.
Lē māā é yé zīí. 'Женщина видит эту курицу'.
Yé í yé zīí. 'Ты видишь меня'.

È wò yē zí. ‘Он видит их’.

Как видно из примеров, глагол *yē* сохраняет свой лексический тон только после слов со средним тоном; после слов с высоким или низким тоном тон глагола меняется на высокий. Следовательно, для данного глагола оказывается характерной контрастная модель изменения тона. Назовем такие глаголы «глаголами с мобильной парадигмой».

Lē kpégbì zí. ‘Женщина охотится на антилопу’.

Lē māā gbì zí. ‘Женщина охотится на курицу’.

Lē zò gbì zí. ‘Женщина охотится на броненосца’.

Lē māā é gbì zí. ‘Женщина охотится на эту курицу’.

Yé ŋ gbì zí. ‘Ты охотишься на меня’.

È wò gbì zí. ‘Он охотится на них’.

Напротив, глагол *gbì* ‘охотиться’ не меняет своего начального тона (низкого) в тех же контекстах; назовём его «глаголом с константной парадигмой».

Для каждого из глаголов муан принадлежность к константной или мобильной парадигме является постоянной характеристикой. При этом речь может идти только о глаголах со средним или низким лексическим тоном, поскольку для большинства видо-временных форм характерной оказывается контрастная модель смены тона — лексический тон глагола меняется на высокий после высокого или низкого тонов. Если же лексический тон глагола изначально высокий, то противопоставление мобильных и константных парадигм нейтрализуется. Можно считать, что все глаголы с высоким тоном основы имеют константную парадигму.

Таким образом, все глаголы языка муан делятся на две группы. Это: 1) глаголы с константной парадигмой, не меняющие тон по влиянию тона предыдущего слова, и 2) глаголы с мобильной парадигмой, меняющие свой тон в зависимости от тона предыдущего слова.

Продемонстрирую это различие на примере двух глаголов с низким тоном основы. Даны формы 1 и 3 лица ед. ч. — местоимения 1 лица соответствующих серий несут высокий тон, а местоимения 3 лица ведут себя как слова со средним тоном⁵. Формы 2 лица ед. ч. опущены, так как их тон чаще всего совпадает с тоном форм 1 лица ед.ч. (соответствующие местоимения имеют высокий тон).

Жирным шрифтом выделены формы, где начальный (лексический) тон глагола изменен.

Поскольку в примерах даны переходные глаголы и позиция прямого дополнения у них должна быть обязательно заполнена, в парадигмах использованы слитные субъектно-объектные местоимения с объектом 3 л. ед.ч.: *á gbì* 'я его ловлю', и т.д.

Таб. 3. Константная парадигма: *gbì* 'ловить, охотиться'.

		Презенс	Перфектив	Будущее	Прогрессив
Утверд.	1 ед.	á gbì	á gbìà	ń nū à gbì lē	á gbì zí
	3 ед.	yà gbì	yà gbìà	è nū à gbì lē	yà gbì zí
Отрицат.	1 ед.	náá gbì	náá gbì lē	náá nū à gbì lē	náà gbì zí
	3 ед.	yāā gbì	yāā gbì lē	yāā nū à gbì lē	yāà gbì zí

Таб. 4. Мобильная парадигма: *lò* 'покупать'.

		Презенс	Перфектив	Будущее	Прогрессив
Утверд.	1 ед.	á lō	á lwá	ń nū à ló lē	á ló zī
	3 ед.	yà lō	yà lwà	è nū à lò lē	yà lò zí
Отрицат.	1 ед.	náá lō	náá ló lē	náá nū à ló lē	náà lò zí
	3 ед.	yāā lō	yāā lò lē	yāā nū à lò lē	yāà lò zí

Из таблиц видно, что тон глагола зависит не только от типа его парадигмы (мобильная она или константная) или от тона предыдущего слова. Некоторые видо-временные формы сами маркированы изменением тона. Так, в имперфективе оба представленных глагола получают средний тон во всех формах.

⁵При этом формы местоимений 3 лица разных местоименных серий могут нести различный тон, ср. формы 3 лица ед.ч.: *è* (основная субъектная серия); *yéé* (эмфатическая серия); *yé* (контрастивная фокализованная серия); *yāā* (отрицательная серия) и т.п.

Следовательно, изменение тона глагола связано и с конкретной видо-временной формой.

4. Тональные изменения в различных видо-временных формах

Рассмотрим, как меняется тон глаголов разных классов в различных видо-временных формах. В целом для глагольной системы муан более характерным является выражение аспектуальных, чем темпоральных значений.

4.1. Имперфектив

Модель: S — (OD) — V (средний тон).

Имперфектив характеризуется тем, что все корневые глаголы принимают средний тон. Этому правилу не подчиняются превербы⁶, а также суффиксид *-là/-pá* (см. 4.3, 4.4). Имперфектив может иметь хабитуальное значение, см. (4), а также иметь при себе показатель ретроспективного сдвига *yàà*, представляющий собой перфективную форму связки *ò*, см.: (5)⁷.

(3) $\acute{ɲ}$ $y\bar{o}$ $p\bar{o}$ \acute{a} $z\bar{o}$ $lé.$
 1SG(I) пальма валить 1SG(VIII) мотыга с

‘Я рублю (сваливаю) пальму своей мотыгой’.

(4) $\acute{ɲ}$ $yáà$ $fí\grave{t}r\grave{o}n\acute{e}$ $ké$ $n\bar{e}\bar{e}$ $súgrùú$ $é$
 1SG(I) COP.PRF маленький и мать маниока ART
 $z\grave{o}$ $tá\grave{ɲ}.$
 толочь всегда

⁶Превербы сохраняют свой лексический тон, что является одним из аргументов при решении вопроса о том, являются ли превербы независимыми словами, полузависимыми или морфемами. По-видимому, для муан следует принять точку зрения на превербы как на полузависимые слова, подобные отделяемым приставкам немецкого языка. В нашей орфографии они пишутся через дефис.

⁷В муан формы с показателем ретроспективного сдвига имеют прототипические для этой формы значения: 1. отдалённое прошлое; 2. ситуация более не имеет места; 3. результат ситуации был впоследствии аннулирован. О ретроспективном сдвиге см.: [Плунган 1998].

‘Когда я был маленьким, мать каждый день толкла маниоку’.

(5) Ò yàà yíláá ékē dìŋ bē.
 ЗРЛ(І) СОР.РРГ сидеть РЕС сосед тут

‘Они (бывало) располагались рядом друг с другом (уже не располагаются).’

Таб. 5. Имперфектив глаголов 1 класса (со слитными местоимениями «субъект-прямой объект 3 л. ед.ч.»)

		Высокий	Средний		Низкий	
		кḻ	конст gḻ	моб yē	конст gbḻ	моб lḻ
		‘хватать’	‘продавать’	‘видеть’	‘ловить’	‘покупать’
ед.	1	á kḻ	á gḻ	á yē	á gbḻ	á lḻ
	2	yá kḻ	yá gḻ	yá yē	yá gbḻ	yá lḻ
	3	yà kḻ	yà gḻ	yà yē	yà gbḻ	yà lḻ
мн.	1 эккл.	wá kḻ	wá gḻ	wá yē	wá gbḻ	wá lḻ
	1 инкл.	kḻá kḻ	kḻá gḻ	kḻá yē	kḻá gbḻ	kḻá lḻ
	2	káá kḻ	káá gḻ	káá yē	káá gbḻ	káá lḻ
	3	wà kḻ	wà gḻ	wà yē	wà gbḻ	wà lḻ

В имперфективе субъект может быть выражен местоимениями I или III серий (основной субъектной или эмфатической). Если и субъект, и объект выражены неэмфатическими местоимениями, они могут сливаться, образуя тем самым слитные субъектно-объектные формы. Такое слияние оказывается обязательным в быстрой речи, но при необходимости слитные формы могут разделяться.

(6) Yòó klē síé lé.
 они.нас(ЕХСЛ) делать чужак с

‘Они нас приняли с почётом’ (лит.: «Они нас превращают в чужестранцев»).

4.1.2. Отрицательная форма имперфектива

Как и в утвердительной форме, все глаголы меняют свой начальный тон на средний.

- (7) M̀aní láá ń d̄.̄
 Мани NEG 1SG(VII) знать
 ‘Мани меня не знает’.

Если субъект такой отрицательной конструкции выражен местоимением, употребляются местоимения отрицательной серии (VI), в которые инкорпорируется и объектное местоимение 3 л. ед.ч. à:

- Náá à ḡ.̄ Náá ḡ.̄ ‘я его не продаю’
 Yáá à ḡ.̄ Yáá ḡ.̄ ‘ты его не продаешь’
 Yāā à ḡ.̄ Yāā ḡ.̄ ‘он его не продает’

4.2. Перфектив

Модель: S — (OD) — V-показатель перфектива.

Имперфектив, как и прогрессив (см. 4.3.) чаще всего коррелируют с настоящим временем, а перфектив, обозначающий действие законченное, пунктивное - с прошедшим. С этим же спектром значений связано употребление перфектива в условных предложениях.

- (8) Éyáà nēē súgrùú é zùà yē dō é
 вчера мать маниока ART толочь.PRF место один ART
 пò.
 в
 ‘Вчера мать истолкла маниоку сразу (одним махом)’.

- (9) Éyáà nēē súgrùú bèbè zùà.
 вчера мать маниока много толочь.PRF
 'Вчера мать натолкла много маниоки'.
- (10) Mí á gòŋ é gùà.
 1SG(III) мой(VIII) машина DEF продавать.PRFV
 'Я-то продал свою машину';
- (11) É tásá bàlá-á.
 2SG(I) миска ронять-PRFV
 'Ты уронил миску';
- (12) Á bláà í gbē lé.
 1SG.3SG(I') есть.PRFV 1SG(I) рука с
 'Я это ел руками'.

Утвердительная форма перфектива в языке муан образуется путём прибавления к основе глагола суффиксов -à/-Là, присоединяемых агглютинативно или фузионно. Таблица 6 показывает модели образования форм перфектива от глаголов с основами различных типов.

Что касается глаголов с превербами, то их основа в перфективе изменяется подобно основе соответствующего производного глагола: *lì-gō* 'открывать' — *lì-gùà*; *yì-má* 'понимать' — *yì-màà*; *yì-dā* 'пытаться' — *yì-dàà*.

Таб. 6. Образование форм перфектива.

тип основы	гласный основы	форма перфектива	примеры
CV	ā, á, à ā̄, á̄, à̄	àà àà̄	krá 'класть' — kràà yā 'родиться' — yàà sá 'влезать' — sàà dā 'пробовать' — dàà
	ō, ó, ò ū	wà	só 'любить' — swà dō 'знать' — dwà pó 'протыкать' — pwà lō 'покупать' — lwà
	ṽ, ṽ̄, ṽ̄̄ ú	wà̄	nū 'приходить' — nwà zṽ 'толочь' — zwà kú 'хватать' — kwà
	ō, ó, ò	òà	tó 'оставлять' — tòà wō 'говорить' — wòà
	ē, é, è ē̄, é̄, è̄ ī, í, ì	ìà	fē 'мыть' — fià dē 'убивать' — dià pē 'сказать' — pià sí 'брать' — sià mī 'пить' — mià
	ī̄, í̄, ì̄	ìà̄	bī̄ 'хоронить' — bià̄ gbī̄ 'ловить' — gbià̄
	(неправильные глаголы)	à	yē 'видеть' — yà
CVV, CvCV	CVV	+là	síí 'называть' — siilà bíí 'сгибать' — biilà bèè 'лечить' — bèèlà
	Cṽṽ	+nà	fáá 'красть' — fàànà gāā 'прятать' — gàànà wlèè 'подниматься' — wlèè̀̀nà
	CvCV	à	flē 'есть' — flà klē 'делать' — klà
Cvlà	Cvlà	Cvláá	yālà 'сидеться' — yàláá dū̀̀là 'останавливаться' — dū̀̀láá

NB: В таблице представлены только реально встретившиеся глаголы, что объясняет отсутствие других, теоретически вероятных гласных основы.

Суффикс перфектива *-à/-là/-nà* всегда несёт низкий тон. Изменения тона конкретных глаголов в перфективе представлены в таблице 7. Даны формы 1 и 3 лица единственного числа как диагностические. Формы 1 лица демонстрируют тональное поведение глагола после слов с высоким тоном, формы 3 лица — после слов со средним тоном. По этим двум формам можно восстановить всю тональную парадигму соответствующих глаголов.

Таб. 7. Изменение тона в утвердительных формах перфектива.

класс глагола	глагол	местоименный субъект		модель изменения тона		
		1 ед.	3 ед.	лексический тон	1 л.	3 л.
IIH	kú 'поймать'	á kwâ	yà kwâ	H	H	L
IMконст	gǔ 'продавать'	á gwà	yà gwà	M	L	L
IMмоб	yē 'видеть'	á yá ⁸	yà yà	M	F	L
ILконст	gbì 'гнать'	á gbià	yà gbià	L	L	L
ILмоб	l̩ 'покупать'	á lwà	yà lwà	L	H	L
IIH	fáá 'красть'	á fáá nà	yà fáá nà	H	H	L
IIH	gāā 'прятать'	á gāā nà	yà gāā nà	M	L	L
III	wl̩̀̀̀ 'поднимать'	á wl̩̀̀̀ nà	yà wl̩̀̀̀ nà	B	H	L
III	yāla 'садиться'	í yālaá	è yālaá			
IV	l̩̀̀̀̀ 'открывать'	á lígwà	yà lígwà			

4.2.1. Отрицательная форма перфектива

Модель: S — *lāā* — (OD) — V *lē*.

⁸ «Неправильный» глагол 'видеть' демонстрирует в данной формепадающий тон (F).

В отрицательной форме перфектива за глаголом следует показатель $I\bar{E}^9$.

- (13) $L\bar{E}$ $l\bar{a}\bar{a}$ $m\bar{a}\bar{a}$ $l\bar{o}$ $I\bar{E}$.
 женщина NEG курица продавать SPN
 ‘Женщина не продала курицу’.

Таблица 8 представляет отрицательные формы перфектива для глаголов с «легкой» стопой (тип CV). Как и ожидалось, конструкциях со слитными местоимениями 3 лица ед. и мн.ч. глаголы сохраняют свой начальный (лексический) тон, а после местоимений-локуторов (1 и 2 лица ед. и мн.ч.) глаголы с мобильной парадигмой меняют лексический тон на высокий.

Таб. 8. Отрицательные формы перфектива у глаголов типа CV (формы с измененным тоном выделены).

Тон глагола	Высокий	Средний		Низкий		
		конст.	моб.	конст.	моб.	
Лицо	$k\bar{u}$ ‘хватать’	$g\bar{o}$ ‘продавать’	$y\bar{e}$ ‘видеть’	$g\bar{b}\bar{i}$ ‘гнать’	$l\bar{o}$ ‘покупать’	
Sg	1	$n\bar{a}\bar{a}$ $k\bar{u}$ $I\bar{E}$	$n\bar{a}\bar{a}$ $g\bar{o}$ $I\bar{E}$	$n\bar{a}\bar{a}$ $y\bar{e}$ $I\bar{E}$	$n\bar{a}\bar{a}$ $g\bar{b}\bar{i}$ $I\bar{E}$	$n\bar{a}\bar{a}$ $l\bar{o}$ $I\bar{E}$
	2	$y\bar{a}\bar{a}$ $k\bar{u}$ $I\bar{E}$	$y\bar{a}\bar{a}$ $g\bar{o}$ $I\bar{E}$	$y\bar{a}\bar{a}$ $y\bar{e}$ $I\bar{E}$	$y\bar{a}\bar{a}$ $g\bar{b}\bar{i}$ $I\bar{E}$	$y\bar{a}\bar{a}$ $l\bar{o}$ $I\bar{E}$
	3	$y\bar{a}\bar{a}$ $k\bar{u}$ $I\bar{E}$	$y\bar{a}\bar{a}$ $g\bar{o}$ $I\bar{E}$	$y\bar{a}\bar{a}$ $y\bar{e}$ $I\bar{E}$	$y\bar{a}\bar{a}$ $g\bar{b}\bar{i}$ $I\bar{E}$	$y\bar{a}\bar{a}$ $l\bar{o}$ $I\bar{E}$
Pl	1 excl.	$w\bar{a}\bar{a}$ $k\bar{u}$ $I\bar{E}$	$w\bar{a}\bar{a}$ $g\bar{o}$ $I\bar{E}$	$w\bar{a}\bar{a}$ $y\bar{e}$ $I\bar{E}$	$w\bar{a}\bar{a}$ $g\bar{b}\bar{i}$ $I\bar{E}$	$w\bar{a}\bar{a}$ $l\bar{o}$ $I\bar{E}$
	1 incl.	$k\bar{o}\bar{s}$ $l\bar{a}\bar{a}$ $k\bar{u}$ $I\bar{E}$	$k\bar{o}\bar{s}$ $l\bar{a}\bar{a}$ $g\bar{o}$ $I\bar{E}$	$k\bar{o}\bar{s}$ $l\bar{a}\bar{a}$ $y\bar{e}$ $I\bar{E}$	$k\bar{o}\bar{s}$ $l\bar{a}\bar{a}$ $g\bar{b}\bar{i}$ $I\bar{E}$	$k\bar{o}\bar{s}$ $l\bar{a}\bar{a}$ $l\bar{o}$ $I\bar{E}$
	2	$k\bar{a}$ $l\bar{a}\bar{a}$ $k\bar{u}$ $I\bar{E}$	$k\bar{a}$ $l\bar{a}\bar{a}$ $g\bar{o}$ $I\bar{E}$	$k\bar{a}$ $l\bar{a}\bar{a}$ $y\bar{e}$ $I\bar{E}$	$k\bar{a}$ $l\bar{a}\bar{a}$ $g\bar{b}\bar{i}$ $I\bar{E}$	$k\bar{a}$ $l\bar{a}\bar{a}$ $l\bar{o}$ $I\bar{E}$
	3	$w\bar{a}\bar{a}$ $k\bar{u}$ $I\bar{E}$	$w\bar{a}\bar{a}$ $g\bar{o}$ $I\bar{E}$	$w\bar{a}\bar{a}$ $y\bar{e}$ $I\bar{E}$	$w\bar{a}$ $g\bar{b}\bar{i}$ $I\bar{E}$	$w\bar{a}\bar{a}$ $l\bar{o}$ $I\bar{E}$

4.3. Прогрессив

Модель: S (\bar{o}) — (OD) — V — zI.

Прогрессив выражает значение «динамической» длительности, однако по своим функциям приближается к дуративу, обозначающему срединную стадию у ситуаций любого типа (ср. Примеры (14), (15))¹⁰. В языке муан прогрессив, как и имперфектив, может иметь при себе показатель ретроспективного

⁹По мнению К.Флеминг, перед нами показатель ирреалиса [Fleming 1995: 51–52]; этимологически это бенефактивный последлог, ставший показателем отглагольного имени со значением цели (супин).

¹⁰О разграничении значений дуратива и перфектива см.: [Плунгян 2000: 300].

сдвига (16). Прогрессив образуется при помощи связки ò (которая может заменяться на показатель ретроспективного сдвига уàà), а также постпозитивного оператора $z\acute{i}/z\bar{i}$. Последний бытует в двух позиционных вариантах: $z\acute{i}$ и $z\bar{i}$. $Z\bar{i}$ появляется после глаголов с высоким тоном, каким бы ни было его происхождение; в остальных случаях используется вариант $z\acute{i}$: $L\bar{e} br\acute{u}u\acute{b}l\acute{e} z\bar{i}$ 'Женщина ест хлеб', но $L\bar{e} m\bar{a}\bar{a} bl\bar{e} z\acute{i}$ 'Женщина ест курицу', $\sim\eta z\grave{o} gb\grave{i} z\acute{i}$ 'Я охочусь на броненосца'.

- (14) $\sim\eta$ núà, k\acute{e} n\bar{e}\bar{e} ò s\acute{u}gr\acute{u}u z\bar{o} z\acute{i}.
 1SG(I) приходит. PRF и мать COP маниока толочь
 PROG

'Когда я пришёл, мать толкла маниоку'.

- (15) $V\bar{a}\bar{a}$ b\bar{a} m\bar{a}\bar{a} ò s\acute{o} z\bar{i}\bar{i} \grave{a} n\bar{i}.
 рис с курица COP нравиться Prog Зед(VII) для
 'Ему нравится курица с рисом'.

- (16) $V\bar{e}$ c\bar{a} z\bar{i} s\acute{a} y\bar{g}\bar{e} l\grave{e} y\grave{a}\grave{a} g\bar{e}\bar{e},
 этот сказка за начало место вот COP.PRF так
 $l\bar{e}$ d\bar{o} y\grave{a}\grave{a} s\acute{u}gr\acute{u}u z\bar{o} z\acute{i}.
 женщина один COP.PRF маниока толочь PROG

'Эта сказка начиналась так: одна женщина как раз толкла маниоку'.

Связка (ò) может опускаться, если субъект и объект выражены именем или местоимением эмфатической серии:

$L\bar{e} \grave{o} z\grave{o} k\acute{u} z\bar{i}\bar{i}$. = $L\bar{e} z\grave{o} k\acute{u} z\bar{i}\bar{i}$. 'Женщина ловит броненосца'.

Если же в роли субъекта выступают местоимения основной серии, связка инкорпорируется в слитное местоимение (слитная серия со связкой), напр.:

Yòò zò kú zǐí. 'Ты ловишь броненосца'.

Yòò mǎā bí zǐí. 'Он ест курицу'.

В этом случае, однако, связка также может быть опущена, и субъект будет выражен местоимением основной субъектной серии:

Yò mǎā yē zǐí. = É mǎā yē zǐí. 'Ты видишь курицу'.

Связка также может опускаться в случае, когда субъект выражен именем, а объект - местоимением:

Jàrà (ò) à bí zǐí. 'Лев его ест'.

Таким образом, связка оказывается факультативной почти всегда. Исключением из этого правила является тот случай, когда прямой объект выражен местоимением 3 л. мн. ч. ò, омонимичным связке. В этом случае связка оказывается обязательной:

Jàrà ò ò bí zǐí. 'Лев ест их'.

Наконец, если и субъект, и объект оказываются местоименными, связка опускается, а вместо нее появляются местоимения слитной субъектно-объектной серии:

Áyé zǐí. 'Я его вижу'. Yà gǔ zǐí. 'Он его продает'.

В этом случае связка опускается, даже если субъект выражен местоимением 3 л. мн.ч.:

Wòó yé zǐí. (*Wòò ò yé zǐí). 'Они нас (экскл.) видят'.

В прогрессиве глаголы с константными парадигмами, как и глаголы с «тяжелой» стопой, сохраняют свой лексический тон. Глаголы типа CV с мобильными парадигмами меняют лексический тон в соответствии с контрастивной моделью (см. 3.2.), т.е. после слов с высоким или низким тоном они меняют лексический тон на высокий. Той же модели следуют и глаголы с

суффиксом *-l̄à/-n̄à*. Провербы ведут себя как соответствующие служебные слова.¹¹

4.3.1. Отрицательные формы прогрессива

Модель: S — (ò) — (OD) — V — zÍ

Отрицательные формы прогрессива включают показатель отрицания *l̄āā*, тон которого изменяется по контрастивной модели:

- (17) Kpé l̄áá ò mēē yē zí.
 коза NEG COP человек видеть PROG
 ‘Коза не видит человека’.

- (18) Kpé l̄áá ò ǰ yé z̄íí.
 коза NEG COP 1SG(VII) видеть PROG
 ‘Коза меня не видит’.

Если субъект представлен местоимением, а объект является именем, используются местоимения слитной отрицательной серии со связкой (субъект + *l̄āā* + ò):

Yāò kpé yé z̄íí ‘Он не видит козы’.

Существует и особая отрицательная местоименная серия — слитная в прогрессиве. Она представляет собой результат слияния субъектного местоимения с показателем отрицания *l̄āā*, связкой ò и объектным местоимением 3 л. ед.ч. à:

- (19) Wāà gb̄ì zí.
 3PL>3SG.NEG.COP охотиться PROG
 ‘Они на него не охотятся’.

¹¹Провербы являются полузависимыми словами и сохраняют модели мены тона, свойственные соответствующим служебным или знаменательным словами. Так, проверб *l̄ì* меняет тон по контрастивной модели, как и послелог *l̄ì*: *Lē ḡɔŋ l̄ì-gō zí* ‘Женщина открывает машину’ — *Lē b̄rō l̄ì-gō zí* ‘Женщина открывает кастрюлю’.

Когда в роли прямого объекта выступает не местоимение 3 л. ед. ч., а любое другое, появляется VI отрицательная серия (субъект + $l\bar{a}\bar{a}$ + δ):

- (20) Wáò ó gbì zí.
 3PL.NEG.COP 1PL.INCL охотиться PROG

'Они на нас не охотятся'.

В отличие от утвердительных форм прогрессива, в его отрицательных формах связка δ не опускается.

Отрицательная форма прогрессива с показателем ретроспективного сдвига образуется при участии местоимений основной отрицательной серии (VI):

Утвердительная форма	Отрицательная форма
Jàrà yàà tōkō yē zí. 'Лев видел мангуста'	Jàrà láá yàà tōkō yē zí.
Ó yáà ká yé zī. 'Мы (экскл.) вас когда-то видели'	Wáá yàà ká yé zī.
Ó yáà à yē zí. 'Мы (экскл.) его когда-то видели'	Wáá yàà à yē zí.
Jàrà yàà ó yé zī. 'Лев нас когда-то видел'	Jàrà láá yàà ó yé zī.

4.4. Будущее

Модель: S $n\bar{u}$ — (OD) — V $l\bar{e}$.

- (21) Pàsēlì Blènāà nū nū lē Zèzù séwé
 пастор Бернар FUT приходить SPN Иисус бумага
 t̄a-p̄ē l̄ē.
 над-говорить SPN

'Пастор Бернар придёт читать Библию'.

Показатель будущего восходит к глаголу *pū* ‘приходить’. Как утвердительная, так и отрицательная формы будущего сопровождаются показателем *lē*. В формах будущего все глаголы меняют свой лексический тон так же, как в прогрессиве. При образовании будущего от бытийных предложений связка заменяется глаголом *klē* ‘делать, становиться’:

(22) *Yòò pàsēlì lé.*
 3SG.COP пастор в
 ‘Он пастор’

(23) *É nū klē lē pàsēlì lé.*
 3SG(I) FUT делать SPN пастор в
 ‘Он будет (станет) пастором’.

4.4.1. Отрицательная форма будущего

Модель: S — IAA — *pū* — (OD) — V — *lē*.

Глагол меняет свой лексический тон по той же модели.

4.5. Императив

В форме 2 л. ед.ч. субъектное местоимение опускается; однако местоимение 2 л. мн.ч. *kà* выделяется среди местоимений-локуторов других серий тем, что имеет низкий тон. Соответственно, слитной формой с объектным местоимением 3 л. ед.ч. оказывается форма *kàà*.

В императиве глаголы структуры CV изменяются по той же модели, что и в прогрессиве: *Ó māā kú!* ‘Давайте поймем курицу!’ Ср. в имперфективе: *Ó māā kū* ‘Мы ловим курицу’. Глаголы II класса (типы CVV, CvLV) имеют в основе долгий гласный, который следует трактовать как сочетание двух кратких. В императиве первый из этих гласных сохраняет лексический тон, а конечная приобретает средний тон: *fáá* ‘красть’ — *Á fáā* ‘Укради его!’ *wlèè* ‘поднимать’ — *Á wlèē* ‘Подними его!’ Если лексический тон глагола — средний, императивная форма не отличается от формы имперфектива.

Таб. 9. Императив

	класс I		класс II			класс III	класс IV
	Средний (моб)	Низкий (моб)	Высокий	Средний	Низкий		
	yē 'видеть'	lò 'покупать'	fáá 'красть'	gāā 'прятать'	wlèè 'поднимать'	bālà 'ронять'	lìgō 'открывать'
Sg	à yē	à lò	à fáā	à gāā	à wlèè	à bālà	à lìgō
Pl	kàà yē	kàà lò	kàà fáā	kàà gāā	kàà wlèè	kàà bālà	kàà lìgō

4.5.1. Прохибитив

Прохибитивная конструкция отличается от отрицательной формы имперфектива наличием показателя *lē*. В прохибитиве употребляется местоимение 2 л. ед.ч. обычной субъектной серии (а не местоимение императивной серии):

kàà lò! 'Купите его!' *ká láá ló lē!* 'Не покупайте его!'

4.6. Оптатив

Модель: (*bāā*) S — OD — V

(24) *bāā è gē làkrùù wà bēè mēè bō*
 ОРТ 3SG(I) идти школа деревня и люди оставаться
 sró.

спокойной

'Пусть она идет в школу, и люди отдохнут'.

В таблице 10 приведены формы единственного числа (остальные формы выводятся из них).Оптативные формы могут переводиться на русский язык как «чтобы я видел», «чтобы ты видел», «пусть он видит» и т.п.

В формах оптатива глаголы типа CV меняют свой тон по знакомой схеме: высокий после высокого или низкого; низкий после среднего. Глаголы типа CVV, CvLV в оптативе меняют свой тон подобно тому, как это происходит в императиве: «долгий» гласный несет два тона, из которых первый совпадает с лексическим, а второй меняется на средний.

Таб. 10. Система опатива.

Класс	1		2			3	4	
	Средний	Низкий	Высокий	Средний	Низкий			
Лицо	ӯе 'видеть'	л̄ò 'покупать'	ф̄áá 'красть'	г̄áā 'прятать'	wl̄èè 'поднимать'	ӯàlà 'сидиться'	л̄ìgō 'открывать'	
Sg	1	б̄āā á ӯе	б̄āā á л̄ó	б̄āā á ф̄áā	б̄āā á г̄áā	б̄āā á wl̄éé	б̄āā ɲ ӯàlà	б̄āā á л̄ìgō
	2	б̄āā ӯá ӯе	б̄āā ӯá л̄ó	б̄āā ӯá ф̄áā	б̄āā ӯá г̄áā	б̄āā ӯá wl̄éé	б̄āā é ӯàlà	б̄āā ӯá л̄ìgō
	3	б̄āā ӯà ӯе	б̄āā ӯà л̄ó	б̄āā ӯà ф̄áā	б̄āā ӯà г̄áā	б̄āā ӯà wl̄éé	б̄āā ɛ ӯàlà	б̄āā ӯà л̄ìgō

Таб. 11. Отрицательная форма опатива.

Класс	1		2			3	4
	Средний	Низкий	Высокий	Средний	Низкий		
Лицо	ӯē 'видеть'	л̄ò 'покупать'	ф̄áá 'красть'	г̄áā 'прятать'	wl̄èè 'поднимать'	ӯàlà 'сидиться'	л̄ìgō 'открывать'
Sg	1	б̄āā náá ӯé l̄ē	б̄āā náá л̄ó ф̄áá l̄ē	б̄āā náá г̄áā l̄ē	б̄āā náá wl̄éé l̄ē	б̄āā náá ӯàlà l̄ē	б̄āā náá л̄ìgō l̄ē
	2	б̄āā ӯáá ӯé l̄ē	б̄āā ӯáá л̄ó ф̄áá l̄ē	б̄āā ӯáá г̄áā l̄ē	б̄āā ӯáá wl̄éé l̄ē	б̄āā ӯáá ӯàlà l̄ē	б̄āā ӯáá л̄ìgō l̄ē
	3	б̄āā ӯāā ӯé l̄ē	б̄āā ӯāá л̄ó ф̄áá l̄ē	б̄āā ӯāā г̄áā l̄ē	б̄āā ӯāā wl̄éé l̄ē	б̄āā ӯāā ӯàlà l̄ē	б̄āā ӯāā л̄ìgō ` l̄ē

5. Тональные парадигмы

Суммируя все сказанное выше, приходим к выводу, что тон конкретной глагольной формы зависит от следующих факторов:

1. лексического тона данного глагола;
2. типа его парадигмы (константная или мобильная);
3. особенностей конкретной видо-временной формы;
4. тона предыдущего слова.

Конкретные тональные реализации глаголов 1 класса (тип CV) приведены в таблице 12. Например, необходимо установить,

какой тон получает глагол *mí* ‘пить’ в форме перфектива в случае, когда ему предшествует прямой объект, несущий низкий тон. Рассуждение выстраивается следующим образом.

Глагол *mí* принадлежит к классу типа CV со средним лексическим тоном и мобильной парадигмой. В перфективе он имеет форму *míà*. Таблица показывает, что у глаголов этого класса в утвердительной форме перфектива тон меняется на высокий (Н) после объектов, имеющих высокий тон, или на низкий после слов со средним или низким тоном. Отсюда: *Ò yì míà* ‘Они выпили воды’. В отрицательной форме перфектива этот глагол после объекта с низким тоном получает высокий тон: *Ò láá yì mí lē* ‘Они не пили воды’.

Таб. 12. Тональные реализации глаголов типа CV.

Лексический тон глагола		Высокий		Средний				Низкий			
видо-врем. форма	тон прям. объекта			конст.		моб.		конст.		моб.	
		утв.	отр.	утв.	отр.	утв.	отр.	утв.	отр.	утв.	отр.
Императив	H	H	L	M	M	H	H	L	L	H	H
	M	H	H	M	M	M	M	L	L	L	L
	L	H	H	M	M	H	H	L	L	H	H
Имперфектив	H					M	M				
	M					M	M				
	L					M	M				
Перфектив	H	П	H	L	M	П	H	L	L	П	H
	M	L	H	L	M	L	M	L	L	L	L
	L	L	H	L	M	L	H	L	L	L	H
Будущее	H	H	H	M		M	L		L	H	H
	M	H	H	M		M	L		L	L	L
	L	H	H	M		M	L		L	H	H
Прогрессив	H	H	H	M	M	H	H	L	L	H	H
	M	H	H	M	M	M	M	L	L	L	L
	L	H	H	M	M	H	H	L	L	H	H

5.2. Модели изменения тона глагола

Анализ приведенной выше таблицы показывает, что имеются три модели мены тона в зависимости от тонального окружения

слева (ср. с моделями, приведёнными в начале статьи).

К о н с т а н т н а я м о д е л ь : тон глагола не меняется. Эта модель характеризует имперфектив. В сводной таблице обозначена цифрой 1.

К о н т р а с т и в н а я м о д е л ь типична для глаголов с мобильной парадигмой (в сводной таблице обозначена цифрой 2).

Тональный контекст слева	Тон глагола
Н	Н
М	лексический
В	Н

К о о р д и н а т и в н а я м о д е л ь характерна для утвердительных форм перфектива. Высокий тон глагола меняется на низкий после объекта, несущего низкий или средний тон (в сводной таблице обозначена цифрой 3).

Тон прямого объекта	Тон глагола
Н	Н
М	В
В	В

Для примера изменения по координативной модели приведем формы глагола *fáá* 'красть' в перфективе:

Jàrà á kré fáánà 'Лев украл мою козу'.

Jàrà á mǎā fǎànà 'Лев украл мою курицу'.

Jàrà á zò fǎànà 'Лев украл моего броненосца'.

Неправильный глагол *uē* после высокотонового слова получает падающий тон:

Jàrà kré uá. 'Лев увидел козу'. *Jàrà mǎā uà.* 'Лев увидел курицу'. *Jàrà zò uà.* 'Лев увидел броненосца'.

5.3. Общий анализ тональной морфологии глагола

Тональные парадигмы в языке муан выполняют те же функции, что и словоизменительные парадигмы в индоевропейских языках. Изменения тона характеризуются следующими особенностями:

- они не полностью зависят от тонального окружения;
- они являются маркерами определённых видо-временных форм;
- они различны для разных групп глаголов и позволяют разделить глаголы на несколько парадигматических классов («спряжений»).

Таб. 13. Сводная таблица.

тип основы	CV				CVV, CvLV			CV-la	
	Н	М		L		Н	М		L
форма		к	м	к	м				
Имперфектив	1(M)	1(M)	1(M)	1(M)	1(M)	1(M)	1(M)	1(M)	1(M)
Имперфектив отр.	1(M)	1(M)	1(M)	1(M)	1(M)	1(M)	1(M)	1(M)	1(M)
Перфектив	3	1(L)	3	1(L)	3	3	1(L)	3	1(L)
Перфектив отр.	1(H)	1(M)	2	1(L)	2	3	1(M)	2	1(M)
Будущее	1(H)	1(M)	1(M)	1(L)	2	1(H)	1(M)	1(L)	1(M)
Будущее отр.	1(H)	1(M)	1(M)	1(L)	2	1(H)	1(M)	1(L)	1(M)
Прогрессив	1(H)	1(M)	2	1(L)	2	1(H)	1(M)	2	1(M)
Прогрессив отр.	1(H)	1(M)	2	1(L)	2	1(H)	1(M)	2	1(M)
Императив	1(H)	1(M)	2	1(L)	2	1(HM)	1(M)	1(LM)	1(M)
Прохибитив	1(H)	1(M)	2	1(L)	2	1(H)	1(M)	2	1(M)
Оптатив	1(H)	1(M)	2	1(L)	2	1(HM)	1(M)	1(LM)	1(M)
Оптатив отр.	1(H)	1(M)	2	1(L)	2	1(H)	1(M)	2	1(M)

В данной таблице сведены воедино три фактора, оказывающих влияние на тон конкретной глагольной формы, а именно:

- а) парадигматический класс глагола;
- б) видо-временная форма;
- в) модель изменения тона глагола в зависимости от тонального окружения слева. Эти модели обозначены в таблице номерами: 1) константная модель, 2) контрастивная модель, и 3) координативная модель. В скобках указан тон глагола при константной модели изменения тона. Таким образом, знак 1(m) означает, что глагол в данном случае сохраняет средний тон в данной видо-временной форме независимо от тона предыдущего слова.

Например, требуется выяснить парадигму глагола *l̥* (перф. *l̥ùà*) 'покупать'. Этот глагол принадлежит к классу CV, лексический тон — низкий, парадигма — мобильная. Таблица показывает все изменения тона для данного класса в различных видо-временных формах и со всеми типами тонального контекста слева.

В имперфекте дана 1(m), следовательно глагол *l̥* имеет средний тон и не меняется в зависимости от тона предыдущего слова (1 — константная парадигма). Отсюда форма

ɨ̌ m̄āā l̄ 'Я покупаю курицу'.

В перфективе глагол *l̥* следует модели 3. Это означает, что после слова, несущего высокий тон, тон глагола меняется на высокий, однако после слов, имеющих средний или низкий тон, тон глагола остается низким:

ɨ̌ lrúú lúà. 'Я купил хлеб', *ɨ̌ m̄āā l̥ùà* 'Я купил курицу', *ɨ̌ bl̄è l̥ùà* 'Я купил арахис'.

В отрицательной форме перфектива, как и в других видо-временных формах, тон этого глагола меняется по модели 2 («контрастивная»). Другими словами, после слов высокого и низкого тона данный глагол получает высокий тон (*l̄*), а после слова со средним тоном появляется форма *l̥* (низкотоновая):

ɨ̌ n̄ l̄rúú l̄ l̄ē 'Я куплю хлеб',
ɨ̌ n̄ m̄āā l̥ l̄ē 'Я куплю курицу'.

Литература

- Идиатов ms. — Д. И. Идиатов. Структура глагола языке тура (Западная Африка, семья манде): элемент $[-LÁ]$. Ms.
- Плунгян 1998 — В. А. Плунгян. Плюсquamперфект и показатели «ретроспективного сдвига» // *Язык: Африка. Фульбе*. Сб. научных статей в честь А. И. Коваль. СПб.; М. С. 106–115.
- Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. *Общая морфология. Введение в проблематику*. М.
- Bolli, Flik 1978 — M. Bolli, E. Flik. La phonologie du Muan // *Annales de l'Université d'Abidjan. Sér. H., T. XI, Fasc. 1*, 1978. Pp. 59–96.
- Ethnologue 2000 — Ethnologue. Languages of the World // (B. F. Grimes, Ed.), Dallas, 2000. V. 1. P. 84.
- Fleming 1995 — C. L. Fleming. *An introduction to Mwan grammar*. M. A. Thesis, Univ. of Texas, Arlington, 1995, 159 p.
- Yegbé 2002 — Koffi Antoine Yegbé. *Processes of nominalization in Mwan*. Nairobi: Nairobi Evangelical Graduate School of Theology, 67 p.

Д. И. И д и а т о в

Глагольная деривация с терминативным значением от глаголов изменения положения в пространстве в дан (семья манде, Кот д'Ивуар) как случай лексикализации*

Язык дан относится к южной подгруппе восточной ветви языковой семьи манде, которая входит в состав нигеро-конголезской макро-семьи. На этом языке говорят около 1 200 000 человек, из которых 800 000 в Кот д'Ивуаре, где они известны под именем якуба (*yakouba*). Остальная же часть дан находится в Либерии, где они известны под именем гио (*gio*). Язык дан насчитывает, по крайней мере, 20 диалектов, которые далеко не всегда являются взаимопонимаемыми. В настоящей работе привлекаются данные, прежде всего, по дан-гуэта, являющемуся диалектом, на котором проводится ликвидация неграмотности для восточных диалектов дан. Кроме того, используются данные и по дан-бло, являющемуся диалектом, на котором проводится ликвидация неграмотности для западных

* При написании данной работы были преимущественно использованы материалы, собранные А. Е. Чердынцевой (2002; ms.), по дан-гуэта, А. В. Эрман (2002; ms.), по дан-бло, а также мной, по дан-гуэта, в ходе двух поездок в республику Кот д'Ивуар: в январе-марте 2001 г. и в феврале-апреле 2002 г. Поездки были осуществлены в рамках проекта по лексикографическому описанию языков подгруппы мани-бандама. Финансовая поддержка проекта осуществляется Swiss National Science Foundation, проект SUPJ 062156.00 (<http://www.unizh.ch/spw/afrling/prjbsch/mande.htm>). Руководителями проекта являются В. Ф. Выдрин с российской стороны и Т. Беарт со швейцарской. Кроме того, проекту была оказана важная поддержка со стороны ивуарийского отделения Summer Institute of Linguistics. Я хотел бы особо поблагодарить моего информанта Альфонса Кесе, уроженца деревни Санта (дан-гуэта). Данные, полученные от Альфонса Кесе, обозначены сокращением [АК].

диалектов дан. Дан является высокоаналитичным языком, преимущественно изолирующим, с некоторыми элементами агглютинации и фузии. Кроме того, в дан-гуэта довольно широко используются несегментные морфологические средства. Тоны в дан-гуэта обозначаются в примерах следующим образом: \acute{a} (сверхвысокий тон), \acute{a} (высокий тон), \bar{a} (средний тон), \grave{a} (низкий тон), \grave{a} (сверхнизкий тон), \hat{a} (падающий тон). В дан-бло: \acute{a} (высокий тон), \bar{a} (средний тон), \grave{a} (низкий тон), \hat{a} (падающий тон), \hat{a} (тон, падающий с уровня среднего тона).

1. Словообразовательная модель на $-n\bar{u}$

В дан-гуэта существует возможность образования производных глаголов с терминативным значением от четырех глаголов изменения положения в пространстве при помощи морфемы $-n\bar{u}$ и определенных морфонологических изменений в производящем глаголе:

$$\begin{aligned} CV_1 &\rightarrow C\acute{V}_1\grave{V}_1-n\bar{u} \sim C\acute{V}_1\hat{V}_1-n\bar{u} \\ &\text{или } C\acute{V}_1\acute{V}_1-n\bar{u} \sim C\acute{V}_1\hat{V}_1-n\bar{u} \\ C\tilde{V}_1 &\rightarrow C\acute{V}_1\grave{V}_1-n\bar{u} \\ &\text{или } C\acute{V}_1\hat{V}_1-n\bar{u} \end{aligned}$$

Т.е., от глагола формы CV_1 образуется производный глагол формы $C\acute{V}_1\hat{V}_1-n\bar{u}$ или, факультативно, $C\acute{V}_1\acute{V}_1-n\bar{u}$. При этом, если исходный гласный был назализованным,¹ то в производной форме назализация обеих гласных также обязательна, в противном случае назализация гласных в производном глаголе факультативна.

Отмечены следующие производные и соответствующие им непроизводные глаголы:

¹В дан, как и в большинстве остальных южных манде, назализация является чертой, присущей слогу в целом, т.е. если в слоге гласный назализован, то и согласный в этом слоге тоже будет назализован. Соответственно, в принятой орфографии назализация маркируется в слоге один раз: (а) при помощи m или n , если согласный назализованного слога реализуется как $[m]$ или $[n]$, при этом назализация на гласном никак дополнительно не отмечается, (б) тильдой над/под гласным во всех остальных случаях, при этом назализация на согласном никак дополнительно не отмечается.

$d\bar{o}$ ‘стоять; останавливаться; строить, возводить’ [Чердынцева ms.; АК] → $d\acute{o}n\bar{u}/d\acute{o}n\bar{u}$ или $d\acute{o}n\bar{u}/d\acute{o}n\bar{u}$ ‘останавливаться’ [АК];

$gb\grave{a}$ ‘фиксировать, втыкать (например, палку в землю)’ [Чердынцева ms.; АК] → $gb\grave{a}\bar{a}n\bar{u}$ или $gb\grave{a}\bar{a}n\bar{u}$ ‘останавливаться’ [АК];

$w\bar{o}$ ‘ложиться’ [АК] → $w\grave{a}\bar{a}n\bar{u}/w\grave{a}\bar{a}n\bar{u}$ [Чердынцева ms.; АК] или $w\grave{a}\bar{a}n\bar{u}/w\grave{a}\bar{a}n\bar{u}$ ‘ложиться’ [АК]. В глаголе $w\bar{o}$ огубленность гласного явно вторична и является следствием ассимиляции с w -. Ср. глагол $d\bar{o}$, в котором гласный \bar{o} вне всякого сомнения исконен, т.к. его огубленность, во-первых, нельзя объяснить ассимиляцией, а во-вторых, этот же гласный наблюдается в этом корне в других языках манде (например, в тура — $d\bar{o}$). Т.е., глагол $d\bar{o}$ показывает, что в производном глаголе на $-n\bar{u}$ корневой гласный должен сохраняться;

$y\grave{a}$ ‘сидиться’ [Чердынцева ms.; АК] → $y\grave{a}\bar{a}n\bar{u}/y\grave{a}\bar{a}n\bar{u}$ [Чердынцева ms.; АК] или $y\grave{a}\bar{a}n\bar{u}$ [АК; Чердынцева 2002: 148] / $y\grave{a}\bar{a}n\bar{u}$ ‘сидиться’ [АК] (ср. тура $yaa/yal\acute{a}$).

Глаголы, образованные по аналогичной модели, существуют и в дан-бло. Так, в [Эрман 2002: 170] мне встретился глагол $w\bar{a}\bar{a}n\bar{u}$ ‘ложиться’. Правда, этот глагол употреблен там в нарративе и оптативе, что затрудняет определение точного лексического тона глагола: эти формы требуют в дан-бло замены лексического высокого тона на средний, но никак не могут влиять на падающий тон. Однако, в [Эрман ms.] данный глагол дается в форме $w\bar{a}\bar{a}n\bar{u}$ со свободными вариантами $w\grave{a}\bar{a}n\bar{u}$, $w\grave{a}\bar{a}n\bar{u}$ и $w\bar{a}\bar{a}n\bar{u}$. Соответствующий непроемный глагол имеет в дан-бло форму $w\bar{o}$ ‘лежать; класть’ [Эрман ms.]. В дан-бло имеются, кроме того, следующие производные и производящие глаголы на $-n\bar{u}$ (по данным из [Эрман ms.]):

$gb\hat{a}$ ‘фиксировать, втыкать (например, палку в землю)’ → $gb\hat{a}\bar{a}n\bar{u}$ ‘останавливать(ся); запрещать, быть запрещенным’;

$gbl\bar{u}\bar{a}n\bar{u}$ ‘класть что-либо (на $-t\hat{a}$), накрывать чем-либо (что-либо — $t\hat{a}$)’;²

$kl\hat{u}$ / $kl\hat{u}$ / $k\hat{u}l\hat{u}$ ‘привязывать, прикреплять’ → $kl\bar{u}\bar{l}n\bar{u}$ ‘утихомиривать, унимать’ (тон $kl\bar{u}\bar{l}$ - отмечен как неизвестный);

$y\hat{a}$ ‘садить(ся)’ → $y\hat{a}\bar{a}n\bar{u}$ / $y\hat{a}\bar{a}n\bar{u}$ ‘садиться’.

Далее я коснусь некоторых аспектов семантики, морфологического статуса и этимологии данной словообразовательной модели в дан-гуэта.

2. Семантика

Насколько можно судить по имеющимся данным, хотя глаголы в приведенных выше парах, на первый взгляд, и кажутся полными синонимами, на самом деле они всего лишь квазисинонимы. Различия между такими квазисинонимами могут быть довольно тонкими. Так, глаголы на $-n\bar{u}$, как представляется, не употребляются в прогрессиве (видимо, потому, что семантически они являются терминативными). Ср. также следующие пары примеров, которые показывают, что глаголы на $-n\bar{u}$ используются, по всей видимости, лишь в непереносных пространственных значениях, в отличие от своих производных квазисинонимов:

(1a) $y\hat{a}$ $w\bar{a}$ $y\hat{a}$
 3SG.Па³ лечиться плохо

‘Он слег (больной)’ (французский перевод: ‘il s’est allité’)
 [АК].

²Элемент $gbl\bar{u}\bar{a}n\bar{u}$, вероятно, соответствует глаголу $bh\hat{u}ol\hat{a}$ / $bh\hat{u}o$ с примерно тем же значением в тура. Соответственно, $-a$ в $gbl\bar{u}\bar{a}n\bar{u}$, а также в $kl\bar{u}\bar{l}n\bar{u}$, может соответствовать элементу $|-L\hat{A}|$ в тура (см. Идиатов 2003).

³Римская цифра в глоссе для местоимений указывает на прономинальную парадигму, конкретное значение которой для обсуждаемой темы нерелевантно.

(1b) yà wáánnū yâ
 3SG.IIIa ложиться плохо
 ‘Он лег неудобно’ (французский перевод: ‘il s’est mal couché’) [АК].

(2a) mā ʒ á nū má yáánnū
 1SG.I тот.который 1SG.III приходит 1SG.II садиться
 ‘Я (тот), который пришел, я сел’ [Чердынцева 2002: 148].

(2b) trēṽ yʌ dḶ dḶ kḶ yāṽ yâ
 поезд 3SG.I FUT уходит.FUT когда солнце 3SG.II
 yâ mē gḶ zṽ gú
 садиться человек голова центр в
 ‘Поезд отправляется в полдень’ (букв.: ‘Поезд уйдет тогда, когда солнце садится в центре головы’) [Чердынцева 2002: 136].

3. Морфологический статус элемента -nū

По многим параметрам этот элемент производит впечатление словообразовательного суффикса, в частности, по своей неотделимости, а также по морфонологическим изменениям, затрагивающим корень. Обращает на себя внимание тот факт, что ассимиляция по назальности здесь происходит справа налево, а не слева направо (как, например, в близкородственном языке тура). Может оказаться, что -nū в дан по своему статусу несколько ближе к экстернализованному форманту,⁴ чем к полноценному суффиксу. Хорошим тестом был бы пример на использование глагола на -nū, скажем, в аористе или хабитуалисе, поскольку в этом случае глагол в дан-гуэта должен изменять свой лексический тон на грамматический сверхнизкий, а в

⁴Подобно русскому «постфиксу» -ся, который является «экстернализованным», потому что его позиция не обусловлена по отношению к принципу возрастающей грамматичности, иначе говоря, он помещается после словоизменяющих аффиксов [Плунгян 2000: 34].

дан-бло — на грамматический средний. Т.е., интересно было бы узнать, изменится ли только тон элемента *-nī* или только тон глагольного корня, или же не произойдет ни то, ни другое? В дан-бло, например, насколько можно судить по вышеупомянутой форме *wāānī*, если что-то и изменяет свой тон, то точно не *-nī*: падающий тон в оптативе или нарративе, согласно [Эрман 2002], изменениям не подвергается, а средний тон *wāā-* как раз может оказаться результатом наложения грамматического тона. Правда, в [Эрман ms.] этот и все подобные глаголы в дан-бло даются в форме на *-nī*.

4. Этимология

Суффикс *-nī* является, по всей вероятности, инновацией дан, поскольку ни в одном другом языке манде подобной словообразовательной модели, насколько мне известно, не зафиксировано. Скорее всего, эту инновацию следует возводить до уровня пра-дан, поскольку рассматриваемая словообразовательная модель обнаруживается как в западных, так и в восточных диалектах. По своей форме элемент *-nī* совпадает с глаголом *nī* ‘приходить’, однако более правильным мне кажется возводить его не к этому глаголу, а к наречию *nī* ‘уже’ (вполне вероятно, правда, что это наречие и глагол ‘приходить’ восходят к одному корню). См., например:

(3) *yà wā nū à ká*
 3SG.IIIa ложиться уже 3SG.III с

‘Он уже переспал с ней’ (французский перевод: ‘il s’est déjà couché avec elle’) [АК].

В противном случае, пришлось бы, вследствие наличия очень строгого ОV порядка слов в языках манде, предположить, что исходно в данной конструкции глагол *nī* ‘приходить’ использовался транзитивно. Это было бы довольно странно с точки зрения семантики данной конструкции, потому что в транзитивном употреблении глагол *nī* имеет значение ‘давать

что-либо (кому-либо — $d\bar{e}$). Помимо этого, в дан-бло, как показывает форма $w\bar{a}\bar{a}n\bar{u}$ [Эрман 2002: 170] (см. раздел 1), суффикс $-n\bar{u}$ может быть отличен по форме от глагола $n\bar{u}$ 'приходить'.⁵

Показательным, кроме того, был бы уже упомянутый несколько выше тест на помещение в контекст, требующий грамматического тона (низкого — в дан-гуэта, среднего — в дан-бло): если изменится только тон глагольного корня, то элемент $-n\bar{u}$ не может восходить к глаголу $n\bar{u}$. В противном случае, пришлось бы допустить малоправдоподобное изменение, а именно: грамматический тон, выражаемый изначально на синтаксически главном элементе конструкции, т.е. глаголе $n\bar{u}$, переместился бы влево на зависимый глагол, в то время как в языках манде грамматические морфемы либо оформляют главное слово словосочетания, следуя за ним, либо оформляют все словосочетание в целом, стремясь при этом занять крайнюю правую позицию.⁶ Если же изменился бы только тон элемента $-n\bar{u}$, то это бы ничего в плане этимологии не доказывало, поскольку, как только что было сказано, в языках манде грамматические морфемы стремятся оформлять все словосочетание в целом, занимая при этом крайнюю правую позицию.

Изменение тона $-n\bar{u}$ с высокого на средний легко объясняется влиянием предшествующего сверхнизкого тона (живые тонологические процессы подобного рода отмечены, например, в близкородственном языке тура). Очевидно также, что помимо элемента $-n\bar{u}$ в образовании данной конструкции были использованы и другие элементы. На это указывает удлинение исходной гласной и тональные изменения. Если считать, что $*-n\bar{u}$ исходно являлся наречием и имел значение 'уже', то разумным представляется предположить, что оформляемый им глагол мог стоять в какой-нибудь видо-временной форме типа результата. В дан-гуэта результатив образуется посредством

⁵Однако, в [Эрман ms.] все подобные глаголы в дан-бло даются в форме на $-n\bar{u}$.

⁶За исключением предикативных показателей, которые в языках манде оформляют всю клаузу и занимают обычно позицию непосредственно после субъекта.

присоединения к глаголу справа показателя *sũ*⁷ и послелога *ká* ‘с, вместе с’. Показатель *sũ*, в свою очередь, скорее всего, восходит к глаголу *sú* ‘брать’ в аористе,⁸ поскольку именно в аористе глагол оформляется грамматическим сверхнизким тоном, а кроме того, в результате в дан-гуэта используется та же серия субъектных местоимений, что и в аористе. Т.о., сверхнизкий тон в глаголах на *-lí* может быть связан с показателем *sũ*. Относительно источника высокого тона на первом гласном в этих глаголах уверенности у меня несколько меньше. Все же, осмелюсь предположить, что он восходит к глаголу *sú* ‘брать’ в функции вспомогательного «номинализующего» глагола, т.е. к сочетанию типа того, что существует в тура с некоторыми глаголами движения (или существительными) и глаголом *sí* ‘брать’. Ср.,

⁷Этот показатель образует также причастие и используется для образования назывной формы глагола [Чердынцева 2002].

⁸По описанию, данному в [Чердынцева 2002], данную «видо-временную» форму глагола, возможно, правильнее будет даже именовать чем-то типа фактива, т.е. формой, представляющей действие не как ситуацию (положение вещей) в мире дискурса, которая может иметь определенную внутреннюю структурированность и непосредственную значимость для участников дискурса, а как факт, для которого значимо лишь то, что «ИМЕЕТ МЕСТО (Р)». Этот фактив используется в дан для выражения, например, хабитуалиса, аориста, процессуально-точечного значения некоторых перформативов. Показательно, что среди этих перформативов мы видим глаголы с такими значениями, как ‘просить, спрашивать’, ‘советовать’ и ‘предупредить’, т.е. перформативы, произнесение которых не изменяет положение вещей в мире дискурса, а всего лишь указывает на, если можно так выразиться, «позицию» говорящего. В то же время, другие перформативы, например, ‘разрешать’, ‘обещать’, ‘обвинять’, ‘клясться, клятвенно заверять’, используются не в фактиве, а в перфекте, поскольку их произнесение имеет своим непосредственным результатом изменение положения вещей в мире дискурса. Т.о., более понятной становится и близость между фактивом и номинализацией, с одной стороны, и результатом и фактивом (а не перфектом!), с другой. Различие, близкое к оппозиции фактив vs. ситуатив, проводится также в [Bearth 1971] применительно к языку тура, где аорист и хабитуалис обозначаются как «aspects non-actuels», тогда как прогрессив и перфект — как «aspects actuels». Наконец, следует отметить, что похожий на фактив термин У. Уелмерса [Welmers 1973] фактатив имеет совершенно иное содержание, поскольку показатель фактатива указывает на то, что маркируемая им глагольная форма всего лишь выражает «наиболее обычный факт по отношению к данному глаголу» (по поводу фактатива см. также [Плунгян 2003]).

например, в тура:

táá sí 'идти (пешком)' vs. *táá* 'идти (пешком); путешествие',

bàlà sí 'бежать' vs. *bàlà* 'бег'.

Т.о., глаголы на *-ní*, восходят, по всей видимости, к следующей конструкции:

V	sú	sù	ní
(глагол изменения положения)	брать	PART	уже

Т.е., этимологически глагольная деривация с терминативным значением от глаголов изменения положения в пространстве в языке дан представляет собой случай лексикализации словосочетания.

Литература и источники:

- Идиатов Д. И. 2003. Структура глагола в языке тура (Западная Африка, семья манде): элемент $|-LÁ|$. Магистерская дипломная работа, СПбГУ.
- Плунгян В. А. 2000. *Общая морфология: Введение в проблематику*. М.: Эдиториал УРСС.
- Плунгян В. А. 2003. *Африканские глагольные системы: заметки к типологии* // Основы африканского языкознания: глагол / В. А. Виноградов, И. Н. Топорова (ред). М.: Восточная литература.
- Чердынцева А. Е. 2002. Аспектуально-темпоральная система дан (диалект гуэта) // *Южные манде: Лингвистика в африканских ритмах. Материалы петербургской экспедиции в Кот д'Ивуар (К 50-летию Константина Позднякова)*. / В. Ф. Выдрин, А. Ю. Желтов (ред). СПб: Европейский Дом. С. 125–153.
- Чердынцева А. Е. (ms.). *Dictionnaire Dan-gweetaa (Dan de l'est) — Français / Дан-гуэта (Восточный дан) — Русский словарь*.

- Эрман А. В. 2002. Субъектные местоимения в дан-блowo и модально-аспектно-темпоральные значения // *Южные манде: Лингвистика в африканских ритмах. Материалы петербургской экспедиции в Кот д'Ивуар (К 50-летию Константина Поздняякова)*. / В. Ф. Выдрин, А. Ю. Желтов (ред). СПб: Европейский Дом. С. 154–183.
- Эрман А. В. (ms.). *Dictionnaire Dan-blowo (Dan de l'ouest) – Français / Дан-блowo (Западный дан) – Русский словарь*.
- Bearth, Thomas. 1971. *L'énoncé toura*. Norman (Oklahoma): SIL.
- Welmers, W. E. 1973. *African language structures*. Berkeley: University of California Press.

Личные местоимения в южных языках манде*

Важность изучения местоимений вряд ли нужно обосновывать — достаточно вспомнить, что в компаративистике именно на основании сравнения систем личных местоимений нередко делаются выводы о наличии генетического родства между языками. Особенно большое значение приобретает этот класс слов в языках манде. В тех из них, где получила развитие фузия (а именно таковы южные манде), морфологизация грамматических значений затронула, в первую очередь, именно личные местоимения, которые, таким образом, оказались в самом центре грамматической системы — так что иногда описание грамматики языка являет собой слегка расширенное описание системы личных местоимений.

Существует лишь одна обзорная работа по местоимениям в языках манде — кандидатская диссертация Светланы Ивановны Томчиной [1973], в которой сведены вместе доступные на тот момент данные и сделаны интересные обобщения. Однако за три десятилетия, прошедшие с тех пор, появилось огромное количество новых материалов, и — что ещё важнее — резко улучшилось их качество. Немалые изменения произошли и в теоретической сфере. Всё это делает новую попытку анализа систем личных местоимений манде настоятельно необходимой. Цель данной работы — анализ форм и функций личных местоимений во всех языках группы в первую очередь в сравнительно-исторической перспективе, а также и в синхронном функциональном аспекте.

Следует отметить, что в описаниях конкретных языков, материалы которых привлекаются в данном обзоре, применяются самые разнообразные орфографические системы. Сохране-

*Работа выполнена в рамках исследовательского проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) № 98-04-06262.

ние орфографии источников создало бы дополнительные трудности для читателя, вынуждая автора делать многочисленные пояснения и оговорки. Поэтому запись всех форм была унифицирована в соответствии с африканским вариантом Международного фонетического алфавита. Ниже даны сводные таблицы фонематических единиц, встречающихся в южных языках манде.

Таб. 1. Гласные фонемы.

Подъём \ Ряд	Передний неогубленный	Средний	Задний неогубленный	Задний огубленный
Закрытые	i		ɯ	ɯ
Средне-закр.	ɪ	ə	ɤ	ɯ
Средние	e		ɤ	o
Средне-откр.	ɛ		ʌ	ɔ
Открытые	æ	a	ɑ	

Примечания: система, в которой фонологически противопоставлены 5 степеней подъёма, зафиксирована только в восточных вариантах языка дан. В 4-уровневых системах гласные e, o, ɤ являются, соответственно, средне-закрытыми.

В языках, имеющих фонологическое противопоставление по продвинутости корня языка (\pm ATR),¹ этот признак лежит в основе вокалической гармонии в пределах фонологической стопы (см. [Выдрин 2001]). Соответственно, гласные образуют две серии:

серия +ATR		серия –ATR	
i	u	ɪ	ɯ
e	o	ɛ	ɔ
a		ɑ	

¹ Достоверно известно, что к числу таких языков в семье манде относятся гуру, яурэ и биса. Возможно, это противопоставление существует также в бобо.

Из соображений практического удобства, гласные серии –ATR обычно обозначают значками для «приоткрытых» гласных, соответственно как *ɪ, ɛ, a, ə, u*. Этой практике буду следовать и я.

Назализация гласной обозначается тильдой над соответствующей буквой (или под ней, если буква высокая). Долгота гласного обозначается двойной буквой.

Таб. 2. Согласные фонемы.

		Губные	Губно-зубные	Переднеязычные	Среднеязычные	Заднеязычные	Лабиевелярные	Глоттальные
Смычные	глухие	p		t	c	k	kp	
	звонкие	b		d	j	g	gb	
	имплозивные	ɓ		ɗ				
Щелевые	глухие	f	f	s	ʃ	x		h
	звонкие	β	v	z	ʒ	ɣ		
Сонанты неносовые				l, r	y		w	
Сонанты носовые		m		n	ɲ	ŋ		

Слоговой назальный элемент, уподобляющийся по месту образования следующему за ним согласному, обозначается как *N* (или как *ŋ*, поскольку перед паузой он реализуется именно как велярный носовой).² Знак *L* обозначает фонему, встречающуюся в серединной позиции в стопе и реализующуюся как *-r-*, *-l-*, *-n-* в зависимости от начального согласного слова, а иногда и от окружающих гласных — в тех языках, где действует правило «консонантной сорезонантности».³ Фонемы /*f*/ и /*β*/ встречаются только в гбан. Поскольку /*f*/ и /*v*/ в этом языке отсутствуют, здесь (как и в практической орфографии языка гбан) буква *f* будет использоваться для обозначения /*f*/, а *b* — для /*β*/.

Тоны (на примере гласной *e*):

²Иногда трактуется как «гласный нулевой ступени открытости» [Beirth 1971].

³Об этом явлении см., в частности, [Выдрин 2002: 165–167].

а) Уровневые тоны

Таб. 3.

Название тона	2-уровневые системы	3-уровневые системы	4-уровневые системы	5-уровневые системы
Сверхвысокий			ě	ě
Высокий	é	é	é	é
Средний		ē		ē
Низкий	è	è	è	è
Ультранизкий			ë	ë

б) Контурные тоны

ě — восходящий тон, é — нисходящий (падающий) тон. В тех языках, где имеется больше одного восходящего тона, добавляется ё — средневосходящий тон (движение со среднего уровня на высокий); в языках, имеющих более одного падающего тона, добавляется ē — среднепадающий тон (движение со среднего уровня на низкий). Плавающий низкий тон обозначается e`, плавающий высокий тон — e´.

Базовый порядок слов во всех языках манде — SOV; отсутствие прямого дополнения перед глаголом автоматически делает его непереходным,⁴ а непрямое дополнение и сирконстант обязательно следуют за глаголом (за исключением случаев топикализации). Более развёрнуто, структура простого глагольного предложения выглядит так: Подлежащее — (предикативный показатель) — (Прямое дополнение) — Глагольное сказуемое — (предикативный показатель) — Косвенное / Непрямое дополнение — (Послелог). В прототипическом случае, все грамма-

⁴Следует особо оговорить случаи, когда прямообъектное местоимение 3 лица ед. числа оказывается в некоторых южных манде невыраженным на поверхностном уровне, но присутствует на уровне структурно-семантическом. Это становится очевидным при его замене любой другой именной группой.

тические отношения между словами маркируются только порядком слов (который, соответственно, имеет фиксированный характер) и служебными словами. В то же время, во многих языках манде наблюдаются фузионные процессы, в результате которых пост-субъектный предикативный показатель может сливаться с подлежащим или прямым дополнением (особенно местоименным), прямое дополнение — с глаголом или субъектом, пост-глагольный предикативный показатель — с глаголом, послелог — с косвенным дополнением. Эти процессы могут подвергаться, в разной степени, грамматикализации.

Порядок следования компонентов внутри именной группы такой: Существительное — Прилагательное, при этом все детерминативы (показатель множественного числа, артикль, и т.д.) помещаются в постпозиции ко всей синтагме. Приименное субстантивное определение предшествует определяемому. Почти во всех языках манде формально противопоставлены относительные и автосемантические имена (в иной терминологии, «отчуждаемые и неотчуждаемые»): последние присоединяются к посессору при помощи особого служебного слова (по происхождению, как правило, существительного с локативной семантикой или послелога).

* * *

1. Гуро⁵

Как уже отмечалось, в этом языке гласные противопоставлены по признаку \pm ATR и образуют сингармонические серии. В языке существует 3-уровневая тональная система, возникшая, по-видимому, из ранее существовавшей 2-уровневой, с дополнительным распределением аллотовнов в зависимости от типа начального согласного слова.

Основные формы местоимений даны в таблице 4 по говорам р-на Зуенула ма и ясуа; в скобках приводятся варианты говоров мэ и нья (в тех случаях, когда они отличаются от форм ма

⁵Личные местоимения этого языка подробно проанализированы в отдельной статье [Vydrine 2005].

и ясуа). В колонке «приименной показатель» даны показатели (служебные слова, несубъектные местоимения...), которые появляются в аналогичном контексте в тех случаях, когда соответствующая именная группа выражена не местоимением — очевидно, именно эти показатели можно считать слившимися с местоимениями.

Субъектная базовая серия употребляется в перфективе (немаркированной конструкции), в конструкции с предикативными прилагательными и в отрицательных высказываниях, перед отрицательным показателем *ká*. В этом последнем контексте происходит фузия, в результате чего образуется субъектная отрицательная серия. Очевидно, такая фузия факультативна и зависит от темпа или стиля речи.

Имперфективная серия образовалась от базовой слиянием с показателем имперфектива *é*.

Оптимативные и рефлексивные местоимения, формально совпадая, функционально совершенно различны. Оптимативные выступают в функции субъектных в императиве и в контекстах со значением пожелания и цели, при этом наличие местоимения обязательно, даже если субъект выражен существительным. Рефлексивные появляются, как следует из их названия, как раз в не-субъектных позициях, указывая на кореферентность с подлежащим. Впрочем, в гуру возможен и дистантный контроль рефлексивного местоимения, а именно, когда оно выступает в логофорической функции — иначе говоря, рефлексивное местоимение может быть подлежащим зависимого предложения, отсылая к подлежащему главного, при условии, что глагол главного предложения выражает значение говорения:

È lē é dǎ. ‘Он говорит, что он придёт’.

Совмещение рефлексивного и логофорического употребления — типологически очень частое явление.

Несубъектные местоимения выступают в функции прямообъектных, косвеннообъектных или посессивных в составе именной группы. Их противопоставление субъектным вполне можно рассматривать в терминах падежей — как оппозицию

Таб. 4. Личные местоимения в гуро.

Серия:	Применной показатель	Единственное число			Множественное число			
		1	2	3	1 инкл.	1 экскл.	2	3
Субъектная базовая	—	ā	ī	è	kāà (gāà)	kū	kā	wò
Имперфективная	é	ā́	ī́	èé	kāá (gá)	kū́	kāá (ká)	wòó
Высокооточная	—	á (á ~ ā)	í (í ~ ī)	é	kāā (gā ~ gāà)	kú (kú ~ kū)	ká (ká ~ kā)	wó (wó ~ ó)
Не-субъектная	—	ā	ī	à	kāā ~ kāā (gāà)	kū	kā	wò
Фокализованная	—	māá	bī́	yí	kāā, kāānū (gāā, gāānū)	kū́, kū́nū	kāā, kāānū	wū́, wū́nū (wū́nū)
Субъектная отрицательная	ká	mā́	ī́ ~ yā́	yí	kāā́ (gā́)	kū́ (kū́ ~ kū́)	(kā́)	wā́ (wā́)
Отрицательная топикализованная	kā́	mā́ā	bī́ā ~ bī́yā́	yíā ~ yíyā	kāā́	kū́ā ~ kū́wā́	kāā́	wū́ā
Эргативная базовая	—	mā	bē	è	(gāā, gāà)	kū	kā	wò
Эргативная имперфективная	é	mā́	ī́ (í)	èé (yē)	kāá (gā, gāā)	kū́ (kú)	kāá (ká)	wòó (wō)
Эргативная оппозитивная	—	mā́	í	é	kāā́ (gā ~ gāà)	kú	ká	wó
Контрактивная базовая	à	mā	bē	yā	kāà (gāà)	kù	kà	wà
Контрактивная имперфективная	à é	mā́	bḗ	yā́	(gāà)	kū́	kā	wā
Контрактивная оппозитивная	à	mā	bē	yā	kāā ~ kāā (gāā, gāà)	kū	kā	wā
Контрактивная рефлексивная базовая	рефлексивное местоимение	mā́/á	í	èé/γèé (yē)	kāá/kāā (gāá)	kú (kú)	ká/kāé (káá)	wū́ (wū́)
Контрактивная имперфективно-рефлексивная	é+рефлексивное местоимение	mā́/á	í	è	kāé	kú	ká	wū
Контрактивная оппозитивно-рефлексивная	+рефлексивное местоимение	mā́/á	í	é	ká	kú	ká	wú

косвенного падежа номинативу.⁶ Местоимение 3 ед. выступает также в функции определённого артикля, при этом оно стоит в позиции непосредственно перед определяемым (автосемантическим) именем.

В текстах встречаются слитные формы местоимения 3 л. ед.ч. с посессивной связкой *lé* ($\hat{a} + lé \rightarrow l\bar{e}\bar{e}$) (посессивная серия), но слияние это, судя по всему, факультативно и зависит от стиля речи. В моих материалах эта серия не представлена, а немногочисленные примеры в текстах Бенуаста недостаточны для того, чтобы установить полную парадигму.

Фокализованная серия противопоставлена всем остальным: в ней нейтрализованы и падежные, и видовременные оппозиции. Фокализованные (контрастивные) местоимения могут выступать фактически в любой синтаксической позиции, не сливаясь со служебными словами — в этом отношении они подобны существительным.

Отрицательная топикализованная серия появилась в результате стяжения отрицательной эквативной конструкции с дальнейшим слиянием с фокализованными местоимениями. Промежуточный этап этого процесса наблюдается в высказываниях типа «это не X»:

$V\bar{i}\bar{i}$ $k\bar{a}\bar{a}$ (= $k\bar{a}$ \hat{a} \bar{a} $y\bar{a}$) $d\bar{o}$.
ты.ГОС NEG быть он как NEG

‘Это не ты’.

Интересную проблему, с точки зрения интерпретации, ставят эргативные серии. Их обычно рассматривают как контрактивные формы субъектного местоимения с прямообъектным местоимением 3 ед. [Benoist 1969, 52–53]: $m\bar{a}$ ‘я — его’ = $|\bar{a} + \hat{a}|$, $b\bar{e}$ ‘ты — его’ = $|\bar{i} + \hat{a}|$, и т.д. Поскольку эти «слитные»

⁶Или абсолютиву, если считать основным противопоставление эргативу. При этом следует сделать существенную оговорку: принято считать, что номинатив или абсолютив выполняет назывную функцию [Булыгина, Крылов 1990], здесь же для этой функции имеется особая серия местоимений (фокализованные). Впрочем, это «отклонение от нормы» можно отнести на счёт специфики маркировки падежей у местоимений по сравнению с таковым у существительных, о чём см., в частности, [Козинский 1980].

формы, с фонетической точки зрения, невыводимы из неслитных, их правильнее было бы называть портманто.

Однако основы 1 ед. *та* и 2 ед. *бе* появляются и в тех случаях, когда о слиянии с прямообъектным местоимением 3 ед. говорить не приходится:

Mā wò blāá. ‘Я их побил’.

Vē blē blāá. ‘Ты побил (какую-то) собаку’.

В этом случае считать их портманто нет уже никаких оснований. Здесь лучше подходит именно эргативная интерпретация, которая предполагает, что в субъектных местоимениях содержится указание на наличие при глаголе прямого объекта.

Выделяются две подсистемы эргативных местоимений, параллельных номинативным: простая и контрактивная (слитная с несубъектным местоимением 3 ед.). Простые эргативные серии отличаются от соответствующих номинативных только формой 1 ед., а базовая серия — также формой 2 ед.; причём эргативные формы факультативны — в большинстве диалектов они всегда могут быть заменены соответствующими номинативными местоимениями без ущерба для смысла и прагматики высказывания.

Отметим, что появление не-контрактивной формы 2 ед. возможно только в одном узком контексте: когда прямое дополнение выражено именем в неопределённом статусе. Эргативное местоимение 1 ед. употребляется значительно шире — как это видно из таблицы, особая эргативная форма этого лица имеется во всех трёх сериях, значительно богаче и набор приемлемых для него синтаксических контекстов: перед именем (именной группой) в определённом состоянии; перед личным местоимением...

Контрактивные эргативные серии, в отличие от «простых эргативных», не факультативны. В синхронии их можно считать результатом слияния базовой эргативной серии с несубъектным местоимением 3 ед., входящим в именную группу прямого дополнения.

Таким образом, употребление эргативных форм связано с серьёзным ограничением: прямое дополнение не должно быть

выше подлежащего по иерархии локуторов. При этом, если местоимение в составе именной группы прямого дополнения стоит на нижней ступеньке этой иерархии (3 ед.), то оно опускается.⁷

Отметим также такой факт, что при образовании эргативных контрактивных форм слияние местоимений нарушает иерархию синтаксических связей в именных группах:

Вè | = ī [à | bī] blāá.
 2SG -[3SG сын] ударять

‘Ты ударил его сына’.

Контрактивные рефлексивные серии образуются слиянием субъектных местоимений с соответствующими рефлексивными местоимениями в составе именной группы прямого дополнения. Поскольку по форме эти местоимения чаще всего совпадают с не-контрактивными субъектными (отличаясь лишь в некоторых лицах), то может создаться впечатление, что рефлексивное местоимение просто опускается:

Á | = ā́ á | bī blāá.
 1SG-1SG.REFL сын бить

‘Я ударил своего сына’.

Контрактивные рефлексивные местоимения факультативны, при медленном темпе речи могут восстанавливаться и отдельные формы.

Если сравнить формы местоимений в гуру, то можно констатировать следующее.

⁷В чём-то схожую зависимость между употреблением эргатива и иерархией локуторов (в рамках иерархии агентивности) в языке юкулта (Квинслэнд, Австралия) упоминают Хоппер и Томпсон [Hopper, Thompson 1980: 273], со ссылкой на Сандру Кин.

На сегментном уровне выделяются три серии основ, которые различаются в сингулярисе и совпадают в плюралисе:

Таб. 5.

Лицо	Единственное число			Множественное число			
	1	2	3	1 экскл.	1 инкл.	2	3
Основа 1	\tilde{a}	i	e	ku	kaa (ga)	ka	wu
Основа 2	ma	VI	ye				
Основа 3	\tilde{a}	i	a				

Основы первой серии представлены в субъектных сериях местоимений (номинатив), а также в рефлексиве. Основы второй серии служат для образования фокализованных, отрицательных и эргативных местоимений. Формы Основы 3 появляются лишь в одной, не-субъектной серии местоимений (косвенный падеж). Таким образом, можно, со всеми необходимыми оговорками, сделать вывод, что противопоставление сегментных форм сингулярных местоимений задействовано для выражения падежных отношений, а также полярности.

На супraseгментном же уровне можно провести разграничение между базовыми и грамматическими тонами. Базовыми тонами местоимений можно считать таковые субъектной базовой и не-субъектной серий: средний тон местоимений-локуторов (1 и 2 лиц, за исключением инклюзивного местоимения) и низкий не-локуторов (3 лица).⁸ Высокий грамматический тон, «перекрывающий» базовые тоны, маркирует рефлексив и оптатив / императив; полностью или частично нейтрализуются базовые тоны местоимений и в фокализованной серии, а также в эргативной.

⁸Насколько мне известно, впервые к задействованности тона в языках манде для противопоставления местоимений-локуторов и нелокуторов привлёк внимание Т. Беарт [1971].

2. Яурэ⁹

Этот язык является ближайшим родственником гуру — по утверждению самих гуру, они в состоянии понимать речь яурэ. Черту между двумя языками провели кардинальные сдвиги в фонологической системе: звонким согласным гуру регулярно соответствуют глухие согласные яурэ, а 3-уровневой тональной системе гуру (очевидным образом развивающейся из 2-уровневой) — 4-уровневая система яурэ.

Из общих замечаний, отметим крайне необычный, с точки зрения типологии, факт совпадения форм эксклюзивных местоимений множественного числа и инклюзивных двойственного числа. Как представляется, речь здесь может идти о слиянии двух ранее формально противопоставленных лиц.

В системе местоимений двух языков много общего, но есть и весьма показательные различия.

В с у б ъ е к т н о й б а з о в о й серии исчезло тоновое противопоставление местоимений-локуторов и не-локуторов. Вся серия (за исключением 1 инкл. мн., о котором речь пойдёт особо) получила простой низкий тон, который, таким образом, можно считать её признаком.

О т р и ц а т е л ь н а я с е р и я является результатом слияния базовой субъектной серии с показателем отрицания *ká* — в гуру, как уже было сказано, такое слияние факультативно. Эта серия выступает одновременно как контрактивная субъектно-объектная, включая в себя прямообъектное местоимение 3 л. ед. числа. Предстоит выяснить, как в яурэ различаются отрицательные переходные и непереходные конструкции с лабильными глаголами.

В яурэ нет субъектной и м п е р ф е к т и в н о й серии. В соответствующей конструкции используется базовая субъектная серия. Из этого можно сделать вывод, что таковая в гуру возникла совсем недавно, уже после разделения гуру и яурэ.

⁹Данные по этому языку заимствованы из работы [Hopkins 1987], однако моя интерпретация не всегда совпадает с интерпретацией этого автора. При анализе мы будем абстрагироваться от контекстных изменений тонов местоимений — за исключением тех случаев, когда это позволяет усмотреть следы каких-то архаичных противопоставлений.

Таб. 6.

Лицо	Приименной показатель	Единственное число			Множественное число			
		1	2	3	экскл./ инкл. дв.	1 инкл.	2	3
Субъектная базовая	—	à	ì	è	kù	kàà	kà	ò
Отрицательная	ká	máá	yá	yáá	kùá	kàà	káá	wòá
а) Оптативная б) Рефлексивная	—	á	í	é	kú	kàà	ká	ó
Не-субъектная	—	á	í	ä	kú	kàà	ká	ò
Субъектно- объектная	(à)	máà	?	?	?	kàà	—	?
Фокализованная	—	mèè	yè	yèè	kùè	kèè	kèè	wèè
Посессивная	lé	mé	yíé	yéé	kúé	kèè	kéé	wéé
Посессивная рефлексивная	lé	mé	yíé	yé ~ é	kúé	kèè	kéé	wéé
Посессивная фокализованная	lé	mèè	yíé	yéè	kùé	kèè	kéé	wéé
Дативная	lè	mé	yíé	yèLé	kúé	kèè	ké	wlèé
Косвенное дополнение + ló	ló	—	—	yòLó	—	—	—	wlòó

В высокотоновой серии обнаруживается формальное различие в поведении местоимений в оптативной / императивной и в рефлексивной функциях. Оптативные местоимения (за исключением локуторов множественного числа) обязательно меняют тон на низкий ($\acute{a} \rightarrow \grave{a}$, $\acute{i} \rightarrow \grave{i}$, $\acute{e} \rightarrow \grave{e}$, $\acute{o} \rightarrow \grave{o}$) перед высоким и сверхвысоким тонами. В рефлексивной же функции изменение $\acute{e} \rightarrow \grave{e}$ факультативно в утвердительных предложениях, при этом в отрицательных высказываниях тон всегда остаётся высоким. По-видимому, такое различие отражает более значительные исторические расхождения на формальном уровне, которые в современном языке почти стёрлись (а в гуру исчезли совсем).

Надо сказать, что Элизабет Хопкинс считает рефлексивные местоимения вариантами не-субъектной серии — чему способствует отсутствие тоновых различий у местоимений-ло-

куторов оптативно-рефлексивной и не-субъектной серий. Это сходство проявляется и в тональной комбинаторике: если подлежащее выражено местоимением, прямообъектные местоимения-локуторы единственного числа также меняют свой тон, $\acute{a} \rightarrow \grave{a}$, $\acute{i} \rightarrow \grave{i}$, перед высоким или сверхвысоким тонами.

К сожалению, Хопкинс не приводит многих форм утвердительных контрактивных местоимений. Вот таблица тех форм, которые у неё упомянуты:

Таб. 7.

прямое доп. подлежащее		Единственное число			Множественное число			
		1 (á)	2 (í)	3 (ä)	1 экскл. (kú)	1 инкл. (kää)	2 (ká)	3 (ò)
ЕДИНСТ.	1 л. \grave{a}		měí	mää				
	2 л. \grave{i}	—		?				—
	3 л. \grave{e}	(yää)	(yèí)	?	—			
МНОЖЕСТВ.	1 л. экскл. kù		—	?				
	1 л. ин. kää			kää				
	2 л. kà			—	—			
	3 л. ò	(wää)		wää			—	(òwò)

Очевидно, все формы, включающие прямое дополнение иное, чем 3 ед., нельзя считать действительно слитными. Форма $m\grave{e}\acute{i}$ свидетельствует, по-видимому, о существовании в яурэ особого местоимения 1 ед. для переходных конструкций с прономинализованным прямым дополнением (как и в гуро), но это нуждается в дополнительной проверке. Наличие лакун в материалах Хопкинс (особенно — формы «ты — его») вынуждает пока воздержаться от каких-либо выводов относительно этой серии. Можно лишь предполагать, что появление каких-то «неожиданных» форм (подобно гуро) здесь маловероятно — такие формы были бы наверняка отмечены в работе Элизабет Хопкинс, основанной на тщательном и дотошном исследовании.

Местоимения ф о к а л и з о в а н н о й серии, как и в гуро, требуют особого отрицательного показателя; в яурэ он выглядит как $s\acute{e}\acute{e} \dots d\grave{i}$ («обычное» отрицание имеет вид $k\acute{a} \dots d\grave{i}$ — по

предположению Б. Хопкинса, $s\acute{e}\acute{e} < k\acute{a} + n\grave{e}$, где $n\grave{e}$ — фокусирующая частица), а также особой формы бытийного глагола-связки, si («обычная» форма — $\grave{a} \sim u\grave{a}$). Элизабет Хопкинс полагает, что эта серия («акцентуированная», в её терминологии) происходит из слияния с «морфемой идентификации» $b\grave{e}$. Но это предположение несостоятельно даже на синхронном уровне — достаточно уже того факта, что в фокализованной серии тоны местоимений-локуторов и не-локуторов различаются (соответственно, низкие и ультранизкие), тогда как в «базовой» серии эта оппозиция нейтрализована.

Посессивные серии являются результатом слияния не-субъектных, рефлексивных и фокализованных местоимений с показателем посессивной связи $l\acute{e}$. Как уже отмечалось, в гуру такое слияние факультативно и допустимо только для не-субъектной серии. Отметим устранение оппозиции по тону между локуторами и не-локуторами в посессивной фокализованной серии: супraseгментный уровень здесь задействован для противопоставления различных серий.

Дативная серия возникла в результате слияния с направительным послелогом $l\grave{e}$. Оба местоимения 3 лица сливаются также и с послелогом $l\acute{e}$, значение которого — направительное и посессивное. 3 ед. даёт фузию и с другими послелогом, повышая их тон до сверхвысокого, но на остальные формы местоименной парадигмы этот процесс не распространяется.

Итак, можно отметить появление в яуре новых серий, не отмеченных в гуру. Причём усложнение системы пошло здесь в основном путём дифференциации не-субъектных местоимений, что укрепило падежную систему: с одной стороны, образовались дативная и притяжательная серии; с другой — в результате образования фокализованной притяжательной серии оппозиция по контрастивности сплелась с другими оппозициями (фокализованные местоимения противопоставляются теперь не всем остальным сериям в совокупности, они «дробятся» на серии, параллельные не-фокализованным). Кроме того, образование посессивных рефлексивных местоимений, не-локуторные формы которых совпадают с таковыми в не-рефлексивной посессивной серии, несомненно, создаёт дополнительное препят-

ствие для полной идентификации рефлексивных и оптативных местоимений в яурэ (что в какой-то мере оправдывает позицию Э. Хопкинса, которая эти местоимения разводит).

Из формальных моментов отметим и тот факт, что тоновое противопоставление локуторов и не-локуторов в субъектных сериях яурэ исчезло, сохранившись лишь у фокализованных и не-субъектных местоимений. Не сохранилась в этом языке основа *бе местоимения 2 лица ед. числа.

Упомянем и другой интересный момент: образование новых форм не-субъектных местоимений не сводится к механической фузии — в ином случае было бы трудно объяснить, например, как слияние *á* с послелогом *lè* могло дать *mé*. Значит, образование новых серий шло путём подстройки под уже имеющиеся модели.

Если проанализировать формы местоимений яурэ в духе подхода, разрабатываемого К. И. Поздняковым (см., в частности, [Поздняков 2003]), то бросается в глаза обособление местоимений-локуторов не-единственного числа (в число которых входит и двойственное инклюзивное, формально совпадающее, во всех сериях, с множественным эксклюзивным). Все они имеют общую «примету» — начальный согласный *k*-. При этом ни одно другое местоимение ни в одной серии не имеет в своём составе смычного согласного.

По формальному же признаку в одну группу объединяются все сингулярные местоимения и местоимение 3 мн. Для этих лиц наблюдается формальное противопоставление: в трёх сериях (назовём их «базовыми») все местоимения представлены неприкрытым слогом, т.е. имеют структуру *V*. В остальных сериях, которые можно считать производными, все местоимения имеют структуру *CV(V)*, причём, по контрасту с «плюральными локуторами», все начальные согласные здесь — сонанты. Таким образом, в рамках этой группы наблюдается несомненный параллелизм между формой и семантикой: и в том, и в другом отношениях производные серии — более сложные по сравнению с базовыми.

Можно предполагать, что в базовых сериях местоимение 3 лица множественного числа могло утратить свой начальный со-

гласный (*CV > V) именно в результате подстройки под логику выявленного противопоставления.

Следуя логике подхода К. И. Позднякова, в оппозиции группы «плюральных локуторов» остальным личным местоимениям следует признать маркированной группу «плюральных локуторов» — именно поэтому у них формально не выражено противопоставление базовых и производных серий.¹⁰

3. Дан

Наиболее крупный, по числу говорящих, язык южной группы манде. В то же время он характеризуется и наибольшей диалектной дробностью: только на территории Кот д'Ивуара выделяют до 40 диалектов дан.¹¹ Условно выделяются (по признакам скорей экстралингвистического характера) три группы диалектов: гио — либерийские дан; кла-дан префектуры Туба, живущие в окружении мау; якуба — все остальные ивуарийские дан. В свою очередь, для дан-якуба, в ходе кампании по ликвидации неграмотности, формируются две нормы: восточная — на основании диалекта гуэта, и западная — на основании диалекта бло (эта норма довольно близка к либерийским диалектам дан). Между этими двумя диалектами, а также между ними и кла-дан, взаимопонимание затруднено, имеются существенные расхождения на всех языковых уровнях, и поэтому они будут рассматриваться здесь как отдельные языки, хотя и близкородственные.

3.1. Дан-бло

Дан-бло имеет три уровневых тона и два модулированных — падающий и среднепадающий (тон понижается со среднего

¹⁰Подробный анализ «плюральных локуторов» см. в статье [Vydrine 2005].

¹¹При том что эта цифра весьма условна: на самом деле, считают скорее кантоны, территории которых более или менее соответствуют территориям традиционных племён. В реальности же и внутри одного кантона могут обнаруживаться диалектные различия.

уровня до низкого). Вокалическая система насчитывает 4 уровня подъёма и три ряда: передние, задние неогубленные и задние огубленные гласные.

В системе личных местоимений имеется множественное и двойственное инклюзивные местоимения. Таким образом, система имеет следующий вид (см. таблицу 8):¹²

С е р и я I: Употребление местоимения серии I обязательно и тогда, когда подлежащее выражено существительным или иной именной группой. Таким образом, если использовать терминологию Дени Креселя, то перед нами — не собственно местоимения, а «местоименные показатели» (*indices pronominaux*) [Creissels 1991]. По форме может считаться базовой: сохраняет тоновое противопоставление местоимений-локуторов и не-локуторов; является наиболее простой, по сравнению с другими сериями, в сегментном отношении. Однако на функционально-семантическом уровне она не элементарна, поскольку, во многих своих функциях, включает в себя семантику бытийного глагола. Серия используется как субъектная в неглагольных бытийных конструкциях (квалитативных, локативных, тождества), а также в глагольных, передающих статальные значения (хабитуалис, гномическое, квалитатив; при этом глагол меняет свой тон на падающий), и в имперфективных конструкциях, развившихся на основе локативно-бытийной (по модели «X находится в каком-либо действии», в высшей степени типичной для языков манде).

Конструкции с этими местоимениями и падающим тоном глагола могут передавать и значение перфектива (законченное действие вне связи с моментом речи или иной точкой отсчёта) — аналогично «субъектной базовой» серии в манго. Это заставляет предполагать, что серия I возникла в результате слияния двух разных серий, аналогичных «Субъектной базовой» и «Бытийной» в манго (отметим, что в манго они различаются только за счёт форм 3 ед.). При этом следует признать, что в синхронии конструкция с местоимением серии I выражает фактативное значение (терминология У. Уельмерса) — то есть совмеща-

¹²По данным публикации [Эрман 2002], дополненным устными сообщениями А. В. Эрмана. Нумерация серий, принятая в источнике, сохранена.

Таб. 8. Личные местоимения в дан-бло

Лицо	Единственное число			Мн.ч. 1 экскл.	Дв.ч. инкл.	Множественное число		
	1	2	3			3 логоф.	2	3
I	ā	ū	yʃ/yʃ/ʃ	yī	kō	kā	wō/wō	wō
II	má	bá	yà	yí	kól	ká	wà	wá
IIIa	á	ú	yʃ/ʃ	yí	kó	ká	wó	?
IIIb	á	ú	yʃ/ʃ	yí	kó	ká	wó	wó
IV отрицательная	máá	báá	yáá	yíá/yíá	kól/kól	káá	wáá	—
V отрицательная	ŋká	ŋká	yāā	yīl	kōl	kāā	wāā	wóká
Va отрицательная	ŋká	ŋká	yʃká	yīká	kóká	kāká	wóká	wóká
VI императивная	—	βʃ ¹³ / ∅	—	—	kò	ká	—	—
VII интенционалис ¹⁴	áá/áá	úú	yáá / yáá	yíá/yíá	kól/kól	káá/káá	wáá/wáá	wáá
VIII независимая	mā	bī	yʃ	yī	kō	kā	wō	—
IX ассоциативная	—	—	—	yíá/yíá	kōl	káá	wáá	—
X не-субъектная	ŋ	ū	á	yí	kō	kā	â	wō
XI possessивная	mā	ū bá	á bá	yíá	kōl, kwl	kāá	â bá/má	wōʃ

¹³ В диалекте ка, близком к бло, бѳ [Doneux 1968, 58] (правда, Ж. Донё отказывается признать эту форму личным местоимением).

¹⁴ Назализованные варианты встречаются в основном в речи молодёжи, их употребление осуждается старшим поколением. Очевидно, их следует считать недавней инновацией.

ет перфектив и дуратив. Это хорошо согласуется с базовым, немаркированным характером серии I в дан — ведь «фактатив очень часто выражается как раз немаркированной формой глагола» [Плунгян 2003, 32].

С е р и я II: субъектная в глагольных конструкциях со значением перфекта; глагол в таких конструкциях не меняет свой лексический тон.

С е р и и IIIa и IIIb: обе серии различаются только формами местоимений 3 лица единственного числа, однако это различие весьма существенно со сравнительно-исторической точки зрения: в серии IIIb сохраняется тоновое противопоставление местоимений-локуторов и не-локуторов, а в серии IIIa — нет.

Обе серии выступают как субъектные в различных контекстах с не-нейтральной модальностью: IIIa — релятив; контексты с фокализацией; отрицание оптатива; IIIb — оптатив, значение цели. При этом в некоторых случаях серии взаимозаменяемы. В конструкции с местоимениями группы IIIa высокотоновые глаголы меняют тон на средний, а глаголы с лексическим среднепадающим тоном меняют его на низкий; остальные глаголы свои тоны сохраняют. В сочетании с местоимениями группы IIIb лексические тоны глаголов не меняются.

А. Эрман отмечает и некоторые тонкие различия в употреблении между формами 3 лица единственного числа с начальным палатальным сонантом и таковыми без сонанта: уʔ употребляется в начальной позиции в высказывании и имеет тенденцию совпадать с контрастивным фокусом, ʔ выступает в логофорической функции и в целом в не-начальной позиции.

С е р и я IV: местоимения этой серии употребляются в функции субъектных при отрицании бытийных конструкций, имперфективных и стальных значений. При этом их нельзя считать отрицательными аналогами местоимений I серии: в формальном отношении — потому, что структура отрицательных конструкций иная, чем в утвердительных, а глагол в таких конструкциях не меняет свой лексический тон; в семантическом отношении — потому, что эти отрицательные местоимения несовместимы со значением прошедшего времени (в отличие от

местоимений серии I). Вполне возможно, что такая корреляция существовала на пра-языковом уровне с бытийной серией, слившейся позднее с перфективной («базовой») серией, и была нарушена этим слиянием.

С другой стороны, в некоторых своих употреблениях эта серия оказывается отрицательным коррелятом независимой серии (VIII) — от которой она, судя по формам местоимений, и могла быть образована.¹⁵

С е р и я V: субъектные местоимения в отрицательных глагольных конструкциях, выражающих перфективные и прочие пунктивные значения. С е р и я V a, возможно, является вариантом V серии и служит для отрицания будущего времени (предиктива). Несомненно, обе серии возникли в результате слияния с показателем отрицания *ká* (причём для серии Va такое слияние неполное), однако исходная серия не идентична ни одной из «утвердительных» субъектных серий современного дан-бло.

С е р и я V I I: субъектные местоимения в придаточном предложении со значением цели или предшествования; глагол такого предложения сохраняет свой лексический тон. Очевидно, образованы в результате слияния местоимений серии IIIb с неким предикативным показателем.

С е р и я V I I I (независимая): употребляются в контекстах типа «это X» или «X один» и т.п. При отрицании замещаются местоимениями серии V.

Местоимения I X с е р и и (а с с о ц и а т и в н о й) употребляются в контекстах типа:

Yíâ tēná, yíá nū.
мы.ЕХСL.АSS сирота мыIII.ЕХСL приходит

‘Мы с сиротой пришли’.

Н е с у б ъ е к т н ы е (с е р и я X).

Если местоимению 3 ед. предшествует какое-либо субъектное местоимение-локутор, то местоимение 3 ед. обычно опускается, при этом его тон оказывается привязан к субъектному местоимению: $yí \hat{a} \rightarrow yí \hat{\wedge}$, или $yí \hat{\wedge}$ ‘мы (экскл.) — его’. Субъектное

¹⁵См. комментарии в конце статьи касательно реконструкции отрицательной серии в пра-западной подгруппе.

местоимение-нелокутор в таком случае даёт стяжённую форму с изменением гласного: $u\hat{x} \hat{a} \rightarrow u\hat{a}$ 'он — его', $w\hat{o} \hat{a} \rightarrow w\hat{a}$ 'они — его'. Все эти контрактивные формы носят механический и предсказуемый характер, и потому не будут рассматриваться как особая серия.

Серия XI (посессивная): Возникла в результате слияния местоимений серии X с посессивным показателем для автосемантических имён $*b\hat{a}$, причём в формах единственного числа 2 и 3 лиц слияния фактически нет. Неслитная форма 3 мн., $\hat{a} b\hat{a}$, употребляется в начальной позиции высказывания, слитная форма, $m\hat{a}$, — в не-начальной (в составе ИГ прямого или косвенного дополнения).

Почти во всех субъектных сериях имеются логофорические местоимения¹⁶ (которые в таблице представлены как особое «лицо»). От соответствующих местоимений 3 лица они отличаются обычно более высоким тоном (что объединяет их с местоимениями-локуторами соответствующих серий). По той же логике, в столбец «логофорических местоимений» включены и рефлексивные местоимения, которые близки к логофорическим и по значению, и по форме, и отличаются от несубъектных только в 3 лице. В IV отрицательной серии логофорические местоимения отсутствуют, очевидно, по фонетическим причинам (признак всех местоимений этой серии — высокий тон, что не позволяет использовать тоновый контраст для различения внутри серии); в VI императивной — по той простой причине, что здесь нет и местоимений 3 лица.

3.2. Дан-ка

Дан-ка, описанный Жаном Донё [Doneux 1968], достаточно близок к бло и географически, и лингвистически. И всё же в местоименной системе этого диалекта имеются некоторые отличия от бло, которые заслуживают упоминания. Речь идёт о подсистеме отрицательных местоимений, которая представлена в таблице 9.

¹⁶ Логофорические местоимения в дан были обнаружены А.В. Эрман в январе 2005 года.

Таб. 9.

Лицо	Единственное число			Мн. ч.	Дв. ч.	Двойственное число		
	1	2	3	1 Excl.	Incl.	Incl.	2	3
IV	máá	báá	yáá	yǎǎ	kúǎǎ	kúáá	káá	wáá
IVa	māá	bāá	yāá	yǎǎ	kūǎǎ	kūāá	kāá	wāá
V	Ñ ká	ī ká	yǝ ká	yī ká	kō ká	kūā ká	kā ká	wò ká

Серии IV диалекта бло здесь соответствуют две серии: IV, образующая форму хабитуалиса (*báá yǝ mī* ‘ты не пьёшь вина’), и IVa, которая покрывает весь остальной спектр значений (в том числе — те, которые в бло выражаются серией V): отрицательный перфектив; имперфект (глагол при этом присоединяет суффикс *-dâ*); отрицание неглагольных конструкций (локативной, квалитативной, тождества). В то же время серия V, которая здесь не сливается с отрицательным предикативным показателем *ká*, оказывается нейтральной по отношению к видо-временным и модальным оппозициям: *Ñ ká dó* может означать ‘Я не ушёл’, ‘Я не ухожу’, ‘Я не уйду’ [Doneux 1968, 66]. Таким образом, эта отрицательная конструкция находится в отношении конкуренции со всеми остальными.¹⁷

3.3. Дан-гуэта

В вокалической системе этого идиома различается 5 уровней подъёма — на один больше, чем в дан-бло. Здесь фонологически противопоставлены также 5 уровней тонов (при этом экстра-низкий тон регулярно соответствует падающему тону дан-бло),

¹⁷ Следует отметить, однако, что приведённый Донё пример неудачен: глагол *dó* ‘идти’ в дан, как и во многих других языках мира, склонен к темпоральной лабильности, что отмечено исследователями других диалектов (ср. также русское «я пошёл»). Поэтому заключение об аспекто-темпоральной нейтральности этой конструкции желательнее было бы проверить на других глаголах.

а также три модулированных — высоко-падающий, средне-падающий и восходящий (последние два, впрочем, редки).

Система личных местоимений этого идиома имеет следующий вид (см. таблицу 10).¹⁸

По своим функциям и употреблению с е р и и I, II, III, IV, VI, IX, X, XI близки к аналогичным в дан-бло. Следует добавить лишь, что субъектное местоимение I группы 3 ед. образует слитную форму с прямообъектными местоимениями того же лица вполне предсказуемым образом: $y\ddot{u} + \ddot{a} \rightarrow y\ddot{a}$ ‘он — его’, $y\ddot{u} + \ddot{a}n\ddot{i} \rightarrow y\ddot{a}n\ddot{i}$ ‘он — их’. В целом, несубъектное местоимение \ddot{a} в своей объектной функции при нормальном темпе речи имеет тенденцию элидироваться, иногда оставляя на своём месте плавающий ультранизкий тон, а если предшествующее слово оканчивается ультранизким тоном, то практически бесследно. Как отмечают информанты, полное его произнесение характерно скорее для детской речи. Аналогичным образом опускается и местоимение 3 ед. I серии, если субъект уже выражен именной группой: его тон суффицируется к предшествующему слову. Следует отметить также употребление не-субъектного местоимения 3 ед. в функции артикля «атрибутивной дескрипции» при автосемантических именах:

Wó	Zâ	bã	gō	kwàà,	kěě	ã	kwààmě
3PL.IIIA	Зан	Poss	машина	красть	но	3SG.X	вор
yíí	kú	k̀.					
3SG.V	ловить	ещё					

‘Машины Зана украли, но вора ещё не поймали’.

Если субъект выражен существительным, часто опускается и местоимение 3 ед. IIIa группы:

Zâ	ǹ	∅	"	p̄	dũ.
Зан	Foc	3SG.IIIa	3SG.X	говорить	ведь

‘Ведь именно Зан сказал это’.

¹⁸По данным А.Е. Чердынцевой [2002], существенно дополненным и уточненным на основании моих собственных полевых материалов. В нумерацию серий, принятую в упомянутой работе, внесены изменения с тем, чтобы сблизить её с нумерацией серий в дан-бло.

Таб. 10. Система личных местоимений дан-гуэга

	Единственное число			Мн.ч. 1 экскл. yī	Дв.ч. инкл. kō	Множественное число			
	1	2	3			инкл.	2	3	лог.оф.
I фактативные	ā	ī/ī̄	ȳ/ӯ	yī	kō	kā	kā	wō	лог.оф. wō
II перфективные	má	bá	yà/yà̄	yá	kó	ká	ká	wà/wà̄	wá
IIIa сопряжённые	á	í/í̄	ŋ/ŋ̄	yí	kó	ká	ká	wó	wó
IIIb субжонктивные	á	í/í̄	ŋ/ŋ̄	yí	kó	ká	ká	wó	wó
IV презентно-отрицательные	máá	báá	yáá	yáá	kóó	káá	káá	wáá	—
IVa прохибитивные	má	bá	yá	yá	kó	ká	ká	wá	—
V претеритно-отрицательные	míí	bíí	yíí	yíí	kóó	kíí	kíí	wíí	—
VI императив	—	ŋ/ŋ̄	—	—	kò	kà	kà	—	—
VII проспективные	māá	bíí	ȳ̄	yíí	kōó	kāá	kāá	wōó	—
VIIIa автономные	mā	bí	ȳ	yí	kō	kā	kā	wō	—
VIIIb контрастивные	māī	bíí	ȳ̄	yíí	kōó	kāā	kāā	wōó	—
IXa ассоциативные	—	—	—	yāá	kōó	kāā	kāā	wāá	—
IXb ассоциативные + 3 ед. несуб.	yāá	kāá	wāá	yāá... nū	kōó	kāá... nū	kāá... nū	wāá... nū	—
IXc ассоциативная «ты и X»	kweī	—	—	—	—	—	—	—	—
IXd ассоциативная «он и X», «X и он»	yeī	keī	wēī	yeī nū	kweī nū	keī nū	keī nū	wēī nū	—
X не-субъектная	ñ	ī/ī̄	ā	yí	kō	kā	kā	ānī	wō
XI possessивная	mā	ī bā	ā bā	yí	kōó	kāá	kāá	ānāá	wōó

Серию IIIa можно считать аналогом серии Ib «сопряжённой серии» (в этой конструкции также происходит изменение, не вполне предсказуемым образом, лексического тона глагола.

Серия IVa появляется чаще всего в прохибитивных высказываниях. Такие высказывания строятся по модели: местоимение группы IVa + вспомогательный глагол *dó* (исходное значение 'идти'), (+ прямое дополнение) + смысловый глагол с префигированным ультранизким тоном, который можно считать показателем инфинитива:

Wá dó biãñ sú" .
 3PL.IVa идти бег брать-INF 'Пусть они не бегут'.

Эти местоимения употребляются и в иных модально маркированных контекстах, связанных с идеей отрицания, при этом смысловый глагол также выступает в форме инфинитива. Например:

Kwà r̄ b̄ blɛ̄-ɛ̄-sũ, k̄ kwá ḡ
 1INCL.VI вещь есть первый так.что 1INCL.IVa был
 wē m̄" .
 пальмовое.вино пить-INF

'Давайте сначала поедим, прежде чем мы выпьем пальмового вина'.

Такие контексты требуют дальнейшего изучения. Сравнение с прохибитивной конструкцией в тура (местоименная серия IIIc) позволяет провести параллель между тоновым суффиксом инфинитива в гуэта и глагольным суффиксом -ã в тура.

Серия V: формы этих местоимений указывают на то, что их возникновение является результатом слияния с неким элементом, вокализованным на -i. Эта серия передаёт значение прошедшего времени — самостоятельно или в сочетании с показателем ретроспективного сдвига *k̄* (в последнем случае исчезает различие в значении претеритной и презентной отрицательных серий):

Káá k̄ w̄i r̄iàà = Kí' k̄ w̄i r̄iàà
 'Вы не жарили / не пожарили мясо'.

С е р и я VII выражает проспектив («X собирается совершить что-л.»).

Необычен способ образования отрицания проспектива. Если в остальных формах при отрицании утвердительная серия замещается отрицательной, или же рядом с утвердительным местоимением (в пре- или постпозиции) помещается некий отрицательный показатель, то здесь перед утвердительным местоимением серии VII помещается презентно-отрицательное местоимение: 1 лицо ед. числа — *máá māā* + глагол; 2 лицо ед. числа — *báá bíí* + глагол, и т.д. По-видимому, это можно объяснить тем, что претеритно-отрицательные местоимения являются результатом слияния с неким отрицательно-бытийным глаголом, то есть представляют собой отдельную предикацию. В таком случае всё высказывание оказывается как бы полипредикативной конструкцией, при этом местоимение серии VII оформляет вторую предикацию, зависимую от первой (отрицательной): «X не-есть + X собирается делать что-л.»:

Yáá yǽǽ dǎ díú gú.
 3SG.IV 3SG.VII подниматься дерево на

‘Я не собираюсь взбираться на дерево’.

С е р и я VIIIA, «а в т о н о м н а я». Употребляются, в первую очередь, при контрастивной фокализации в сочетании с вынесением в позицию топики:

Mā nǎ, māā dó.
 1SG.VIIIA Фоc 1SG.VII идти

‘Это я собираюсь уходить’.

Mā zǎ ā dǒ sǎǎdǽ wǒ pǎ
 1SG.VIIIA ТОР 1SG.I знать бумага говорить вещь
 dǽ ká.
 MSD РР

‘Что до меня, я читать умею’.

Автономные местоимения используются также при перечислении:

ʋī̄ dʒ, mā̄ dʒ, kò rā̄ bʒ.
 2SG.VIIIa и 1SG.VIIIa и 1DUAL.VI вещь есть
 ‘Ты и я, поедим!’

В этом последнем контексте автономные местоимения свободно варьируют с несубъектными (в любых комбинациях):

ǎ̄ dʒ, mā̄ dʒ, yī̄ rā̄ bʒ.
 3SG.X и 1SG.VIIIa и 1PL.EXCL.VII вещь есть
 ‘Он и я, мы поедим’.

Серия VIIIb, «контрастивные». Пока что выявлены следующие контексты употребления этих местоимений.

а) Контекст «коррекции ожиданий адресата»:

Mā̄j dèdè, máá à wó bá dō.
 1SG.VIIIb сам 1SG.IV 3SG.X дело некоторый знать
 ‘Я сам ничего об этом не знаю’.

б) В вопросительных предложениях, где вопрос относится к местоимению, например:

ʋī̄ dē ú bā?
 2SG.VIIIb кто 2SG.IIIa вот
 ‘Кто ты?’

в) В высказываниях типа: *Mā̄j dō*. ‘Я один’.

Ассоциативные серии (IXa, b, c, d)¹⁹ используются для обозначения главного участника в сопровождении участника второстепенного.

Местоимения серии IXa переводятся как «X и . . .», то есть за ними обязательно следует обозначение второстепенного участника (участников):

¹⁹ Система ассоциативных местоимений в дан-гуэта более развита, чем в бло и в кла, поэтому в таблице их расположение отличается.

wāā p̄ d̄l.
 3PL.IXa 1SG.X отец ‘Он с моим отцом’.

kāā p̄ d̄l.
 2PL.IXa 2SG.X отец ‘Ты с твоим отцом’.

Если именная группа, обозначающая второстепенного участника, начинается местоимением 3 лица X серии (‘его’, ‘их’), то ассоциативное местоимение сливается с ним, в результате чего образуется серия IXb:

yāā d̄l.
 1SG.IXb отец

‘Я с его отцом’.

wāā p̄ d̄l.
 3SG.IXb PL отец

‘Он с их отцом’.

Такое слияние является механическим и достаточно предсказуемым; при медленном произнесении исходная форма может восстанавливаться: $wāā p̄ = wāā \grave{a} p̄$ ‘он с их...’.

В качестве сингулярных в этой серии функционируют основы, образованные от обычных плюральные основ (ср. в русском языке: «мы с ним» в значении «я и он»). Если же требуется передать, что главных участников более одного, то это делается при помощи показателя множественного числа *p̄*, который помещается в позиции после слова, обозначающего второстепенного участника:

yāā d̄l p̄.
 1EXCL.IXb отец PL

‘Мы (экскл.) с его отцом’.

Именная группа, состоящая из ассоциативного местоимения и имени второстепенного участника, требует после себя кореферентного местоимения-повтора, которое согласуется по числу со всей ассоциативной группой в целом:

Kō̄ö d̄l̄, kwā̄ d̄ö d̄ó".
 1DUAL.INCL.IXb отец 1PL.INCL FUT идти-Inf

‘Мы (двое) с его отцом, мы уйдём’.

Серии IXc и IXd являются портманто, обозначая одновременно главного и второстепенного участника:

Gbê̄ yà kwē̄ŋ kō̄ö wū̄ b̄ŷ.
 собака 3PL.II 1DUAL>1SG.IXc 1DUAL.XII мясо есть

‘Собака съела наше с тобой мясо’.

Yē̄ŋ yáá yī̄ r̄l̄ b̄ŷ yī̄
 1SG>3SG.IXd 1EXCL.IV 1EXCL.VII вещь есть 1EXCL.X
 kwá̄l̄.

вместе

‘Я с ним вместе есть не стану’ (букв.: «Я с ним, мы есть не будем друг с другом вместе»).

Между ассоциативными местоимениями и кореферентными им местоимениями-повторами могут помещаться частицы, выражающие различные прагматические значения:

Kwē̄ŋ d̄èd̄è n̄l̄, kóó à w̄ó̄
 1SG>2SG.IXc сам FOC 1DUAL.INCL.IV 3SG.X дело
 bá d̄b̄.
 некоторый знать

‘Мы (дв.) сами ничего об этом не знаем’.

Употребление остальных серий в целом аналогично таковому в дан-бло. Стоит отметить разве что одну интересную особенность посессивных местоимений единственного числа в рефлексивной функции: здесь фокус контраста выражается изменением тона. Формы, приведённые в таблице, нейтральны; фокализованные формы имеют ультранизкий тон на посессивном показателе *b̄ä* (который, надо сказать, является для этого показателя этимологически исходным) — *m̄ä*, *w̄ä* *b̄ä*, *ŷ̄ä* *b̄ä*. Ср.:

Má rá mā r̄bèè ká.
 1SG.II трогать 1SG.XII еда до

‘Я дотронулся до своей еды’.

Má rá tã r̄bèè ká.

‘Я дотронулся до с в о е й еды (а не до чьей-то ещё)’.

Логофорические местоимения отмечены во всех тех сериях, в которых тон используется для противопоставления локуторов и не-локуторов (иначе говоря, где тон не является признаком всей серии; строго говоря, логофорические местоимения можно было бы не выделять и в серии IIIa).

5. Кла-дан

Изучение этого идиома находится в самой начальной стадии: все доступные данные были собраны мною в ходе двух недолгих поездок в дер. Санта, в марте 2001 и в марте 2002 гг., причём анализ даже этих данных ещё далеко не завершён. Вокалическая система кла-дан, по-видимому, четырёхуровневая (как в дан-бло); выделяются как минимум четыре уровневых тона и один контурный — падающий; последний, впрочем, может оказаться комбинаторным или свободным вариантом ультранизкого. Отмечены некоторые комбинаторные изменения тонов, нетипичные для других (лучше изученных) языков дан. Однако в целом тональную нотацию, предлагаемую ниже, следует рассматривать как предварительную.

На нынешнем этапе исследования удалось выявить следующие местоименные серии (см. таблицу 11).²⁰

С е р и я I. Как и соответствующая серия в бло, относится к числу «местоименных показателей».²¹ В формальном отношении конструкции с этими местоимениями имеют одно существенное отличие от таковых в других языках дан: здесь глагол свой лексический тон не утрачивает. В содержательном же

²⁰Нумерация серий дана с ориентацией на таковую в дан-бло.

²¹Ср., однако, пример к X серии местоимений, где ожидаемое местоимение серии I отсутствует.

Таб. 11. Местоименные серии в кло-дан

	Единственное число			Мн.ч.			Множественное число		
	1	2	3	1 экскл.	Дв.ч.	инкл.	инкл.	2	3
Лицо									
I фактативная	ŋ	ɔ	ye/ɛ	ye (yɛ?)	кò	kwà	кà	кà	wò
II перфектная	mà	bà	yà	yì	кò	kwà	кà	кà	wà
IIIa релятивная	ŋ	ɔ	á/yá	í	кó	kwá	кá	кá	áŋ
IIIb оппозитивная	ŋ	ɔ	ye/∅	yí	кó	kwá	кá	кá	wò
IIIc нарративная	ŋ	ɔ	á	í	кó	kwá	кá	кá	wò
IV презентно-отрицательная	mà ~ màá ~ màá	bà ~ bàá	yà ~ yàá	yì ~ yí	кòò	kwà ~ kwáá	кà ~ káá	кà ~ káá	wà ~ wàá
V презентно-отрицательная	mí	bí	yí	yí	кóó	kwá'á	кá'á	кá'á	wí
VI императивная	—	bɔ/∅	—	—	кò	kwà	кà	кà	—
VII проспективная	máá	bɔɔ	yeɛ	yí	кòò	kwáá	кáá	кáá	wòò
VIII автономная	mà	bí	à-лицо, ye-нелицо	ye	кó (кò?)	kiá (kiá?)	кá (кá?)	кá (кá?)	wó (wò?) wáá (wáá?) нелицо
VIIIb топик	mà	bí	ye	yì	кò	kwà	кà	кà	wò
IX асс.				yimā	?	?	kāmā	kāmā	wōmā
X не-субъект.	ŋ	ɔ	à	yì ~ ì	кò	kwà	кà	кà	ànì/ànì/ànì
XI рефл.	ŋ	ɔ	ɔ	ì	кò	kwà	кà	кà	ù
XII пост.	mà	bá	áβá	yí	кòò, кòò	kwáá	кáá	кáá	ááá

плане сходство с дан-бло и дан-гуэта здесь несомненно: конструкции с местоимениями серии I передают, в первую очередь, хабитуальное значение (в отсутствие дополнительных показателей); значение прогрессива / континуалиса (по формуле: местоимение серии I — глагол + *ká*; *ká*, несомненно, идентичен по происхождению послелогу со значением инструмента и тождества, т.е. конструкция восходит к именной); значение будущего времени (по формуле: местоимение серии I — *ló* — глагол; показатель *ló* является по происхождению глаголом движения); ещё одна конструкция для выражения будущего: местоимение серии I — глагол + *plá* (семантические различия между двумя конструкциями ещё предстоит выяснить; в дан-бло аналогичная конструкция передаёт значение прогрессива, см. [Эрман 2002, 158]). Показатель *kà*, помещённый после местоимения, относит действие к плану прошедшего (ср. показатели ретроспективного сдвига *ká* в дан-бло и *kā* — в дан-гуэта, восходящие, очевидно, к глаголу со значением «делать; становиться»).

С е р и я II. Также относится к числу «местоименных показателей». Выражает значение результата и перфекта.

С е р и и IIIa, IIIb и IIIc сведены вместе по двум причинам: во-первых, они различаются только формами местоимений-нелокаторов; во-вторых, в дан-бло и гуэта им соответствуют серии IIIa и IIIb.

Серия IIIb передаёт значение опатива; IIIa маркирует релятивизируемую именную группу, IIIc употребляется в нарративных текстах и маркирует последовательные действия.²²

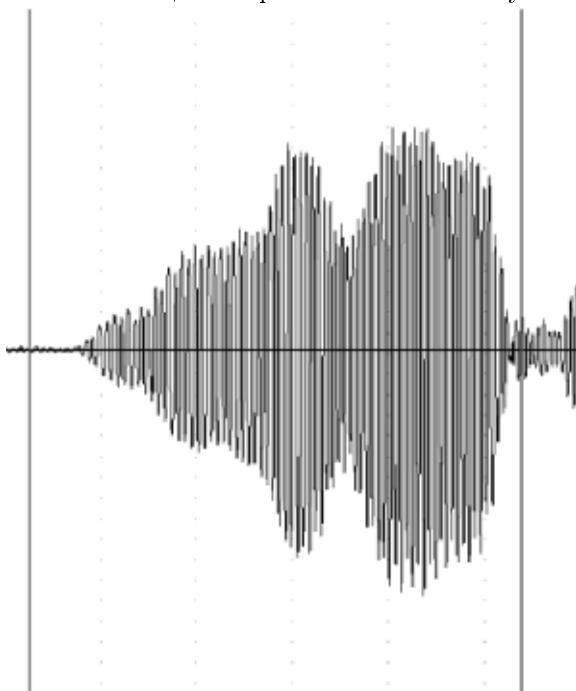
С е р и я IV. Варьирование тонов может быть обусловлено ещё не выясненными комбинаторными условиями и/или нечёткой реализацией тонов в записанных мной примерах. Судя по имеющимся данным, очень близка по употреблению к аналогичной серии в дан-бло.

Все местоимения с е р и и V имеют чёткую цезуру между первым и вторым гласными; это хорошо видно на приведённой осциллограмме местоимения *uí'í* (между курсорами). Таким об-

²²Для более подробной характеристики их значений и употреблений у меня, к сожалению, недостаточно материала.

разом, «фонетическая память» сохраняет указание на их исходно составной характер.

Рис. 5. Осциллограмма местоимения *yí'í'*.

Функционально эти местоимения близки к аналогичной серии дан-гуэта: они употребляются в качестве субъектных в конструкциях, выражающих план прошедшего. Следует отметить, что эти местоимения могут сочетаться с показателем ретроспективного сдвига *kà*, который ставится непосредственно после местоимения.

С е р и я V I I аналогична проспективной серии в дан-гуэта.

Местоимения с е р и и V I I а²³ употребляются в конструкции идентификации: *bí kè* 'это ты', и т.п. Весьма примечательно и необычно для южных языков манде, да и для всей семьи ман-

²³Варьирование тоновой нотации связано с нечёткостью реализации тонов в имеющихся у меня примерах; в дальнейшем должна быть проведена более точная идентификация тоном.

де в целом, противопоставление местоимений для лиц и не-лиц (предметов, животных) в этой серии, причём и в единственном, и во множественном числах.

Не вполне ясно, следует ли считать серию VIIIb отдельной от VIIIa, или различия в записи гласных или нотации тонов вызваны случайными обстоятельствами (к сожалению, в моём распоряжении оказались лишь единичные примеры употребления этих местоимений). В моих материалах встретились в позиции релятивизируемой ИГ, вынесенной в начало высказывания в позицию топики:

Yè kǎǎ dǐjǐ yá á mǎ, yè rǎ
 он.VIIIb который голод он.IIIb 3SG.I на он вещь
 б̣ъ-п̣á.
 есть-FUT

‘Он, который голоден (букв.: «он, на котором голод»), он поест’.

Впрочем, судя по приведённому примеру, в серии VIIIb местоимения 3 лица по признаку «лицо / не-лицо» не различаются.

С е р и я I X (а с с о ц и а т и в н а я) употребляется аналогично таковой в дан-бло.

С е р и я X . Выступают в объектной и посессивной функциях (при релятивных именах), а также в составе именных синтагм с различными детерминативами, например:

ǎnù gbǎ ká sǐǐ.
 они все мотыга брать

‘Все они взяли мотыги’.

Как и в дан-бло, в позиции прямого дополнения (или посессора в составе именной группы прямого дополнения) местоимение 3 лица единственного числа может сливаться с предшествующим субъектным местоимением, при этом гласный последнего факультативно удлиняется и получает конечный свехнизкий тон. Впрочем, местоимение ǎ может и исчезать, фактически бесследно, — оба эти случая представлены в следующем примере:

yí pɛ̃, yíí wɔ́ dɔ̃.
мы.ЕХСЛ.III>3SG.X говорить мы.III>3SG.X дело знать

‘Мы говорим, что мы знаем об этом’.

Если же субъектное местоимение — 3 лица, то слияние даёт формы yǎ, wǎ:

yǎ pɛ̃, yǎǎ wɔ́ dɔ̃.
3SG.III>3SG.X говорить 3SG.III>3SG.X дело знать

‘Он говорит, что знает об этом’.

Серия XI (рефлексивная). Судя по имеющимся данным, употребление этих местоимений весьма ограничено: в позиции актантов (прямого или косвенного дополнений) вместо ожидающихся рефлексивных местоимений употребляются не-субъектные. На долю рефлексивов остаётся лишь позиция именного определения в рамках генетивной синтагмы; впрочем, и здесь допустима их замена на не-субъектные местоимения.

Серия XII (посессивная): Аналогична серии XI в бло. Ослабление согласного в формах единственного числа от импловзивного до аппроксиманта, *b > β (2 и 3 лицо), или его назализация (1 лицо) — явления, которые в кла-дан в целом типичны в позиции середины фразы. Отметим, что в кла-дан посессивный показатель сливается и с предшествующим существительным, ср.:

ǎ dɔ́ ǎ dɔ́-ǎ kɔ́.
3SG.X отец ‘его отец’ → 3SG.X отец-Poss дом

‘дом его отца’.

Таким образом, можно говорить о возникновении в кла-дан посессивного²⁴ морфологического падежа, причём не только у личных местоимений, но и у существительных.

²⁴Такое название представляется предпочтительнее, чем «генитив», поскольку этот падеж маркирует связь только с автосемантическими именами, но не с относительными.

Интересно, что, как и в языках с устоявшимися падежными системами, местоимения в посессивном падеже в кла-дан могут употребляться и как самостоятельные, с опущением названия обладаемого («моё», «твое», и т.п.):

Mmã kɔ yɛ dɛɛ ká tó yɛ ǎ jɛ
 я.POSS дом он.I новый как CNJ 3SG.IIIa 3SG.X бить
 ʒ-βǎ tǎ.
 ты-POSS на

‘Мой дом новее, чем твой’.

Наличие в кла-дан логофорических местоимений ещё подлежит проверке.

Подведём некоторые итоги по всем трём языкам дан.

1. Если считать исходной местоименную систему, близкую к таковой в гуру (без эргативных серий), можно отметить, что в дан её усложнение шло в основном за счёт наращивания противопоставлений в аспектно-темпорально-модальном сегменте (ТАМ) и обогащения системы отрицания. Развитие падежной системы продвинулось только благодаря образованию посессивной серии, причём формирование этой серии носит незавершённый характер.

2. Сравнивая системы личных местоимений трёх языков дан, можно сделать вывод, что они достаточно близки друг другу, а расхождения в основном легко поддаются объяснению и дают дополнительные данные для диахронической интерпретации диасистемы дан.

Очевидно, для пра-дан можно с уверенностью реконструировать следующие серии, засвидетельствованные во всех трёх современных идиомах:²⁵

I «фактативная»: средний тон у локуторов, низкий / падающий у не-локуторов.

²⁵Пока реконструкция тональной системы пра-дан не сделана, будем исходить из допущения, что она была близка к таковой в дан-бло и состояла из трёх уровневых тоном плюс как минимум одной контурной (падающий тон).

II «перфектная»: возможно, в пра-дан имели комбинированный тон (см. тж. тоны «перфектной» серии в маню), его выравнивание в бло, с одной стороны, и в гуэта и кла, с другой, дало разные результаты.

IV «отрицательно-презентная»: можно также предполагать в пра-дан комбинированный тон.

«Прохибитивная серия» в гуэта, несмотря на отсутствие аналогов в двух других языках дан, может быть достаточно древней, в пользу чего свидетельствует наличие аналогичной серии в тура.

VI «императивная»: падающий тон.

VIII «автономная»: средний тон в пра-дан. Различение в 3 лице форм для лиц и не-лиц в кла пока что следует считать инновацией. «Контрастивная» серия в гуэта (VIIIb) — явная инновация, она возникла, очевидно, путём слияния «автономной» серии с какой-то частицей-интенсификатором.

IX «ассоциативная»: очевидно, сегментные формы этих местоимений в кла следует считать наиболее близкими к пра-форме (со вторым элементом *-та*), тогда как тоны пра-форм, по-видимому, соответствовали тонам в бло (средний — падающий). Усложнение подсистемы ассоциативных местоимений в дан-гуэта — явная инновация.

X «несубъектная»: тоны следует реконструировать по модели бло (средний — для локуторов, падающий — для не-локуторов); форма 3 мн. в бло — несомненно, результат стяжения формы **āpī* (которая, в свою очередь, является результатом регулярного образования формы множественного числа от формы 3 ед.).

В свете недавнего обнаружения логофорических местоимений в бло и гуэта, необходимость выделения рефлексивной серии в пра-дан становится сомнительной.

Различение серий IIIa, IIIb и IIIc в кла-дан свидетельствует в пользу предположения А. В. Эрман о необходимости разграничения двух серий в бло. Очевидно, что на уровне пра-дан также следует реконструировать две или три серии, различающиеся только формами местоимений-нелокуторов: структура CV с падающим тоном — оптативная серия; структура CV/V с

высоким тоном — «сопряжённая» серия (возможно, результат слияния с релятивным союзом \acute{x}); структура V с высоким тоном — нарратив. Местоимения-локуторы всех этих серий маркированы высоким тоном. Изменение $*y\acute{i} > \acute{i}$ для 1 экскл. в кла-дан произошло, по-видимому, в рамках структурной подстройки.

Возникновение отрицательных серий V в бло и, с другой стороны, в северных и восточных диалектах — несомненно, результат двух независимых инноваций. В бло с отрицательным показателем $k\acute{a}$ слилась реконструируемая базовая субъектная серия (см. ниже); в остальных дан слиянию подверглись перфектные местоименные основы, причём слившийся с ней показатель отрицания имел огласовку на $-i$ и был, очевидно, высоко-тоновым. В качестве возможного претендента может рассматриваться упоминаемый Жаном Донё [Dopieux 1968, 66] для каких-то диалектов дан показатель $t\acute{i}$ (возможно, этимологически тождественный имперфективному отрицательному показателю $t\acute{e}$, $t\acute{e}$ в языках манден), функционально аналогичный $k\acute{a}$. Впрочем, в таком случае в дополнительном объяснении нуждается высокий тон этих местоимений.

Несмотря на наличие общего семантического компонента серий VII в бло и, с другой стороны, в гуэта и кла, их морфология и употребление свидетельствует против единого происхождения. В бло местоимения серии VII употребляются обязательно в сложном предложении, в гуэта и кла — в простом. В бло серия образовалась путём слияния серии III с неким элементом, огласованным, по-видимому, на \tilde{a} ,²⁶ с падающим тоном; в гуэта и кла эта серия образована на основе перфектной серии, а инкорпорированный показатель не оставил следов назализации. Таким образом, эти серии следует считать продуктом независимых инноваций.

XI (посессивная) серия во всех трёх языках может быть отнесена к уровню пра-дан.

Учитывая существование логофорических местоимений как минимум в двух языках дан и в тура (о чём см. ниже), мож-

²⁶В соответствии с выявленным А. В. Эрман правилом, в дан-бло при фузии $-a > -\acute{a}$

но отнести их возникновение к уровню пра-западной подгруппы. Соответственно, достаточно высока вероятность, что такие местоимения будут в дальнейшем обнаружены и в кла-дан, а также, возможно, и в ману.

3. Для пра-дан можно выделить следующие сегментные типы основ личных местоимений:

Таб. 12.

	Единственное число			мн.ч.	дв.ч.	Множественное число		
	1 л.	2 л.	3 л.	1 л. экскл.	инкл.	инкл.	2 л.	3 л.
Основа 1	*a/N	*ʃ	*yʃ/yʃ	*yi	*ko	*kwa	*ka	*wo
Основа 2	*ma	*be	*yʃ					*wo
Основа 3	*ma	*ba	*yʃ					*wa
Основа 4	*N	*ʃ	*a					*anu

Основа 1 представлена в I и III сериях, от неё же образована серия VII (интенционалис) в бло.

Основа 2 появляется в сериях VI (императивной) и VIII (независимой); возможно, от неё же образованы серии IV (отрицательно-презентная), а также V (отрицательно-претеритная) в восточных и северных вариантах дан.

Основа 3, по-видимому, образована от основы 2 путём присоединения какого-то показателя, огласованного на -a.

Основа 4 — не-субъектная серия.

Бросается в глаза отличие формы 1 ед. основы 1 в кла (N) от таковой в остальных языках дан (a). Этому обстоятельству можно дать по крайней мере два различных объяснения.

Во-первых, исходная форма *a могла быть замещена в кла формой N под влиянием соседнего языка мау, с которым кла находятся в очень тесном контакте.

Однако более правдоподобной представляется иная версия событий: N являет собой исходную форму, которую кла сохранил. В пользу этого свидетельствует и форма отрицательной серии V в бло, где назальный слононоситель сохранился в контакте с последующим согласным k-. В остальных же случаях (серии I и III в бло и гуэта) можно реконструировать следующую

ций процесс: $*N > *\tilde{a} > a$. Мотивируется он логикой системного субморфного выравнивания: в этих сериях местоимения единственного числа должны иметь структуру V , не-единственного — CV .

Дополнительные обоснования второго объяснения даёт язык *мано*, ближайший родственник *дан*, в котором, в соответствующих сериях, также сохранилась форма N (при этом *мано* находится вне зоны сильного влияния языков *манден*, так что объяснение такой формы внешним заимствованием не имеет здесь серьёзных оснований). Промежуточная форма, \tilde{a} , зафиксирована в *тура*, *гуро* и *яурэ*.

4. Отметим совпадение основ местоимений-локуторов не-единственного числа во всех четырёх сериях. Объясние этому обстоятельству дано в разделе, посвящённом *яурэ*: очевидно, эти местоимения образуют группу, противопоставленную остальным как маркированная — немаркированной. Принадлежность к этой группе оказывается настолько доминирующей чертой, что в рамках этой группы остальные противопоставления снимаются.

Впрочем, в *дан* намечается субморфное противопоставление уже внутри группы локуторов не-единственного числа: начальный k - маркирует только те местоимения, которые включают адресата речи («адресативы»). Причём формы этих трёх местоимений оказываются весьма иконичными: *ko* ‘я и ты’ и *ka* ‘вы’ противопоставляются своими гласными, а в форме *kwa* ‘я и вы’ как бы совмещаются гласные o и a . Очевидно, такая мощная мотивированность и делает эти формы устойчивыми, непроницаемыми для каких-то других формальных противопоставлений.

Анализ местоименных систем южных *манде* свидетельствует о том, что группа локуторов не-единственного числа, включая в себя более трёх элементов, становится перегруженной — формальных средств (велярный согласный, гласные a , o и их комбинация) оказывается недостаточно для различения (обозначим это как «правило трёх плюральных локуторов»). В *яурэ* этот конфликт разрешился весьма экзотическим образом — формальным слиянием эксклюзивного местоимения с ин-

клюдивом-дуалисом. В большинстве остальных языков группы он решается устранением инклюзива дуалиса или оттеснением его на периферию системы (как в тура). В дан же эта группа была «разгружена» путём её переосмысления таким образом, что эксклюзивное местоимение 1 лица оказалось вне её пределов (или, по крайней мере, на её периферии). В формальном отношении это привело к его уподоблению остальным местоимениям (тип «сонант-гласная»; в серии V в гуэта и кла произошло даже полное совпадение местоимений 1 экскл. и 3 ед.). О переориентации этого местоимения свидетельствует и утрата им начального согласного (* $ui > i$) в сериях IIIa, IIIc, X и XI в кла — то есть как раз в тех, где и остальные не-адресативы имеют тенденцию сокращаться до неприкрытого гласного.

6. Мано

Мано весьма близок к дан — по утверждению носителей обоих этих языков, они взаимопонимаемы, чему способствуют и тесные контакты между двумя языковыми сообществами.²⁷ При этом фонетическая система мано значительно проще, чем дан — противопоставляются 4 уровня подъёма и два ряда гласных; выделяются три уровневых тоны.

Данные по этому языку взяты из двух американских учебников, в первую очередь [deZeeuw, Kruah 1981], в меньшей степени [Neal et al. 1946] — в этих работах фонетическая запись слов вызывает доверие, а сведения об употреблении местоименных серий, при всей их лаконичности, позволяют сформировать довольно целостное представление о системе. Что до грамматики [Besker-Donner 1965], то она, к сожалению, безнадежно устарела и не могла быть использована.

Местоименные серии в мано представлены в таблице 13.

²⁷Интересно, что один и тот же носитель языка дан может в одном случае говорить о том, что не понимает чужой диалект дан, в другом — что способен понимать мано или даже гуру. Конечно, при этом надо иметь в виду и психологический фактор «ожидаемости»: при восприятии другого языка (мано, гуру...) сознанием фиксируются прежде всего узнаваемые, понимаемые элементы, а при восприятии другого диалекта своего языка — напротив, факты расхождения и непонимания.

Таб. 13. Местоименные серии в ману

Лицо	Единственное число			Множественное число			
	1 ²⁸	2	3	1 экскл.	1 инкл.	2	3
I а) Субъектные базовые б) Рефлексивные	\bar{N}	\bar{i}	$\bar{e} \sim \bar{\epsilon}$	kō	kōā	kā	ō
I' Эргатив (+ 3 ед)	mā	bā	ā	+kwā	?	?	?
I'' Портманто при глаголе, управляемым модальным глаголом	\bar{N}	bā	ā	kō	?	kā	ō
II Бытийные	\bar{N}	\bar{i}	lē	kō	kōā	kā	ō
II' Портманто, прогрессив (суб. + 3 ед.)	māā	bāā	lāā	kōā	kōā	kāā	wāā
III Автономные	mā	bī	yē	kō	kōā	kā	ō
IV Хабитуальные	$\acute{N}\acute{N}$	ī	lɛɛ	kóò	kóāā, kōāā	kāā	óò
IV' Хабитуалис, портманто (+ 3 ед)	$\acute{N}\acute{N}$	bāā	lāā	kóò	kōāā	kāā	óò
V Перфектные	māā	bāā	āā	kōā	kōāā	kāā	wāā
VI Последовательные	māā	bāā	āā	kōā	kōāā	kāā	wāā
VII Оптатив, императив	\acute{N}	í	é	kó	kōā	kā	ó
VIII Отрицательные	$\acute{N}\acute{N}$	ī	lɛɛ	kóò	kōāā	kāā	óò
IX Портманто при гл. pāā 'хотеть' в вопросит. предложении	\acute{N}	bā	ēā	kō ~ kōā	?	kā ~ kāā	ō ~ ōā
X ассоциативные		bí	yé			ínū	yéñū
XI Не-субъектные	\bar{N}	\bar{i}	à	kō	kōā	kā	ō
XII Поссесивные	\acute{N} ($\acute{N}\acute{N}$)	bā	lā (lāā, āā)	kò (kòò)	kōā	kā (kāā)	wā

I. Субъектные базовые местоимения совпадают по форме с рефлексивными. Они употребляются в перфективе и в зависимой предикации при модальном глаголе:

$\acute{N}\acute{n}$ \emptyset pāā p̄ ló.
1Sg.IV хотеть 1Sg.I уходить

‘Я хочу уйти’.

²⁸B [Neal et al. 1946] носовой слононоситель, являющий собой сегментную основу 1 ед. большинства местоименных серий, обозначается как *m*. Здесь же он, в соответствии с обычной практикой, обозначается через *N*.

I'. Эргативная серия, соотносимая с субъектной базовой, функционирует аналогично таковой в гуро: эти местоимения появляются в тех случаях, когда прямое дополнение стоит ниже подлежащего в иерархии локуторов или равно ему.²⁹ Слитные формы образуются также со 2 ед. (*mī̄* 'я — тебя', +*kwī̄*³⁰ 'мы (Excl) — тебя'; других форм этой парадигмы источники не приводят). В то же время эти местоимения употребляются в качестве субъектных, не сливаясь с прямым дополнением, если оно выражено местоимением 3 мн.: *mā̄ ō* 'я — их', *bā̄ ō* 'ты — их' (к сожалению, примеров с другими плюральными местоимениями в позиции прямого дополнения источники не дают). Таким образом, и в мане эта серия является контрактивной лишь в части случаев, в целом же её можно считать маркированной по наличию местоименного прямого объекта, не превышающего субъект в иерархии локуторов — то есть эргативной (со всеми теми же оговорками, которые были высказаны по поводу аналогичных серий в гуро).

I''. Портматно при глаголе, управляемом модальным глаголом. В [Neal et al. 1946, 308] они даны только в одном контексте:

mé̄ Ñ nàà Ñ̄ mī̄?
 что 1 SG.IX хотеть 1 SG.I''>3SG пить

'Что я хочу пить?'

Неясно, употребляются ли эти местоимения в каких-то других случаях.

II. Бытийные: в локативных конструкциях («X находится в...»), в конструкции идентификации (с послелогом *ká*), при качественных глаголах (предикативных прилагательных), а также в утвердительной форме прогрессива (местоиме-

²⁹К сожалению, имеющиеся источники не дают примеров обратного соотношения («они — меня», «он — тебя», «ты — меня», и т.п.). Будем рассматривать молчание источников как признак того, что такие формы — «обычные».

³⁰Знак + означает, что в данном случае употребительна и неслитная форма.

ние — глагол + *-pìè*). Местоимение 3 ед. совпадает с бытийным глаголом, используемым в таких конструкциях:

Ī *dāā* *lē* *dōmì* *ká*.
 твой отец быть вождь как
 ‘Твой отец — вождь’.

Это можно трактовать двояко: или считать, что местоимение 3 ед., слившись с бытийным глаголом, приняло его форму, так что здесь имеет место омонимия; или — что в бытийных конструкциях, при заполнении позиции подлежащего именем или синтагмой, должно обязательно присутствовать бытийное местоимение. В последнем случае самую бытийную местоименную серию можно рассматривать как парадигму спряжения бытийного глагола.

II'. Э р г а т и в , п р о г р е с с и в — соответствуют бытийным местоимениям.

III. А в т о н о м н ы е : используются в утвердительных высказываниях типа «это X» (*X lē*), «вон X» (*X gē*), а также в конструкциях с отрицательно-бытийным глаголом *wá* (*yē wá yí* ‘его там нет’), в отрицательной конструкции идентификации с послелогом *ká* (*X wá Y ká* ‘X не есть Y’). Эта же серия используется при отрицании прогрессива (очевидно, по происхождению — отрицательно-бытийная конструкция):

Yē *wá* *tàà* *sí* *pìè*.
 1SG.AUT не.быть хождение брать PROG
 ‘Он не идёт’.

Эти же местоимения появляются при топикализации в конструкциях с релятивизацией, показателем которой является конечная морфема *-ā* — по-видимому, идентичная определённому артиклю:

Mā *lé* *p̄* *dōmìā* *ká-ā*.
 1SG.III это 1SG.II вождь как-ART
 ‘Это я — вождь’.

IV. **Х а б и т у а л ь н ы е** местоимения служат для образования соответствующей глагольной конструкции, причём с глаголами движения эта же конструкция может обозначать и актуальное действие. Гласный местоимения может сокращаться в речи до краткого, с высоким тоном.

Будущее образуется по формуле: хабитуальное местоимение + *ló* + смысловый глагол с удвоением конечного гласного. По [Neal et al. 1946], этот «долготный суффикс» получает низкий тон при низком лексическом тоне глагола, средний — при высоком или среднем тоне глагола; по [deZeeuw, Kruah 1981], правило выглядит несколько иначе: суффикс имеет низкий тон при среднем или низком тоне глагола, средний — при высоком тоне глагола.

IV'. **Х а б и т у а л ь н ы е** портманто: отдельные формы (*îî à*, *léè à*) существуют параллельно слитным, но менее употребительны.

V. **П е р ф е к т н ы е** местоимения маркируют соответствующую глагольную конструкцию со значением результативного перфекта. При этом, если прямое дополнение выражено местоимением 3 ед., то оно сливается с субъектным перфектным местоимением, не изменяя форму последнего — иначе говоря, субъектное местоимение в таком случае выступает как эргативное, а серия оказывается «совмещённой номинативно-эргативной».

VI. «**П о с л е д о в а т е л ь н ы е**» местоимения оформляют глагол (тон которого при этом меняется на низкий), обозначающий действие, следующее за другим («X пришёл и поел») или одновременное с другим («X работает и учится»); соотношение действий зависит от вида первого глагола:

Lé	ē	wèlè	áà	lò	sélé	dò
тогда	3SG.I	подниматься	3SG.VI	идти	место	другое
у́.						
в						

‘Тогда он ушёл и отправился в другое место’.

VII. **О п т а т и в** употребляется в императиве и в придаточных цели, часто с союзом *kē* ‘чтобы’:

Lóā ȳ yí ó gbȳȳ kràà.
 женщины 3PL.I здесь 3PL.VII горшок стряпать

‘Женщины здесь, чтобы готовить еду’.

VIII. Отрицательные местоимения без дополнительных показателей оформляют конструкции со значением хабитуалиса. Для выражения отрицания перфектива после местоимения помещается показатель *gbāā*. Отрицание перфекта имеет вид рамки: Отрицательное местоимение — (DO) — V — *né*.

IX. Эргатив при глаголе *nàà* ‘хотеть’ в вопросительном предложении [Neal et al. 1946, 308] во фразах типа:

Mé ... nàà bā bèlè?
 что 2SG.IX хотеть 2SG.II’ есть

‘Что ты хочешь есть?’

К сожалению, другие контексты, в которых употребляются эти местоимения, в источниках не даются, что затрудняет их соотнесение с какой-либо не-контрактивной формой.

X. Ассоциативные местоимения в ману функционируют иначе, чем одноименные местоимения в дан. Они ставятся в рамку между местоимениями множественного числа (в «базовой» форме, т.е. со средним тоном), которыми они «поглощаются» (в семантическом отношении):

Kāā ínū kāā ló.
 1PL.INCL.I 2PL.X 1PL.INCL.I идти

‘Мы с вами пошли’.

Очень интересны плюральные формы этой серии: они образованы от сингулярных при помощи суффикса *-nū*, который, несомненно, этимологически тождественен плюральному суффиксу в дан (*-nū*, *-nū* — в зависимости от диалекта), в гуро (*-nū*), яурэ (*-nū*) и во многих других языках манде — в то время как обычный показатель множественного числа в ману имеет

вид *-vɔ̃*. Отметим, что в тура, где регулярный показатель множественного числа имеет форму *-bɔ̃* (по всей вероятности, этимологически тождественную форме *-vɔ̃* в мано), *-nɪ̃* выступает в функции показателя ассоциативного множественного («X и иже с ним») — эта аналогия делает формы местоимений в мано ещё более понятными.

Кроме того, форма множественного числа 2 лица образована от основы *í*, тогда как соответствующее сингулярное местоимение имеет вид *bí*. К сожалению, источники не дают полной парадигмы этих местоимений.

XI. Н е - с у б ъ е к т н ы е местоимения, судя по имеющимся данным, мало отличаются по своим функциям от таковых в дан, гу́ро или яу́рэ.

XII. П о с е с с и в н ы е местоимения образованы от не-субъектных в результате слияния с неким показателем посессивной связи, форму которого установить уже невозможно: если в функции посессора в именной группе выступает существительное, то в функции такого показателя выступает местоимение 3 лица данной серии.

В скобках даны альтернативные («полные») формы. По-видимому, «краткие» и «полные» формы восходят к разным диалектам [deZeeuw, Kraah 1981, 51].

Вполне вероятно, что в использованных источниках оказались зафиксированы не все местоименные серии, реально существующие в мано, а особенности употребления тех, которые в эти источники попали, далеко не всегда ясны. Но и по имеющимся данным видно, что обогащение системы местоимений здесь шло главным образом за счёт образования эргативных серий, параллельных «обычным» субъектным сериям. Наряду с образованием посессивной серии, это укрепило падежную систему местоимений мано и повысило её статус в иерархии грамматических оппозиций.

Интересной параллелью с яу́рэ является тот факт, что тональное противопоставление локуторов и не-локуторов в мано почти исчезло, сохранившись только в одной серии, не-субъектной — да и там только в единственном числе. Сходство между этими двумя языками усиливается и эволюцией форм место-

имения 3 мн.: во всех «сегментно простых» сериях (и даже в некоторых «сложных») они утратили начальный согласный.

Можно отметить в мано некоторые из тех тенденций, о которых уже говорилось в разделах о других языках группы — прежде всего формальное обособление плюральных локуторов от остальных лиц, а также иконичность формальных противопоставлений внутри этой группы. В то же время среди сингулярных местоимений наблюдается (в сравнении с гуро, яурэ или дан) большая эклектика и отсутствие чётких тенденций. По-видимому, вся система находится на стадии переформирования, вызванного образованием новых серий — процесс, который опережает формальное выравнивание и субморфную подстройку.

Если проанализировать сегментные формы местоимений, то, по сравнению с другими языками группы, обнаруживается новая основа для 3 ед., *lɛ* (формы *la* и *laa* образуются от неё в результате слияния с различными формантами). Авторы одного из учебников, [Neal et al. 1946], полагают, что по крайней мере одна из этих форм возникла путём слияния местоимения *à* с фокализатором *lɛ̄*. Однако наличие схожих основ для местоимения 3 ед. в уан и в локо позволяет сделать осторожное предположение о возможности её отнесения к достаточно глубокому уровню реконструкции.

7. Тура (самоназвание — вен)

Тура живут в непосредственном соседстве с дан и испытывают со стороны последних ощутимое влияние. Это объясняется не только огромным численным превосходством дан, но и отсутствием на территории тура каких-либо городов. Центры департаментов, в которых живут тура, оказываются на землях дан; с их языком и культурой ассоциируется в глазах тура городская культура. В результате многие тура овладели языком дан (в его восточных вариантах), и даже возникли этнографические подгруппы, язык которых считается смешанным, промежуточным между тура и дан [Идиатов, рук.]. В то же время носители языка дан неоднократно говорили мне, что им значительно легче понимать мано и даже гуро, чем тура; нередко можно услышать

также, что тура им непонятен вовсе. Однако, как будет видно из дальнейшего изложения, структурное сходство дан и тура оказывается очень существенным. Очевидно, в данном случае имеет место хорошо известная социолингвистам ситуация, когда носители одного близкородственного языка понимают другой, а понимание в обратном направлении отсутствует.

В тура различаются 4 уровневых тона; впрочем, в восточных диалектах тонов только 3. В вокалической системе выделяются два ряда гласных, передний и задний, и пять степеней подъёма, при этом полузакрытые гласные могут быть только долгими (*u*, *uv*).

Система личных местоимений тура достаточно обстоятельно описана (см., прежде всего, [Bearth 1971], с некоторыми уточнениями в [Bearth 1986]), поэтому здесь можно обойтись лишь краткими комментариями к таблице 14. Нумерация серий даётся по работам Т. Беарта (номера типов — по [Bearth 1971], номера серий внутри первого типа — по [Bearth 1986]). Во второй колонке приведены предикативные показатели в постпозиции к субъекту, если он не выражен субъектным местоимением — очевидно, слияние с ними и породило соответствующие серии. Точка со знаком тона над ней означает удвоение конечного гласного предшествующего слова, причём полученный в результате такого «копирования» гласный несёт указанный тон.

Т и п I. Серии, относящиеся к этому типу, различаются модальными значениями, при этом проявляют много общего в отношении аспекто-темпоральных характеристик. Основной среди них можно считать серию I.2, остальные серии употребляются в глагольных и неглагольных высказываниях тех же типов, что и I.2, в не-нейтральных модальных контекстах.

С е р и я I. 1 употребляется в некоторых модальных контекстах в прошедшем и настоящем времени.

С е р и я I. 2 — «базовая субъектная»; в модальных контекстах конкурирует с I.1, но, кроме того, употребляется также для образования форм изъявительного наклонения. В этом последнем случае она является очень близким аналогом серии I в дан. Глагол в конструкциях с этой серией меняет тон (хабитуалис), удлиняет свой конечный гласный и меняет его тон

Таб. 14. Местоименные серии в тура

	Применной ³¹ показатель	Единственное число					Множественное число				
		1	2	3	3 логоф.	1	2	3	3 логоф.		
I.1	˙	á	í	é	é	kó	ká	wó	wó		
I.2	ké	á	í	è	é	kó	ká	wò	wó		
I.3	˙	á	í	è	é	kó, dual. kò	ká	wò	wó		
I.4	˙	á	í	è	é	kó	ká	wò	wó		
IIa перфект	˙	má	bá/yá	à/yà	yá/yé	kwéé	káá	wà	wá/wé		
IIb проспектив	—	máà	béé/yéé	yéé	yéé	kwéé	káá	wóó	wéé		
IIIa отр. имперф.	-á	máá	báá/yáá/áá	yáá/áá	yáá	kwáá	káá	wáá	wáá		
IIIb отр. перфектив	-ó	móó	bóó/yóó/ wóó/óó	yóó/wóó/óó	yóó	kóó	káó	wóó	wóó		
IIIc прохибитив	-ó	móó	bóó/yóó/ wóó/óó	yóó/wóó/óó	—	kóó	káó	wóó	—		
IV императив	—	—	bè/θ	—	—	kwáá, dual. kwà	kà	—	—		
V не-субъектные	—	í	í	à	é	kó	ká	áj	wó		
VI иллокутивные	—	má	yè	yè	—	kó	ká	wò	—		

³¹ В постпозиции к субъекту, выраженному не-местоимением.

(перфектив), присоединяет различные суффиксы: *-íí* (прогрессив), *-ã* (проспектив), *-уёá/-ёá* (результатив). Местоимения этой серии употребляются и как субъектные в неглагольных высказываниях (локативных, эквативных, квалитативных).

С е р и я I.3 появляется в придаточных цели и передаёт значения оптатива.

С е р и я I.4 выражает особое «декларативное» наклонение, передающее модальность уверенности в том, что действие происходит или произойдёт. Используется в утвердительных ответах на вопрос, в обещаниях или угрозах.

Серии I.1, I.2, I.3, по-видимому, этимологически тождественны сериям IIIa и IIIb в дан.

С е р и я IIIa — перфектная.

С е р и я IIIb образует проспектив-интенционалис, выражает намерение говорящего совершить действие, а также проспективное значение «собираться совершить что-л.». Местоимения обязательны, даже если подлежащее выражено существительным или иной именной группой.

Т и п III — отрицательные:

С е р и я IIIa является очень близким аналогом серии IV в дан, единственное серьёзное отличие от дан-бло — способность конструкций с этой серией в тура сочетаться с показателем ретроспективного сдвига *líí* (в гуэта и кла IV серия с показателем ретроспективного сдвига также сочетается).

С е р и я IIIb — перфективная, функциональный аналог серии V в дан. Предикативный показатель *ó*, слияние с которым и породило эту серию, можно сблизить с упоминаемым Жаном Донё [Dopuch 1968, 66] для некоторых диалектов дан отрицательным показателем *tó* (функциональным аналогом показателя *ká* в дан-бло и ка).

С е р и я IIIc — прохибитив, отрицательный аналог оптативной и императивной серий; требует присоединения к глаголу суффикса *-ã*. Особый случай представляет собой отрицание императива 2 ед. — в этом случае употребляется особая форма *míá*, которая, по предположению Т. Беарта, являет собой архаичную форму слова «человек» (*míí*) с отрицательным предикативным

показателем — *ǎ*, глагол же употребляется в своей базовой форме.

Тип / серия V — несубъектная. Эти местоимения выступают в функции прямого или косвенного дополнения, а также как посессивные. В сочетании с «эмфатической» частицей они употребляются и как независимые.

Местоимения этой серии, помещённые в колонку «логофорических», являются в первую очередь рефлексивными; логофорическое употребление для них (как и вообще употребление за пределами предикации, в которой находится контролёр) — скорее периферия. Впрочем, Томас Беарт приводит некоторые примеры, где они употребляются не-рефлексивно [Bearth 1971, 160]. С другой стороны, в своей основной (рефлексивной) функции они испытывают конкуренцию со стороны «обычных» анафорических местоимений и употребляются, как правило, лишь в тех случаях, когда факт кореферентности подлежащему находится в фокусе [Д. Идиатов, личное сообщение].

Серия VI — иллокутивные местоимения, вводят прямую или косвенную речь.

Противопоставление эксклюзивных и инклюзивных местоимений в тура отсутствует, а оппозиция по признаку «множественное число : двойственное число» отеснена на периферию: она реализуется только в императиве и в оптативе, т.е. связана с побудительной модальностью. При этом на формальном уровне оно минимизировано до различия долготы гласного и тона.

В тура выделяются три сегментных серии основ, очень близкие к таковым в гуру или пра-дан:

Таб. 15.

	Единственное число			Множественное число		
	1	2	3	1	2	3
Лицо	1	2	3	1	2	3
Субъектная базовая	ǎ	i	e	ko	ka	wo
Субъектная производная	ma	be/ye	ye			wV
Несубъектная	ǎ	i	a			aŋ

Две формы субъектной производной основы 2 ед., *be* и *ue*, по-видимому, имеют разное диалектное происхождение, при этом в речи могут быть в отношениях, близким к свободному варьированию. Несубъектное местоимение 3 мн. *ǎŋ*, по-видимому, восходит к **ǎnɪ*, где *-nɪ* — архаичный показатель множественного числа (ср. аналогичные формы в дан; в современном тура регулярный показатель множественного числа *-bɔ*).

Из двух серий субъектных основ, с учётом тонового контраста локуторов и логофорических местоимений по отношению к не-локуторам, легко выводятся все субъектные местоименные серии тура.

8. Уан (диалект мьямму)

Материалы по этому языку взяты из работы Т. В. Никитиной [2001], написанной по материалам экспедиции 2001 года. Вокалическая система уан насчитывает 4 уровня подъёма и 2 ряда. Выделяют 3 уровневых тона, при этом в тональной системе остаётся много неясного — особенно в сфере тональной комбинаторики. Несомненно, что в некоторых контекстах слова изменяют свои тоны, однако правила таких изменений пока не изучены. Нет уверенности и в том, что идентификация тонов во всех случаях надёжна. На примере других языков группы мы знаем, насколько важны тоны для различения местоименных серий (так, в гуру именно исследование тонов местоимений заставило изменить представление обо всей тональной системе языка, см. [Выдрин 2002]). Поэтому представленную в таблице 16 систему личных местоимений уан следует рассматривать как предварительную. В скобках даны варианты, записанные мною от информантов-уан в феврале 2002 года в Буаке и Кунари.

Н е й т р а л ь н а я с е р и я . Нейтральное местоимение 1 ед. выступает в двух вариантах — полном (*nà*) и стяжённом (*ɨ*). Полная форма встречается лишь в так называемом «прошедшем близком» в сочетании с показателем *ɨ*:

ɨ *gà* 'я ушел'

nà *ɨ* *gà* 'я сейчас ухожу', 'я вот-вот уйду'.

Таб. 16. Местоименные серии в уан

	Единственное число			Мн. 1 экскл.	Двойст. инкл.	Множеств. число		
	1	2	3			лог.ф.	инкл.	2
Нейтр.	ṅ/nà	lā	è	kà	kó	ā	à (ā)	лог.ф. mō
Имперф.	nàà (nàá)	lāā (lāá)	èyā (áá)	kàà	kóó	āā	àà	mō
Пр. доп.	ṅ	lā	-V, à, lāā	kà	kó	ā	à ~ lāā à	
Кос. доп.	ṅ (ṅ̄)	lā	-V, á	kà	kó	ā	à	
Прит. 1	ṅ	lā	à	kà	kó	ā	à	mō
Прит. 2	nàà	lāā	àà	kàà	kóó	āā	àà	mō
Независ.	mínà/míṅ	bílaā	èè	kāmaā	kómaā	āmaā	àmaā	
Императивные		é			kó ~ kó lā	ā		
Рефл.	ṅ	lā (lā)	é	kà	kó	ā	é	

В принципе, можно было бы разделить эту серию на две, различающиеся только формами 1 ед.

И м п е р ф е к т и в н а я с е р и я . Имперфектив в уан образуется по следующей формуле: местоимение имперфективной серии — (OD) — глагол-*lé*.

П р я м о о б ъ е к т н а я с е р и я . Местоимение 3 ед. может реализовываться тройко: как удлинение конечного гласного предшествующего слова; как *à* — особенно в повелительном наклонении, когда оно оказывается в начале высказывания;³² как *lāā* — возможно, эта форма является фокализованной, образовавшейся в результате слияния с соответствующей частицей. Кроме того, местоимение 3 ед. может опускаться (необходимо проверить, не оставляет ли оно всё же при этом какой-то след в тональной реализации фразы).

Форма 3 мн. *lāā à* (сочетание 3 ед. и 3 мн.) редка и всегда может быть заменена на «обычную» форму *à*.

С е р и и к о с в е н н о г о д о п о л н е н и я и п р и т я ж а т е л ь н а я - 1 отличаются от прямообъектной, судя по данным Никитиной [2001], только формой местоимения 3 ед., точнее — их тонами. Однако в ситуации, когда тональная комбинаторика языка не прояснена, вполне может оказаться, что эти отличия обусловлены контекстом. Так, по моим данным, тоны притяжательных местоимений могут меняться при взаимодействии с последующим словом — и они, в свою очередь, влияют на тоновые реализации определяемых имён. Поэтому вполне может оказаться, что все три серии — прямообъектная, косвенного дополнения и притяжательная-1 — будут сведены к одной, не-субъектной (подобно тому, как обстоит дело во всех остальных южных манде).

В т о р а я п р и т я ж а т е л ь н а я с е р и я употребляется с автосемантическими именами. Логично предположить, что, как и в других языках группы, она возникла в результате слияния первой притяжательной (или: не-субъектной) серии с неким соединительным союзом. Однако для реконструкции формы этого соединительного элемента современный язык не предостав-

³² Впрочем, в этом последнем случае местоимение может рассматриваться и как котрактивное субъектно-объектное, см. ниже.

ляет данных: если посессор в именной синтагме выражен существительным, то соединение в этой синтагме будет паратактическим (бессоюзным) вне зависимости от того, является ли обладаемое относительным или автосемантическим существительным. Таким образом, эти два семантических класса формально различаются только при прономинализации посессора.

Интересно, что вторичный показатель посессивной связи, развившийся в уан — слово $g\bar{e}$ 'собственность', также безразличен к противопоставлению этих семантических классов, ср.: $\acute{ij} g\bar{e} b\bar{a}$ 'мое поле' (автосемантическое имя), $\acute{ij} g\bar{e} d\bar{e}d\bar{e}$ 'мой отец' (относительное имя).³³

Независимые местоимения употребляются в высказываниях типа $\acute{a}m\bar{a}\bar{a} m\bar{a}$ 'Вот вы'. Образовались они, по всей вероятности, в результате слияния с фокусирующей частицей $l\bar{a}\bar{a}$, при этом дуальные и плюральные местоимения инкорпорировали и показатель множественного числа, который имеет в уан форму mu ³⁴: $*\acute{a}-mu-l\bar{a}\bar{a} > \acute{a}m\bar{a}\bar{a}$.

Императивные местоимения. Местоимение 2 ед. употребляется только с непереходными глаголами или с переходными, прямой объект которых выражен не местоимением 3 ед. В последнем случае употребляется местоимение \grave{a} , которое может интерпретироваться или как контрактивное субъектно-прямообъектное («ты-его»), или, что выглядит более правдоподобно, как прямообъектное местоимение 3 л. ед. ч. (при опущении субъектного местоимения): $\grave{a} g\bar{o}$ 'подними это', $\grave{a} ur\bar{g}$ 'пей это'.

Любопытна также форма инклюзива дуалиса, которая может факультативно включать в себя форму (не-императивно-го!) местоимения 2 ед.

Рефлексивные местоимения. В работе Т. В. Никитиной говорится только об особом рефлексивном местоимении 3 лица \acute{e} , едином для единственного и множественного

³³Ср. аналогичную ситуацию в межэтническом дзула Кот д'Ивуара и Буркины Фасо.

³⁴Тон этого показателя варьирует в зависимости от контекста. Ср. ситуацию в гуру, где плюральные фокализованные местоимения также могут включать в свой состав показатель множественного числа.

числа, при этом утверждается, что в остальных лицах формы совпадают с «нейтральной» серией. Однако в моих, довольно фрагментарных, материалах встретилось местоимение 2 ед. в рефлексивной функции с высоким тоном. Это даёт основания предполагать наличие полной высокотоновой рефлексивной серии, как в гуру.

Местоимение употребляется во всех типично рефлексивных синтаксических позициях, в том числе и в позиции прямого дополнения, которая оказывается запретной для аналогичных местоимений в гуру и яурэ:

Lénē̄ dō é ròlì nè.
старуха один 3SG.REFL мыть там

‘Там мылась одна старуха’.

Употребляется оно и в некоторых контекстах, которые рефлексивными признать нельзя — ситуация, с которой мы уже сталкивались в тура.

Логофорические местоимения в уан весьма своеобразны. Во-первых, они, как в дан и в тура, не образуют особой серии, а «встраиваются» в уже имеющиеся серии (что, впрочем, само по себе «классическому» пониманию не противоречит).³⁵ Во-вторых, в них частично нейтрализуется оппозиция по лицу: логофорическое местоимение может быть кореферентно как 2, так и 3 лицу. Надо сказать, что сингулярное местоимение, *bā̄*, может соотноситься и с первым лицом, но при этом будет выступать уже не как логофорическое — в таком случае его antecedent должен находиться в рамках той же предикации; при этом оно может быть заменено на «обычное» не-

³⁵Т. В. Никитина говорит о «простом» и «посессивном» логофорических местоимениях единственного числа; в моих материалах обнаружилось ещё и имперфективное:

È gē báā séwè ròd̄tē lē.
он говорить SG.LOG.IMPRFV письмо писать IMPRFV

‘Он говорит, что он писал письмо’.

Во множественном же числе форма логофорического местоимения едина для всех серий.

субъектное местоимение *ǰ*. Отмечены некоторые не-логофорические употребления этих местоимений и при кореферентности 2 и 3 лицам, однако основной, прототипической функцией всё же остаётся, по-видимому, логофорическая.

Т. В. Никитина идентифицирует плюральное логофорическое местоимение со словом *m̄* 'люди'. Можно высказать и другое предположение: эта форма может быть результатом слияния сингулярного местоимения с показателем множественного числа, **bā + mi > m̄*. Как бы то ни было, весьма вероятным следует считать сравнительно недавнее формирование этих местоимений в языке уан.

При сравнении уан с другими южными манде обнаруживаются некоторые очень существенные отличия в композиции системы личных местоимений. Во-первых, в уан не действует тоновое противопоставление местоимений-локуторов не-локуторам, характерное для остальных языков группы: здесь уже нельзя утверждать, что локуторы маркированы более высоким тоном.

В уан, как и в других языках группы, действует «правило трёх плюральных локуторов», для которых характерна структура *KV* при ограниченном выборе вокалических элементов (*a, o*). Но здесь «вытеснение четвёртого члена» произошло за счёт местоимения 2 мн., которое выпало из этой группы и сблизилось, по своей сегментной форме, с местоимением 3 мн. Если сопоставить этот факт с нейтрализацией оппозиции между 2 и 3 лицами у логофорических местоимений, то выходит, что в уан формируется новое противопоставление, маркированное начальным велярным согласным: местоимения, не включающие говорящего vs. местоимения, включающие говорящего.

Труднее объяснить появление базовой формы 2 ед. *lā* (при том, что общие для всех южных манде формы *é* и *bí* сохранились, соответственно, в императивной и независимой сериях); попытка объяснить её через слияние с фокализующей частицей *lāā* вряд ли показалась бы убедительной.

Если подтвердятся тоновые различия форм местоимений 3 ед. прямообъектной, косвеннообъектной и первой посессивной серий (вероятность чего я оцениваю не очень высоко), то ока-

жется, что местоименная система уан очень далеко продвинулась на пути формирования падежных оппозиций. В противном случае набор таких оппозиций окажется вполне обычным для южных манде: именительный падеж : косвенный падеж : посесивный падеж (может быть, как особый «назывной» падеж следует рассматривать и независимую серию). В пределах именительного падежа сформировалось вполне обычное для языков группы (частично — унаследовано с уровня пра-южного манде) противопоставление базовой, имперфективной и императивной серий, а отрицательных серий не возникло.

Если же выделить типы основ в уан (без учёта логофорических местоимений), то окажется, что их отличия от таковых в других южных манде не так уж велики; они связаны в основном с формами второго лица.

Таб. 17.

	Единственное число			Мн.	Двойст.	Множественное число		
	1	2	3			1 экскл.	инкл.	инкл.
Лицо	1	2	3	1 экскл.	инкл.	инкл.	2	3
Субъектные	Ñ	lā	è	kà	kó	kà	ā	
Не-субъектные	Ñ̄	lā̄	à					à
Независимые	mí (=bí)	bí	è					
Императивн.	—	é	—	—				—

9. Муан (мона)

Муан распространён по соседству с гуро и уан. Носители уан, с которыми мне доводилось беседовать на эту тему, склонны считать муан языком очень близким и взаимопонимаемым. Впрочем, не исключено, что такое впечатление — следствие широко распространённого среди уан билингвизма;³⁶ по свидетельству Маргрит Боли и Эвы Флик [Bolli, Flik 1978], в обратном направлении понимание отсутствует.

³⁶Точнее, quadri- и квинтилигвизма. Очень многие уан, кроме своего родного языка, владеют в той или иной степени муан, гуро, дзула, а иногда также бауле и французским.

В вокалической системе муан выделяются четыре уровня подъёма и два ряда. Противопоставлены три уровневых тона. Информация по системе личных местоимений муан заимствована из статьи Е. В. Перехвальской, опубликованной в данном сборнике.³⁷ Приведу здесь лишь таблицу местоименных форм (табл. 18), отсылая за пояснениями к вышеупомянутой статье.

Рефлексивная серия отличается от несубъектной только в 3 ед., причём форма *é* (очевидно, более архаичная) выходит из употребления; её замещает инновативная форма *á*.

Следует отметить экспансию указательного местоимения *bé* 'этот', дейктический статус которого ослаблен и которое конкурирует с субъектным и не-субъектным местоимениями 3 ед.

В муан не соблюдается «правило трёх плюральных локуторов»: таковых местоимений типа *KV* здесь всего два, и всё же эксклюзивное местоимение 1 мн. из этого типа выпадает (как в дан). Можно предположить, что дуальное инклюзивное местоимение в муан существовало ранее, но сравнительно недавно исчезло.

В остальном система личных местоимений муан оказывается весьма «классической», сохраняя основные черты, выявленные на материале других языков группы: три базовых серии (субъектная, не-субъектная и фокализованная), тоновое противопоставление локуторов и не-локуторов, выделение рефлексива (уподобленного по тону локуторам) в 3 лице.

10. Гбан

Гбан имеет 7 гласных (4 ступени подъёма, 2 ряда), 4 уровневых тона и 2 восходящих («восходящий» и «средневосходящий»). Несмотря на сравнительную малочисленность говорящих на этом языке, он не был обойдён вниманием исследователей. Подробное исследование парадигматики системы личных местоимений было проведено А. Ю. Желтовым [2002], что избавляет меня от необходимости проводить такой анализ заново.

³⁷ Имеются также две магистерские диссертации, [Fleming 1995] и [Yegbe 2000], однако данные этих работ значительно уступают по полноте и точности данным Перехвальской.

Таб. 18. Местоименные серии муан

серия	инкорпорированный элемент	Единств.			Множ.			
		1	2	3	1 экскл.	1 инкл.	2	3
I Основная субъектная		í	é	è	ó	kòó	ká	ò
II Слитная (+ связка)	ò	íòò	yòò	yòò	wòò	kòó ò	ká ò	wòò
III Эмфатическая		mí	bí	yéé	óm̄	kòó m̄	ká m̄	wòò m̄, wòò
IV Контрастивная фокализованная		mí	bí	yé	óm̄	kòó m̄	ká m̄	mú
V Императивная		—	—	—	— ó	kòó	kà	—
VI Отрицательная	lāā	náá	yáá	yāā	wáá	kòó láá	ká láá	wāā
VI' Отрицательная слитная (+ связка)	lāā ò	náá ò	yáò	yāò	wáò	kòó láò	ká láò	wāò
VI'' Отрицательная субъектно-объектная в прогрессиве	lāā ò à	náà	yàà	yāà	wàà	kòó láá	ká láá	wāà
VII Не-субъектная		í	é	à (ā, á)	ó	kòó	ká	ò
VIII Притяжательная	ā	á	yá	yāā	wāā	kòó ā	ká ā	wāā
IX Рефлексивная		í	é	é, á	ó	kòó	ká	ò

Таб. 19. Слитные «субъектно-объектные» формы местоимений муан.

Субъект \ Объект	ń	é	à	ó	kòó	ká	ò
ń		ńéé	á				
é	yéń	yéé	yá				yèò
è	yèń	yèé	yà	yòó			yòò
ó	wóń		wá	wóó			wòò
kòó	kòń (=kòó ń)		kòá				
ká			káá				
ò	wòń		wà	wòó			wòò

во.³⁸ Приведу лишь сводную таблицу местоимений (таблица 20) с минимумом комментариев:

Субъектные местоимения в глагольных конструкциях присутствуют обязательно, даже если подлежащее выражено именем или ИГ. Серии настоящего / будущего (которую можно считать базовой) и прошедшего времён различаются только тонами: во всех лицах тон второй на два уровня выше, чем тон первой.

Серия императива (по данным Олив Ховард). Местоимение 2 ед. оказывается единственным во всей системе со структурой CV, согласный которого не является сонантом, а среди не-контрактивных местоимений — это вообще единственная форма структуры CV. Наконец, это — единственное местоимение-локутор со ультранизким тоном.

Различие между двумя формами 1 мн. состоит в том, «включён или не включён адресат речи» [Howard ms., 63]. Это утверждение можно понять так, что одна из форм (очевидно, ààù) —

³⁸ При подготовке данного обзора были использованы также неизданные материалы Олив Ховард [Howard, ms.], которые позволили заполнить некоторые лакуны.

Таб. 20. Сводная таблица местоимений гбан

		Единственное число			Множественное число		
		1	2	3	1	2	3
Субъектные	Настоящее / будущее (базовая)	ì	èè	è	ù	àà	ǒ
	Прошедшее время	í	éé	é	ú	áá	ó
	Императив	—	bè/∅	—	ùì/ààù	àà	—
	Прохибитив	—	nàá	—	wá/àà wá	áá	—
Не-субъектные		ì	èè	à	ù	àà	ǒ
Основа портманто		mí	ní	ye	wu	aa	wo
Имперфектив портманто		mìè	nìè	yèè	wìè	ààè	wòè
Имперфектив давно-прошедшего портманто		míé	níé	yëë	wíé	ááé	wöë
Отрицательные портманто		màà	nàà	yàà	wàà	ààà	wàà

инклюзивная, а другая ($\dot{u}ì$?) — эксклюзивная. Такому пониманию, однако, препятствует тот факт, что семантика эксклюзивного местоимения противоречит семантике императива. Возможно, на самом деле речь идёт о различении местоимений двойственного ($\dot{u}ì$?) и множественного числа ($\dot{a}à\dot{u}$?).

Прохибитивная серия образована от эргативно-контрактивной основы присоединением отрицательного показателя \acute{a} .

Не-субъектная серия: помимо своих обычных функций, эти местоимения используются и как назывные и фокализированные (в сочетании с фокализатором $f\acute{e}$).

Серии портманто, насколько можно судить по имеющимся данным, употребляются аналогично таковым в яурэ или мано: это — субъектные формы, которые появляются, ес-

Таб. 21. Эргативные местоимения гбан в сочетании с не-субъектными.

Субъект \ + Объект		1 ед	2 ед	3 ед	1 мн	2 мн	3 мн
		1 ед	Наст.	mìì	mè èè	mà	mì ù
mi	Пр.	mí ì	mé èè	má	mí ù	má àà	mó
2 ед	Наст.	nì ì	nè èè	nà	nì ù	nà àà	nò
ni	Пр.	ní ì	né èè	ná	ní ù	ná àà	nó
3 ед	Наст.	yè ì	yè èè	yà	yè ù	yà àà	yò
ye	Пр.	yé ì	yé èè	yá	yé ù	yá àà	yó
1 мн	Наст.	—	wè èè	wà	wù ù	wà àà	wò
wu	Пр.	—	wé èè	wá	wú ù	wá àà	wó
2 мн	Наст.	àà ì	—	àà à	àà ù	àà àà	àà ò
aa	Пр.	áá ì	—	áá à	áá ù	áá àà	áá ò
3 мн	Наст.	wò ì	wè èè	wà	wò ù	wà àà	wò
wo	Пр.	wó ì	wé èè	wá	wó ù	wá àà	wó

ли прямое дополнение выражено местоимением, или если ИГ в позиции прямого дополнения являет собой посессивную синтагму с прономинализованным посессором. Такие субъектные местоимения проявляют тенденцию к слиянию со следующим за ним прямообъектным или посессивным местоимением, причём степень слияния зависит от статуса последнего в иерархии локуторов: чем он ниже, тем выше степень слияния. Формы эргативных местоимений в сочетании с последующим не-субъектным местоимением даны в таблице 21 (заимствована из статьи А. Ю. Желтова [2002, 50]).

Следует сказать, что все контрактивные формы в гбан факкультативны и могут быть заменены соответствующими не-контрактивными; выбор той или иной зависит от стиля речи (в повседневной разговорной речи котрактивные преобладают). Это относится ко всем сериям портманто.

И м п е р ф е к т и в н ы е с е р и и п о р т м а н т о о б р а з у -

ются слиянием с показателем имперфектива *e* (к сожалению, из текста статьи А. Ю. Желтова остаётся не вполне ясным, включают ли эти формы и не-субъектное местоимение, или речь идёт о слиянии только субъектного местоимения с вышеупомянутым показателем).

Отрицательные эргативные формы происходят из слияния трёх компонентов: субъектного местоимения, показателя отрицания настоящего времени *kè* и не-субъектного местоимения *ä* (прямого дополнения или посессора в составе ИГ прямого дополнения).

Гбан считается, в пределах южной группы манде, дальше всего отстоящим от остальных языков в генетическом отношении. Сравнение систем личных местоимений вполне подтверждает это мнение: внешне гбан, в этом отношении, выглядит весьма непохоже на «прототипический южный манде». Так, не осталось и следа от типа *KV*, характерного для не-сингулярных локуторов, да и само противопоставление инклюзива и эксклюзива в первом лице, как и двойственного и множественного числа, здесь исчезло. Необычна долгота в формах 2 лица, как и основа 2 ед. *ni* в эргативных сериях. Контрастирует с другими южными манде неприкрытый слог у всех плюральных форм не-контрактивных местоимений.

Тем не менее, гбан сохраняет многие структурные особенности, общие для большинства языков группы. В первую очередь, это тоновое противопоставление локуторов и не-локуторов. Единственный случай, когда это противопоставление нарушается — императивное местоимение 2 ед. *bè*. Но ведь точно таким же исключением оказываются и императивные местоимения в дан — и там это единственные местоимения-локуторы со ультранизким тоном (или с падающим, если речь идёт о дан-бло). Таким образом, весьма вероятно, что это исключение унаследовано гбан от пра-южного манде (ПЮМ). Легко выводимы из прототипа ЮМ и сегментные формы остальных местоименных форм, как простых, так и эргативных (по происхождению — контрактивных) — с учётом правил парадигматической субморфной подстройки, сформулированных А. Ю. Желтовым.

11. Бен (нген)

Бен — самый восточный из языков группы, на нём говорят 17 тыс. человек (оценка 1993 года) в супрефектурах Мбаиаacro и Прикро. Местоименная система бен известна благодаря работам В. Пэслера и Д. А. Паперно. Ей посвящена специальная статья Д. А. Паперно в данном сборнике, поэтому я приведу здесь лишь таблицу местоимений (таблица 22), сведя комментарии к самому минимуму.

Таб. 22. Местоименные серии бен

Лицо Серия	Единственное число			Множественное число		
	1	2	3	1	2	3
Хабитуальная	ɲ, mǎ	mǐ	è, è	ǎɲ	kà	ɲò
Хабитуальная контрактивная	mǎ	mǐ	à	ǎɲ	kà	ɲà
Хабитуально-условная отрицательная	mǎ	mǐ	wà	ǎɲ	kà	ɲà
Претеритная	ɲ', mǎ'	mǐ'	ó', é'	ǎɲ'	ká'	ɲó'
Контрактивная перфектно-претеритная	mǎ	mǐ	à	ǎɲà	kà	ɲà
Отрицательная претеритная (простая и контрактивная)	mǎ'	mǐ'	wá'	ǎɲ'	ká'	ɲá'
Перфектная	ɲ, mǎ	mǐ	ó, é	ǎɲ'	ká	ɲó
Отрицательная перфектная (простая и контрактивная)	mǎ	mǐ	wá	ǎɲ'	ká	ɲá
Кондициональная	ɲ, mǎ	mǐ	ò, è	ǎɲ	kà	ɲò
Кондициональная контрактивная	ɲ, mǎ	mǐ	à	ǎɲ	kà	ɲà
Локативная	ɲó	mǐó ~ mǐ	òó ~ ò	ǎɲó	kǎó ~ kǎ	ɲóó ~ ɲó
Локативная отрицательная	ɲà	mǐà ~ mǐwà	wǎà	ǎɲà ~ ǎɲwà	kǎà ~ kǎwà	ɲàà ~ ɲòwà
Локативная контрактивная	ɲá	mǐá	àà	ǎɲá	kǎá	ɲáá
Локативная контрактивная отрицательная	ɲà	mǐà	wàà	ǎɲà	kǎà	ɲàà
Фокусная	mǎɲ	mǐǎ	ànyǎ ~ ànyè	ǎɲnyǎɲ ~ ǎɲnyǎɲ	kǎnyǎɲ ~ kǎnyǎɲ	ɲònyǎɲ ~ ɲònyǎɲ
Экзистенциальная	mǎɲ	mǐ	ò	ǎɲ	kǎ	ɲò
Экзистенциальная отрицательная	mǎɲ	mǐ	ò ~ à	ǎɲ	kǎ	ɲò
Несубъектная	ɲ	mǐ	à	ǎɲ	kǎ	ɲò
Субстантивированная посессивная	mɔ	mǐpɔ	àpɔ	ǎɲpɔ ~ ǎmɔ	kǎpɔ	ɲòpɔ

Примечания:

1. Плавающий высокий тон (проявляющийся на последующем слове) обозначен знаком акута без сегментной основы.
2. В таблицу не включена выделяемая Д. А. Паперно «рефлексивная серия», поскольку, на мой взгляд, её выделение недостаточно обосновано — речь идёт о сочетании несубъектных местоимений с частицей-интенсификатором *drá*, в отсутствие каких-либо фузионных процессов.
3. Весьма необычной для языков манде является возможность использования местоимения 2 мн. в качестве вежливого обращения к одному человеку. В то же время использование 3 мн. в неопределённо-личном значении для южных манде весьма типично.

12. Реконструкция системы личных местоимений пра-южного манде

Таб. 23. Сводная таблица местоименных серий в южных манде.

	Гуро	Яурэ	Бло	Гуэта	Кла	Мано	Тура	Уан	Муан	Гбан	Бен
Субъект. баз.	+	+	@	@	@	+	+	+	+	+	—
Перфектн.	—	—	+	+	+	+	+	—	—	—	+
Имперф.	+	—	—	—	—	@	+	+	—	—	+
Проспектив	—	—	—	+	+	—	+	—	—	—	—
Прошедшее	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+
Интенцион.	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—
Оплатив	+	+	@2	@2	@2	+	@2	?	—	?	=хаб.
Импер.	=опт.	=опт.	+	+	+	=опт.	+	+	+	+	=хаб.
Последов.	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—
Отрицат.	(+)	+	2/3	3	2	+	3	—	3	—	5
Бытийные	—	—	—	—	—	+	—	—	+	—	2
Фокализ./ Независимые	+	2	+	2	2	@	—	+	2	—	+
Не-субъектн.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Посессивн.	(+)	3	(+)	2	+	+	—	+	+	—	(+)
Дативная	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Эргативная/ Портманто	2	+	—	—	—	5	—	—	—	4	4/5
Рефлекс.	=опт.	=опт.	+	+	+	=суб.	+	+	+	—	—
Логофорич.	—	—	+	+	—	—	9	3	—	—	—
Иллокутив.	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—
Ассоциат.	—	—	+	2/4	+	@	—	—	—	—	—

Условные обозначения:

+ — серия представлена

(+) — серия факультативна (наряду с неслитными формами)

— — серия отсутствует

= — совмещение серий

2, 3... — в языке имеется две, три (и т.д.) серии данного типа

@ — серия представлена со сдвигом значения (как прототипические условно приняты значения серий в языке гуро)

12.1. Проблема не-сингулярных локуторов.

В разделах, посвящённых каждому из языков группы, эти местоимения уже подробно обсуждались. Ниже дана сводная таблица их базовых форм (такowymi целесообразно считать формы не-субъектной серии как наименее подверженные изменениям под влиянием грамматических тонов и разнообразных служебных морфем).

Таб. 24. Сводная таблица базовых форм личных местоимений

	Гуро	Яурэ	Бло	Гуэ́та	Кла	Мано	Тура	Уан	Муан	Гбан	Бен
Экск.	kō	kú	yī	yī	yì	kō	kó	kà	ó	ù	ā̄j
Дв. инкл.	—		kō	kō	kò	—	(kò)	kó	—		
Мн. инкл.	kàà (gàà)	kàà	kwā	kwā	kwà	kā̄	—	kà	kòj		
2 л.	kā	ká	kā	kā	kà	kā	ká	ā	ká	àà	kā

Как видно из таблицы, современные языки демонстрируют большую вариативность, и ни один из них не повторяет другой (за исключением трёх языков дан).

12.1.1. Первый вопрос, который встаёт перед компаративистом — какие оппозиции, в пределах группы не-сингулярных локуторов, следует реконструировать для ПЮМ?

Плюральное инклюзивное местоимение отсутствует в тура, бен и гбан, однако его достаточно стабильная форма во всех остальных языках заставляет полагать, что инновацией является его устранение, а не возникновение. Наименее устойчивым оказывается дуальное инклюзивное местоимение, которое отсутствует почти в половине языков (если рассматривать все варианты дан как один язык), в тура появляется лишь в побудительных высказываниях, а в яурэ не отличается по форме от эксклюзивного множественного. Можно выдвинуть два предположения:

а) 2 дв. является инновацией в дан, уан, тура, а в яурэ, по-видимому, произошло расширение семантики эксклюзивного местоимения;

б) 2 дв. следует реконструировать для ПЮМ, исходя из того, что в гуро, мано, муан, бен и гбан оно было утрачено.

Второе представляется значительно более правдоподобным. Во-первых, в его пользу говорит сама география распространения этого местоимения: дан, яурэ и уан не находятся в непосредственном контакте, а независимое, параллельное возникновение во всех этих языках форм, идентичных и по значению, и по форме, было бы удивительным. Во-вторых, совпадение форм инклюзивного двойственного и эксклюзивного множественного местоимений в яурэ достаточно легко объясняется через конвергенцию форм (в результате неких фонетических процессов или субморфной подстройки, в конце концов — в соответствии с «правилом трёх плюралных локуторов»), тогда как семантическая дивергенция эксклюзивного множественного местоимения, приведшая к подобной полисемии, представляется крайне маловероятной.

12.1.2. Второй вопрос — какие формы следует реконструировать для 1 экскл. и 2 мн., которые в современных языках представлены несомненно разными основами?

Что касается форм 2 мн. в уан и гбан, выбивающихся из общего ряда, то их появление хорошо объясняется в рамках процессов парадигматической подстройки в этих языках; о форме уан речь шла в соответствующем разделе, а анализ местоимений гбан можно найти в статье А. Ю. Желтова [2002]. Соответственно, форму **kā* можно считать праязыковой.

Сложнее обстоит дело с 1 экскл., где представлены четыре или пять основ, несводимые друг к другу: *kO*, *yi*, *O*, *kā̃*, *ā̃j*. Можно попытаться объяснить (со всей необходимой осторожностью) появление основы *kO* через субморфное выравнивание в рамках группы «не-сингулярных локуторов», а *kā̃* — как результат такого же выравнивания в уан на следующем этапе, но уже по семантическому признаку «базовое плюралное местоимение» (по образцу 2 мн. *ā̃* и 3 мн. *ā̃*), в противоположность «смешанным» (1 + 2 лицо) инклюзивным местоимениям, имеющим неносовой гласный. В таком случае остаётся сделать выбор между основами *yi*, *ā̃j* и *O*. Для такого выбора южные манде не дают достаточно оснований; возможно, здесь помогут данные внешнего сравнения. Следует отметить, в частности, близость формы 1 мн. в бен (*ā̃j*) и в большинстве языков манден (*ā̃*).

Нет полной ясности и с реконструкцией формы 1 инкл.мн. Во всех языках, где это местоимение представлено, его форма носит следы парадигматической подстройки, затеняющей протоформу: в гуру, яурэ и, возможно, муан оно контрастирует с другими не-сингулярными локуторами по тону и долготе гласного (в диалектах гуру озвончение согласного может быть вторичной реакцией системы на появление низкого тона, с которым глухой согласный в норме не сочетается); в дан и ману налицо иконичность в вокализации этого местоимения (о чём шла речь в разделах, посвящённых этим языкам). По всей вероятности, парадигматическая подстройка в каком-то виде определяла его форму и в ПЮМ.

12.1.3. Исходя из вышесказанного, можно предложить следующую реконструкцию местоимений этой группы в ПЮМ:

- 1 экскл.: $*y\bar{i}/\bar{o}/\bar{a}\bar{\eta}$;
- 1 дв. инкл.: $*k\bar{o}/k\bar{u}$;
- 1 мн. инкл.: $*k\bar{o}á$;
- 2 мн.: $*k\bar{a}$.

12.2. Реконструкция местоименных серий в ПЮМ

Многие формы в таблице 25 вполне очевидны, другие следуют из пояснений, данных в разделах по отдельным языкам. Однако некоторые дополнительные комментарии всё же представляются нелишними.

Субъектная базовая серия. Реконструкция формы 1 ед. как назального слононосителя обсуждалась в разделе, посвящённом пра-дан (стр. 372–373). Форма N сохранилась в кла, ману, уан, муан, бен (хабитуальная серия). В гуру и яурэ $*N > \bar{a}$ (во всех сериях) в силу того, что носовой слононоситель («гласный нулевой степени открытости») в этих языках исчез во всех позициях; в гбан $*N > \bar{i}$ в процессе парадигматического выравнивания (интересно, что в практической орфографии гбан это местоимение транскрибируется как n , а Лё Саут и А.-К. Грегуар обозначают его как η).

Местоимение 2 ед. представлено в форме i в гуру, яурэ, тура, ману; в бло и гуэта, а также в диалекте ка языка дан гласный

Таб. 25.

Лицо \ Серия	Единственное число			Мн.ч.	Дв.ч.	Множественное число		
	1	2	3	1 экскл.	1 инкл.	1 инкл.	2	3
Субъектная базовая	*N̄	*ī/ē	*e	*yī/ō	*kō/kū	*kɔ́á	*kǎ	*wò
Оптатив	*N̄́	*í	*é	*yí/ó	*kó/kú	*kɔ́á	*ká	*wó
Императив	—	*bè	—	—	*kò/kù	*kɔ̀à	*kǎ	—
Не-субъектная	*N̄	*ī/ē	*à	*yī/ō	*kō/kū	*kɔ́á	*kǎ	*àn ù
Рефлексивная	*N̄	*ī/ē	*e	*yī/ō	*kō/kū	*kɔ́á	*kǎ	*wò
Фокал./Независ.	*mǎ	*bī ³⁹ /yī	*yè	*yī/ō	*kō/kū	*kɔ́á	*kǎ	*wò
Портманто/эргатив	*mǎ	*bī/yī	*yà	*wǎ	*kō/kū	*kɔ̀à	*kǎ	*wà

местоимения передвинулся в задний ряд, *i > *ɪ* (в гуэта — факкультативно). Форма *e* представлена в муан, к ней же можно возвести и форму *kla* (*e > *ɥ* в результате вокалического сдвига, аналогичного тому, который произошёл и в других вариантах дан). В уан ПЮМ форма была вытеснена труднообъяснимой инновационной *lā*, однако она, по-видимому, сохранилась в императиве (*é*). В гбан *e > *ɛɛ* в результате парадигматической подстройки. В бен исходная основа была замещена основой *mī*, которая в этом языке распространилась на все местоименные серии. Таким образом, если не считать бен, то в одной половине языков группы представлена форма *i* и её рефлекс, в другой — *e* и её рефлекс. На данном этапе исследования можно реконструировать для ПЮМ свободное варьирование обеих форм (подобно тому, как в современном дан-гуэта наблюдается свободное варьирование *i* ~ *ɪ* во всех местоименных сериях).

3 ед. удивительно устойчиво, можно упомянуть только появление (наряду с *e*) варианта *o* в бен (исходя из имеющегося описания, соотношение обоих вариантов не вполне понятно); *e > *ɛ* в гбан в ходе парадигматического выравнивания, а также уже известную по 2 ед. постериоризацию гласного в бло и гуэта,

³⁹Возможно, *bī или *bī̄.

*e > y. В кла *e > e — что, возможно, также объясняется парадигматическим выравниванием («гласный 3 ед. должен быть более открытым, чем гласный 2 ед.» — правило, действующее в подавляющем большинстве языков манде). Появление в дан начального у- в серии I объяснить трудно — во всяком случае, если считать, что эта серия восходит именно к субъектной базовой. Однако такое происхождение серии I в дан далеко не бесспорно: судя по их функциям, эти местоимения включают в себя, на глубинно-семантическом уровне, бытийный глагол. Вполне вероятно, что слияние с бытийным глаголом-копулой произошло и на морфологическом уровне; в таком случае у- становится понятен. В пользу именно такого происхождения серии I в дан свидетельствуют данные тура: там появление соответствующей серии, I.2, в результате слияния с предикативным показателем *ké* бесспорно. Возможно также, что серия I в дан является результатом конвергенции двух серий — субъектной базовой и слитной с бытийным глаголом; это объяснило бы варьирование 3 ед. *uʃ* ~ *ʃ* в бло и *uɛ* ~ *ɛ* в кла. Впрочем, данные тура и здесь заставляют думать о другой интерпретации: изначально в дан, как и в современном тура, перфектив и хабитуалис различались приглагольными суффиксами, при идентичности присубъектных показателей (и, соответственно, субъектной серии местоимений). В дальнейшем приглагольные суффиксы были поглощены глагольными основами, а грамматические тоны на глаголе совпали, в результате чего формальное противопоставление перфектива и хабитуалиса в дан стёрлось.

Формы не-сингулярных локуторов рассмотрены выше.

3 мн. имеет вид *wo* в гуро, тура и дан, *o* — в муан, яурэ, мано, *ɔ* — в гбан, *ɲo* — в бен, и *ã* — в уан. Форма уан, по-видимому, восходит к **à-nì* или **à-ti* (3 ед. + показатель множественного числа),⁴⁰ реконструируемому для не-субъектной се-

⁴⁰ А.-К. Грегуар фиксирует 3 мн. в уан как *ãɲ* [Grégoire 1990, 35, 158], что можно было бы интерпретировать в пользу предлагаемого здесь объяснения. Впрочем, материалы этого автора содержат поразительное количество ошибок и должны приниматься с крайней осторожностью. Так, 2 мн. в этом же языке он записывает как *kã* (явно путая его с 1 мн. инкл.), 2 мн. в муан как *кэ* (также путая его с 1 мн. инкл.), 3 мн. в гуро как *guo*, и т.д., и т.п. В записях Т. В. Никитиной местоимение 3 мн. в уан конечного -*ɲ* не

рии — очевидно, в этом языке не-субъектная форма ПЮМ распространилась на все остальные серии. В гбан **o* или **wo* > *ɔ* в процессе парадигматического выравнивания. При выборе же между **o* и **wo*, вторая форма мне представляется предпочтительней: **wo* > *o* в муан, яурэ и мано можно объяснить как парадигматическое выравнивание («все местоимения, кроме не-сингулярных локуторов типа *KV*, должны состоять из одного гласного, т.е. иметь структуру *V*»), тогда как для обратного изменения, **o* > *wo* в гуро, тура и дан, найти правдоподобное объяснение было бы трудно. Начальный назальный в форме *ɲo* в бен, возможно, является результатом переразложения в сочетании «показатель мн. ч. *liŋ* + местоимение *ɔ*», в результате чего конечный *-ŋ* плюральной морфемы был переосмыслен как начальный элемент местоимения.⁴¹

О п т а т и в отличается от субъектной базовой серии высоким тоном всех форм. Имеющиеся данные не позволяют установить, существует ли эта серия в уан, не вполне ясно её функционирование и в гбан. Впрочем, в уан именно эти местоимения, по всей вероятности, выступают в функции императивных.

В дан и тура эта серия, по-видимому, расщепилась: в тура — на Ia и Ic, в дан — на IIIa и IIIb, которые отличаются только тонами местоимений-нелокуторов. При этом как раз в тех сериях, которые выражают оптативное значение, нелокуторы оказались маркированы низким тоном (как в «модально немаркированных» сериях), а полностью высокотоновые серии передают другие модальные значения.

Самостоятельная и м п е р а т и в н а я с е р и я сохранилась лишь в дан, тура, муан и гбан, во всех этих языках её отличительным признаком является самый низкий (из допустимых в системе) тон и (кроме муан) форма *BẼ* для 2 ед. В остальных языках она, по-видимому, была вытеснена оптативом; в некоторых случаях такое вытеснение могло диктоваться необходимостью избежать омонимии с эргативными местоимениями (во всяком случае, для 2 ед.).

имеет.

⁴¹Эта интерпретация была выработана в ходе устной дискуссии с Д. А. Паперно.

Н е - с у б ъ е к т н а я с е р и я отличается от субъектной базовой только сегментными формами местоимений 3 лица — таким образом оказывается маркировано «местоимение прототипического пациенса» (ср. [Желтов 2002, 47]). При этом форма 3 ед. оказывается удивительно устойчивой — во всех языках это а с самым низким тоном.⁴²

Идиллической картине мешает только его повышенная склонность во всех языках к элипсису или к слиянию с предшествующими словами (в том числе в составе контрактивных местоимений).

3 мн. проявляет большее разнообразие по языкам: *ali* в кла и гуэта, *aj* в тура, *ã* в бло и мано, *o* в мано, муан и яурэ, *ɔ* в гбан, *wo* в гуро, *ɟɔ* в бен. При этом в мано и яурэ, вопреки общему правилу, это местоимение не получает самого низкого в системе тона. Несомненно, первые три формы являют собой разные стадии стяжения составной основы *à + ni* (3 ед. + показатель множественного числа): *ali* > *aj* > *ã*. Остальные же совпадают с соответствующими субъектными базовыми местоимениями — вплоть до того, что в мано и яурэ они, подобно субъектным, утрачивают тоновое противопоставление локуторам. Эту ситуацию можно проинтерпретировать двояко:

а) в ПЮМ 3 мн. совпадало с соответствующим субъектным местоимением, т.е. имело форму **wo*. Формы типа *ãni* возникли позднее в отдельных языках деривацией от 3 ед., что усилило в них оппозицию субъектных и не-субъектных местоимений;

б) **ãni* относится к уровню ПЮМ; его замещение местоимением, совпадающим с субъектным по форме — инновация.

В пользу второй версии свидетельствует тот факт, что регулярный показатель множественного числа в современном тура — *bɔ*, тогда как *ni* имеет более специализированное значение «ассоциативного множественного». Соответственно, путём деривации здесь могла бы образоваться форма типа **ãbɔ*, но не

⁴²В бло «самым низким» оказывается падающий тон — и в синхронии (он может опускаться ниже регистрового низкого тона), и в диахронии (в других идиомах дан ему соответствует ультранизкий тон). В муан тон этого местоимения зависит от контекста. Постулируемая Каролиной Флеминг его обусловленность типом референта — одушевлённый: неодушевлённый — не подтверждается.

ãŋ. Кроме того, экспансия формы \tilde{a} в уан на все местоименные серии также говорит о её достаточно древнем происхождении.

П о с е с с и в н а я с е р и я, несмотря на её широкое распространение в языках группы, не может быть отнесена к уровню ПЮМ. В большинстве языков этимология такой серии достаточно прозрачна — речь идёт о слиянии не-субъектной серии с посессивным союзом, причём эти союзы, функционально тождественные в разных языках, часто имеют разную этимологию.

Р е ф л е к с и в н а я с е р и я в южных манде слабо обособлена от других: в одних языках она совпадает с оптативной (гуро, яурэ) или субъектной базовой (мано), в других отличается от не-субъектной только формами 3 лица (дан, тура, яурэ, муан; возможно, уан), так что рефлексивные местоимения могут быть включены в не-субъектную серию как особое «рефлексивное лицо» (аналогично логофорическим местоимениям субъектных серий). Типичная особенность рефлексивов 3 лица в том, что сегментно они близки субъектным местоимениям (как в дан) или совпадают с ними (тура, уан), при этом они несут те же тоны, что и рефлексивы-локуторы (в отличие от субъектных базовых местоимений-нелокуторов, которые «своим» локуторам по тону противопоставлены). Собственно говоря, нечёткая выделенность рефлексивов-локуторов (в тех языках, где о таких местоимениях вообще имеет смысл говорить) неудивительна — их существование само по себе избыточно, ведь референция к подлежащему-локутору всегда успешно обеспечивается соответствующим не-субъектным местоимением, так что угрозы референциального конфликта никогда не возникает. При всём том, реконструкцию рефлексивов 3 лица в ПЮМ можно считать весьма надёжной.

Упомянем, что в уан рефлексивное местоимение 3 мн. совпадает с 3 ед. По-видимому, это связано с исчезновением в этом языке формы 3 мн. *wo во всех сериях: заместившее его повсюду \tilde{a} не ассоциировалось с рефлексивным значением, и освободившееся место заполнило сингулярное рефлексивное местоимение.

Ф о к а л и з о в а н н а я / н е з а в и с и м а я с е р и я .
Речь идёт о местоимениях, не связанных жёстко с какой-то

синтаксической функцией в предложении. Чаще всего они выступают в назывных контекстах («это X»), иногда закрепляют за собой и какие-то другие частные функции, при этом иногда сливаются с фокусирующими и прочими частицами. Главная формальная особенность этой серии по сравнению со всеми рассмотренными до сих пор (кроме императивной) — особые основы в сингулярисе (по крайней мере, 1 ед. и 2 ед.).

Форма 1 ед. представлена как *mi* в уан и муан, и как *ma* в гуро, мано, дан, бен; в яурэ отмечена только слитная форма, которая не даёт возможности определить гласный основы. Можно предположить изменение **ma > mi* в уан и муан как уподобление местоимению 2 ед. *bi*: в южных манде *b* и *m* являются позиционными вариантами одной фонемы, так что форма *mi* может быть представлена и как *bī* — иначе говоря, получившаяся в результате такого изменения форма 1 ед. отличается от 2 ед. только на признак «назализация».

Местоимение 2 ед. представлено в большинстве языков (мано, дан, уан, муан) в форме *bi*. Интересное исключение даёт гуро, где местоимение *bii* содержит не ожидавшийся имплозивный согласный, а пловивный. При этом соответствующие эргативные местоимения, образованные, очевидно, от той же основы, имеют вполне «обычный» вид *bi*. Надо сказать, что форма с пловивным *b* отмечена также в мано, в серии «местоимений сопровождения». На данный момент какое-либо правдоподобное объяснение этой аномалии у меня отсутствует.

В бен местоимение 2 ед. представлено назальным слогом. Это можно объяснить, по-видимому, как выравнивание по аналогии — назальность оказывается в сингулярисе общим признаком местоимений-локуторов (в муан и уан эту же роль играет передний гласный и лабиальный характер согласного). Можно предположить, что именно фокализованная форма *mī* (восходящая к **bī*) распространилась в бен на остальные серии, так что противопоставление между сериями теперь выражается в этом языке в основном тонами.

В яурэ это местоимение образовано от совсем другой основы, *ui*. Можно было бы предположить, что устранение основы *bi* здесь вызвано парадигматическим выравниванием, в резуль-

тате которого формы фокализованной серии (и других серий, образованных от этой же основы) становятся формально соотносимыми с формами базовой субъектной серии и, таким, образом, формально мотивированными. С некоторыми оговорками, они могут быть выведены из последних путём добавления сонанта, близкого по качеству гласному исходного местоимения.

Однако в пользу архаичности основы 2 ед. *u* свидетельствует тура. Здесь независимая / фокализованная серия сама по себе не представлена (её функцию выполняют не-субъектные местоимения в сочетании с фокализирующей частицей), однако её основы появляются в перфектной, проспективной и трёх отрицательных сериях (по Т. Беарту, «серии II и III»). И в каждой из этих серий формы *bV* и *yV* (гласный определяется слившейся с местоимением аспектуальной или модальной морфемой) сосуществуют, находясь в отношениях свободного варьирования. По-видимому, аналогичную ситуацию следует реконструировать и для ПЮМ.

Форма же местоимения 3 ед. этой серии вполне обычна и выводима из субъектной базовой серии.

Серия *портманто* / *эргативная* фактически совпадает с фокализованной / независимой: единичные формальные расхождения (*bi* и *bi* в гуро) уже обсуждались выше. Особняком стоит гбан, где во 2 ед. обнаруживается основа *li* — впрочем, объяснение её появления причинами парадигматического характера дано А. Ю. Желтовым [2002].

Но эта серия отмечена лишь в половине языков группы, в связи с чем встаёт вопрос: правомерна ли её реконструкция для ПЮМ? В пользу положительного ответа свидетельствует география распространения *портманто*, причём ключевым моментом оказывается наличие таких местоимений в *mano* и *ben*. В ином случае их можно было бы считать ареальной инновацией, ведь говорящие на языках *гбан*, *гуро* и *яурэ* живут в тесном непосредственном контакте. С другой стороны, можно предполагать, что в ПЮМ местоимения *портманто* находились ещё в процессе формирования и носили необязательный характер (как в современном *гбан*, где контрактивные формы сосуществуют с раздельными). Тогда становится легкообъяснимым,

почему эта серия отсутствует в дан, уан, муан и тура.

Другой вопрос, связанный с этой серией: следует ли считать её эргативной уже на уровне ПЮМ? Ключевым при этом является способность хотя бы некоторых местоимений серии использоваться при эксплицитно заполненной позиции прямого дополнения (как формы основы МА в гуру). Такое употребление, помимо гуру, отмечено в мано и в бен, что позволяет, со всеми необходимыми оговорками, реконструировать эволюцию серии портманто в эргативную уже в ПЮМ.

12.3. Реконструкция личных местоимений и реконструкция тонов

Реконструкция тонов ПЮМ ещё не сделана; высказывались лишь общие соображения типологического характера о количестве уровневых тонов в пра-манде и ПЮМ [Выдрин 2003], а также была предпринята попытка реконструкции тонов гуру — внутренней и в сравнении с яурэ [Выдрин 2002]. Суть этих соображений — в том, что для ПЮМ может быть реконструирована система из двух уровневых тоном, реализация которых зависит от типа начального согласного стопы (звонкие согласные оказывают на тон понижающее действие); контурные же тоны являются по происхождению комбинаторными. В таком случае возникновение политонических систем современных южных манде должно объясняться через разнообразные диахронические процессы: закрепление за тонами дополнительных грамматических функций и наложение таких грамматических тонов на лексические (гуру); оглушение звонких согласных, результатом чего становится фонологизация аллотонов (яурэ); процесс сокращения двусложных основ до односложных (дан, бен и др.). . . При этом, как показывает пример гуру, некоторые тоновые противопоставления формировались именно в системе местоимений.

Очевидно, реконструкция системы личных местоимений может дать новые данные для понимания типа праязыковой тоновой системы.

Как видно из таблицы 25, система личных местоимений ПЮМ реконструирована с презумпцией наличия в системе трёх

уровневых тоном. При этом тоны серий образуют четыре модели:

- 1) тоны всех местоимений высокие (оптатив);
- 2) тоны всех местоимений средние (рефлексив);
- 3) тоны всех местоимений низкие (императив);
- 4) тоны местоимений-локуторов средние, нелокуторов — низкие (все остальные серии).

Свести тональную систему к двухуровневой можно было бы, совместив рефлексивную и оптативную серии (как в современных гуру и яурэ) — но при этом оказалось бы, что местоимения-локуторы этих серий полностью совпадают с таковыми субъектной базовой и не-субъектной серий. Иначе говоря, все различия между этими четырьмя сериями сконцентрировалось бы в местоимениях-нелокуторах. Однако такой интерпретации противоречит устойчивый высокий тон оптатива во всех языках, где эта серия зафиксирована; там, где рефлексив и оптатив различаются тонами (тура, дан, маню), тон рефлексива всегда ниже. Очевидно, такое различие между двумя сериями следует проецировать уже на уровень ПЮМ, а значит — реконструировать в праязыке три уровневых тона.

При этом можно предполагать, в сугубо предварительном порядке, что ситуация в ПЮМ была близкой к таковой в современном гуру [Выдрин 2002]: три уровневых тона противопоставлялись в системе личных местоимений, тогда как на подмножестве знаменательных слов наблюдалось дополнительное распределение тонов, обусловленное начальными согласными стоп. Тоновую модель гуру, несмотря на её кажущуюся неустойчивость и переходный характер, приходится проецировать на праязыковой уровень.

12.4. Инновации в западной подгруппе ЮМ

Давно замечено (см., в частности, [Grégoire C., de Halleux 1994]), что маню, дан и тура образуют в рамках ЮМ тесную

подгруппу; назовём её западной. Сравнение личных местоимений подтверждает это наблюдение: по крайней мере, одну серию можно считать общей инновацией и реконструировать для западной подгруппы. Речь идёт о перфектной серии (в дан — серия II). Возможно, к этому же уровню можно отнести и одну из отрицательных серий.

Таб. 26.

Лицо	Единственное число			Мн.ч.	Дв.ч.	Множественное число		
	1	2	3	1 экскл.	1 инкл.	1 инкл.	2	3
Перфект	*šaà	*báà/yáà	*yaà/àà	*yíáà	*kóòò	*kóáà	*káà	*wáà
Отрицат.	*šaá	*báá	*yaá	*yáá	*kób	*kóáá	*káá	*wáá

По-видимому, перфектная серия возникла в результате слияния с неким низкотоновым предикативным показателем, огласованным на -а. В дальнейшем во всех языках, кроме ману, тоны местоимений выровнялись, в ману же снялось тоновое противопоставление локуторов и не-локуторов.

Что же касается отрицательной серии, то её этимология вполне прозрачна: очевидно, эти местоимения возникли путём слияния «независимой» серии с отрицательно-бытийным глаголом *wá, который именно в такой форме сохранился в современном ману (и не случайно, что именно в этом языке отрицательно-бытийная местоименная серия отсутствует: там в соответствующей функции используется как раз автономная местоименная серия + wá), а также в бен; вполне возможно, что к этому же корню восходит и отрицательная частица в уан (диалект кямму), wá ~ á, которая помещается в конец высказывания; ср. отрицательный показатель wā в сан (языке восточной группы манде).

Интересно, что для образования обеих серий в западной подгруппе была использована «вторая» сегментная серия (с основами *та* и *ба*). Иначе говоря, этот процесс нельзя считать чисто механическим слиянием субъектной серии с неким показателем — оказывается необходимой смена сегментных основ.

По-видимому, ареальной инновацией является серия субъектных местоимений проспектива в тура (IIb) и в восточных и

северных дан (VII серия в дан-гуэта и кла) — отметим и формальное (тон, сегментная форма), и семантическое сходство между этими сериями. Аналогичное предположение можно высказать и о прохибитивной серии, представленной в дан-гуэта и в тура.

В то же время ассоциативные серии в дан и ману общей инновацией считаться не могут — слишком велики различия между ними и по форме, и по функции. Возможно, их появление следует объяснять влиянием юго-западных языков манде.

Наконец, к пра-западному уровню можно отнести формирование логофорических местоимений (о чём уже говорилось в разделах, посвящённым дан-бло, дан-гуэта и тура) — очевидно, в результате экспансии рефлексивного местоимения 3 лица в субъектную позицию.

Литература

- Булыгина Т. В., Крылов С. А. Падеж // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 355–357.
- Выдрин В. Ф. Языки манде и теория языков слогового строя // *VI-я международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки (25–28 сентября 2001 г.): Материалы и тезисы докладов*. СПб.: Восточный факультет СПбГУ, 2001. С. 45–53.
- Выдрин В. Ф. Гуро: язык в процессе расщепления тонов // *Языкознание в теории и эксперименте. К 80-летию М. К. Румянцева и 40-летию лаборатории экспериментальной фонетики ИСАА при МГУ*. М.: Пробел. 2002. С. 161–189.
- Выдрин В. Ф. Тональные системы языков манде: Краткий обзор // *Вопросы языкознания*. № 2. 2003. С. 95–113.
- Желтов А. Ю. Синтаксис, дейксис и прагматика: грамматика без границ или суперфлексивность в аналитическом языке (краткий очерк глагольной системы языка гбан) // В. Ф. Выдрин, А. Ю. Желтов (ред.). *Южные манде: Лингвистика в африканских ритмах. Материалы петербургской экспедиции в Кот д'Ивуар (К 50-летию Константина Позднякова)*. СПб.: Европейский Дом, 2002. С. 39–61.

- Идиатов Д. И. *Основные принципы организации тура-русского словаря*. Рукопись.
- Козинский И. Ш. Некоторые универсальные особенности систем склонения личных местоимений // И. Ф. Вардуть (ред.). *Теория и типология местоимений*. М.: Наука, 1980. С. 50–62.
- Никитина Т. В. Система личных местоимений в языке уан // *VI-я международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки (25–28 сентября 2001 г.): Материалы и тезисы докладов*. СПб.: Восточный факультет СПбГУ, 2001. С. 95–106.
- Плунгян В. А. Африканские глагольные системы: заметки к типологии // В. А. Виноградов, И. Н. Топорова (ред.). *Основы африканского языкознания: Глагол*. М.: Восточная литература, 2003. С. 5–40.
- Поздняков К. И. Микроморфология или морфология парадигмы? // *Язык и речевая деятельность*. Т. 5. 2003. С. 22–58.
- Томчина С. И. *Местоимения в языках манде: К вопросу о разграничении имени и глагола*. Канд. дисс. Ленинград: Ленинградский государственный университет, 1973. 259 с.
- Чердынцева А. Е. Аспектно-темпоральная система дан (диалект гурэ) // В. Ф. Выдрин, А. Ю. Желтов (ред.). *Южные манде: Лингвистика в африканских ритмах. Материалы петербургской экспедиции в Кот д'Ивуар (К 50-летию Константина Позднякова)*. СПб.: Европейский Дом, 2002. С. 125–153.
- Эрман А. В. Субъектные местоимения в дан-блово и модально-аспектно-темпоральные значения // В кн.: *Южные манде: Лингвистика в африканских ритмах. Материалы петербургской экспедиции в Кот д'Ивуар (К 50-летию Константина Позднякова)*. Под ред. В. Ф. Выдрины, А. Ю. Желтова. СПб.: Европейский Дом, 2002. С. 154–182.
- Bearth 1971 — Thomas Bearth. L'énoncé toura. Norman (Oklahoma): S.I.L., 1971, 481 p.
- Bearth 1986 — Thomas Bearth. L'articulation du temps et de l'aspect dans le discours toura. Berne: Peter Lang, 343 p.

- Becker-Donner 1965 — Etta Becker-Donner. Die sprache der Mano. Graz-Wien-Köln, 215 S.
- Bolli, Flik 1978 — Margrit Bolli, Eva Flik. La phonologie du Muan // Annales de l'Université d'Abidjan. Sér. H., T. XI, Fasc. 1, 1978. Pp. 59–96.
- Creissels 1991 — Denis Creissels. *Description des langues négro-africaines et théorie syntaxique*. Grenoble: ELLUG, 467 p.
- Doneux 1968 — Jean L. Doneux. *Esquisse grammaticale du Dan*. Documents linguistiques No. 15, Université de Dakar, 1968. 104 p.
- deZeeuw, Kruah 1981 — Peter deZeeuw, Rexanna Kruah. *A Learner Directed Approach to Mano: A handbook on communication and culture with dialogs, texts, cultural notes, exercises, drills and instructions*. East Lansing: Michigan State University, 298 p.
- Flik 1978 — Eva Flik. Dan tense-aspect and discourse // Joseph E. Grimes (ed.). *Papers on discourse*. Dallas: Summer Institute of Linguistics, pp. 46–62.
- Fleming 1995 — Caroline B. Fleming. An introduction to Mona grammar. M.A. Thesis, Univ. of Texas, Arlington, 1995, 159 p.
- Grégoire H. 1990 — Henry Claude Grégoire. Tonétique et tonologie d'un groupe de langues mandé. Etude théorique et expérimentale. Thèse pour le Doctorat d'Etat, Paris III, 1990, 465 p.
- Grégoire C., de Halleux 1994 — Claire Grégoire, Bernard de Halleux. Etude lexicostatistique de quarante-trois langues et dialectes mande. *Africana Linguistica XI, Annales du Musée Royal de l'Afrique Centrale, Sciences Humaines*, vol. 142. Tervuren, pp. 53–71.
- Hopkins 1987 — Elizabeth B. Hopkins. *Aperçu sur le système pronominal du yaouré*. Abidjan: S.I.L.-I.L.A., No. 8.
- Hopper, Thompson 1980 — Paul J. Hopper, Sandra A. Thompson. Transitivity in grammar and discourse // *Language*, vol. 56, no. 2, pp. 251–299.
- Howard, ms. — Olive Howard. (Materials to a Gban grammar.) Manuscript.

- Neal et al. 1946 — Vern C. Neal, William C. Sinclair, Bartholomew J. Finn, Marilyn Compton. *Beginning Māno. A course for Speakers of English*. San Francisco. Ms.
- Vydrine 2005 — Valentin Vydrine. Pronoms personnels gouro // The Journal of West African Languages, Vol. XXXI, No. 1–2, pp. 83–107.
- Yegbe 2000 — Koffi Antoine Yegbe. *Processes of nominalization in Mwan*. Nairobi: Nairobi Evangelical Graduate School of Theology, 67 p.

Д. А. Паперно

Личные местоимения языка бен*

Настоящая статья — результат полевых исследований, которые автор проводил в Абиджане в январе-феврале 2004 г.

Эта работа была бы невозможна без организационных усилий Т. Беарта, М. Болли и В. Ф. Выдрина. Информантами по языку бен были Куаджо Куаджо Дестен и Куаджо Куаджо Патрис. Всем названным лицам автор выражает глубокую благодарность.

В бен, как и во всех южных манде, описание местоимений — первая задача исследователя. Местоимения занимают центральное место в грамматической системе языка — так, например, в местоимениях маркируются время, вид, наклонение, полярность.

Из литературы вопроса мы можем упомянуть работы [Paesler 1991], которая была нам крайне полезна как основа нашего исследования, а также [Murphy 1995].

0.1. Технические обозначения

0.1.1. Тоны

В бен различается 7 тональных схем краткого слога, обозначаемых следующим образом:

à — низкий уровневый тон (L)

ā — средний уровневый тон (M)

* Работа выполнена в рамках исследовательского проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) № 98-04-06262, а также при финансовой поддержке Швейцарского Национального Фонда (грант SUBJ 062156.00) и Летнего Лингвистического Института (Summer Institute of Linguistics).

á — высокий уровневый тон (H)

ǎ — низко-высокий скользящий тон (LH)

â — высоко-низкий скользящий тон (HL)

ã — средне-низкий скользящий тон (ML)

ä — средне-высокий скользящий тон (MH)

0.1.2. Грамматические пометы¹

(X) X можно опустить

X//Y свободная вариация (X и Y находятся в свободной вариации)

+ утвердительная серия

– отрицательная серия

0.2. Структура работы

В части 1 рассматривается инвентарь местоименных серий и их употребление; в части 2 обсуждается вопрос об употреблении vs. неупотреблении личных местоимений; часть 3 посвящена существенным морфологическим обобщениям.

1. Инвентарь и употребление форм местоимений

1.0. Личные местоимения в бен различают три лица и два числа. Различие инклюзивных и эксклюзивных личных местоимений, имеющееся в большинстве южных манде (см. статью В. Выдрина в данном сборнике), в бен утрачено.

Местоимение 2P1 употребляется также как вежливое по отношению к одному лицу. Местоимение 3P1 имеет дополнительное неопределённо-личное значение (*ɲà pè kē̄*... ‘говорят о том, что...’).

¹Кроме сокращений, приведённых в общем списке в конце тома.

Таблица местоименных форм (приведены вместе с предикативными показателями):

Лицо		Единственное число			Множественное число		
		1	2	3	1	2	3
Серия							
объектная		ḡ	mī	à	āḡ	kā	ḡò
субстантивированная посессивная		mō	mīpō	àpō	āḡpō // āmō	kāpō	ḡòpō
рефлексивная		ḡ drà	mī drà	à drà	āḡ drà	kā drà	ḡò drà
фокусная		māḡ	mīā	ànyā // ànyē	āḡnyāḡ // āḡyāḡ	kānyāḡ // kāyāḡ	ḡònyāḡ // ḡòyāḡ
экзистенциальная	+	māḡ	mī	ò	āḡ	kā	ḡò
	—			ò // à			
локативная	+	ḡó	mīó // mī	òó // ò	āḡó	kāó // ká	ḡòó // ḡò
	—	ḡā	mīā // mīwā	wāā	āḡā // āḡwā	kāā // kāwā	ḡāā // ḡōwā
	+3	ḡá	mīā	àà	āḡá	kāā	ḡāā
	—3	ḡâ	mīâ	wââ	āḡâ	kââ	ḡââ
хабитуальная	+	ḡ, mā*	mī	ò, è	āḡ	kā	ḡò
	—, —3	mâ		wâ			ḡâ
	+3			à			ḡâ
претеритная	+	ḡ ^H , mā ^{H*}	mī ^H	ó ^H // é ^H	āḡ ^H	ká ^H	ḡó ^H
	—, —3	mâ ^H	mī ^H	wâ ^H	āḡ ^H	kâ ^H	ḡâ ^H
	+3	= перфектной					
кондициональная	+	ḡ, mā*	mī	ò // è	āḡ	ká	ḡó
	+3			á			ḡá
	—, —3	(= хабитуальной)					
перфектная	+	ḡ, mā*	mī	ó // é	āḡ	ká	ḡó
	—, —3	mâ	mī	wâ	āḡ	kâ	ḡâ
	+3	mâ	mī	â	āḡâ	kâ	ḡâ

Обозначения:

+ «утвердительные нестяжённые формы»; — «отрицательные нестяжённые формы»; +3 «утвердительные формы, стяжённые с местоимением 3Sg»; —3 «отрицательные формы, стяжённые с местоимением 3Sg»; звездочкой (*) помечены формы, появляющиеся в условиях, описанных в 1.1.6.

1.1. Местоимения, выступающие как подлежащее в глагольном предложении

1.1.1. Вспомогательные сведения: инвентарь видовременных и модальных значений, выражаемых в независимом предложении

В бен видовременные и модальные характеристики предложения маркируются одновременно в глаголе и в субъектном местоимении. В независимом предложении формально различаются конструкции со следующими видовременными и модальными значениями:

- Будущее время (локативное местоимение + базовая форма глагола):

(1) ŋ-ó drǎ
 1SG-LOC+ падать.BSQ
 Я упаду (*или* 'Я буду падать').

- Прошедшее время (претеритная местоименная форма + низкотоновая форма глагола):

(2) ɲ drâ
 1SG.PAS+ падать.L²
 Я упал (*или* Я падал).

- Прогрессивное настоящее (локативное местоимение + особая форма глагола):

(3) ŋ-ó drà-álor
 1SG-LOC+ падать-PROG
 Я падаю (в данный момент).

- Хабитуальное настоящее (хабитуальное местоимение + низкотоновая глагольная форма):

²Низкий тон глагола изменён после претеритного местоимения. Подробнее об этом тональном эффекте см. 3.3.2.

(4) ìj drà
1SG.НАВ+ падать.L
Я падаю (обычно).

- Перфект (особые перфектные местоименная серия и глагольная форма):

(5) íj drǎ-nǎ̄
1SG.PRFV+ падать-PRFV
Я упал (и результат этого актуален).

- Императив-оптатив (в положительной полярности — habitualное местоимение + базовая форма глагола, в отрицательной — претеритное + низкотоновая глагольная форма):

(6) ìj drà
1SG.НАВ+ падать
Пусть я упаду!

- Результатив (локативное местоимение + результативная форма глагола)

(7) ñ-ó drà-lê
1SG-LOC+ падать-Res
Я лежу, упав.

1.1.2. Есть также одна конструкция, употребляющаяся только в предложении со следующими свойствами:

- это зависимая предикация, выражающая временное или условное значение;
- она имеет временную референцию к будущему или генерическому настоящему.

Эту конструкцию мы условно называем кондиционалисом.

Структура этой конструкции такова: местоимение особой кондициональной серии + базовая форма глагола, напр.:

- (8) $m\hat{i}$ $m\bar{i}$ $w\bar{o}$ - $l\acute{e}j$ $s\acute{i}$ $n\acute{a}$ $m\grave{i}$
 2SG.COND 2SG рука-дита резать.BSQ когда 2SG.НАВ
 $w\grave{a}j$ $y\grave{e}$
 кровь видеть.L

Если ты порежешь себе палец, то увидишь кровь.

Соответствующая отрицательная конструкция совпадает с отрицательным хабитуальным настоящим.

1.1.3. Различаются субъектные местоимения, употребляющиеся в утвердительных и отрицательных предложениях, ср.:

- (9) $\grave{i}j$ $n\grave{u}$
 1SG.НАВ+ приходить.L

Я прихожу (обычно).

- (10) $m\grave{a}$ $n\grave{u}$ \acute{e}
 1SG.НАВ приходить.L NEG

Я не прихожу (обычно).

В дальнейшем мы будем называть субъектные местоимения, употребляющиеся в предложениях положительной и отрицательной полярности, утвердительными и отрицательными соответственно.

1.1.4. Употребление субъектных местоименных серий в глагольном предложении наглядно представлено в таблице:

Конструкция \ Полярность	положительная	отрицательная
	Перфект	утвердительная перфектная (Prfv+)
Прошедшее время	утвердительная претеритная (Pas+)	отрицательная претеритная (Pas-)
Императив-оптатив	утвердительная хабитуальная (Hab+)	
Хабитуальное настоящее		отрицательная хабитуальная (Hab-)
Кондиционалис	утвердительная кондициональная (Cond+)	= отрицательная кондициональная (Cond-)
Будущее время, прогрессивное настоящее, результатив	утвердительная локативная (Loc+)	отрицательная локативная (Loc-)

Местоименные серии последней группы мы называем локативными, т.к. эти же формы используются в локативных предложениях³, т.е. предложениях, состоящих из субъекта и наречной составляющей (послеложной группы или наречия):

- (11) mī-ó gbòyò lè wó
 2SG-LOC+ огород DEF внутри
 Ты в огороде.

- (12) ká-ā nǒ é
 2PL-LOC- здесь NEG

³Соображения типологического и структурного порядка позволяют сделать предположение о локативном происхождении этих конструкций. В пользу этого свидетельствует то обстоятельство, что глагольная форма в прогрессивном настоящем при тщательном произнесении типа *ḡó nū̀léló* 'я иду (сейчас)' (ср. более обычное *ḡó nū̀lóló*) может быть представлена как сочетание отглагольного имени (*nū̀lè* 'приход') с послелогом *ló* 'на, над'.

Вы не здесь.

- (13) $\bar{a}\eta\text{-}\acute{o}$ $wl\acute{a}$
 1PL-LOC+ дом

Мы дома.

- (14) $\grave{o}\text{-}\acute{o}$ $b\grave{a}t\acute{u}$
 3SG-LOC+ скоро

Это скоро.

Последний пример служит иллюстрацией того, что семантика локативных предложений не всегда собственно локативная.

В функции подлежащего утвердительных и отрицательных локативных предложений используются, естественно, местоимения утвердительной и отрицательной локативных серий (Loc+ и Loc- соответственно).

1.1.5. Местоимения — субъекты адъективных предложений

Прилагательные⁴ в бен могут выступать в качестве предикатов без глагола-связки (такие прилагательные можно называть *предикативными*). В утвердительных предложениях этого типа в функции подлежащего используются, в зависимости от прилагательного, локативные или хабитуальные местоимения (Loc+ или Hab+), а в отрицательных — локативные (Loc-):

- (15) $\grave{\eta}$ $g\bar{e}\bar{\eta}$
 1SG.HAB+ красивый

Я красивый.

⁴Согласно [Mugrhy 1995: xx], также и существительные. Однако наши информанты таких примеров не подтверждали, так что у нас нет надёжной информации о том, какие субъектные местоимения используются при бессвязочном предикативном существительном.

Однако такое суждение основано, по-видимому, на ложной интерпретации примеров типа (13).

- (16) $\eta\text{-}\bar{a}$ $g\bar{e}\bar{\eta}$ \acute{e}
 1SG.LOC- красивый NEG

Я не красивый.

1.1.6. Аллоформия субъектных местоимений 1Sg

У местоимений 1Sg, выполняющих функцию субъекта глагольного предложения, на сегментном уровне выделяется две основы: η и $m\tilde{a}$. Первая из них употребляется в утвердительных и локативных сериях (Pas+, Prfv+, Hab+, Loc+, Loc-), а вторая — в прочих случаях (Pas-, Prfv-, Hab-). Однако, кроме названных случаев, основа $m\tilde{a}$ употребляется и в формах Pas+, Prfv+, Hab+, Res+, если за субъектным местоимением следует другое личное местоимение (объектное или возвратное) 1Sg, 2Sg, 3Sg или 3Pl, ср.:

- (17) $m\acute{a}$ $\bar{\eta}\text{-}dr\grave{a}$ $y\grave{e}$
 1SG.PAS+ 1SG-REFL видеть.L

Я увидел себя.

- (18) $m\acute{a}$ $m\bar{i}$ $y\grave{e}$
 1SG.PAS+ 2SG видеть.L

Я увидел тебя.

- (19) $m\acute{a}$ \grave{a} $y\grave{e}$
 1SG.PAS+ 3SG видеть.L

Я увидел его.

- (20) $\acute{\eta}$ $\bar{a}\bar{\eta}$ $y\grave{e}$
 1SG.PAS+ 1PL видеть.L

Я увидел нас.

- (21) \acute{y} $k\bar{a}$ $y\grave{e}$
 1SG.PAS+ 2PL видеть.L
 Я увидел вас.

- (22) $m\acute{a}$ $\eta\grave{o}$ $y\grave{e}$
 1SG.PAS+ 3PL видеть.L
 Я увидел их.

Подчеркнём, что местоимение, требующее выбора основы $m\bar{a}$ — не обязательно прямое дополнение; оно может быть посессором при прямом дополнении:

- (23) $m\acute{a}$ η $wl\acute{a}$ $l\grave{e}$ $w\grave{a}$
 1SG.PAS+ 1SG дом DEF разрезать
 Я снёс свой дом.

В этого рода контекстах регулярная форма с основой η ($\eta\grave{d}r\grave{a} y\grave{e}$ и т.п.) также возможна, но формы с $m\bar{a}$ предпочтительны.

Такое распределение η и $m\bar{a}$ может рассматриваться как манифестация контрастивной или эргативной стратегии кодирования ядерных актантов в бен (при несомненном преобладании в этом языке аккузативной стратегии), ср. статью В. Ф. Выдрина о местоимениях в южных манде в данном сборнике.

1.1.7. Стяжение с местоимением 3Sg

Объектное местоимение 3Sg может сливаться с предшествующими субъектными местоимениями, напр.:

- (24) $m\grave{a}$ $r\bar{e}$ (\leftarrow $m\grave{a}$ \grave{a}
 1SG.НАВ+3 говорить.BSQ 1SG.НАВ+ 3SG
 $r\bar{e}$)
 говорить.BSQ
 Пусть я это скажу!

- (25) $m\acute{i}$ $p\bar{e}$ (\leftarrow $m\acute{i}$ \grave{a}
 2SG.НАВ+3 говорить.BSQ 2SG.НАВ+ 3SG
 $p\bar{e}$)
 говорить.BSQ

Пусть ты это скажешь!

- (26) $\eta\text{-}\acute{a}$ $p\bar{e}$ (\leftarrow $\eta\text{-}\acute{o}$ \grave{a}
 1SG-LOC+3 говорить.BSQ 1SG-LOC+ 3SG
 $p\bar{e}$)
 говорить.BSQ

Я скажу это.

Использование стяжённых форм не обязательно, нестяжённые варианты (данные в скобках) также приемлемы.

Мы рассматриваем стяжённые формы как отдельные серии (Pas+3, Pas-3, Hab+3, Loc+3 и т.д., где «3» означает 'стяженное с местоимением 3Sg').

1.2. Фокусные местоимения

Эти местоимения используются в так называемых предложениях идентификации (утвердительная форма: именная группа + показатель $\acute{\epsilon}$ ⁵; отрицательная форма: именная группа + показатель $m\acute{i}$):

- (27) η $d\bar{e}$ $\acute{\epsilon}$
 1SG отец это

Это мой отец.

- (28) $m\bar{\acute{a}}\eta$ $\grave{\epsilon}$
 1SG.FOC это

Это я.

⁵ $\acute{\epsilon}$, как и все прочие морфы с сегментной базой, состоящей из одного гласного ϵ , назализуется после назализованных гласных и η .

(29) $m\bar{i}\bar{a}$ $\dot{\bar{e}}$
 2SG.FOC это
 Это ты.

(30) $\grave{a}ny\bar{a}$ $\dot{\bar{e}}$
 3SG.FOC это
 Это он.

и проч.

В отрицательных предложениях этого типа используются те же местоимения, что и в утвердительных:

(31) \bar{n} $d\bar{e}$ $n\acute{i}$
 1SG отец это.NEG
 Это не мой отец.

(32) $m\bar{a}\bar{n}$ $n\acute{i}$
 1SG.FOC это.NEG
 Это не я.

(33) $m\bar{i}\bar{a}$ $n\acute{i}$
 2SG.FOC это.NEG
 Это не ты.

(34.) $\grave{a}ny\bar{a}$ $n\acute{i}$
 3SG.FOC это.NEG
 Это не он.

и проч.

Фокусные местоимения используются также в фокусной конструкции⁶:

⁶Фокализуемая составляющая выносится в начало предложения, за ней непосредственно следует частица $l\bar{e}$, затем предложение, где позиция фокализованной составляющей замещена местоимением, затем показатель \bar{e} или $n\hat{a}$.

- (35) mǎŋ̄ nyē̄ mǐ-ó̄ ŋ̄ yē-lè̄ nǎ̂
 1SG.FOC CNS 2SG-LOC+ 1SG видеть-RES CNS

Ты видишь именно меня.

- (36) ànyǎ̄ nyē̄ mǐ-ó̄ à̄ yē-lè̄ nǎ̂
 3SG.FOC CNS 2SG-LOC+ 3SG видеть-RES CNS

Ты видишь именно его.

- (37) ǎŋyǎ̄ŋ̄ nyē̄ mǐ-ó̄ ǎŋ̄ yē-lè̄ nǎ̂
 1PL.FOC CNS 2SG-LOC+ 1PL видеть-RES CNS

Ты видишь именно нас.

и проч.

Эти же формы могут употребляться при топикализации:

- (38) mǎŋ̄ ŋ̄ nǔ-nǎ̄
 1SG.FOC 1SG.PRFV приходить-PRFV

Я, я пришёл.

- (39) mǎ̄ mǐ́ nǔ-nǎ̄
 2SG.FOC 2SG.PRFV приходить-PRFV

Ты, ты пришёл.

- (40) ǎnyǎ̄ ó̄ nǔ-nǎ̄
 3SG.FOC 3SG.PRFV приходить-PRFV

Он, он пришёл.

1.3. Экзистенциальные местоимения

Речь идёт об экзистенциальных предложениях с показателем *wé* (*wā* в отрицательных предложениях) ‘существовать’, ‘иметь место’. Примеры:

(41) *wlù wé*
жара есть
Жарко.

(42) *wlù wā é*
жара есть.NEG NEG
Не жарко.

Этот тип предложений обслуживается особой местоименной серией, ср.:

(43) *mā̄j wé*
1SG.EX есть
Я существую.

(44) *mī wé*
2SG.EX есть
Ты существуешь.

(45) *ò wé*
3SG.EX есть
Он существует.

При отрицании употребляется та же форма местоимений:

(46) *mā̄j wā é*
1SG.EX есть.NEG NEG
Меня нет.

(47) $m\bar{i}$ $w\bar{a}$ \acute{e}
 2SG.EX есть.NEG NEG
 Тебя нет.

(48) \grave{o} $w\bar{a}$ \acute{e}
 3SG.EX есть.NEG NEG
 Его нет.

и т.д.

Кроме собственно экзистенциальных контекстов, местоимения экзистенциальной серии могут участвовать в сочинённой конструкции (наряду с объектными местоимениями):

(49) $m\bar{a}\bar{\eta}$ $n\grave{a}$ $m\bar{i}$ $l\bar{o}$ // $\bar{\eta}$ $n\grave{a}$ $m\bar{i}$ $l\bar{o}$
 1SG.EX и 2SG.EX с // 1SG и 2SG с
 Я и ты.

(50) \grave{o} $n\grave{a}$ $\bar{\eta}$ $l\bar{o}$ // \grave{a} $n\grave{a}$ $\bar{\eta}$ $l\bar{o}$
 3SG.EX и 3SG с // 3SG и 1SG с
 Он и я.

1.4. Объектные местоимения

Объектная серия (представлена в строке глоссы без особого указания на серию) имеет наиболее широкую дистрибуцию. Эти формы используются в позициях прямого дополнения, предложного дополнения и посессора⁷:

(51) \grave{a} $t\acute{u}\grave{a}$!
 3SG оставлять.BSQ
 Прости (это)!

⁷Против ожидания, посессивные конструкции с относительными и автосемантическими именами («отчуждаемая vs. неотчуждаемая принадлежность») в бен формально не различается, ср.: $\bar{\eta}$ $w\bar{o}$ \acute{e} 'это моя рука'; $\bar{\eta}$ $m\bar{l}\acute{e}$ \acute{e} 'это моя курица'.

(52) kà vī̇ à nī̇
 2PL.Нав+ любить.L 3SG для
 Вы его любите.

(53) kà vī̇ à dē nī̇
 2PL.Нав+ любить.L 3SG отец для
 Вы любите его отца.

1.5. Субстантивированные посессивы

1.5.1. Основания для выделения особой серии

Конструкцию, выражающую смысл ‘X — его’, ‘X — твой’ и т.д. можно разделить на следующие части: X (подлежащее) + связка (форма глагола *lē*) + притяжательное (объектное) местоимение + *rō* ‘вещь’, букв. ‘X — его вещь’, ‘X — твоя вещь’ и т.д.:

(54) ò-ó lē kā rō
 3SG-Лос+ Соп.ВсQ 2PL вещь
 Это будет вашим.

Есть, однако, одно обстоятельство, которое заставляет нас считать, что в этих случаях мы имеем дело с особой серией субстантивированных посессивов (а не просто с сочетанием объектных местоимений с существительным *rō* ‘вещь’). Дело в том, что местоимение 1Sg *ī* сливается с *rō* в мегаморфу *mō*. Местоимение 1Pl *āī* также может факультативно сливаться с *rō* в *āmō* (регулярное *āī rō* также возможно). Регулярного фонологического правила, объясняющего такие амальгамы, в бен нет.⁸

По происхождению *rō* в субстантивированных посессивах, несомненно, существительное. Свидетельством этому служит то, что посессивы могут сочетаться с артиклем:

⁸Ср. два предложения: *òó lē mō* ‘Это будет моим’ vs. *òó lē ī rō* ‘Это будет моей вещью’, образующие для носителей смысловой контраст.

(55) ó ĩ gbà m̄ (lè)
 3SG.PAS 1SG давать.L 1SG.POSS DEF

Он отдал мне моё.

1.5.2. Сфера употребления субстантивированных посессивов

Кроме описанного выше предикативного контекста, местоимения этой серии употребляются:

- в любом именном контексте со значением субстантивированного притяжательного местоимения:

(56) m̄ m̄ sɔ̀
 2SG.PAS 1SG.POSS брать.L

Ты взял моё.

- как контрастные притяжательные местоимения:

(57) ñ v̄ m̄-p̄ zúḡ ñ̄
 1SG.НАВ любить.L 2SG-POSS младший.брат DEF
 ñ̄
 для

Я люблю т в о е г о младшего брата (а не чьего-либо ещё).

- в конструкции с топикализацией (всегда с определённым артиклем):

(58) m̄ lè ń n̄-n̄
 1SG.POSS DEF 1SG.PRFV приходит-PRFV

Что до меня, то я пришёл.

В позиции топика субстантивированные посессивы конкурируют с фокусными местоимениями. Между топикальными конструкциями с местоимениями этих двух серий имеется очень тонкая смысловая разница (примерно как между русскими 'я, я пришёл' и 'что до меня, то я пришёл'), сущность которой мы не берёмся здесь точно сформулировать.

1.6. Возвратные местоимения

1.6.1. Структура форм и основания выделения серии

В бен в функции возвратных местоимений используются объектные, за которыми следует показатель $dr\grave{a}$. Фузии на стыке с этим показателем не происходит, но рассматривать $dr\grave{a}$ как суффикс препятствий нет. Более того, пока нет свидетельств, что $dr\grave{a}$ может выступать вне собственно рефлексивных местоимений, мы считаем суффиксальную трактовку предпочтительной (хотя рассматривать этот показатель как частицу тоже можно).

1.6.2. Употребление серии

Эти местоимения, кореферентные подлежащему, появляются в позициях прямого и послеложного дополнения:

(59) $m\bar{i}$ -ó $m\bar{i}$ -drà yē-lè
 2SG-LOC+ 2SG-REFL видеть-RES

Ты себя видишь.

(60) $m\grave{i}$ $v\grave{i}$ $m\bar{i}$ -drà $n\grave{i}$
 2SG.НАВ+ любить.L 2SG-REFL для

Ты себя любишь.

В позиции посессора возвратные местоимения, как правило, не употребляются, даже если посессор кореферентен подлежащему:

(61) $m\acute{a}$ \bar{i} wlá lè wà
 1SG.PAS+ 1SG дом DEF ломать.L

Я снёс свой дом.

Данное выше описание дистрибуции возвратных местоимений является лишь очень приблизительным. В действительности выбор анафорических средств в бен заслуживает особого изучения.

2. Частный вопрос синтаксиса местоимений: наличие vs. отсутствие личного местоимения

Правила, определяющие, где может, а где не может находиться местоимение, свои в каждом языке. В этом отношении, например, венгерский язык, где личные местоимения-подлежащие редки (а их появление мотивируется какими-либо особыми обстоятельствами семантической, синтаксической, дискурсивной или иной природы), является противоположностью английскому, где в нормальном случае нельзя опустить именную группу, не заменив её местоимением (и где, напротив, отсутствие местоимения должно оправдываться особыми семантическими, дискурсивными и т.п. обстоятельствами).

Бен отличается от венгерского языка ещё больше, чем английский. В нём личные местоимения употребляются там, где в европейских языках они немислимы. А именно, местоимение может употребляться вместе с нормальной именной группой, как бы дублируя её (буквальный перевод предложений с дублирующими местоимениями: «Давид-он — язычник»; «я лошадей-их вижу», «Кола-она⁹ идёт к своему дяде-ему»).

Ниже мы рассмотрим возможность или невозможность употребления личных местоимений в зависимости от синтаксической позиции.

В этом разделе мы не рассматриваем субстантивированные поссесивы, чья дистрибуция такая же, как у обычных именных групп.

2.1. Подавляющее большинство синтаксических позиций (подлежащее глагольного, локативного или адъективного предложения, прямое дополнение, послеложное дополнение), обязательны для заполнения. Местоимение 3Sg можно опустить в этих позициях, только если оно дублирует обычную именную группу (но и в этом случае местоимение может присутствовать), как в следующем примере:

⁹Кола — женское имя.

- (62) [à léj_{NP}] (ó) gā-nā̄
 3SG enfant (3SG.PRFV) умирать-PRFV

Его ребенок умер.

Исключением является императив, где местоимение 2Sg *mj̄* в неотрицательной конструкции, как правило, отсутствует (а в отрицательной присутствует обязательно).

Однако имеются примеры, которые, как будто, свидетельствуют, что претеритное местоимение 3Sg, исчезая на сегментном уровне, оставляет всё же след в виде тонального изменения:

- (63) | à léj ó^H gā |¹⁰ → | à léj ó gā | →
 3SG дитя 3SG.PAS+ умирать.TB
 à léj gā

Его ребёнок умер.

В других случаях в указанных позициях местоимение может отсутствовать без малейшего следа (разумеется, при наличии обычной именной группы). Поэтому мы предлагаем считать, что и в случае прошедшего времени местоимения как такового в подлежащей позиции нет, а ^H — предикативный маркер прошедшего времени, так же как *ó* — предикативный маркер прогрессивного настоящего в примере:

- (64) à léj ó gā-àló
 3SG дитя LOC+ умирать-PRG

Его ребёнок умирает.

Отметим, впрочем, что отсутствие дублирующего именной группу субъектного местоимения нелокативной серии в глагольном предложении является скорее редкостью, а при переходном глаголе и вовсе возможно только в некоторых идиоматических сочетаниях.

¹⁰О тональном эффекте ^H см. 3.3.2.

2.2. Заметим, что возможность опущения в перечисленных позициях касается только местоимения 3Sg. Дублирующее именную группу местоимение множественного числа опущено быть не может, ср. примеры:

(65) ɲ-ó mlà lè (à) yē-lè
 1SG-LOC+ барабан DEF (3SG) видеть-RES

Я вижу барабан.

(66.a) ɲ-ó mlà nùŋ ɲò yē-lè
 1SG-LOC+ барабан PL 3PL видеть-RES

Я вижу барабаны.

(b) *ɲ-ó mlà nùŋ yē-lè
 1SG-LOC+ барабан PL видеть-RES

Я вижу барабаны.

Замечание

Именная группа, сопровождаемая местоимением множественного числа, не обязательно должна содержать показатель множественного числа *nùŋ*, ср. пример:

(67) bíè ɲò nà síyà ɲò lō ɲó nù
 слон 3PL и газель 3PL с 3PL.PAS приходить.L

Пришли слоны и газели,

где три местоимения 3P1 дублируют именную группу «слоны», именную группу «газели» и сочинённую

именную группу «слоны и газели»; при этом показателя множественного числа в предложении нет ни одного.

Какое-либо смысловое различие между именной группой с $\overset{\cdot}{\text{л}}\overset{\cdot}{\text{й}}\overset{\cdot}{\text{г}}$ и именной группой только с местоимением множественного числа нам не удалось обнаружить.

2.3. Позиция посессора в именной группе отличается от рассматривавшихся ранее лишь необязательностью заполнения. Всё прочее, что сказано о позициях глагольного подлежащего, прямого дополнения и т.д., включая связь дублирования именной группы местоимением с числом, относится и к этой позиции.

2.4. В контекстах употребления фокусных местоимений (см. 1.2) именные группы в норме не дублируются местоимениями, но опустить недублирующее местоимение невозможно (эти позиции требуют обязательного заполнения):

(68.a) $\overset{\cdot}{\text{л}}\overset{\cdot}{\text{у}}\overset{\cdot}{\text{а}}$ $\overset{\cdot}{\text{э}}$
 3SG.FOC это

Это он.

(b) Pélé $\overset{\cdot}{\text{э}}$
 Пеле это

Это Пеле.

(c) * $\overset{\cdot}{\text{э}}$
 это

Это он.

2.5. Особо подчеркнём, что в позиции косвенного дополнения без послелого (речь идёт в первую очередь о с глаголом *gbā* ‘давать’) невозможны ни самостоятельные, ни дублирующие именную группу личные местоимения. Эта позиция или заполняется обычной именной группой (69), или остаётся пустой (70). Если всё же необходимо назвать объект, употребив личное местоимение, используется описательная конструкция (71):

(69) ó ĩ̄ gbà mlà do
 3SG.PAS 1SG давать.L барабан один

Он дал мне барабан.

(70) ó ĩ̄ gbà
 3SG.PAS 1SG давать.L

Он мне его (*или*: их, её. . .) дал.

(71) ó k̄ā sɾà ó ĩ̄ dā gbà
 3SG.PAS 2PL брать.L 3SG.PAS 1SG мать давать.L

Он дал вас моей матери (*буквально*: он взял вас, он дал моей матери).

2.6. Сведения о возможности употребления местоимений сведены в таблицу:

Синтаксическая позиция	Местоимение, замещающее именную группу	Местоимение, дублирующее именную группу	
		в ед. ч.	в мн. ч.
посессивное определение	ВОЗМОЖНО	ВОЗМОЖНО	обязательно
прямое дополнение, косвенное дополнение с предлогом, член сочинённой группы, подлежащее (кроме предложений идентификации)	обязательно ¹¹	ВОЗМОЖНО	обязательно
контекст для фокусного местоимения	обязательно	<i>невозможно</i>	<i>невозможно</i>
косвенное дополнение без послеолога	<i>невозможно</i>	<i>невозможно</i>	<i>невозможно</i>

3. Некоторые морфологические обобщения

3.1. Лицо и число: сегментная основа

Для 1Sg сегментная основа несубъектных¹² и локативных серий — *ŋ*:

(72) *ŋ* *wlá*
 1SG дом
 мой дом

(73) *ŋ-ó* *wlá*
 1SG-LOC+ дом
 Я дома.

¹¹Исключения см. 2.1.

¹²Несубъектными здесь и далее называются объектная, рефлексивная и субстантивированная посессивная серии. Все прочие серии мы будем называть субъектными.

- (74) $\eta\text{-}\bar{a}$ $w\bar{l}á$ \acute{e}
 1SG-LOC- дом NEG

Я не дома.

В прочих субъектных сериях основа η появляется в нестяжённых утвердительных формах, кроме положения перед другим местоимением (см. 1.1.6.):

- (75) $\acute{\eta}$ $p\bar{o}$ $bl\grave{e}$
 1SG.PAS+ вещь есть.L

Я поел.

и $m\bar{a}$ в других случаях (т.о. $m\bar{a}$ является дефолтной основой):

- (76) $m\grave{a}$ $p\bar{o}$ $bl\grave{e}$ \acute{e}
 1SG.PAS- вещь есть.L NEG

Я не поел.

- (77) $m\grave{a}$ $\eta\acute{o}$ $bl\grave{e}$
 1SG.PAS+ 3PL есть.L

Я съел их.

- (78) $m\bar{a}$ $bl\grave{e}$
 1SG.PAS+3 есть.L

Я его съел.

Особая ситуация имеет место в фокусной и экзистенциальной серии, где форма 1Sg $m\bar{a}\eta$ может синхронно¹³ анализироваться как содержащая одновременно две основы — $m\bar{a}$ и η :

¹³Пока историческая грамматика бен не изучена в достаточной мере, надёжной этимологии для $m\bar{a}\eta$ предложить нельзя.

(79) $m\bar{a}\bar{\eta}$ $\dot{\epsilon}$
 1SG.FOC это

Это я.

(80) $m\bar{a}\bar{\eta}$ $w\bar{e}$
 1SG.EX есть

Я существую.

Основа местоимения 2Sg — $m\tilde{i}$.

3Sg: дефолтная основа a ; в отрицательных субъектных формах — wa ; o или e в нестяжённых субъектных утвердительных формах, и только o в нестяжённой утвердительной локативной форме.

1Pl: $\tilde{a}\eta$. Эта основа содержит два элемента, которые могут быть носителями тона — \tilde{a} и η , но они составляют одну фонологическую стопу и несут только одну тонему.

2Pl: ka .

3Pl: ηo в несубъектных сериях, ηa в субъектных сериях по умолчанию, но ηo в нестяжённых субъектных утвердительных формах.

3.2. Тон основы

По умолчанию тон основы у местоимений-локуторов средний, у местоимений третьего лица низкий.

В локативных сериях (перед формативами o и a), показатель 1Sg η неслоговой и тона не несёт. Так, формы ηo (1SgLoc+) и ηo (3PlPas+), $\eta \tilde{a}$ (1SgLoc-3) и $\eta \tilde{a}$ (3Pl.Past+3) омонимичны.

В хабитуальных формах тон низкий.

В утвердительных кондициональных формах тон падающий (высоко-низкий). В перфектных и претеритных формах, тон нестяжённых утвердительных форм высокий, тон отрицательных форм — восходящий (низко-высокий), тон стяжённых утвердительных форм — средне-низкий.

3.3. Показатели серий

Показатель посессивной субстантивированной серии — $p\bar{ɔ}$; возвратной серии — $dr\hat{a}$; фокусной серии для местоимений множественного числа $ny\hat{a}$ // $y\hat{a}$ (свободно распределённые варианты), во 2Sg — \bar{a} , в 3Sg — $ny\bar{a}$ // $ny\bar{e}$.

К претеритным местоимениям, кроме стяжённой утвердительной серии, добавляется плавающий высокий тон (обозначается H). Он проявляется, если следом идёт стопа с низким тоном, который в этом случае замещается высоким (по умолчанию) или высоко-низким (перед паузой или глагольным суффиксом):

$$(81) \begin{array}{l} |\acute{o}^H \quad \quad \quad n\grave{u}| \quad \quad \quad \rightarrow \quad \acute{o} \quad n\hat{u} \\ \text{3SG.PAS+} \quad \text{приходить.L} \end{array}$$

Он пришёл.

$$(82) \begin{array}{l} |\acute{o}^H \quad \quad \quad n\grave{u} \quad \quad \quad n\bar{ɔ}| \quad \rightarrow \quad \acute{o} \quad n\acute{u} \quad n\bar{ɔ} \\ \text{3SG.PAS+} \quad \text{приходить.L} \quad \text{здесь} \end{array}$$

Он пришёл сюда.

$$(83) \begin{array}{l} |\acute{o}^H \quad \quad \quad m\grave{l}\grave{a} \quad \quad \quad w\grave{a}| \quad \rightarrow \quad \acute{o} \quad m\acute{l}\acute{a} \quad w\grave{a} \\ \text{3SG.PAS+} \quad \text{барабан} \quad \text{ломать.L} \end{array}$$

Он сломал барабан.

$$(84) \begin{array}{l} |\acute{o}^H \quad \quad \quad m\hat{e}l\acute{a}| \quad \rightarrow \quad \acute{o} \quad m\hat{e}l\acute{a} \\ \text{3SG.PAS+} \quad \text{падать.L} \end{array}$$

Он упал.

Претеритные и перфектные местоимения различаются только этим плавающим тоном. Ср. примеры с перфектом:

(85) ó mlǎ wǎ-nǎ
 3SG.PRFV+ барабан ломать-Prfv

Он сломал барабан.

Строго говоря, указанное выше правило изменения низкого тона после претеритных местоимений можно задать, обращаясь непосредственно к видовременному значению предложения; в этом случае нет необходимости различать претеритные и перфектные серии местоимений.

В остальных позициях (не перед низким тоном) *H* никак не проявляется.

В местоимении 1P1 стяжённых утвердительных претеритных и перфектных форм добавляется *-a*, составляющее одну фонологическую стопу с местоименной основой.

Форматив утвердительных локативных форм — *-ó*. После местоимений, основа которых заканчивается на гласный, *o* может опускаться, при этом высокий тон показателя добавляется к тональной схеме местоимения; тон местоимения тем самым становится скользящим (напр., местоимение 2SgLoc+ имеет вид *mǐó* или *mǐ*).

Показатель нестяжённых отрицательных форм — *ǎ*; в тщательном произношении также *wǎ*¹⁴ в формах: *mǐwǎ*, *ǎǐwǎ*, *kǎwǎ*, *ǐdǎwǎ* (NB: *ǐdǎwǎ*, вм. ожидаемого **ǐǎwǎ*).

В стяжённых локативных формах показатель *a*. В формах утвердительной полярности он несёт верхне-низкий, в формах отрицательной полярности — средне-низкий тон (*á* и *ǎ* соответственно)

3.4. Регулярные совпадения серий

Имеют место следующие совпадения:

- Стяжённые и нестяжённые отрицательные серии совпадают (исключение составляют лишь локативные серии);

¹⁴Этимологически это, по всей видимости, тот же самый показатель *wǎ*, что и в отрицательных экзистенциальных предложениях, см. 1.3.

- отрицательные кондициональные формы (если они вообще выделяются,¹⁵ что в принципе не обязательно) совпадают с хабитуальными.

3.5. Нерегулярные формы

Среди субстантивированных посессивов мы находим $m\bar{a}$ в 1Sg, $\bar{a}m\bar{a}$ (факультативно) в 1Pl.

В отрицательной перфектной и претеритной форме местоимения 1Pl перед местоимением 1Sg \bar{a} мы находим $\bar{a}j\bar{a}$ // $\bar{a}jw\bar{a}$ вместо регулярных $\bar{a}j$ (перфектное) и $\bar{a}j^H$ (претеритное):¹⁶

(86) $\bar{a}j\bar{a}$ \bar{a} $p\bar{e}$ \acute{e}
 1Pl.Pas- 3Sg говорить.L Neg

Мы этого не сказали.

Прочие местоимения в этом контексте выступают в регулярной форме:

(87) $k\bar{a}$ \bar{a} $p\bar{e}$ \acute{e}
 2Pl.Pas- 3Sg говорить.L Neg

Вы этого не сказали.

¹⁵Здесь мы имеем дело с обычной при морфологическом описании проблеме: следует ли упрощать синтаксическое описание и делать систему морфологических форм симметричной, добавляя в парадигму новые, морфологически несамостоятельные формы, или же, напротив, следует минимизировать парадигму, усложнив синтаксическое описание? В нашем случае, если следовать первому подходу, местоимения различают больше видовременных форм (претеритные, оптативные, хабитуальные и кондициональные, с дополнительным разграничением по полярности); при этом формы Pas- регулярно совпадают с формами Opt-, формы Hab- совпадают с формами Cond-, а формы Opt+ с формами Hab+. Согласно второму подходу, различаются лишь пять серий (Cond+, Hab+, Pas+, Pas-, Hab-) вместо восьми, но правила выбора той или иной серии (или, наоборот, правила семантической интерпретации), становятся более сложными.

¹⁶В принципе возможно использование регулярной формы отрицательного перфектного местоимения $\bar{a}j$ в этой позиции: $\bar{a}j \bar{a} p\bar{e} \acute{e}$ 'мы этого не говорили' (но чаще $\bar{a}j\bar{a} \bar{a} p\bar{e} \acute{e}$).

(88) ɲǎ à pè é
3PL.PAS- 3SG говорить.L Neg

Они этого не сказали.

(89) mǐ à pè é
2SG.PAS- 3SG говорить.L Neg

Ты этого не сказал, и т.д.

Литература

- Выдрин 2004 — В. Ф. Выдрин. Личные местоимения в южных языках манде. (Наст. сборник).
- Murphy 1995 — M. Lynne Murphy. *The Structure of Beng* // Alma Gottlieb, M. Lynne Murphy. *Beng — English Dictionary*. Bloomington, 1995, xii–xxiii.
- Paesler 1991 — Wolfgang Paesler. *Principes de l'orthographe beng*. Ms: SIL, RCI, 1991.

Список сокращений

AUGM — аугмент	FOC — показатель фокализации
ART — артикль	ции
ASS — ассоциативное местоимение	FUT — показатель будущего времени
AUT — автономные местоимения	GER — отглагольное имя
BSQ — базовая форма глагола	НАВ — хабитуалис
CNJ — союз	IMP — императив
CNS — частица-маркер грамматической конструкции	IMPRFV — имперфектив
COND — кондиционалис	INF — инфинитив
COP — связка	INCL — инклюзивное местоимение
DEF — определённый артикль	INT — вопросительная частица
DT — временной сдвиг	IRR — ирреалис
EXCL — эксклюзивное (местоимение)	L — низкотоновая форма глагола; низкий тон
EX — экзистенциалис	LOC — локатив
F — падающий тон	LOG — логофорическое местоимение
	M — средний тон
	MSD — масдар

NEG — отрицание; отрицательная форма	PP — послелог
NMLZ — номинализатор, словоизменяющий форматив, образующий именную форму глагола	PROG — прогрессив
NP — именная группа	REDUPL — редуцированная форма
OD — прямой объект	REFL — рефлексивное местоимение
OPT — оптатив, оптативное местоимение	SEQ — местоимение последовательного действия
PART — причастие	SG — показатель единственного числа; форма единственного числа
PAST — прошедшее время	S — субъект
PRAES — настоящее время, презентное местоимение	SPN — супин
PERF — перфектив	TOP — показатель топика
PL — показатель множественного числа; форма множественного числа	V — глагол
POSS — показатель посессивной связи для автосемантических имён	конст — константная парадигма
	моб — мобильная парадигма
	ПЮМ — пра-южный манде

Mandeica petropolitana

<i>В. Ф. Выдрин.</i> К реконструкции фонологического типа и именной морфологии пра-манде	9
<i>А. В. Эрман.</i> Формант <i>-gā</i> в языке дан-блво	253
<i>Е. В. Перехвальская.</i> Глагольная морфонология языка муан	296
<i>Д. И. Идиатов.</i> Глагольная деривация с терминативным значением от глаголов изменения положения в простран- стве в языке дан (семья манде, Кот-д'Ивуар) как случай лексикализации.	323
<i>В. Ф. Выдрин.</i> Личные местоимения в южных языках манде	333
<i>Д. А. Паперно.</i> Личные местоимения языка бен	420
<i>Список сокращений.</i>	450